ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ
ЮЛИЯ РИА
Академия Полуночи

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

С самого детства я скрываю тайну. Если ее раскроют — меня убьют. Единственный шанс выжить — спрятаться за стенами Академии Полуночи, пройти обучение и сбежать после выпуска. Но исполнить задуманное не так-то просто. Особенно, если в запутанный клубок надежд и страхов вплетается любовь.

- Юлия Риа
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16
  - ГЛАВА 17
  - ГЛАВА 18
  - ГЛАВА 19
  - ГЛАВА 20
  - ГЛАВА 21
  - ГЛАВА 22
  - ГЛАВА 23
  - ГЛАВА 24
  - ГЛАВА 25
  - ГЛАВА 26
  - ГЛАВА 27
  - ГЛАВА 28
  - ГЛАВА 29
  - ГЛАВА 30
  - ГЛАВА 31
  - ГЛАВА 32
  - ГЛАВА 33
  - ГЛАВА 34

- ГЛАВА 35
- ГЛАВА 36
- ГЛАВА 37
- ГЛАВА 38
- ГЛАВА 39
- ГЛАВА 40
- ГЛАВА 41
- ГЛАВА 42
- ГЛАВА 43
- ГЛАВА 44
- ГЛАВА 45
- ГЛАВА 46
- ГЛАВА 47
- ГЛАВА 48
- ГЛАВА 49
- ГЛАВА 50
- ГЛАВА 51
- ЭПИЛОГ

Юлия Риа
АКАДЕМИЯ ПОЛУНОЧИ

ГЛАВА 1

Что важнее — честь рода или собственная жизнь? Ответ на этот вопрос я ищу последние одиннадцать лет. Пока безуспешно. Вот и сейчас, сидя на кровати и окидывая хмурым взглядом собранные сундуки, я пытаюсь решиться. Сказать? Не сказать?

— Недоделок, ты готова?

В комнату заглянула Мойра. Как всегда, с идеально уложенными черными волосами, в длинном платье с кружевным воротом и высокими манжетами. Все черное, разумеется. Только белая кожа да зеленые глаза выделяются яркими пятнами на темном фоне.

Старшая сестра взяла все лучшее от рода Мак-Мора и, без сомнения, знает об этом. Самоуверенность и надменность сквозят в каждой черточке ее внешности: в остром изломе бровей, в холодном прищуре глаз, в насмешливом изгибе полных губ.

Мне едва исполнилось шесть, когда я поняла, что никогда не буду такой, как Мойра. Помню, как стояла у зеркала, тоскливо разглядывая свою густую, но слишком светлую для рода Мак-Мора косу и голубые глаза. Уже тогда я чувствовала, что отличаюсь. Не только внешностью — сутью.

— Эй, я с кем разговариваю? — недовольно окликнула Мойра.

— Да, готова.

Я встала с кровати и поправила темно-синее платье. Сестра скользнула по нему взглядом и не сдержала презрительной усмешки. Еще бы! Мне, в отличие от нее, черные цвета носить не дозволялось. Не заслужила. Недостойна.

Я вздохнула и отвернулась к окну, притворившись, будто не заметила ее надменности. По ту сторону слюдяного стекла кружились широкие, почти круглые листья, сорванные ветром. С дерева на дерево перелетали вороны. Ветка старого тополя привычно царапала потемневшую от времени раму.

— Надеюсь, не надо напоминать, что в Академии Полуночи мы не должны общаться? Ты поедешь под именем рода кузины матушкиной тетки. — Мойра зачем-то вновь затронула давно оговоренный вопрос.

Хотя не «зачем», а «ради чего» — лишний раз напомнить, какой я недоделок, раз даже матери стыдно отправлять меня в академию под именем истинного рода.

— Не надо, — ответила я, не переставая разглядывать ветку тополя.

Интересно, вон та трещина всегда была? Или только недавно

появилась? Не помню.

— Тебе что, все равно? — не выдержала Мойра. — Эй, ты вообще меня слушаешь?

— Разумеется. Я ведь отвечаю.

Вздохнув, я обернулась и встретила прищуренный взгляд сестры. Заметив спокойное, почти отрешенное выражение моего лица, она еще сильнее прищурилась и недовольно дернула носом.

— Недоделок! — презрительно выплюнула она. — Матери следовало отказаться от тебя сразу после проявления. Молчишь? Что ж, надеюсь, в академии ты будешь такой же молчаливой! Там даже смотреть в мою сторону не смей. Род Дельвар не ровня Мак-Морам, помни об этом.

Я безразлично пожала плечами — знала, мое спокойствие бесит Мойру больше всего. Вот и сейчас она раздраженно фыркнула, развернулась на каблуках и вышла.

Оставшись одна, я снова оглядела комнату, прощаясь с родной обстановкой, бросила короткий взгляд в окно. Подхватила дорожный саквояж, развернулась к выходу и едва не столкнулась нос к носу с влетевшей в комнату служанкой.

— Ой, — она поспешно склонила голову в положенном приветствии. — Прошу прощения. Ваша матушка просила не задерживаться. Экипаж уже подъехал.

Я кивнула и, обогнув застывшую каменным изваянием Ригге, вышла в общий коридор. Сохраняя отрешенное спокойствие, спустилась по главной лестнице на первый этаж и свернула в гостиную. Знала, мне, в отличие от Мойры, не стоило ждать теплого прощания у родительской двери.

Лангария Мак-Мора величественно сидела по центру полуночно-синей софы. Спину при этом держала так прямо, точно головой подпирала небосвод и любое неосторожное движение могло обрушить его на головы подданных Лунной империи. Густые волосы цвета воронова крыла были собраны в элегантный пучок и украшены сапфировым гребнем. Декольте приталенного платья покрывало тончайшее, словно паутинка, черное кружево. Длинная юбка собиралась на коленях идеальными складками и тяжелым шелком спадала почти до самого пола, открывая лишь мыски лаковых туфель. Белоснежные, едва тронутые солнцем кисти рук покоились на чешуе домашнего питона, поблескивающей в свете масляных ламп. И оливкового цвета, в тон змее, искры отражались в глубине зеленых глаз восседающей на софе женщины.

На секунду я залюбовалась. Как тайно любовалась ею всегда, искренне считая, что Лангария Мак-Мора, моя мать, — самая красивая из Старших ведьм.

— Ты заставляешь себя ждать, — даже ее голос, мелодичный, тягучий, казался мне самым прекрасным из когда-либо услышанных.

— Прошу прощения, матушка.

— Лангария, — сухо поправила она.

Я мысленно застонала, ругая себя за то, что, залюбовавшись матерью, осмелилась нарушить семейное правило. Обращаться к Лангарии «матушка» дозволено только Мойре.

— Прошу прощения, — послушно повторила я.

— Не думаю, что твое появление здесь на зимних праздниках будет уместно, — так же сухо продолжила она. — Однако, если захочешь, я отправлю распоряжение Дельварам, и тебя примут там.

— Благодарю за заботу, но, полагаю, я вполне могу провести каникулы в академии.

— Верно, — легко согласилась Лангария. — Да и библиотека будет пустовать — идеальная возможность позаниматься самостоятельно. Даже такой слабый дар, как твой, следует развивать.

Я кивнула, всем видом выражая покорность и смирение. Мне не нужно видеть себя со стороны, чтобы убедиться в этом. За последние одиннадцать лет покорность и смирение стали моими основными эмоциями.

— Разрешите идти? — уточнила я и получила в ответ величественный, преисполненный достоинства кивок.

Сдержанно поклонившись, как того требуют правила для младшей дочери рода, я развернулась с намерением покинуть гостиную. Но меня остановил голос матери:

— Илэйн?

Обернувшись, я встретила внимательный взгляд зеленых глаз. Слишком внимательный.

— Да, Лангария.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

Вместе с последним звуком, мягким и певучим, в голове всколыхнулся рой сомнений. Старый, знакомый. *Одиннадцатилетний.* Что важнее — честь рода или собственная жизнь?

Проявление — главный момент в жизни каждой ведьмы. По крайней мере, именно так говорила няня Агрена, чей облик уже давно стерся из памяти. Агрена ушла сразу же, как я достигла проявления — момента пробуждения силы. Собственно, няни только до него и оставались. Мне тогда едва исполнилось шесть, и это было самым ранним проявлением в нашем роду. Мойре шел девятый год, и уже целый год она жила без няни.

Проявление Мойры было мощным. Настолько, что даже солнце на несколько минут затянула ночная мгла. Мое же вышло до того слабым, что, если бы не Агрена, оказавшаяся рядом, его бы никто и не заметил.

Для Лангарии Мак-Моры — одной из Старших ведьм Совета Ночи — слабое проявление дочери, пусть и младшей, оказалось невыносимым разочарованием. Думаю, именно в тот день ее любовь, раньше делившаяся между нами с Мойрой поровну, полностью сосредоточилась на старшей дочери. И чем больших высот достигала Мойра, тем большей неудачницей в глазах матери выглядела я.

Поначалу, помню, я всеми силами пыталась вернуть мамину любовь. Рвалась стать такой же, как Мойра, повторяла за ней все, вплоть до привычек в еде и манеры держаться… Но чем больше я старалась, тем меньше у меня получалось. А потом один день изменил все.

Не выдержав очередных насмешек Мойры, я убежала в раскинутый за поместьем сад. Злилась, рвала сизые маки, совсем недавно высаженные по приказу матушки, и размазывала горькие слезы по щекам. В какой-то момент, почувствовав, что сил плакать не осталось, я опустилась на траву и — как сейчас помню — растерянно уставилась на зажатый в руке мак. Помятый, потерявший часть лепестков, он вдруг начал выпрямляться и заново отращивать сорванные листья.

Я испуганно отшвырнула его, отодвинулась, как от проклятого артефакта, и несколько минут гипнотизировала цветок напряженным взглядом. Затем осторожно взяла другой, сжала его в руке… и тут же отбросила, с ужасом наблюдая, как надломленный стебелек восстановил целостность, зашевелился, точно мамин питон, и врос в землю.

Моя сила созидала — ошибиться было невозможно. Однако род Мак-Моров, как и все дома Лунной империи, принадлежал к темным ведьмам. И созидание не было их природой… в отличие от светлых чародеев.

Но разве такое возможно? Разве может у темных родиться светлая? И какая судьба ждет ее в Лунной империи?

Слишком серьезные вопросы для шестилетней неумехи, какой я была тогда. Побоявшись еще больше разочаровать матушку, я умолчала о сделанном открытии и отправилась за ответами в домашнюю библиотеку. Бесчисленные трактаты по заклинаниям, ритуалам, способам призыва, проклятиям; записи нескольких поколений ведьм и колдунов рода Мак-Мора… Информацию приходилось собирать по крупицам, выуживая меж строк.

Моим поискам не препятствовали. Еще бы! Никто ведь и не подозревал об их природе. Всем казалось, Недоделок пытается развить те крохи силы, что отмерила ей Полуночная Матерь — покровительница всех темных.

Наконец, спустя полгода, я узнала все, что могла. И тогда-то задала себе самый важный вопрос, который продолжаю задавать последние одиннадцать лет. Что важнее — честь рода или собственная жизнь?

Если о природе моей силы узнают — меня убьют. Если я попытаюсь сбежать, чтобы спастись, на род Мак-Мора падет сначала подозрение, а потом и несмываемый позор — ведь рано или поздно ищейки прознают о причинах моего побега. Мой единственный шанс выжить — пройти обучение в Академии Полуночи. От момента выпуска и до момента проведения обряда принятия все молодые ведьмы считаются безродными. Только так я могу спастись, не уничтожив честь рода Мак-Мора.

Но есть еще кое-что, преследующее меня в ночных кошмарах. Если правда о моей силе всплывет, пока я буду обучаться в Академии Полуночи, меня ждет обряд изгнания сути. Он уничтожит не только мое тело, но и бессмертную часть моей силы. Лишит возможности переродиться. Вырвет меня из полотна жизни и времени — а это участь пострашнее смерти.

— Нет, Лангария, мне нечего вам сказать, — отозвалась я с почтением, проглотив поселившуюся на языке горечь. — Разрешите идти? Ригге сказала, экипаж ждет.

— Иди, Илэйн. Надеюсь, после обряда принятия ты вернешься в род Мак-Мора полноправной ведьмой. Стань достойной, не опозорь наше великое имя!

Я поклонилась, принимая наставление, а когда выпрямилась, задержала на матушке взгляд чуть дольше, чем дозволяли правила. Увижу ли я ее снова? Или это наш последний разговор?

— Берегите себя, — прошептала я одними губами и покинула гостиную, чтобы затем покинуть родительский дом.

Не оборачиваясь, не позволяя себе остановиться даже на секунду, я забралась в экипаж и задернула темно-бордовую шторку. Лишь когда повозка с мягким рывком тронулась, шурша колесами по мелкому гравию подъездной дорожки, я не сдержалась и бросила прощальный взгляд на родовое поместье. Массивное, сложенное из темно-серого камня, со стрельчатыми окнами, аркбутанами и горгульями, которые, если верить семейным легендам, оберегают наш род… Я знаю каждый угол, каждый потайной коридор и закуток в этом доме. Я люблю его. И я буду скучать.

Экипаж увозил меня все дальше, мерно покачиваясь по

дороге. Сквозь приоткрытое окно ветер доносил громкие команды кучера, правившего лошадьми, и пряный, чуть кисловатый аромат преющей осенней листвы. Прикрыв глаза, я откинулась на обитую бархатом спинку сиденья и под мерный перестук копыт задремала.

ГЛАВА 2

Вокруг было слишком шумно. Появившиеся будто из ниоткуда слуги споро разгружали экипаж и переносили сундуки в выделенную мне комнату. Сундуки… всего два, а звучит так, будто у меня, как у Мойры в свое время, их не меньше дюжины.

Не желая оставаться в центре бурлящего хаоса, я отошла левее и, вздохнув, посмотрела вверх. На шпиле главной башни академии в окружении россыпи мелких звезд сиял полумесяц. Огромный, точно улыбка Полуночной Матери, и такой же прекрасный. Символ моего уничтожения, если мне не удастся сохранить секрет.

— Илэйн Дельвар? — сбоку возник тощий парень с большими круглыми очками на кривоватом носу.

— Верно, — певуче, стараясь подражать тону матушки, отозвалась я. — Какая комната мне выделена?

— Двести сорок шестая, на восьмом этаже.

На восьмом?! Насколько же низок род Дельвар, раз его членов селят в башни?

Поблагодарив помощника за информацию, я нырнула под стрельчатые своды академии. Игнорируя людской поток, его шум и мельтешение послушников-лернатов, добралась до лестницы и уверенно преодолела два этажа. Потом дыхание сбилось.

Я хмуро глянула сквозь винтовые пролеты вверх. Ажурные, точно из кружева, а не металла, перила уходили по спирали, становясь все меньше, пока не исчезали, превращаясь в точку. Недовольно поджав губы, я продолжила вскарабкиваться наверх.

Третий этаж. Пятый. Седьмой. Восьмой.

К концу подъема сердце билось в груди перепуганной птицей, быстро и нервно, дыхание стало частым. Пальцы на перилах сжались так, будто их свела судорога. Заставив себя расслабить ладонь, я шагнула к темному прямоугольнику двери с латунными цифрами «246». Несмело повернула ручку и переступила порог.

Помещение было маленьким, если не сказать крошечным. Вытянутое стрельчатое окно на противоположной от входа стене, стол со стулом, узкая кровать с резными столбиками. Напротив — книжная полка, пока пустая, комод, кувшин с тазом для умывания и зеркало над ними. Слева от двери замерли два моих сундука.

Увидев их, я вскинула брови. Интересно, как слуги умудрились забраться на такую высоту вперед меня, да еще с тяжелым грузом?

Размышляя над этим, я пересекла комнату и остановилась у

стола. На нем, придавливая сложенные вдвое листы, лежал кулон из лунного камня. Простой, но изящный: в форме слезы, отливающей голубым, на тонкой цепочке из черного серебра, он понравился мне сразу. Однако я не спешила радоваться находке. Вместо этого выудила из-под него плотные желтоватые листы и, развернув, принялась читать.

> Сэла Илэйн Дельвар!
>
> От лица директора артиэллы Алиры Мак-Фордин мы рады приветствовать вас в стенах Академии Полуночи. С удовольствием сообщаем, что академия дарит вам Путеводный свет, в который заложена карта всех прилегающих к академии территорий, а также расположение классов и административных помещений. Для активации необходимо послать мысленную команду пятого уровня и задать желаемую точку назначения. Кроме того, прилагаем список учебных материй и расписание на ближайшие три луны. Настоятельно советуем ознакомиться с документами. Отдельно напоминаем о недопустимости использования любых проклятий старше четвертого уровня в стенах академии. Нарушитель данного правила будет исключен незамедлительно.
>
> С пожеланиями темнейшей ночи,
> писчий артиэллы Алиры Мак-Фордин
>
> *сэл Гордин Руага*

Пальцы заметно подрагивали, когда я разворачивала приложенные документы. А стоило пробежаться по ним взглядом, как самообладание окончательно меня покинуло.

С каждой прочитанной строчкой ворот платья давил все сильнее, буквально душил. Не выдержав, я расстегнула верхнюю пуговицу и, распахнув узкое, состоящее из алебастровых стеклянных квадратов окно, вдохнула полной грудью. Стараясь вернуть душевный покой, я позволила себе вольность — отложила бумаги и бесстыдно, точно безродная девчонка, принялась глазеть из окна, едва ли не высовываясь наружу.

Увидела бы это Лангария, поджала бы губы — матушка всегда так делала в минуты высочайшего неодобрения. Но сейчас ее не было рядом, и я, не таясь, наслаждалась беспокойным ветром. Он врезался в башенные стены, с недовольным стоном отлетал и нападал снова, будто надеясь сломить каменную твердыню.

Далеко внизу виднелся парк с уже подернутыми золотом

кронами. Осень в этом году пришла рано, словно природе не терпелось поскорее сбросить листья, укрыться тяжелым снежным одеялом и заснуть. Спать под тяжелыми одеялами приятно — я помню это. До шести лет и у меня было такое, а после проявления Недоделку оставили лишь тонкий вязаный плед. Думаю, Лангария втайне надеялась, что одна из холодных зим заберет меня, но Полуночная Матерь решила иначе. Однако в матушкином воспитании есть и плюсы: теперь мне не страшны башенные сквозняки. Закаленная, я могу выдержать почти любые холода.

Вернув душевное спокойствие, я снова взяла со стола листы и продолжила чтение. Расстегнутый воротник больше не душил, да и открытое окно впускало в комнатку достаточно воздуха. Однако я все равно задышала чаще, пробегая взглядом по ровным строчкам с кокетливыми завитушками.

Большая часть учебного плана отдавалась под изучение нейтральных материй. Но оставшаяся целиком и полностью посвящалась темной магии — истинной силе детей Лунной империи. Силе, которая волей Полуночной Матери мне недоступна. И если об этом узнают, если выяснят причины…

Воздуха вновь перестало хватать.

С шорохом листов я опустила письмо на стол и, прикрыв веки, сконцентрировалась на дыхании. С него внимание, точно свечной дым, вильнуло к доносившимся с улицы запахам и звукам. Услышав протяжный, тяжелый звон, я поморщилась.

Колокол. И, судя по всему, огромный.

Взяв третий лист, на котором все тем же кокетливым почерком было выведено расписание, я увидела:

12:30–13:30 — обед в главном зале Корпуса Ораха.

Мойра особо не распространялась о территории академии, и уж точно она не говорила о корпусах, будь то Корпус Ораха или какой другой. Вздохнув, я подцепила тонкую цепочку с лунным камнем, покатала звенья между подушечками пальцев, ощущая их ребристость, и попробовала отыскать замочек. Однако, как оказалось, Путеводный свет висел на замкнутом круге.

Пожав плечами, я накинула цепочку через голову и вздрогнула, едва ощутив тяжелый, гнетущий шлейф темной магии.

«Главный зал Корпуса Ораха», — выдавила мысленно.

Поймав команду, кристалл успокоился. Я же с облегчением выдохнула. Правда, ненадолго. Не прошло и нескольких секунд, как, полыхнув лунным светом, камень нагрелся. Причем с правой стороны сильнее, чем с левой.

Я вышла из комнаты. На ходу застегнула ворот в попытках вернуть себе достойный вид и вновь зашагала по лестнице. Только на этот раз — вниз.

Стук каблуков о широкие ступени разносился приглушенным эхом. Ритмичный, он постепенно заполнял не только окружающее меня пространство, но и мое естество. Мысли и те, казалось, зазвучали с ним в такт.

Я думала о магии. О том, что, родись я нормальной — с темной силой, как и положено дочери рода Мак-Мора, — могла бы со временем овладеть заклинанием переноса. А может, даже когда-нибудь получила бы метлу. Хотя нарисовать перед мысленным взором настолько смелые фантазии у меня не получалось.

Метлы — они ведь уникальны, каждая по-своему. И в каждой заключена душа умершей ведьмы. Никто до сих пор не выяснил, как или почему это происходит: некоторые души просто не возвращаются в полотно Полуночной Матери, а вселяются в значимые для ведьм предметы.

Метла — зеркало заключенной в ней души. Привязать к себе метлу силой невозможно, равно как и забрать чужую. Для любой ведьмы это вызов, приручение. Это признание ее достойной. Вот только меня достойной уж точно не назовешь.

Погруженная в мысли, я миновала уже почти шесть этажей. Смотрела только под ноги, боясь оступиться. Внезапный удар, ощутимо сильный, грубо вернул меня в реальность и заставил вскрикнуть от боли.

— Тебе что, взор светом заволокло?! — раздался недовольный мужской голос над головой.

Я отступила, потирая ушибленный нос, и подняла взгляд на незнакомца.

Он был красив. С удивительными темно-синими, словно полуночное небо, глазами, прямым носом, густыми черными волосами, прядь которых выбилась из общего порядка и, дразня, упала на высокий лоб. Кончики пальцев закололо от желания коснуться ее, но я сдержала неуместный порыв. Сжала кулаки и отступила еще на шаг.

Я знала, кто передо мной — Арден Шантар. Наследник сильнейшего рода колдунов Лунной империи. Жених Мойры.

ГЛАВА 3

Узнавание случилось в секунду. И, что хуже всего, Арден понял, что я догадалась о его личности. Красивые губы изогнулись в презрении, синие глаза сощурились.

Я же, не давая ему вставить и слова, спешно выдохнула:

— Прошу прощения, — в моем голосе привычно зазвучали уважение и легкая отстраненность. — Полуночная Матерь свидетель, я не желала случившегося.

Черные брови нахмурились, взгляд колдуна стал цепким.

— И кто же…

Новый удар колокола, низкой волной прокатившийся по академии, спас меня от необходимости вступать в диалог. Быстро пробормотав слова извинения, я прошмыгнула мимо Ардена и побежала вниз по лестнице. Стук каблуков казался оглушающим, длинная юбка вмиг стала неудобной, узкий ворот вновь принялся душить. Но я не остановилась — так и продолжила бежать, следуя направлениям Путеводного света. Длинные коридоры, ряды колонн, устремившиеся ввысь стрельчатые потолки, лепнина, огромные медальоны с изображениями звезд — я едва успевала отмечать особенности каждого зала и перехода.

Совсем скоро меня окружил плотный поток лернатов и разноцветной рекой — черных, синих, зеленых и серых оттенков — понес в нужную сторону. Я не сопротивлялась — напротив, расслабилась и позволила академической жизни захлестнуть меня.

Однако путешествие оказалось недолгим. Нырнув сквозь высокие, украшенные тонкой резьбой двери, людская волна разбилась о десятки столов и ручейками потекла к линии раздачи. Присоединившись к одному из них, я прошла к изогнутой полукругом мраморной стойке. За ней работало пятеро юношей и девушек, все в белых передниках и доходящих до локтя нарукавниках.

— Цвет? — остроносая девушка прищурилась, разглядывая мои пальцы.

На мгновение я растерялась. Потом решила признаться честно:

— Не знаю. Новенькая.

Девушка недовольно поджала губы — гораздо более жеманно и криво, нежели это делала Лангария — и крикнула через плечо:

— Раэль, списки у тебя?

На голос из соседнего помещения вынырнул парень. Долговязый, веснушчатый, рыжеволосый. Невольно я прониклась

сочувствием — сложно представить, каково живется таким «солнечным» людям в Лунной империи.

— Да, — прошелестел он.

— Тогда занимайся, — девица манерно дернула плечом и отошла к другому лернату.

Раэль же бросил на меня внимательный взгляд из-под рыжих ресниц.

— Имя?

— Илэйн Дельвар.

Тонкий кривоватый палец заскользил вдоль исписанных страниц, пока наконец не остановился. Раэль вздохнул.

— Серая, — сочувственно констатировал он.

Мойра не рассказывала мне о цветовом делении, я сама о нем узнала, наткнувшись случайно в одной из книг. Элита Академии Полуночи — черные. Именно их дар, темный как ночь, дает им право носить кольца с большим черным нефритом. Следующий уровень — по силе и влиянию — синие, или «сапфировые». За ними идут «изумрудные». А в самом конце — мы, серые, «халцедоновые».

— На все воля Полуночной Матери, — я попыталась улыбнуться.

Раэль выдавил такую же вымученную улыбку в ответ. Потом выдал мне две нутовые лепешки, порцию тушеного мяса с овощами и разбавленное водой вино. Сильно разбавленное, судя по цвету.

— Серые едят у прохода, — поделился он и, стоило мне ухватиться за поднос и сделать шаг в сторону, спешно добавил: — Не затягивай с получением кольца. И постарайся не носить… чужие цвета.

Раэль говорил о моем платье. Темно-синее, в доме матушки оно всегда казалось мне слишком светлым. Да и, уверена, не только мне. Здесь же меня посчитали недостойной даже его.

Кивком дав понять, что совет услышала, я зашагала к дальним столам. Заняла один из них и, не глядя по сторонам, принялась за обед. Удивительно, но общий гул не мешал, он воспринимался отстраненно — как шум океана на побережье. Я хорошо помню этот звук, хоть и слышала его в последний раз одиннадцать лет назад.

Громкий смех, раздавшийся совсем близко, заставил меня вскинуть голову и проводить взглядом сестру в окружении подруг. На секунду грудь кольнуло сожалением — пусть мы с Мойрой не особо ладили, все же она моя сестра. И необходимость притворяться едва ли не незнакомками меня печалила. Но так надо. Если о слабой дочери рода Мак-Мора узнают другие семьи,

это поставит под удар не только меня — весь наш род, будущее Мойры.

Боясь выдать собственную привязанность взглядом, я отвернулась. Без особого интереса посмотрела по сторонам и замерла, заметив внимательно смотрящего на меня колдуна. Не Ардена — другого. Этого я точно не знаю, даже по слухам. А в том, что слухи о нем должны ходить, сомнений нет.

Черный форменный китель с серебряными пуговицами, небрежно забранные назад волосы цвета горького шоколада, глубокие зеленые глаза — колдун был красив. Не так, как Арден, но все же достаточно, чтобы заинтересовать многие ведьминские дома. А поблескивающий камень черного нефрита в перстне на указательном пальце и вовсе делал незнакомца завидным женихом.

Я глянула по сторонам, удивляясь, как сразу не заметила этого — все сидящие неподалеку девушки жестами или лукавыми взглядами из-под ресниц пытались обратить его взор на себя. Вот только незнакомец, казалось, не замечал их вовсе. Все его внимание было сосредоточено на мне. И от столь пристального взгляда становилось страшно — ведь у сильного колдуна нет ни единой причины интересоваться слабой ведьмой.

Есть, практически уткнувшись носом в тарелку, словно невоспитанная мэла, было стыдно. Но давящий взгляд незнакомца, глумливые шепотки девушек-лернат и собственная нервозность не давали распрямить спину. Быстро покончив с обедом — пожалуй, даже слишком быстро для дочери рода Мак-Мора, — я покинула зал.

Щеки горели, будто на каждой лежало по нагретой солнцем монете. Высокий ворот платья в третий раз за последний час показался нестерпимо узким. Однако я все равно нашла в себе силы держаться так, словно не испытывала неудобства. Лишь когда шумный зал остался за спиной, а сама я удалилась от него на два коридора, позволила себе остановиться и перевести дух.

Солнечный свет свободно проникал сквозь высокие окна. Он стелился по полу теплыми дорожками, игриво переплетался с нырнувшими через витражи лучами и наполнял пространство жизнью. Стены заиграли красками, пляшущие в воздухе пылинки стали походить на крохотные звезды, а во взглядах ведьм и колдунов, замерших на гобеленах, мне чудились улыбки.

Постепенно спокойствие окружающего мира передалось и мне. Дыхание выровнялось, щеки перестало жечь румянцем. И лишь на задворках сознания еще неостывшими углями тлел стыд за собственную эмоциональность. Матушка бы не одобрила такого поведения. Умеющая держать лицо в любой ситуации, она

требовала того же и от нас.

Воскресив перед мысленным взором образ Лангарии, я вздохнула. Она была бы права. Я с самого начала знала, на что шла, и бояться теперь поздно. Моя жизнь принадлежит академии, нить моей судьбы — на кончиках спиц Полуночной Матери. Раз решившись, не стоит оглядываться — тогда и не споткнешься.

Как легко бравые слова звучат в голове и как трудно облечь их в звуки, заставить собственные губы разомкнуться и произнести хотя бы короткое «не страшно»… потому что страшно. Несмотря на принятое решение, на осознание, что иного выбора не было, — все равно страшно. Но и со страхом можно бороться.

Расправив плечи, я послала мысленный приказ Путеводному свету и зашагала к кэллеру. Вопросы, как и проблемы, лучше решать по мере их возникновения. И для начала стоит получить халцедоновое кольцо.

Кэллер, ответственный за выдачу лернатам артефактов, оказался сед как лунь. Широкий лоб изрезали глубокие морщины, огромный нос нависал надо ртом острым крючком, серые глаза казались выцветшими, будто старые чернила. Но смотрел на меня кэллер внимательно, цепко.

— Новая лерната, — голос у него оказался неожиданно приятный. Чуть скрипучий, но не противно, а наоборот — удивительно успокаивающе.

— Яркой вам луны, — произнесла я с полуулыбкой.

— За кольцом? Камень знаешь?

— Халцедон.

— Ишь, даже не кривишься, — усмехнулся кэллер в густые усы, такие же белые, как его макушка.

Поманил меня, чтобы шла следом, и двинулся вглубь небольшой комнатки, заставленной стеллажами. На полках ровными шеренгами замерли коробки, футляры и мерцающие желтоватым светом шары из полупрозрачного стекла.

— Что, и не печалишься? — старик обернулся и одарил меня хитрой улыбкой.

— Не каждому ростку дано превратиться в цветок, — я пожала плечами, а кэллер вновь усмехнулся.

Дошел до стеллажа, выкрашенного в серый, снял с него большую корзину с плетеной крышкой. Отодвинул ее совсем немного — так, чтобы не показывать содержимого, — и распорядился:

— Запускай руку. Твоя сила сама выберет кольцо.

— Моя сила? — голос едва не выдал охвативший меня испуг. Но я справилась, сдержалась. Лишь чуть больше, чем следовало, выказала удивление.

— Так халцедоны же разные, дуреха, — по-доброму хмыкнул в усы кэллер. — Если не совсем ты пропащая, то вытянешь темно-серый. А если твой росточек слаб, придется носить на пальце дымчатый камень. Ну давай, не тяни, — поторопил он. — Корзина-то не из легких.

На сердце колючей стужей наползал страх — мой старый знакомый. Он всегда появляется, стоит только кому-нибудь заговорить о моей силе. Даже вскользь. Вот и сейчас он привычно раззявил голодную пасть в оскале. Только на этот раз я не собиралась его подкармливать.

Одним быстрым движением, не давая себе засомневаться, запустила руку под плетеную крышку. Провела ладонью над сваленными в кучу артефактами, ощутила исходящую от них силу. Холодную, колючую и до того отталкивающую, что прикасаться к ней не хотелось. Но я не сдавалась. Продолжала медленно скользить пальцами в воздухе, прислушиваясь к собственным ощущениям, и искала. Наконец, когда кэллер начал нетерпеливо покряхтывать, я ощутила тонкий, едва уловимый теплый ручеек. Не думая, потянулась к нему и сомкнула пальцы на плотном кругляше.

— Готово, — выдохнула я, распахивая веки.

— Ну, показывай, что там у тебя, — вернув корзину на место, кэллер с любопытством осмотрел кольцо, лежащее на моей ладони. — Э-хе-хе, — покачал он головой, — ты ведь даже не росток, милая, так — крохотное семечко. Трудно тебе придется в академии, ох трудно…

Махнув рукой, старик указал мне на выход, и я, поняв намек, покинула хранилище артефактов. На моей ладони по-прежнему лежало кольцо с большим овальным камнем молочно-белого цвета.

ГЛАВА 4

Возвращаясь от кэллера, я старалась держаться подальше от шумной толпы. Обед давно закончился, и сейчас лернаты наслаждались последним свободным от занятий днем. Теплая погода выгнала многих юношей и девушек в парк. Более чинные сидели на лавочках с изящными коваными спинками; те же, для кого правила приличия казались надуманной чепухой — в основном безродные мэлы, — уселись на траве. Все разбились на небольшие группки, в каждой из которых цвета колец непременно совпадали.

Несколько раз я ловила на себе внимательные взгляды сапфировых, а после — едва они замечали белое кольцо на моем пальце — их лица перекашивало от недовольства. В какой-то момент даже мелькнула постыдная мысль снять артефакт и не надевать его, пока не сменю платье, но я не позволила себе поддаться малодушию. Дочери Лангарии не пристало бегать от трудностей!

И все же я немного прикрыла кольцо ладонью, сцепив руки в смиренном жесте и опустив их поверх юбки. От трудностей сбегать я не собираюсь, но и сознательно их провоцировать тоже не стану.

Дойдя до подножия лестницы, я остановилась и хмуро посмотрела вверх. Раньше я особо не задумывалась, но артиэллы всегда занимают второй — реже третий — этаж. Будучи по рождению высокородной артиэллой, я не привыкла преодолевать столько ступеней зараз. Однако выбора нет.

Вздохнув и на секунду поджав губы, я решительно зашагала вверх. Новый подъем показался тяжелее первого. Видимо, тело еще слишком хорошо помнило недавние нагрузки и совсем не жаждало их повторения. Я едва преодолела два этажа, как в боку закололо, вынуждая остановиться. Позволив себе почти минуту отдыха, я уже хотела было продолжить путь, но услышала раздавшийся за спиной голос.

— Снова лестница и снова ты. Так жаждала новой встречи, что специально караулила?

Обернувшись, я встретилась взглядом с Арденом Шантаром. В синих глазах плескалась насмешка, губы замерли в надменной ухмылке. Всем своим видом колдун демонстрировал превосходство, но не думаю, что делал это сознательно. Скорее, помня о положении его рода, я поверю, что для Ардена такое выражение лица настолько же естественно, насколько для моего — смирение. Все мы, так или иначе, носим отпечатки

занимаемого положения: и в обществе, и в жизни.

— Прошу прощения, артиэлл, — я почтительно склонила голову, как и подобает сэле в присутствии высокородного.

Однако в нашей ситуации это вышло комично: я стояла на три ступеньки выше и даже со склоненной головой смотрела на Ардена сверху вниз. Его, однако, подобное положение не беспокоило. Скорее, он даже находил его забавным.

— Так ты ждала меня?

— Что? — я на мгновение растерялась, но уже в следующую секунду взяла себя в руки. — Нет, арти…

— И не искала со мной встречи?

— Зачем бы? — удивилась я искренне.

Арден не ответил. Молча разглядывал меня, изучая и будто что-то прикидывая в уме. Лицо его приобрело слегка задумчивое выражение. А спустя полную минуту, когда я уже мысленно искала достойный повод, чтобы прекратить беседу первой, внезапно спросил:

— В какой комнате ты живешь?

И снова я растерялась. Вопросы Ардена сбивали с толку, я не понимала его интереса, не понимала мотивов, которыми он руководствуется, и потому не успевала правильно реагировать.

— Ладно, скромница, — хмыкнул колдун, не дождавшись ответа. — Тогда какой этаж? Ты не артиэлла — на обед ты спускалась сверху, — принялся рассуждать он. — Но для мэлы ты слишком хорошо воспитана. Значит, сэла. Не из новых, — добавил быстро. — Думаю, когда-то знатный, но обнищавший род. Итак, куда же могли поселить гордую, но бедную сэлу?

Я продолжала молчать, не собираясь потакать любопытству колдуна.

— Пятый этаж? Шестой? Седьмой? — перечислял он, явно входя в азарт. — Пусть будет седьмой. Выше селят совсем уж низкородных, а у них нет твоей стати. Что, молчунья, я угадал?

Я вновь не ответила. Так и смотрела в синие глаза Ардена, стараясь не поддаваться врожденному обаянию Шантаров. Точнее, сама я в этом мало смыслю, но Мойра всегда говорила, что у Ардена обаяние в крови.

— Любопытно, — заключил он, растягивая губы в улыбке.

Я не смогла подобрать ей определения: не лукавая, не насмешливая, не приветливая. Пожалуй, самым близким вариантом было бы — опасная.

— Обычно сложно заставить девушку замолчать, а вот чтобы из нее приходилось вытягивать слова — такого я еще не встречал.

— Прошу прощения, артиэлл, если моя немногословность вас оскорбила. Полуночная Матерь свидетель, я не желала…

— Да-да, ты не желала случившегося. Ты сегодня это уже говорила. А вот чего ты не говорила, так это своего имени. Как тебя зовут? Что, опять будешь молчать? Брось.

Во взгляде Ардена читался интерес, и в этом мне тоже чудилась опасность. Надо уйти, сбежать, придумать уважительный повод и прервать эту странную беседу — все мои чувства кричали об этом. Нервы натянулись, точно струны виолончели. Казалось, коснись их, и в воздухе низкой вибрацией разойдется звук.

— Давай поступим вот как: ты назовешь мне свое имя, а я открою тебе переход на седьмой этаж, — Арден чуть склонил голову к плечу, разглядывая меня, словно сокол беззащитную куропатку.

От этого движения на высокий лоб, совсем как в нашу первую встречу, вновь упала непослушная прядь. И, совсем как тогда, мне захотелось ее коснуться. Я одернула себя, удивляясь столь неуместному желанию, а после, едва осознала услышанное, с трудом сдержалась, чтобы не вытаращиться на колдуна, как деревенская мэла на ярмарочного фокусника.

Арден Шантар владеет заклинанием переноса? Насколько же силен его дар?

Однако я не успела задать этот вопрос. Заслышав голоса, глянула поверх мужского плеча и внутренне похолодела. По лестнице, в окружении все тех же подруг, что и за обедом, поднималась Мойра.

Мысли заметались, словно ласточки перед грозой. В груди птичьим криком зазвучало беспокойство. Вот только не за себя — за сестру. Я не хотела, чтобы Мойра увидела меня рядом с Арденом, чтобы поняла все неправильно и переживала.

Быстро, едва ли не скороговоркой, пробормотав: «Прошу простить мою дерзость, артиэлл, но мне пора», я перепуганной птицей взлетела по ступеням. Пальцы, придерживающие юбку платья, подрагивали, сердце гулко билось о ребра. Каблуки туфель не касались ступеней, и потому бег получился почти неслышным.

Я миновала третий этаж и практически добралась до четвертого, как внезапно, прямо на моем пути, открылся переход, из которого мне навстречу шагнул Арден. Не успев остановиться, я с размаху в него врезалась. Тихо вскрикнула, отпрянула и едва не оступилась на лестнице, но сильные руки ухватили меня за талию и удержали от падения.

Я подняла взгляд, желая… Не знаю точно, чего именно я желала. Поблагодарить, что не дал упасть? Спросить, зачем последовал за мной? Потребовать оставить меня в покое? Но все

слова застряли в горле, стоило мне увидеть прищуренные, горящие недовольством синие глаза.

— У тебя есть всего два варианта, молчунья: либо ты называешь мне свой этаж и мы переносимся туда, либо ведем нашу милую беседу здесь, — голос Ардена звучал сухо, резко. И сейчас опасность в нем мне уже не чудилась — она звучала до того ясно, что сомнений не осталось: лучше послушаться и сделать выбор самой, чем доверить это право колдуну.

— С-седьмой, — сдавленно выдохнула я и зажмурилась, едва под нашими ногами открылся переход.

Ощущение падения, чувство щекотки в животе, горячие руки, прижимающие меня к сильному телу, — я успела прочувствовать все. А спустя два гулких удара сердца, когда я набралась смелости открыть глаза, поняла, что переход закончился. Мы стояли в коридоре седьмого этажа, по счастью, пустующего в это время дня.

Однако радоваться было рано. Арден никуда не делся, а его руки по-прежнему покоились на моей талии. И последнее меня не устраивало особенно.

Сделав большой шаг назад, я разорвала прикосновение.

— Почему ты сбежала? — требовательно спросил он, сверля меня хмурым взглядом.

Я могла бы заартачиться, могла бы потупить взор и вновь притвориться немой, могла бы упасть в обморок — а после перехода такое поведение выглядело бы естественно, — но я решила покончить с неуместным интересом колдуна здесь и сейчас.

— Потому что устала отвечать на странные вопросы, — произнесла твердо. Нет, я не дерзила, но и привычного смирения в моем голосе не прозвучало.

— А вот и нет, маленькая врушка, — Арден дернул уголком рта в усмешке. — Ты сбежала не от меня. Точнее, ты не хотела, чтобы нас увидели вместе. Почему?

От затылка вниз по спине прокатилась ледяная волна мурашек. Он догадался? Понял мое беспокойство о чувствах Мойры? Но как? Внешне мы с ней почти непохожи, да и Мак-Моры, стыдясь Недоделка, не являли меня свету. Все, что знало высшее общество о младшей дочери Лангарии, — она слаба здоровьем и не любит покидать родового поместья. О слабости ее магии никто и не догадывался: за сохранением этой тайны Лангария следила особенно рьяно.

— Боишься темных ведьм? — вновь усмехнулся Арден, не дождавшись от меня ответа.

Я же вдруг осознала: истинных причин моего поступка он не

понял. И пусть это бесчестно, но не воспользоваться ситуацией я не могла.

— Не всех. Только нефритовых.

Арден нахмурился.

— Почему?

Вместо ответа я подняла руку с кольцом и бесстыже, точно безродная мэла, подсунула ее колдуну едва ли не под нос. Думала, ему хватит пары секунд, чтобы оценить большой, вытянутый овалом халцедон. Оценить и, как сапфировые в парке, недовольно скривиться. Но Шантар не скривился — вместо этого он перехватил мои пальцы и принялся с любопытством их разглядывать.

Я же в очередной раз почувствовала растерянность. Да что не так с этим колдуном? Почему его действия невозможно предугадать? Зачем он ведет себя со мной… так?

Правда, как именно «так», я и сама не знаю. Не могу подобрать слов, способных описать мои чувства. А чувства… они, как те самые ласточки, метались в беспокойстве.

— Твои пальцы не знали иголки, — задумчиво произнес Арден, нарушая повисшее между нами молчание. — Но почти все сэлы занимаются вышиванием.

— Вы сами сказали — *почти* все.

Я высвободила ладонь из цепкого захвата. Прятать ее за спину, однако, не стала — не хотела случайным действием еще больше раздразнить опасный интерес.

— Нет, — качнул головой Шантар. Его лицо приобрело задумчивое выражение, взгляд стал внимательным, оценивающим. И мне это очень не понравилось. — У тебя руки артиэллы: аккуратные, с белоснежной и мягкой, словно бархат, кожей. Такие руки бывают лишь у тех, кто с рождения не знает ни работы по дому, ни иголок. Так кто же ты?

Он вновь оказался совсем близко. Его удивительные темно-синие глаза не мигая смотрели в мои, и против воли я почувствовала, что тону в них.

ГЛАВА 5

Под ложечкой защекотало, как от падения. Я словно вновь провалилась в пространственный переход, лишилась опоры под ногами. И единственным удерживающим меня якорем стали глаза колдуна, синие, как океан, и такие же глубокие. Они манили, обещали неизведанное, подталкивали поддаться соблазну и узнать: есть ли у океана дно или только бесконечная толща воды, в которой так легко затеряться?

— Кто ты? — повторил Арден, разрушая зачарованный миг.

Я вынырнула на поверхность, жадно втянула воздух ртом и качнула головой.

— Никто, просто сэла.

Колдун молчал. Смотрел на меня еще несколько секунд, точно ощупывая взглядом, потом криво дернул уголком рта.

— А знаешь, не говори мне своего имени. Не говори мне ни кто ты, ни откуда. Я сам обо всем узнаю.

В его обещании вновь зазвучала угроза — Арден сам стал для меня угрозой. И все же что-то внутри меня рвалось ответить на брошенный вызов, доказать: я не хуже.

Не прощаясь, Шантар зашагал к лестнице. Уверенно миновал ступеней семь, как вдруг — неожиданно даже для себя самой — я окликнула его:

— Подождите! Мое кольцо, вы же видели его?

— Видел, конечно. — Арден обернулся через плечо и одарил меня улыбкой. — Красивое. Цвета луны.

Цвета луны.

Цвета луны.

Цвета луны…

Его голос еще долго звучал в ушах, повторяя лишь одну фразу. И, глядя на слишком вытянутый для ночного светила камень, я вдруг подумала, что он действительно очень похож на луну.

Дорога в комнату почти не отпечаталась в памяти: я не помнила ни как преодолела еще один этаж, ни как переступила порог, ни как закрыла за собой дверь. Лишь от глухого стука последней я пришла в себя и тряхнула головой, стремясь совладать с разбушевавшимися чувствами.

Арден Шантар беспокоит меня. Вот только совсем не так, как сильные колдуны могут беспокоить сердца ведьм. Я… боюсь Ардена. Он слишком внимательный и вместе с тем — слишком непредсказуемый. Его поведение не поддается логике, его мотивы не выстраиваются в понятную линию, но — что хуже всего — всё

в нем будоражит мои чувства. Этого достаточно, чтобы увериться: мне лучше держаться от наследника Шантаров как можно дальше.

За раздумьями я и не заметила, как пальцы привычно справились с замками на сундуках. Подняв крышку первого, я растерянно посмотрела внутрь. Темно-синие, синие, темно-зеленые, зеленые — казалось, мой гардероб сплошь состоит из запрещенных цветов. Но под сине-зеленым ворохом нашлось несколько светло-серых платьев, две юбки графитового цвета и четыре белых блузки с аккуратным жабо.

Я нахмурилась.

Это не мои вещи. Их цвета слишком светлые для рода Мак-Мора, а ткани — недостаточно дорогие. И все же одежда оказалась сшита по моим меркам — я специально встала и приложила ее к себе, чтобы лишний раз в этом убедиться.

Но откуда? Кто позаботился о Недоделке? Мойра? Сомневаюсь. Сестра была слишком занята собственными нарядами, чтобы думать о моих. Лангария? Снова нет — в последние дни матушке едва хватало времени на Мойру, что уж говорить обо мне. Ригге? И снова нет — у той бы попросту не хватило средств: ткани хоть и были недорогими, все же оказались не из самых дешевых.

Однако, кто бы ни позаботился обо мне, я была ему искренне благодарна. Завтра начнутся занятия, и явиться на них в «чужом» цвете не хотелось. Не потому, что это может вызвать осуждение остальных лернатов, а потому, что может привлечь ненужное внимание.

Моя мечта — стать незаметней тени, тише шелеста травы на лугу, превратиться в эхо собственного голоса и бестелесным призраком дожить до выпускного. Вот только, боюсь, разбуженный интерес Шантара не позволит мне затеряться в толпе. И от понимания этого становилось жутко… Почти так же, как от воспоминаний о пристальном взгляде незнакомца за обедом.

* * *

Оставшуюся половину дня я провела в комнате: разбирала сундуки и дорожный саквояж, пыталась найти каждой вещи подходящее место. Мне хотелось сделать крохотное помещение более уютным, похожим на дом. Ведь на ближайшие четыре года Академия Полуночи станет мне домом… или плахой, если о природе моего дара узнают. Но о последнем я старалась не думать и гнала тревожные мысли прочь. Ветер подхватывал их,

точно гусиный пух, и уносил в открытое окно, оставляя после себя лишь свежесть и ощущение щемящей тоски.

Стыдно признаться, но иногда я завидую ветру. Свободный, он волен лететь куда пожелает, и нет ни рамок, ни правил, способных удержать его взаперти. Я бы хотела быть на него похожей.

После проявления меня редко выпускали за пределы родового поместья. Прятали, как нечто постыдное, и гнали в комнату, стоило только у парадной двери появиться гостям. Иногда я подглядывала за ними сквозь балюстраду перил, жадно ловила доносящейся из гостиной смех и звон бокалов. Пыталась хотя бы на миг почувствовать себя частью чужого праздника. Но потом Лангария прознала о моих вылазках, и меня стали запирать.

Я злилась. Как же сильно я на нее злилась в такие моменты! Упрямилась, цеплялась пальцами за дверной косяк, кусала пыхтящую Ригге, старающуюся затолкать меня в комнату. Но Ригге всегда побеждала. Несмотря на то, что самой Ригге тогда едва исполнилось пятнадцать, она была крупной и сильной. И тощая восьмилетка уж точно не годилась ей в соперницы.

Со временем я… не смирилась, нет. Но в какой-то мере приняла ситуацию. Даже дикий зверь рано или поздно устает кидаться на стенку. Я же была всего лишь ребенком, боящимся собственной сути.

В Лунной империи верят, что силой нас наделяет Полуночная Матерь. Именно она ткет полотно наших судеб, вплетая в него разноцветные нити. Я хотела верить, что и для меня у Полуночной Матери нашлась красивая нить, пусть не такая темная, как для Мойры, но все же не менее крепкая. Однако в глазах Лангарии я так и осталась Недоделком, неудачницей.

Тряхнув головой в попытке отогнать печальные мысли, я достала из второго сундука ларец с писчими принадлежностями. Перенесла его к окну и, открыв, выставила на стол плотно закупоренную чернильницу, держатель для перьев и пресс-папье. В самом ларце оставила только чистые листы, прижатые «ведьминым лассо» к обитому бархатом дну.

Две книги по простейшим темным заклинаниям, взятые из домашней библиотеки с разрешения Лангарии, заняли место на полке. Привычно огладив их потрепанные корешки, я улыбнулась.

Что бы ни думали обо мне сестра и матушка, я не считала себя неудачницей. Мне удалось сохранить свой дар в тайне ото всех, более того — даже освоить темную магию! И пусть ее уровень прискорбно низок, но его хватит, чтобы дожить до окончания академии. Главное — не обнаружить природу

собственной силы, а после…

Если честно, так далеко я не забегала даже в мыслях. Но где-то на грани сна и яви, в предрассветных сумерках, кутаясь в тонкий вязаный плед, я видела себя свободной. Свободной не только от рода, но и от страха разоблачения. Свободной быть собой — такой, какой меня соткала Полуночная Матерь.

* * *

Первый учебный день начался с колокольного звона: низкого, протяжного и очень громкого. Он пронесся над академией, точно ветер над ущельем, разбудил лернатов и погнал их сонными стайками на завтрак. Умывшись, собрав волосы широкой лентой и облачившись в одно из найденных вчера платьев, я присоединилась к людскому потоку.

В этот раз вопросов насчет моего цвета не возникло — мне молча выдали тарелку пшенной каши, слойку, присыпанную сахарной пудрой, и кружку брусничного чая. И пусть завтрак особыми изысками не отличался, но запахи от него поднимались такие, что в животе заурчало. Впрочем, неудивительно — вчера на ужин я так и не спустилась, за разбором вещей потеряв счет времени.

Проходя к столам для серых, я украдкой глянула на уже получивших завтрак лернатов. Оказалось, едим мы не одно и то же. Все определяет цвет: чем он темнее, тем разнообразней пища. Да и посуда, стоит признать, тоже отличается.

Одна из сапфировых лернат, заметив мой интерес, гордо задрала нос и демонстративно принялась за ягодный рулет, украшенный шапкой меренги. Я же лишь улыбнулась. Подобные попытки задеть на меня не действуют — переживать из-за еды и красивых тарелок я точно не стану.

Покончив с завтраком, я отправила мысленную команду Путеводному свету и зашагала в подвалы академии. Именно там, согласно расписанию, состоятся занятия по снадобьям и зельям.

Подвалы впечатлили. Они скорее походили на огромные подземные залы, чем на тесные комнатушки, которые я успела себе вообразить. Массивные колонны расходились кверху и упирались в потолок десятками веток, точно кроны деревьев в небесную синь. На некоторых из них зачарованными медальонами светились звезды, на выступах стен замерли горгульи, грозно смотрящие вниз на оробевших лернатов. Звук шагов расходился в воздухе гулким эхом. В него, точно новая цветная нить в узор, вплетались шепотки юношей и девушек —

халцедонов, как я, — идущих на первое занятие.

Нужное помещение располагалось сбоку от главного зала и заметно уступало ему в размерах. Однако оно оказалось достаточно большим, чтобы вместить двенадцать рабочих столов с котелками и колбами, несколько вытянутых стеллажей, пяток высоких корзин, закрытых крышками, и с десяток деревянных ящиков. В воздухе пахло сушеными травами, пряностями и совсем немного — сыростью.

Стоило мне и остальным лернатам встать за столами, как в помещение вплыла изящная, но излишне худая женщина в длинном платье темно-сливового цвета. Она окинула внимательным взглядом присутствующих и на секунду задержала его на мне. Карие глаза прищурились, а тонкие губы дрогнули в презрении.

ГЛАВА 6

Однако миг спустя на припудренное жемчужной пылью лицо вернулось сдержанно-доброжелательное выражение.

— Яркой вам луны, лернаты, — певуче протянула вошедшая.

Интонации ее голоса казались мелодичными, но высокий тембр добавлял звучанию противной писклявости.

— Я рада приветствовать первый год халцедоновых лернатов на моем курсе снадобий и зелий. Меня зовут артиэлла Иштар Дис-Рона. Обращаться ко мне можно магистр Дис-Рона или артиэлла Дис-Рона. Пока понятно? — Нестройный хор голосов был ей ответом. — Что ж, замечательно. Тогда приступим к занятию. Сегодня мы с вами попробуем сварить простое, но требующее полной отдачи зелье — зелье памяти. С его помощью можно на несколько часов повысить предел доступных для запоминания объемов. Учтите, за неделю до сдачи уровней все лернаты принудительно пьют курс блокиратора. Нам ведь ни к чему неточные результаты, верно? — Дис-Рона пискляво хихикнула.

Длинную шею, торчащую из ворота платья, украшала широкая кружевная лента, расшитая темно-фиолетовыми аметистами. И когда Дис-Рона смеялась, как сейчас, полудрагоценные камни подрагивали, ловя свет ламп и играя им.

— У каждого на столе лежат списки с ингредиентами и необходимыми манипуляциями. Все, что вам может потребоваться, вы легко найдете здесь, — Дис-Рона махнула рукой в сторону корзин и ящиков. — За десять минут до конца занятия я проверю ваши зелья, и тот, кто справится с заданием лучше остальных, получит от меня уже настоянное зелье памяти. Неплохое подспорье в начале учебы, не так ли? — Она подмигнула. Слишком делано, чтобы поверить в искренность ее эмоций. — Приступайте!

Я взяла и развернула лежащий у края стола лист.

ЗЕЛЬЕ ПАМЯТИ, 1 порц. станд. уров.
Ингредиенты:
16 цветков горянки
2 наперстка слюны бурой лисицы
$^1/_4$ козьего безоара
1 уголь белого дуба
3 ногтя семян вигны
2 бутона змееголовника
1 лапа олеандровой ящерицы

5 лапок северного паука (собранных не ранее чем на вторую луну от вылупления)

$^1/_2$ наперстка крови запоминающего…

Ниже крупным текстом значилось:

ВНИМАНИЕ! Пламя поддерживать строго зеленого цвета, но не сильнее четвертого уровня. При нарушении температурного режима и изменении окраса зелья на бордовый незамедлительно остановить приготовление и наложить на котел блокирующую сферу третьего уровня.

Ставить такие мощные сферы я не умею, но искренне понадеялась, что до этого дело не дойдет. Пока же решила действовать по инструкции. Захватив плетеную тарелку с высоким бортом, я подошла к ящикам и быстро собрала необходимые растения и уголь. Семена, отмерив нужное количество, пересыпала в тряпичный мешочек, четверть безоара кинула к бутонам змееголовника. Вернулась за выбранный стол, разожгла под котелком огонь и, поставив закипать воду, вновь пробежалась взглядом по списку.

«1 лапа олеандровой ящерицы, 5 лапок северного паука…» — а вот их я не видела. Странно.

Проведя несколько секунд в мучительных раздумьях, я все же решила обратиться к Дис-Роне.

— Артиэлла? — позвала неуверенно и продолжила, едва поймав на себе внимательный взгляд карих глаз: — Прошу прощения, а где можно взять лапки северного паука и олеандровой ящерицы?

— Ох, точно, совсем забыла, — томно прикрыла веки Дис-Рона. — Дернаты, внимание! — повысила она голос. — Лапки северного паука можно взять в стеклянных банках во-он на том стеллаже. А лапки олеандровых ящериц вы найдете в первой от входа корзине. И, пожалуйста, разбейтесь группами по четверо. Не тратьте больше необходимого, во имя Полуночной Матери!

Что-то в пожеланиях артиэллы меня насторожило — что-то, чему не вышло подобрать определения. Кусая губы, я хмуро следила за потянувшимися к стеллажам лернатами. А спустя полминуты, поддаваясь внутреннему ощущению, зашагала к нужной корзине.

Высокая, расходящаяся конусом кверху, она доходила мне до середины бедра. Плетеные ручки крепились почти к самому краю, на круглой крышке кокетливо топорщилась петелька. Я потянула за нее, открывая, заглянула внутрь и мысленно застонала.

— Артиэлла?

— Да, лернаta…

— Дельвар, — подсказа я и поморщилась, стоило писклявому голосу скакнуть еще выше.

— Слушаю вас, лернаta Дельвар.

— В корзине сидят живые олеандровые ящерицы.

— И?

— И мне надо… отрезать у одной из них лапу?

— А у вас, лернаta Дельвар, это вызывает трудности?

— Нет-нет, никаких, — поспешила заверить я. И для пущей убедительности уточнила: — Но ведь останутся три лишние. И хвост.

— Хвосты, кровь и сердца соберут дежурные. Ваша же задача найти еще троих халцедонов, с кем вы бы хотели разделить ящерицу. Других вопросов нет?

— Нет, артиэлла. Благодарю за ответы.

Дис-Рона дернула носом и отошла к лернате с кольцом из графитово-серого халцедона. Сильная. Вероятно, сильнейшая среди серых первогодок. Элита среди недостойных. Вот только меня это мало беспокоит… в отличие от запертых в плетеной темнице ящериц.

В поместье Мак-Моров я готовила зелья. Но там все ингредиенты были уже мертвыми, а зачастую — даже сушеными. И кинуть скрюченный кусочек чего-то темного, бывшего когда-то лапой живого существа, — совсем не то же самое, что отправить в котел только что отрезанную конечность.

Больше не тратя время на раздумья, я поступила так, как считала единственно правильным — бросила силовой поток в корзину, заваливая ту набок, и силой распахнула дверь.

— Дельвар-р-р-р! — взревела Дис-Рона. И впервые за занятие из ее голоса пропали писклявые ноты, уступив место низкому рыку.

Порыв спасти обреченных на смерть созданий, без сомнения, исходил от моего светлого дара. Темным бы и в голову не пришло переживать из-за каких-то ящериц. Сорвать цветок, отрезать лапу или хвост, вспороть крысу, чтобы достать из ее груди еще теплое маленькое сердце, — для истинных детей Лунной империи нет разницы между этими действиями. Я же, несмотря на все попытки стать похожей на темную ведьму, так и не научилась с пренебрежением относиться к чужим жизням. Даже таких крошечных существ.

И вот теперь оставалось не больше двух секунд, чтобы придумать достойное оправдание такому несвойственному для темных порыву. Мелькнувшая идея казалась безумной. Возможно, даже еще более безумной, чем толкнувшая выпустить ящериц из

корзины. Но время на раздумья истекло.

В секунду я сплела проклятие пятого уровня и набросила его на себя. В груди болезненно ухнуло, заставив согнуться едва ли не пополам. Во рту пересохло, перед глазами замельтешили черные мушки.

Рядом возникла Дис-Рона и, проведя рукой у меня над макушкой, неодобрительно цыкнула.

— Первый день занятий, — качнула она головой. — Первый, лерната Дельвар! А вы уже умудрились получить проклятие! Очередное пари? — Ответа Дис-Рона явно не ждала, так как продолжила почти без паузы: — Как с вашим низким уровнем дара вам вообще пришла идея согласиться?

— Иногда, магистр, выбора просто не остается, — сипло выдохнула я, все еще борясь с разлившейся в груди тяжестью.

Тонкие губы Дис-Роны стянулись в нитку, но в глубине карих глаз мелькнуло понимание. Нет, не истинного положения дел, а того, на которое я и надеялась, накладывая на себя проклятие.

О травле слабых лернатов, существующей в академии, я узнала года два назад. От Мойры. Здесь это называли «пари»: на выбранную жертву накидывали проклятие и ставили условие, как правило, унизительное. Если жертва его выполняла, то проклятие срабатывало слабо, по силе не превышая пятый уровень влияния. Если же не выполняла — получала откат, как от проклятия четвертого уровня. Более мощное воздействие запрещал устав Академии Полуночи. Но в «пари» главным оставались не муки жертвы, а ее выбор. Что предпочтительнее: выставить себя посмешищем, разозлить магистра, полезть в драку на более сильного лерната или пережить несколько часов боли? На это, собственно, ставки и делались.

— В любом случае, — Дис-Рона одарила меня хмурым взглядом, — ваше нынешнее состояние не является причиной для невыполнения задания. Всем вернуться к работе! — прикрикнула она.

Хлопнув в ладоши, магистр заставила дверь закрыться, а корзину вернуться в вертикальное положение. Успевших разбежаться ящериц сковало невидимым лассо и одну за другой потянуло обратно в плетеную темницу. Я же закусила губу. Неужели все зря?

Не в силах смотреть на машущих в воздухе лапками ящериц, я отвернулась. И внезапно под одним из стеллажей, в углу у дальней стены, заметила робко выглядывающую зеленую мордочку. Из последних сил, еще сильнее закусывая губу, я послала в тот угол заклятие отвода глаз. Теперь, если только ящерица не решит устроить забег по всему помещению, ее не

обнаружат.

Ноги внезапно подкосились. Пришлось спешно ухватиться за стол, лишь бы удержать равновесие. А потом улыбнуться повернувшейся на шум лернате. Я не имею права показывать, насколько сильно на меня влияют даже такие простые проклятия. Набрось я подобное на Мойру, она бы, наверное, и не заметила. Отмахнулась бы, как от мухи, и разрушила раньше срока. Но для моей светлой природы темные проклятия — настоящее испытание.

— Эй, — раздался сбоку от меня голос.

Я повернулась и встретилась взглядом с полноватой девушкой в дешевом темно-сером платье. Слишком дешевом, чтобы оставить простор для сомнений. Лернаta была из мэлов.

— Лапа нужна? — она кивком головы указала на свой стол.

Судя по всему, пока Дис-Рона меня отчитывала, мэла не теряла времени даром и без особых душевных терзаний добыла ингредиенты.

— Спасибо, — я постаралась улыбнуться дружелюбно. Кажется, получилось — девушка просияла.

С мэлами неохотно общаются из-за их низкого статуса. Кто-то даже в шутку говорит, что их кровь слишком светлая для детей Лунной империи. Так что эта розовощекая девушка в некотором роде тоже изгой.

— Я Ллоса, — представилась она.

— Илэйн.

— Ты как? Сильно ударило? — она с сочувствием посмотрела на меня. Руки ее при этом споро перетирали в ступке семена вигны со слюной бурой лисицы.

— Не особо, — я отмахнулась, принимаясь разбирать на лепестки цветы горянки. — Просто жжется немного.

— Повезло. У меня двоюродному брату как-то так прилетело, что он два дня еле ползал. Потом, когда вернулся домой на зимние праздники, сходил к травнику. Так тот его десять дней настоями отпаивал, чтобы только брат снова мог нормально питаться. После проклятия-то едва тарелку супа мог в себе удержать.

— Сочувствую.

— Да не, очухался давно уже, — отмахнулась Ллоса. — Я это к другому. После того случая Кайлор ударился в изучение блоков и защитных сфер. Хочешь, поговорю с ним? Может, он тебе какую защиту поставит?

— Нет, спасибо, — я снова улыбнулась. — Правда, ерунда.

Ллоса недоверчиво глянула на мое кольцо, но пожала плечами.

— Ну, как знаешь.

Я кивнула и вернулась к работе над зельем.

Предложение Ллосы было заманчивым, и я бы с радостью согласилась, если бы не одно «но». Почти вся защитная магия вплетается в магию носителя. И если кто-то другой попробует ее на меня поставить, то сразу почувствует отклик светлой силы. А допустить подобного я не могу.

Занятие по снадобьям длилось бесконечно долго. По крайней мере, так мне казалось. Наложенное проклятие ощущалось в груди тянущей тяжестью, из-за чего даже дышать получалось с трудом. Когда Дис-Рона наконец начала обходить наши столы, отмечая проделанную работу, я уже с трудом держалась на ногах. Приклеив к лицу маску отстраненного спокойствия, за последние одиннадцать лет доведенную до совершенства, я выслушала замечания по своему зелью и медленно побрела к выходу. Несмотря на желание согнуться, спину держала идеально прямой.

Я прошла главный подземный зал, миновала лестницу на первый этаж и почти добралась до середины переходной галереи, как силы покинули меня. Ухватившись за тонкий подоконник раскрытого окна, я высунулась наружу и подставила лицо свежему ветру в надежде, что он поможет взбодриться.

Приближение лерната я не заметила. Лишь услышав приглушенный стук, с которым возле моей ладони опустился маленький пузырек из темно-синего стекла, я повернулась и встретилась взглядом с зелеными глазами нефрита. Того самого, который вчера гипнотизировал меня за обедом.

ГЛАВА 7

Наверное, при других обстоятельствах я бы испугалась. Но сейчас сил не осталось даже на это.

— Яркой вам луны, артиэлл, — произнесла я, медленно выпрямляясь.

К лицу вновь приклеилась маска отстраненного спокойствия. Я знаю, как выгляжу в такие моменты — в свое время потратила много часов перед зеркалом, чтобы отработать нужное выражение лица. В каждой черточке сквозит смиренное принятие собственной слабости, во взгляде — покорность воле Полуночной Матери.

С годами я научилась так мастерски держать эту маску, что, как сейчас, могла спрятать за ней даже боль и усталость.

— Выпей, — произнес колдун вместо приветствия. Мне в пальцы ткнулся пузатый бок маленькой склянки.

Голос у незнакомца оказался низковатый, но не хриплый, а словно бархатный. Чуть раскатистое произношение придавало звучанию северного шика. В снежной части Лунной империи ночи особенно длинные, а звезды в горах кажутся особенно яркими. Неудивительно, что именно там рождаются сильнейшие из колдунов. Закаленные ветрами, обожженные морозом и доведенные до совершенства самой природой.

Всего одно слово, а я уже знаю, кто стоит передо мной — любимец Полуночной Матери.

— Что это? — приняв флакончик, я огладила украшенные дутым рисунком бока.

— Зелье силы.

Я нахмурилась и посмотрела на колдуна. Он решил помочь? С чего бы? Темным незнакомо бескорыстие. И смотрящий на меня нефрит наверняка преследует свои интересы. Но какие? Что ему может быть нужно от слабого халцедона?

Вопросы закружили в голове, словно разозленные осы. На кончике жала каждой — яд. В основании крыльев — недоверие. Я не знала, какой из них задать первым. Мысленно следила за полосатым роем и уже почти определилась с выбором, как вдруг, неожиданно даже для себя самой, спросила:

— Кто вы?

Красивые, несмотря на кажущуюся жесткость, губы дрогнули в намеке на улыбку.

— Хэйден Морроубран.

Морроубран? Закрытый род северных колдунов? Но… но как…

— Подумаешь потом, — врезался в мои мысли голос нефрита. — Сейчас выпей зелье. Пока еще можешь стоять на ногах, — добавил он с усмешкой.

Я же вновь вскинула на него хмурый взгляд.

— Не думай, ведьма, что ты одна умеешь носить маски. Только если хочешь, чтобы в них верили, — учись не снимать их там, где тебя могут заметить.

— Почему вы помогаете мне, артиэлл?

Колдун не спешил с ответом. Несколько томительно-долгих секунд молчал, точно испытывая мое терпение, и лишь после этого произнес:

— Не терплю слабость, ведьма. А ты, — одним быстрым движением он схватил меня за ладонь и потянул вверх, поднимая халцедоновое кольцо на уровень глаз, — слишком слаба. Хватит позорить академию своим жалким видом! Выпей зелье и хоть на полдня притворись, будто достойна обучаться в этих стенах.

Будто достойна…

Слова обожгли меня почище раскаленного масла, попавшего вязкими каплями на незащищенную кожу. Я дернулась, высвобождая руку, и выдохнула:

— Ни ваши подачки, ни ваше осуждение меня не интересуют, артиэлл!

Отступила, желая оказаться от него как можно дальше, и пошатнулась на ослабевших ногах. Однако не упала — успела схватиться за подоконник и бросила на колдуна предупреждающий взгляд, чтобы не смел соваться.

— Слабая, но гордая, — фыркнул он. — Как знаешь, ведьма, дело твое. Желаю удачно добраться до… какого там этажа? Пятого? Десятого? — Хэйден насмешливо дернул уголком рта. — Сделай одолжение, если все же решишь свалиться без сил, дотерпи хотя бы до третьего этажа, ладно? Не загораживай проход на второй.

С каждым словом во мне все сильнее разгорался гнев. Я не искала его общества, он сам ко мне подошел! Подошел, а теперь издевается, тыкая меня носом, как нашкодившего котенка, в природную слабость! Легко ему, рожденному с сильным даром, рассуждать о достойных!

— Смотри не закипи, ведьма, — ухмыльнулся Хэйден. — Лучше пей зелье и беги на следующее занятие. Поверь, прогульщиков тут не любят даже больше, чем слабых халцедонов.

Не дожидаясь моего ответа, он развернулся и неспешно, если не сказать — вальяжно, зашагал по галерее. Я хмуро смотрела ему в спину и пыталась понять, чего же он хотел на самом деле? Зачем щелкнул по носу? Зачем дал совет? Зачем… помог?

Взгляд скользнул к оставленному на подоконнике пузырьку из темно-синего стекла. А вдруг там не зелье силы? Травить меня колдун точно не станет, если только не желает позорного исключения из академии. Но в гримуарах темных хранятся рецепты таких снадобий и зелий, выпив которые можно пожалеть, что те не оказались простым ядом.

Я вновь посмотрела в сторону выхода из галереи. Хэйдена там уже не было.

Врывающийся в окно ветер мягко шевелил мои волосы, скользил выбившимися прядями по лицу, точно оглаживая, и свежестью своей возвращал мыслям покой. Доверять незнакомцу глупо. Доверять незнакомцу, открыто показавшему пренебрежение к слабым ведьмам, — глупо вдвойне. Но в одном северянин прав: сейчас я с трудом могу пройти по прямой, что уж говорить о подъеме по лестнице.

— Как далеко ты готова зайти, Илэйн, в своем стремлении выжить? — тихо спросила я у себя. — На какой риск пойдешь?

На любой.

Я не могу прогулять следующее занятие — проклятие пятого уровня не является уважительной причиной для подобного. И нельзя допустить, чтобы мной заинтересовались, чтобы задумались: насколько я слаба, раз простейшее темное воздействие ударило по мне так сильно? А значит, выбора нет.

Решив так, я откупорила пузырек, зажмурилась и махом опрокинула в себя зелье.

Язык на секунду обожгло, а уже в следующий миг сковало холодом. Вязкая жидкость, прокатившись по горлу, стылым шаром ухнула в желудок. Я обхватила себя руками в попытке согреться, а потом с шумом выдохнула и согнулась пополам — невидимый лед вдруг превратился в пламя.

Мир перед глазами поплыл, пальцы, вцепившиеся в подоконник, свело судорогой. Дышать получалось через раз, словно горло сковало острой изморозью. И на три удара сердца мир замер… чтобы после вновь поменять огонь и холод местами.

Ощущения казались невозможными — будто высоко в горах извергся вулкан и его раскаленная лава потекла по укрытым снегом склонам. Две стихии схлестнулись, пытаясь вытеснить одна другую, и все сильнее подступали к загнанной в ловушку жертве — ко мне.

Я потеряла ход времени: не знала, прошла секунда или вечность. С трудом осознавала себя в разверзшейся агонии жара и хлада.

А потом — так же внезапно, как началось, — все закончилось.

Вокруг было тихо. Оглядевшись, я медленно выпрямилась,

ощупала себя, убедилась, что цела. Шагнула к выходу и замерла. Ноги крепко держат вес тела, тяжесть в груди исчезла, оставив после себя лишь отголоски.

Нахмурившись, я посмотрела на пузырек. Все-таки зелье силы? Откуда оно оказалось у Морроубрана? И почему он вздумал им со мной поделиться? Ответы на эти два вопроса я решила получить во что бы то ни стало. Но позже. Сейчас нужно бежать на занятие по звездочтению.

Вернувшись в основной корпус академии, я забрала севернее и, ведомая Путеводным светом, добралась до Звездной башни минут за десять. Нужное помещение оказалось цилиндрической формы, с круглым каменным полом и потолком, убегающим так высоко, что начинала кружиться голова. Стены были изрезаны созвездиями, фазами луны и разноцветными линиями, соединяющими звезды в причудливые узоры.

Лернаты сидели на полу, разместившись на мягких подушках. Я заняла последнюю свободную и с удивлением отметила, что не чувствую холода. Передо мной, как и перед каждым присутствующим халцедоном, стояли невысокие — всего в несколько ладоней высотой — столики с загнутыми, точно свитки, краями. На темной, отполированной до блеска поверхности был вырезан след ладони с широко разведенными пальцами.

У противоположной от входа стены в ворохе подушек сидела магистр звездочтения — старая, сухая, точно веточка, артиэлла. Ее снежно-белые волосы, заплетенные в две косы, украшали крупные алые бусины. Темно-коричневое, цвета зерен какао, платье закрывало худенькое тело от шеи до пят, оставляя видимыми только лицо и белые, с заметной сеточкой вен кисти рук. Уверена, в юности артиэлла была красива. Но сейчас ее морщинистое лицо напоминало высушенный на солнце патум — сладкий фрукт, растущий у южных границ Лунной империи.

И все же, несмотря на дряблость кожи и мутноватый взгляд поблекших глаз, магистр звездочтения чем-то привлекала. В плавных движениях ее кистей виделась особая грация, во внимательном прищуре — загадка. Казалось, старая артиэлла знает что-то, что остальным детям Лунной империи неведомо. То, о чем, кроме нее, знает лишь Полуночная Матерь.

— Яркой вам луны, лернаты, — певуче произнесла она. — Меня зовут артиэлла Умбра Лей-Тора, и в ближайшие четыре луны я буду учить вас навыкам чтения звезд. Но прежде, — сухие губы дрогнули в слабой улыбке, — давайте прочтем те звезды, что сияли ярче других в ночь вашего рождения. Перед вами дланные слепки. Опустите в них ладони, отриньте все мысли и

переживания. Закройте глаза и попробуйте дотянуться до собственной сути…

Чем дольше говорила Лей-Тора, тем сильнее я хмурилась. Мне не нравилась идея тянуться к собственной сути, не нравилось делать это перед другими халцедонами, но больше всего не нравилось то, что я понятия не имею, чем может закончиться подобная авантюра.

— Ну же, лернаты, — мягко подбодрила артиэлла. — Смелее!

Первым решился юноша с растрепанной копной светло-русых волос. Закусив губу, он с силой впечатал ладонь в слепок и нахмурился до того старательно, будто ни о чем не думать стоило ему небывалых сил. Судя по всему, Лей-Тору тоже позабавило его выражение лица. Поднявшись с подушек, она проплыла к нему плавной походкой и, едва касаясь, погладила по макушке.

— Выдохните, мой дорогой. Позвольте длани стать вашим проводником…

Лернат послушно выпустил через нос воздух и расслабился. Теперь по-настоящему. Широкие плечи опустились, спина перестала походить на доску. Чуть подавшись вперед, лернат сильнее надавил на ладонь, и та вдруг вспыхнула золотистым свечением. От нее вверх взвилась мерцающая пыль, закружилась, танцуя, и выстроилась в причудливый узор. Причудливый, но завораживающий в своей красоте.

В тишине башни отчетливо прозвучали восторженные вздохи молоденьких лернат, которые, как и я, не могли отвести взгляда от золотой пыли.

— Прекрасно, просто изумительно, — мелодично протянула Лей-Тора. — В минуту вашего первого крика звезда сомнений уступила место звезде духа. Вы храбры, мой дорогой, и, уверена, отличный друг.

Лернат распахнул веки и изумленно посмотрел на артиэллу, будто не верил, что столько добрых слов сказано о нем. На круглом лице сияла преданная улыбка.

Я же нахмурилась. Темные не проникаются столь быстрой симпатией. Тем более к другим темным. Так почему же во взгляде халцедона сквозит такой восторг? Чары расположения? Симпатии? Но зачем бы это магистру?

— Теперь ваш черед, моя дорогая.

За размышлениями я совсем упустила момент, когда Лей-Тора отошла от лерната и оказалась возле меня. Мысли захлестнула паника. Тянуться к своей сути я не собираюсь, поддаваться силе артиэллы, если та ее все же применит, тем более. Но как быть? Разве могу я отказаться, не привлекая лишнего внимания? Боюсь, занятий по снадобьям и зельям

оказалось более чем достаточно, чтобы напомнить мне о главном: моя задача — оставаться незаметной, дожить до выпуска, а потом бежать как можно быстрее и как можно дальше. От Академии Полуночи и от Лунной империи. Но как поступить сейчас?

— Дорогая, вы побледнели. Все хорошо?

— Д-да, — сбивчиво выдохнула я, принимая решение.

ГЛАВА 8

Протянув подрагивающую ладонь над столиком, я на секунду замерла в нерешительности, а потом одним быстрым движением впечатала ее в слепок длани. Да, все так. Я не имею права выделяться, а значит — не могу отказать магистру.

Вот только кое-что все еще оставалось в моей власти.

Закрыв глаза и расслабившись, я стала думать вовсе не о собственной сути — как того требовала Лей-Тора, я думала о Мойре. Воскрешала в памяти ее образ, тянулась к ее силе. Пусть мы отличаемся по магии, но по крови остаемся сестрами, и я знала — суть Мойры отзовется на мой призыв.

— Как странно… — раздался над головой певучий голос.

Открыв глаза, я лишь мельком глянула на взвившийся поток серебристой пыли и устремила все внимание на хмурящуюся артиэллу.

— Сила ваша… и будто не ваша… — задумчиво бормотала она. — Слабый, очень слабый отголосок… Но я вижу тьму. Как странно, — повторила Лей-Тора, а уже в следующий миг тяжело вздохнула: — Ох, моя дорогая, мне так жаль. Неудивительно, что ваш дар настолько слаб, — она мазнула быстрым взглядом по моему кольцу и продолжила: — В минуту вашего первого крика ночное светило накрыла тень, а ярче других сияла звезда перемен. Ох, какое опасное сочетание! Вам не повезло, моя дорогая, — вздохнула она, стоило мне испуганно отдернуть ладонь и тем самым уничтожить неспешный танец зачарованной пыли. — И вместе с тем — повезло безмерно. Пусть ваш дар слабее многих, но он темный — я видела это. А ведь мог проявиться светлый, и тогда, боюсь, вашей семье пришлось бы вас убить.

— Ч-что?

Умбра Лей-Тора не спешила с ответом. Жевала сухие губы и обводила присутствующих мутным взглядом выцветших глаз.

— Вы ведь знаете, мои дорогие, что уже несколько сотен лет наша империя противостоит нападкам Солнечного царства, — наконец заговорила она. — Светлые чародеи, населяющие его, поклоняются Пресветлому Отцу-создателю, отвратительному в своей сути. В отличие от нашей всепонимающей Полуночной Матери, их Отец — жадный до власти, безжалостный, выжигающий все дикарь. И его единственное развлечение — вырывать сердца поверженных темных ведьм, уродовать их, превращая в благословенные камни, и использовать против нас же. Есть легенда…

Артиэлла тяжело вздохнула и медленно, будто ощущая на плечах груз прожитых лет, вернулась на подушки. Устроилась на них, тяжело покряхтывая, потом заговорила, размеренно и певуче:

— На истоке времен с неба упала звезда, настолько яркая, что сиянием своим разделила мир на темную и светлую половины. Из тьмы вышла Полуночная Матерь, а из света — Пресветлый Отец. И решили они жить в мире и согласии, сменяя друг друга по очереди, и многие тысячелетия следовали договоренности. Но наскучила им такая жизнь, и захотели они дать начало детям своим — так Полуночная Матерь породила темных ведьм и колдунов, а Пресветлый Отец создал светлых чародеек и заклинателей. И жили они в мире еще тысячу лет.

Голос Лей-Торы звучал приглушенно, а сама она прикрыла глаза, будто вспоминая те далекие события.

— Не могла нарадоваться Полуночная Матерь на собственных детей: улыбалась так счастливо, светилась такой любовью и вздыхала так мечтательно, следя за успехами их, что невольно похитила сердце Пресветлого Отца. Вот только не стал он добиваться взаимности, а в жадности своей захотел подчинить ночную красавицу, доказав могущество собственной силы и власти. Подкараулил он Полуночную Матерь в предрассветных сумерках и взял против воли. Не смотрел он на слезы ее, не слушал мольбы, лишь утолял собственный голод. А утолив — бросил в тени ускользающей ночи и ушел в рассветном сиянии.

Сидящая сбоку от меня лерната охнула, ее соседка воинственно нахмурилась. На лицах всех халцедонов явственно читалось сочувствие к покровительнице темных и злость на защитника светлых.

— Затяжелела Полуночная Матерь, — продолжила напевный рассказ Лей-Тора. — Все росла она, как луна на небосклоне, пока в одну из ночей не разрешилась солнечной дочерью. Но возненавидела она ее, как символ пережитого унижения и слабости, и убила без колебаний. Вознегодовал Пресветлый Отец, что посмела она руку поднять на дитя его, и натравил светлых чародеек да заклинателей на темных ведьм и колдунов. И началось противостояние, которое длится по сей день. И прокляли оба созданий друг друга, и стали рождаться у них дети чуждой стихии… — артиэлла на несколько секунд замолчала, а потом совсем тихо и печально закончила: — Редко рождаются такие дети, но если все же какой род запятнает себя этим позором, то надлежит тому роду лично избавиться от неугодного, дабы кровью его очистить имя свое.

Лернаты молчали, пораженные легендой. Многие хмурились, некоторые девушки тайком утирали выступившие слезы. Лей-

Тора сидела с закрытыми глазами, точно убаюканная мелодичностью собственного голоса. Я же пыталась осознать смысл последних слов предания.

Выходит, избавиться от неугодного ребенка надлежит его семье? То есть, узнай Лангария о природе моего дара, она бы… убила меня?

Нет! Невозможно!

Я читала записи о светлых, рожденных в Лунной империи! Да, их убивали. Но нигде — нигде! — не упоминалось, что делали это их же близкие.

Или…

Страшная догадка вспыхнула в сознании, словно молния в ночи.

Или мой детский разум попросту отказался принимать жестокую правду и защитил себя, как сумел?

Впрочем, уже неважно. Главное — я выжила, а моя тайна по-прежнему остается тайной. Через четыре года я окончу академию и на несколько дней — до проведения обряда принятия — буду считаться безродной. Так поступают с каждым выпускником-лернатом: инициируют его и возвращают в род полноправным колдуном или ведьмой.

Для меня же старая традиция — единственный шанс спастись, не уничтожив при этом чести дома Мак-Мора. Ведь когда я сбегу, я буду просто Идэйн, и даже если правда о моем даре станет известна, она уже не сможет навредить ни Лангарии, ни Мойре. Никому.

Тяжелые мысли не отпускали меня до конца занятия. Я почти не вслушивалась в рассказы Лей-Торы, не обращала внимания на цветные песчинки, которые вспыхивали, стоило очередному лернату коснуться дланного слепка.

Протяжный звон колокола, пронесшийся над академией, ознаменовал начало обеда. Вместе с остальными лернатами я покинула Звездную башню и двинулась к Корпусу Ораха. Спешить не хотелось. Да и голод, заглушенный волнением, почти не ощущался.

Отстав от шумного потока халцедонов, я неспешно брела по коридорам академии. В главном холле остановилась на несколько минут, любуясь огромным окном-розой, потом продолжила путь. Я почти добралась до трапезной — даже шум голосов слышался уже отчетливо, — как вдруг мне на голову посыпалась мелкая, точно пыль, каменная крошка. Нахмурившись, я посмотрела вверх и испуганно шарахнулась в сторону. С выступа, щеря сколотые от времени зубы, мне улыбалась горгулья.

— Илэйн Дельвар? — в скрежете камней мне отчетливо

послышалась издевка — горгулья знала, к кому явилась, но с видимым удовольствием наслаждалась моим испугом. Еще бы! В нашем поместье статуи не оживали.

— Вам надлежит немедленно явиться к артиэлле Алире Мак-Фордин — директору Академии Полуночи.

— Н-но зачем?

— Придешь, тогда и узнаешь.

Горгулья подмигнула и, не прощаясь, вновь обернулась неподвижной статуей.

* * *

Стук невысоких каблуков расходился по коридорам гулким эхом. Я давно покинула Корпус Ораха и сейчас шагала к магистерскому крылу. Выйдя на улицу, миновала открытый проход, над которым толстыми ветками нависали аркбутаны, и нырнула сквозь огромные, украшенные растительным орнаментом двери.

Эта часть академии выглядела роскошнее: витражи казались больше, а украшения залов — искуснее. Ведомая Путеводным светом, я поднялась по широкой, уходящей по дуге вверх лестнице и миновала очередной коридор, мельком поглядывая на портреты ведьм и колдунов.

Наконец я оказалась перед стрельчатой дверью. На табличке из черного серебра значилось:

Артиэлла Алира Мак-Фордин
Директор Академии Полуночи

Две строчки изящных букв с завитушками, две вытянутые заглавные «А», одно имя, одна должность… и один и тот же страх, рождаемый ими в груди каждого лерната, оказавшегося у этой двери.

Вот только я не боялась. Волновалась — да, но не настолько, чтобы забыть, как следует держаться дочери рода Мак-Мора. Трижды стукнув костяшками по темному дереву, я дождалась разрешения и вошла.

Алира Мак-Фордин была красива. Именно эта мысль первой возникла в моей голове, стоило только переступить порог. Я не представляю истинный возраст артиэллы, но выглядит она едва ли старше тридцати пяти. Идеальная осанка, величественный разворот плеч, мягкий, но внимательный взгляд темно-фиолетовых глаз. В иссиня-черных волосах поблескивал аметистовый гребень. На тонкой шее, обтянутой кружевным

воротом, висел кулон с заключенным в него лунным камнем. Но не тем, из которых делают Путеводный свет для лернатов, а особенным — едва заметно мерцающим белым.

— Яркой вам луны, директор Мак-Фордин, — я склонила голову в приветствии, а когда снова посмотрела на артиэллу, поймала ее добрую улыбку.

— И вам яркой луны, лерната Дельвар. Прошу, располагайтесь, — мне жестом указали на стоящее перед столом кресло.

Я послушно села, и артиэлла продолжила:

— Магистр Дис-Рона поведала мне о происшествии на ее занятии. Кроме того, она любезно поделилась выводами относительно причин, толкнувших вас на столь опрометчивый поступок. Скажите, вас действительно вынудили это сделать?

Стоило Мак-Фордин задать вопрос, как камень на ее груди засветился ярче. Наверное, при других обстоятельствах я бы не заметила этого. Но едва поняв, что разговор пойдет о моей неудавшейся попытке саботажа, я опустила взгляд, всем своим видом выражая раскаяние. Вот только, против обыкновения, смотреть стала не в пол, а на медальон, висящий поверх платья директора.

Остальная картинка сложилась быстро. У Лангарии был похожий медальон, но чуть более вытянутой формы, и я знала его название — Правдивая Луна. Он вылавливал малейшую фальшь в голосе собеседника и предупреждал хозяина.

— Я не могла поступить иначе, — ответила почтительно, не позволяя паузе затянуться.

— То есть вас вынудили? — повторила Мак-Фордин.

— Скорее, не оставили выбора.

Это была чистая правда: светлый дар требовал хотя бы попытаться спасти обреченных существ. И медальон не уловил в моем голосе фальши.

— Что ж… — четко очерченные черные брови сошлись на переносице. — В таком случае я попрошу вас назвать имена виновных.

В груди похолодело. Назвать имена я не могу, ведь никаких виноватых, покарать которых так жаждала Мак-Фордин, нет. А любую ложь медальон тут же выявит. Все, что мне оставалось, — молчать, в волнении сжимая пальцы в кулаки.

— Лерната Дельвар, — мягко позвала директор, заставляя встретить ее взгляд. — Я на вашей стороне, так что ничего не бойтесь. Ситуация с этими… пари, — в темно-фиолетовых глазах мелькнуло неодобрение, — ухудшается год от года. Вместе с другими магистрами мы пытаемся пресечь травлю халцедонов.

Ведь, как нетрудно догадаться, именно вы и другие лернаты, носящие кольца из того же камня, больше остальных попадаете под удар. Но многие предпочитают отмалчиваться. Это глупо, Илэйн. Назовите имена обидчиков, и я лично прослежу, чтобы они не ушли от наказания.

Алира Мак-Фордин говорила вкрадчиво, заботливо — когда-то давно, еще до проявления, так со мной разговаривала Лангария. В груди вспыхнуло старое, почти забытое желание спрятаться в ласковых объятиях, ощутить мягкие прикосновения к волосам, почувствовать себя защищенной и любимой. Но только я давно научилась не поддаваться таким порывам — знала: Лангария не станет обнимать Недоделка.

Вот и сейчас я легко заглушила желание довериться. Сохранила на лице сдержанную улыбку и качнула головой.

— Благодарю за заботу, директор Мак-Фордин. Но всю вину за случившееся я готова принять на себя.

Медальон на груди артиэллы оставался спокойным, подтверждая искренность моих слов. И его хозяйке это явно не понравилось — красивые губы дрогнули, готовые стянуться в нитку, но тут же отработанным движением растянулись в печальную улыбку.

— Что ж, лерната, — вздохнула Мак-Фордин в притворном сочувствии, — если вы уверены в своем решении, тогда мне ничего не остается, кроме как принять его. Четыре часа отработки на кухне. Надеюсь, они помогут вам понять, что ответственность за проступки должны нести виновные. Никто не оценит ваше заступничество. Но если передумаете, — мне достался выразительный взгляд, — возвращайтесь.

Попрощавшись, я покинула кабинет, закрыла за собой дверь и с облегчением выдохнула. Отработка на кухне меня не пугала, а осознание того, что мне удалось сохранить секрет и не попасться на вранье, грело душу.

Я уже собиралась отойти от двери, как по ту сторону раздался голос директора:

— Гордин, зайди ко мне. Немедленно. И принеси дела тех лернат-изумрудов. Да, кажется, я поняла, на какую отработку следует послать наших маленьких злобных гарпий.

ГЛАВА 9

На обед я едва успела. Раэль — тот самый рыжеволосый парень, который вчера посоветовал не затягивать с получением кольца, — снова дежурил на раздаче. Завидев меня, он махнул рукой, подзывая, и передал, что на отработке меня ждут сразу после ужина. Я кивнула. Забрала положенный халцедону обед — рагу, салат и пряный имбирный чай — и поспешила к серым столам.

Вкуса еды я почти не ощущала. Подслушанные слова Мак-Фордин разбередили рой сомнений и беспокойства. Я пыталась, но никак не могла понять поведения директора: зачем ей усложнять мне жизнь? Из-за того, что посмела пойти против ее воли и отказалась назвать имена виновных? Или все дело в моем, как она считает, желании заступиться? Да, темные не выгораживают друг друга, но и для молчания может быть несколько причин.

А эти лернаты-изумруды… Кто они? Чего ждать от грядущей встречи?

С каждой минутой догадки становились все мрачнее, и под конец трапезы я уже не сомневалась — придется отбиваться. Только как?

Плести фантомов я не умею — слишком низкий уровень силы, физическими способностями не отличаюсь, а на приготовление зелий времени нет. Ужасное состояние: знать, что опасность притаилась за углом, и не иметь возможности ни защититься, ни сбежать. Да и помощи попросить не у кого.

Хотя… Я застыла, так и не донеся вилку до рта.

Хэйден Морроубран.

Один раз он уже помог мне. И пусть я не понимала его мотивов, пусть за ними мог крыться интерес пострашнее планов Мак-Фордин, но сейчас Хэйден виделся мне единственным шансом выкрутиться из опасной ситуации.

Не доев, я поднялась и спешно покинула трапезную.

В коридорах академии было шумно. Разноцветным потоком лернаты разбредались на занятия, шли в библиотеку или в парк, если позволяло расписание. Но странным образом мне встречались кольца всех оттенков, кроме черных. Нефриты будто испарились. Путеводный свет мог отвести меня в любой, даже самый потаенный уголок академии, однако проводить к нужному колдуну оказался не в силах.

Оставался последний вариант. И Полуночная Матерь свидетель, я не хотела к нему прибегать, но выбора не было.

Прикрыв глаза, я мысленно потянулась к сути Мойры — почти так же, как делала это на занятии по звездочтению — поймала слабый отклик и зашагала в нужную сторону.

Я знала, что сестра не обрадуется встрече, но не ожидала, что она будет в таком бешенстве. Она выскочила из перехода, когда я шла по боковому коридору, укрыла нас мощным пологом для отвода глаз и прорычала:

— Что ты творишь, Недоделок? Тебе что, свет ум выжег? Хочешь, чтобы нас увидели вместе?!

— Мне пришлось, прости. Я ищу Хэйдена Морроубрана.

Едва услышав имя северянина, Мойра нахмурилась и недовольно, но уже без прежней ярости, всмотрелась в мое лицо.

— Зачем он тебе?

— Хочу попросить о помощи.

— Морроубрана? Поверь, он последний, у кого стоит быть в долгу. Понятия не имею, откуда ты узнала его имя, с чего вообще решила сунуться к нему, но советую держаться от этого колдуна как можно дальше.

— Но…

— Как можно дальше, Илэйн! — повторила сестра громче.

Быть обнаруженной она явно не боялась — знала: полог надежно укрывает нас от посторонних глаз и ушей.

— Но мне нужна помощь, — напомнила я упрямо. — На отработке будут изум…

— Учись сама справляться с трудностями, — холодно перебила сестра. — В академии тебе ничто не угрожает, тут даже проклятия выше четвертого уровня запрещены.

— Да, но если…

— Потерпишь! Ты халцедон, вот и держись среди своей серости. Даже думать о нефритах забудь! А о Морроубране в особенности!

Развернувшись, Мойра открыла новый переход и исчезла. Я же хмуро уставилась на опустевшее место. Интересно, мне показалось, или сестра… боится Хэйдена?

* * *

Вторая половина дня пролетела пугающе быстро. Минуты таяли, как застигнутые весенним солнцем снежинки: моргнешь, а их уже и нет. За ужином я искоса поглядывала на сидящих неподалеку изумрудов. Все пыталась угадать, кто же они — маленькие злобные гарпии? Но за зелеными столами царила дружеская атмосфера: звучал привычный гул голосов, доносился

смех — высокий женский или раскатистый мужской, — слышался стук приборов о тарелки. Если бы не цвет одежд, изумруды бы ничем не отличались от халцедонов — наверное, могли бы даже поладить. Но в академии камни в кольцах определяют всё.

С окончанием ужина трапезная опустела. Я подошла к двери на кухню, стукнула несколько раз и, не дождавшись ответа, потянула массивное кольцо на себя.

Помещение по ту сторону деревянной преграды оказалось огромным. Тяжелые мраморные столы, несколько печей и жаровен, длинные стеллажи, заставленные кастрюлями и сковородками. Ряды тарелок для всех лернатов — от халцедонов до нефритов, — огромные глиняные кружки с торчащими из них ручками столовых приборов. Мешки с крупами, ящики с овощами…

— О, Дельвар? — из-за стеллажа, увешанного связками лука и чеснока, показалась женщина. — Меня зовут сэла Мерула Найрин, я главный кухарь академии. Проходи, не робей.

У Мерулы была приятная улыбка, ямочки на щеках и большие голубые глаза. Каштановые волосы, собранные в тугой пучок, покрывал серый платок. Такого же цвета был передник, обнимающий пышное, точно подошедшая сдоба, тело.

— Пойдем, покажу тебе, чем будешь заниматься. Ты пришла первой, так что и работенку получишь поприятнее.

Развернувшись, Мерула зашагала вглубь кухни.

— Готовить-то умеешь?

Я растерялась. Сэлы обычно сами занимаются домашними делами, почти не прибегая к помощи наемных кухарей. Высокородные артиэллы, напротив, не утруждают себя подобной работой. Будучи дочерью Лангарии, я получила образование и воспитание истинной артиэллы и могла сладить с любым, даже самым капризным ведьминым котлом, но никак не со сковородкой.

— Матушка говорила, я способна испортить любое дело, за которое возьмусь.

Мерула, обернувшись через плечо, глянула на меня с улыбкой.

— Поэтому такая тощая? Кормили твоей же стряпней? Ладно, Дельвар, не тушуйся — и тебе найдется работенка по плечу. А с готовкой мы сами сладим: помощники у меня шустрые, да и зачарованные жаровни работают исправно. Вот, пришли.

Мы остановились у большой печи, на которой в пузатой кастрюле закипала вода. Рядом на столе стояли миска с просом и низкий стакан, на четверть пальца заполненный солью.

— Как закипит, высыпи все. А сама пока разбери зелень, —

мне указали на плетеную корзинку. — Справишься?

— С этим — да, — я улыбнулась.

Мерула кивнула. Открыла рот, явно собираясь сказать что-то еще, но так и не озвучила мысль — ее отвлекли донесшиеся от входа голоса. Пришли изумруды.

Я напряглась и неосознанно встала вполоборота, прикрывая спину столом. Возможно, Мойра права, и переживать действительно не о чем, но рисковать я не собираюсь. Иногда лучше выйти в пасмурную погоду с зонтом и проносить его весь день закрытым, чем понадеяться на удачу и вымокнуть до нитки под внезапно начавшимся ливнем.

Мерула вернулась через минуту. За ней, точно утята за мамой-уткой, шли две лернаты в зеленых платьях. Обе оказались худенькими, невысокими, со схожими круглыми лицами. Обе смотрели на меня с одинаковым беспокойством. Настолько искренним, что я усомнилась. Эти девушки не похожи на «маленьких злобных гарпий» — скорее уж на тех, кто сам всегда попадает под удар.

Так может, мне неслучайно повезло подслушать разговор директора? Вдруг Мак-Фордин специально запугивает провинившихся лернатов? Это бы объяснило затравленные взгляды изумрудов. Однако с выводами я не спешила.

Мерула подвела девушек к соседнему столу, выдала ножи, миски и наказала чистить овощи. Потом, пообещав держаться поблизости, ушла. Мы же остались втроем. Заговаривать не спешили — так и работали, искоса поглядывая друг на друга.

Через полчаса кухарь вернулась, отругала одну из лернат, что та слишком толсто снимает кожуру с картофеля, похвалила вторую. Убрала с огня кастрюлю с просом и на ее место водрузила вытянутую сковороду, в которой томилось мясо с травами для магистров. Велела мне поглядывать. Потом снова удалилась.

Работа текла спокойно: изумруды занимались овощами, я промывала порей, следя, чтобы между стеблей не осталось ни крупицы земли, разбирала зелень. От печи веяло теплом. Тишину кухни нарушало лишь приглушенное бульканье, плеск воды и звук падающих в корзину очисток. Наваливалась сонливость.

Безумный бег времени прекратился, и теперь минуты лениво сменяли одна другую. Поднимающиеся от сковороды ароматы вплетались в расслабляющую атмосферу кухни, дарили ощущение уюта и, странным образом, защищенности.

Внезапный вскрик и последующий за ним грохот разрушили магию момента. Заставили вздрогнуть и испуганно глянуть на лернат. Одна из них — судя по всему, тоже поддавшись

сонливости, — задела корзину с еще не чищенным картофелем и опрокинула ее. Белые клубни, точно мячики, тут же раскатились по кухне. Несколько из них мягко ткнулись в мои туфли.

— Простите, — пробормотала девушка, принимаясь ловить сбежавшие овощи.

Я присела и подняла те, что оказались возле меня. Закинула их в корзину и, повернувшись обратно, успела заметить отскочившую от печи лернату. В душе похолодело.

— Директор Мак-Фордин просила передать, что ее предложение остается в силе, — усмехнулась она.

Потом ловко накинула «ведьмино лассо» на разбросанный картофель и стянула его на место. Я же кинулась к печи, но не успела. От сковороды повалил фиолетовый дым, а в следующий миг ужин для магистров взорвался, забрызгав густой подливкой половину кухни.

— Дельвар что-то кинула в соус! — в один голос закричали лернаты, едва завидев Мерулу.

ГЛАВА 10

Мерула Найрин не стала слушать моих объяснений, не дала даже защититься. Разозленная устроенным погромом, она едва сдерживалась, чтобы не сорваться на крик. Попытки переключить ее внимание на изумрудов тоже потерпели крах. Каждый раз, когда Мерула поворачивалась к ним, гарпии строили настолько невинные лица, что поверить в их причастность было невозможно. В остальное время они гадко улыбались, поглядывая на меня из-за спины кухаря, и с видимым наслаждением слушали, как меня отчитывают.

Никогда прежде — даже в поместье Мак-Моров — я не чувствовала себя настолько беззащитной. И собственное бессилие злило. Оно полыхало в груди холодным огнем, ощущалось щекоткой под ребрами и покалыванием на кончиках пальцев. Мне хотелось защититься, хотелось воззвать к справедливости и заставить изумрудных лернат понести наказание… только я не представляла, как это сделать.

— Я доложу о случившемся директору Мак-Фордин, и уже она назначит тебе наказание, — пыхтела, будто закипающий чайник, Мерула. — А теперь вон с моей кухни! И появляться здесь больше не смей!

Подгоняемая криками кухаря и гадкими улыбочками лернат, я вышла в трапезную. Огляделась, желая увериться, что никто не видел столь унизительной сцены, и спешно — едва ли не бегом — покинула помещение. Однако уйти далеко не получилось.

Я миновала всего два коридора и одну галерею, как из-за поворота возник Арден и преградил мне дорогу.

— Привет, молчунья, — улыбнулся он.

Я же мысленно застонала. Встреча с наследником Шантаров — последнее, чего бы мне сейчас хотелось. По правде сказать, я бы предпочла, чтобы он держался от меня как можно дальше. Но, судя по всему, разбуженному интересу Арден мог противостоять не лучше, чем я — светлым порывам. Мы оба были заложниками наших сущностей.

— Яркой вам луны, артиэлл, — произнесла я, заставляя собственный голос звучать почтительно. Забывать о разнице наших статусов опасно: в академии он артиэлл, я — всего лишь сэла.

Арден неодобрительно прищурился и сократил между нами расстояние. Причем настолько, что, заметь нас кто со стороны, сплетен о любовной связи между нефритом и халцедоном не избежать. Вот только во взгляде колдуна не было страсти —

скорее, болезненный интерес, иссушающая нужда. И это пугало даже сильнее.

— Каково это? — выдохнул он, шевеля дыханием мои волосы. — Каково притворяться, будто ты ниже меня по статусу?

Грудь сковало льдом страха, перед глазами поплыло, но внешне я не дрогнула — знала это, чувствовала застывшую на лице маску холодной сдержанности.

— Твои руки, твоя осанка, твоя манера держаться… слишком много в тебе от артиэллы, чтобы ошибиться. Так кто же ты?

— Кажется, еще вчера вы желали самостоятельно найти ответ на этот вопрос, — я позволила себе ничего не значащую улыбку, пустую и отстраненную.

Всего лишь приличествующее ситуации поведение, но взгляд Ардена зацепился за нее, задержался на моих губах дольше, чем того дозволяют правила.

— Даже твоя улыбка идеально выверена, — произнес он. — Я вижу каждую эмоцию, которую ты хочешь передать. Они слишком чистые. Нет смазанности, нет жеманства, нет чрезмерной манерности. Каждое движение отточено настолько, что становится естественным. Такое возможно только в древних родах. Но ты халцедон… Халцедон из древнего рода. Пятно на чести семьи.

Последние слова задели, и я едва сдержалась, чтобы не отвернуться. Но сейчас это было бы непростительной ошибкой. Он смотрит. Ждет. Ловит каждую эмоцию. И я не могу попасться так глупо — я не проиграю.

— В тебе столько выдержки, — Арден наконец отвел взгляд от моих губ и посмотрел в глаза. — Если бы ты была нефритом, ты стала бы драгоценностью, украшением рода. Могла бы возвысить его, наделить еще большими влиянием и силой.

Каждая фраза ранила иглой. Тонкой, острой, длинной — она проникала под кожу и оставляла после себя кровоподтеки. Вот только не на моем теле — на моей душе.

— Но Полуночная Матерь отвернулась от тебя. Ты проклятая дочь древнего рода. Рожденная править, но лишенная короны…

На последних словах, боюсь, выдержка все же изменила мне, и я дернулась в попытке увеличить дистанцию.

— Я не понимаю ваших речей, артиэлл. Прошу простить, но вынуждена…

— Не понимаешь? — перебил Арден, дернув уголком рта.

Против воли я проследила за этим жестом.

— Родись ты нефритом, наши судьбы переплелись бы в полотне Полуночной Матери. Как бы ни назывался твой род, он из древних — а значит, ты могла бы стать моей. Но вместо этого

тебе предначертано носить на пальце халцедоновое кольцо. И теперь два жалких изумруда гонят тебя, словно охотничьи псы — лисенка. Полуночная Матерь действительно бессердечная дрянь.

— Ч-что?

Нет, меня насторожили не оскорбления покровительницы темных, а упоминание зеленых лернат. И Шантар понял мой вопрос правильно.

— Я видел тебя, — пояснил он. — Стучащую в дверь кухни, взволнованную, но держащую спину прямо. Гордую и упрямую. А через пару минут я заметил Аливеру и Милантэ, идущих следом. Маленькие гарпии Мак-Фордин — так их называет директор, так они зовут себя сами. Лицемерные, хитрые паршивки, почти неуловимые в своих подлостях. Мне стало интересно, что же они устроят на этот раз, и я оставил соглядатая, — Арден с лукавой улыбкой достал из кармана маленький мутно-желтый камень.

Я не поверила собственным глазам.

— О, вижу, ты узнала вещицу. Да, моя молчунья, это Видящий камень. Было несложно под пологом отвода глаз пробраться внутрь и оставить его на одном из стеллажей. А после, когда крики стихли, вернуться и забрать. С ним можно доказать твою невиновность, дать отпор не только Аливере и Милантэ, но и самой Мак-Фордин.

Я смотрела на Видящий камень словно зачарованная. Чувствовала, что все сказанное нефритом — правда. И понимала главное: Арден не отдаст мне ключ к спасению просто так. Переведя взгляд с камня на лицо колдуна, я вновь утонула в его темно-синих, словно океан, глазах и спросила:

— Чего вы хотите, артиэлл?

Арден не спешил отвечать. Скользил по моему лицу взглядом, точно пальцами, и улыбался.

— Как тебя зовут?

Вопрос удивил. Настолько, что, растерявшись, я ответила:

— Илэйн.

— Илэйн, — повторил он тихо.

И впервые мое имя прозвучало так нежно. Кажется, будто срываясь с губ Шантара, оно становилось другим — мягким, загадочным… желанным. Никто, даже Лангария до моего проявления, не произносил его *так*.

— Расскажи мне о себе, Илэйн, — дыхание Ардена скользнуло по моей щеке.

Он по-прежнему стоял слишком близко. Я чувствовала исходящий от него запах мореного дерева, сырой земли и металла. Терпкий, чуть резковатый — такой аромат мог принадлежать только очень сильному колдуну. Но в Ардене

привлекала не сила, не щедрый дар, полученный им от Полуночной Матери, а что-то едва уловимое — что-то, чему не получалось подобрать определения.

— Это плата?

— Нет, — Арден качнул головой, — просьба. Кто ты? Откуда? Почему изображаешь сэлу?

— Я сэла…

— Не ври мне, Илэйн. Ты должна была стать черной жемчужиной — украшением своего рода, но что-то пошло не так. Что же? Звезды? Проклятье?

Я молчала. Не сводила с Шантара напряженного взгляда и не шевелилась. Колдун нахмурился.

— Ты боишься меня?

— Не понимаю, — ответила честно. — Какой интерес может быть у нефрита к халцедону?

Арден хмыкнул.

— Мне неважен цвет камня на твоем пальце.

— Именно поэтому вы так любезно напомнили мне, что я позор и проклятие рода? Бросьте, артиэлл, назовите свою цену, и покончим с этим. Что вы хотите в обмен на Видящий камень?

Синие глаза прищурились.

— Камень — единственное, что тебя интересует? Как и остальные, печешься лишь о собственной выгоде?

— Вы говорите так, словно порядки темных вас не устраивают, — я снова позволила себе вежливую, чуть отстраненную улыбку.

Шантар нахмурился и приблизил свое лицо к моему настолько, что между нашими носами осталось не больше нескольких сантиметров.

— Не думаю, что тебя саму устраивают эти порядки, — едва слышно произнес он, касаясь дыханием моих губ. — Не пытайся лукавить, Илэйн. Ты не похожа на других темных ведьм. Возможно, все дело в слабом даре, или суть ночи не повлияла на твой характер — я не знаю, не понимаю, в чем именно твой секрет. Но он манит. Ты манишь.

Мне не понравились слова Ардена. Слишком неоднозначные, слишком опасные. Я вновь отступила на шаг, увеличивая дистанцию. Если бы могла — развернулась бы и позорно сбежала, до того сильно пугало внимание Шантара. Но у него Видящий камень — мой шанс защититься.

— Вы говорили, если бы я родилась нефритом, наши судьбы могли переплестись. Но раз этого не случилось, должна быть другая ведьма.

— Она есть, — взгляд Ардена вновь изменился: стал

внимательным, цепким, точно у гончей, почуявшей след. — Тебя беспокоит именно это? Думаешь, я обручен?

Я изогнула левую бровь и позволила уголку губ чуть приподняться. Арден хмыкнул.

— Не дразни меня, Илэйн. В твоем взгляде вызов, и вся моя суть кипит, требуя ответить на него. Не стоит проверять границы моей выдержки, поверь, я и без того близок к тому, чтобы их перешагнуть. А что касается невесты, ты права — она есть. И в то же время ее нет.

Мои губы приоткрылись и замерли; изо рта так и не вырвалось заготовленное «тогда вам следует проявлять к ней больше уважения». Как это — нет невесты? А Мойра?

— Решения о таких браках принимают главы семей. Они же выбирают срок, когда ведьме и колдуну надлежит переплести нити судеб. Неужели не знаешь? — усмешка, искривившая губы Ардена, вышла до очевидного кислой. — Нам обоим отмерили времени лишь до окончания академии, а после — обряд принятия, возвращение в род, брак. Все решили за нас, молчунья. Мы с ней не выбирали друг друга, и оба не горим желанием исполнить родительскую волю. Но правила есть правила.

Я качнула головой. Нет, Арден Шантар, ты ошибаешься. Может, Мойра действительно не делала выбора, но она его приняла. И не просто приняла, а рада ему. Она ждет этого брака и давно отдала тебе свое сердце. А оно у нее есть.

Пусть мы с сестрой потеряли связь, но я помню, какой она была до моего проявления. Мы не просто дружили — мы будто делили одну душу на двоих. Это Мойра приходила ко мне ночью, когда я не могла уснуть: рассказывала сказки и гладила по волосам. Не Агрена — Мойра. Именно ко мне она прибежала первой, когда ее силы пробудились. И она же дольше остальных пыталась защитить меня, едва стало понятно, что мой дар слишком слаб.

Но и Мойра была ребенком. Сколько могла она противиться установленным порядкам? Как долго выгораживала меня перед матушкой? Я уже и не вспомню. Но в одном уверена до сих пор: Мойра не предала меня в один день — ее научили презирать мою слабость. И пусть сейчас между нами не осталось теплых сестринских чувств, я все равно желаю ей счастья. Как минимум за то, что в детстве именно Мойра прогоняла мои кошмары.

— Думаю, вашей невесте не понравится повышенное внимание к другой лернате, — произнесла я холодно. — Пожалуйста, артиэлл, назовите вашу цену за Видящий камень, и покончим с этим.

Арден снова нахмурился. Но ненадолго, всего на секунду, а

после — улыбнулся.

— Раз тебе от меня нужен лишь камень, пожалуй, стоит продать его подороже. Интересно, что же мне попросить взамен? — он задумчиво склонил голову набок, и непослушная прядь его волос вновь упала на лоб.

Против воли я задержалась на ней взглядом. Пальцы едва ощутимо закололо от желания дотронуться, но я сжала их в кулаки. Нельзя.

— Коснись меня, — тихо произнес Арден. — Перестань себя сдерживать. Сделай это, и я отдам тебе Видящий камень.

Почему из всех возможных вариантов он выбрал именно этот? Заметил мой интерес? Или сам желал того же? Понятия не имею. Но знаю главное: мне нужен Видящий камень. И если получить его так просто, то… то почему я сомневаюсь?

— Ну же, Илэйн.

Словно зачарованная, я подняла руку. Мои пальцы замерли напротив лица колдуна — распрями я их, и они коснутся густых угольно-черных волос. Однако я медлила. Что-то словно сдерживало меня от последнего шага.

Мойра.

Она влюблена в Ардена. И пусть для самого колдуна их договорная помолвка ничего не значит, для Мойры это не пустой звук. Я не хочу ранить ее чувства.

С другой стороны, в одном прикосновении нет ничего запретного. Это просто плата за Видящий камень, за шанс доказать мою невиновность и избежать несправедливого наказания.

— Смелее, — едва слышно выдохнул Шантар.

И я почти решилась, почти совладала с робостью и с сомнениями, но вдруг рядом кто-то хмыкнул. Резко отстранившись, я повернулась в сторону звука.

На нас, прожигая взглядом, смотрел Хэйден Морроубран.

ГЛАВА 11

Я смутилась.

— Хоть бы потрудился поставить полог, — в голосе северянина отчетливо прозвучало презрение. — Пятнать себя связью с халцедоном, да еще и почти белым.

— Не лезь, Морроу.

Арден шагнул вперед и встал так, чтобы прикрывать меня плечом.

— Ох, ну надо же, — жесткие губы Хэйдена растянулись в усмешке. — Готов защищать слабых и убогих? Тебе что, свет разум выжег?

— Не твое дело, Морроу! Иди куда шел.

Северянин не ответил — так и стоял, нависая над нами скалой. И внезапно я вдруг подумала, что Хэйден похож на земли, в которых родился. Он выглядел так же холодно и неприступно, но вместе с тем — столь же величественно. Словно покрытые льдом вершины гор, укутанные снегом перевалы или отвесные склоны. В нем чувствовалась не просто сила, а скрытая мощь. Мощь и спокойствие.

И кажется, Арден тоже это почувствовал. Он заметно напрягся, подался вперед, будто готовясь отразить нападение; выглядел при этом воинственно и грозно. Но Хэйден не дрогнул. Снова хмыкнул, мазнул по мне полным пренебрежения взглядом и, развернувшись, направился к выходу из галереи.

Я смотрела ему в спину, слушала эхо тяжелых шагов и кусала губы. Почему-то меня задело, что он не сказал мне даже слова. Я словно упала в его глазах, будто допустила непростительную ошибку… И пусть сама я знаю, что ничего подобного не совершала, на душе стало тоскливо.

— Не обращай внимания, — беспечно произнес Арден. — Это Морроубран — он себе на уме.

Я с трудом отвела взгляд от широкой спины, обтянутой черным кителем, и посмотрела на Шантара.

— Илэйн? — он нахмурился.

Не уверена, заметил ли Арден перемену в моей мимике или интуитивно почувствовал неладное, но сейчас в глубине синих глаз расплескалось недовольство. Слишком заметное, оно напоминало океан перед штормом — такое же темное, опасное, способное захлестнуть и погубить все, что окажется у него на пути. Но на кого оно направлено? На меня? Или на Хэйдена?

— Он прав, — не удержавшись, я снова посмотрела вслед северянину, но тот уже покинул галерею. — Нам не стоит вести

себя столь опрометчиво. Вряд ли вашей невесте понравится, что вас касалась низкородная сэла.

— Илэйн, мне казалось, мы прояснили этот момент, — голос Ардена зазвучал ниже, рассерженнее.

Из тяжелых туч, нависших над океаном, вырвалась первая молния. Слепящей вспышкой она осветила сгущающийся мрак, а после — уступила место раскатистому грому. Но только я не дрогнула — за последние одиннадцать лет мне часто доводилось терпеть недовольство Лангарии. И я знала: рано или поздно любой шторм успокаивается.

— Пожалуйста, артиэлл, назовите другую цену. Из уважения к вашей невесте, из уважения ко мне, прошу вас.

Арден нахмурился. Мимические морщины изрезали переносицу и лоб, словно беспокойные волны — океан.

Секунды три колдун молчал, потом качнул головой.

— Мы договорились, Илэйн. Если тебе нужен Видящий камень, придется выполнить мое условие.

Я всмотрелась в красивое лицо. В его аристократичные черты, бездонные глаза, острые скулы, прямой нос. Подобную внешность вытачивают поколениями, соединяя лучшее с лучшим, полируют манерами и воспитанием, наделяют силой. Арден казался идеальным, словно океан, — такой же сильный и манящий. Такой же опасный. Но только я не имею права ступать в эти воды.

— Вы помолвлены, артиэлл. И если для вас этот факт ничего не значит, то я не могу притвориться, что не знаю о нем. Пусть Полуночная Матерь отмерила мне мало сил, но хочется верить, что о чести она не забыла. Темной вам ночи, — я склонила голову, выражая уважение к высокородному, и обогнула замершего статуей колдуна.

Да, я надерзила: не смеет сэла первой прекращать разговор, не смеет напоминать о чести артиэллу. Но я не могла поступить иначе. Он жених моей сестры, и если он не чувствует к ней любви, то может выказать хотя бы уважение. Как он верно заметил, она тоже его не выбирала.

— Илэйн!

Я обернулась.

— А Видящий камень?

Арден выглядел растерянным. И где-то в глубине души я испытала удовлетворение: приятно, что не только он может удивлять меня своим поведением.

— Оставьте его себе, артиэлл. Если директор Мак-Фордин действительно задумала наказать меня, она найдет способ это сделать: с помощью гарпий или без них. И в таком случае разумнее будет не злить ее еще больше, а позволить довести

начатую партию до конца.

— Гордость — хорошее качество, Илэйн. Но лишь до тех пор, пока не становится глупостью. Если ты права насчет Мак-Фордин, то будь осторожна. Директор ничего и никогда не делает без причины. Постарайся выяснить, чем ты так не угодила. И если понадобится помощь, не упрямься — приходи.

— Благодарю, артиэлл, но, боюсь, вашу помощь можно получить лишь в обмен на услуги, оказать которые я не в силах. Темной ночи.

Я снова склонила голову и продолжила путь. Шла неспешно, уверенно — так, будто сердце не выпрыгивало из груди перепуганной птицей; будто в ушах не шумела кровь, почти заглушая стук моих каблуков. Я не имела права показать Шантару свою слабость. И не показала ее. Но Полуночная Матерь свидетель, это стоило мне едва ли не всех оставшихся сил!

Первые три этажа лестницы я миновала на одном дыхании. Двигалась все так же размеренно, но без остановок. Я просто не позволяла себе остановиться и перевести дух. Лишь добравшись до четвертого, устало прислонилась к стене и, закрыв глаза, шумно выдохнула.

Арден Шантар не для меня. Он жених моей сестры. Он наследник одного из сильнейших домов колдунов. Он нефрит. Неважно, *как* он влияет на меня и *что* заставляет чувствовать, я должна держаться от него как можно дальше. Нельзя позволить его интересу пустить корни, равно как и поддаваться собственной слабости. Ставки слишком высоки, и любая ошибка будет стоить мне жизни.

Выпрямившись, я огладила юбку и продолжила подъем.

На восьмом этаже лампы горели приглушенно — их свет едва разгонял опустившийся сумрак. Но свою комнату я нашла без проблем, даже смогла различить цифры «246» на латунной табличке. Толкнув тяжелую дверь, я переступила порог.

Внутри было темно. И даже проникающий сквозь незанавешенное окно тусклый лунный свет не спасал ситуацию. Едва ли не на ощупь я добралась до комода, умылась, сменила платье на ночную сорочку и почти без сил рухнула на постель. Какие бы еще испытания ни приготовила для меня Полуночная Матерь — все завтра.

* * *

Утром я проснулась рано, еще до колокола. Потянулась, с наслаждением разминая тело, лениво перевернулась на бок и

замерла. Стоя на подушке, на меня смотрела ящерица. Зеленая, с широкими ноздрями, большими глазами и желтыми полосками на морде. Олеандровая. Судя по всему, та самая, которую я вчера прикрыла заклинанием отвода глаз.

Я медленно села.

— Привет, — произнесла вполголоса, стараясь не напугать нежданную гостью.

Но та и не подумала убегать — только переступила лапами да вскинула мордочку, словно вглядываясь в мое лицо. Удивительно, но страха с ее стороны я не ощущала. Напротив, маленькая визитерша будто… доверяет мне?

— Зачем ты здесь? — спросила я, особо не рассчитывая на ответ.

Однако ящерица медленно повернулась к окну, задержалась на нем взглядом, потом снова посмотрела на меня. Встав с кровати, я подошла к стрельчатому проему и выглянула на улицу.

Хмурое небо нависало над академией сизым полотном. Поднявшийся ветер резвился в парке, зарываясь в кроны; проказливо сдергивал с веток пожелтевшие листья и гнал их то вдоль дорожек, то по воздуху. Работающие мэлы — слуги академии — заметно ежились под его порывами. И, глядя на них, я поняла, что хотела сказать гостья.

Олеандровые ящерицы живут на юге Лунной империи. Здесь, всего в трех ночах от столицы, слишком холодно. В природе моей беглянке не выжить, в академии — тоже: если ее поймают, то сразу вернут в плетеную корзину к обреченным подругам. Но со мной у нее есть шанс выжить… Точнее, так должно казаться самой ящерице.

Я с трудом могу представить, как ей удалось продержаться незамеченной почти сутки, как она нашла меня и как попала в комнату. Хотя с последним проще всего — достаточно посмотреть на широкую щель между дверью и полом. Но все остальное…

— Я не лучшая компаньонка, — призналась, опускаясь на кровать. — Самой бы выжить.

Будто понимая сказанное, ящерица доверчиво забралась мне на колени, вытянула передние лапки и снова задрала мордочку.

— Я не могу пообещать, что со мной тебе будет безопасно, понимаешь?

Ящерица мягко притопнула лапой. Взгляд ее при этом оставался прикован к моему лицу. Я медленно сомкнула веки. Кого я пытаюсь обмануть? Зная, каково это — каждый день жить в страхе смерти, я не могу обречь на такое же существование другого. Пусть даже и олеандровую ящерицу.

— Ладно, — выдохнула я, решаясь, и вновь посмотрела на

гостью. — Живи тут.

Зеленая проныра тут же радостно затопталась на месте, сминая мою сорочку холодными лапами. Я вскинула брови.

— Ты понимаешь нашу речь?

Ящерица замерла и преданно на меня уставилась.

— Топни один раз, если хочешь сказать «да», два раза — если «нет».

Она не пошевелилась. Я же нахмурилась. Несколько секунд мы с ней играли в гляделки, потом я повторила:

— Ты меня понимаешь?

Топ.

Сердце забилось быстрее.

— Остальные ящерицы… там, в корзине, тоже разумны?

Топ. Топ.

— То есть ты одна такая?

Топ.

— Но почему? Как?

Ящерица наклонила голову, отчего ее мордочка приобрела забавное выражение. И самым невозможным образом мне почудилась в нем улыбка. А уже в следующую секунду я поняла:

— Вопросы только на «да» и «нет», так ведь?

Топ.

Мысли в голове заскакали, словно кузнечики в траве, — я едва за ними поспевала. Чувства тоже пришли в смятение. Удивление талантам гостьи; облегчение от понимания, что оставшиеся ящерицы были обычными; догадки, как при такой особенности зеленая проныра оказалась в корзине… Поняв, что еще немного, и эмоции сведут меня с ума, я прикрыла глаза и медленно выдохнула. На несколько секунд задержала дыхание, а потом снова посмотрела на гостью.

— Придумаем тебе имя?

Топ. Топ-топ-топ. Топ.

Я улыбнулась, чувствуя ее нетерпение. Кажется, идея пришлась беглянке по душе.

— Как же тебя назвать? Оле?

Топ. Топ.

— Леа?

Топ. Топ.

Я задумалась, продолжая внимательно следить за ящерицей.

— Уна? Рил? Майтор? Шиаран? — перечисляла я, и на каждое новое имя получала один и тот же ответ.

Мы перебрали уже порядка двадцати вариантов, но зеленая упрямица по-прежнему оставалась недовольна. Причем не знаю как, но я чувствовала растущее в ней нетерпение — ящерица

словно знала свое имя и ждала, когда я назову его. Моя же готовность потакать ее капризам стремительно таяла: хотелось прекратить эту затянувшуюся игру, умыться, переодеться и спуститься на завтрак. Но настырная гостья, будто почувствовав мое состояние, топала все быстрее.

На четвертом десятке я перечисляла уже все, что в голову взбредет. Забывшись, назвала имена Ардена и Хэйдена, но к счастью, они тоже не встретили одобрения.

К рубежу в половину сотни я совсем перестала вдумываться в значения. По крайней мере, именно этим я объяснила себе то, что моих губ сорвалось запрещенное имя:

— Эвис.

Топ.

Я вздрогнула.

Это имя мне встретилось лишь однажды — в старом дневнике моей прабабушки. Так звали светлую чародейку, пойманную на территории Лунной империи; ее пытали, а после казнили с особой жестокостью. Как она там оказалась, что искала или от чего бежала — в дневнике не указывалось. Лишь подчеркивалось, что именно имя выдало ее природу раньше всего остального, ибо никто и никогда не смеет произносить имена светлых на землях темных.

— Уверена? — я замерла, вглядываясь в морду ящерицы.

Еще оставался шанс, что она передумает. После пяти десятков перебранных имен, после стольких попыток, после…

Топ.

Я тяжело вздохнула. Светлая ведьма в академии темных и разумная ящерица с запрещенным именем — вместе мы станем еще более заметными. Если нас поймают, если узнают секреты каждой…

— Никто не должен знать твоего имени, — произнесла я, беря Эвис на руки. — Никто не должен догадаться, что ты разумна. Иначе тебя заберут, и я… прости, но я не смогу тебя защитить, если ты сама себя выдашь. Нам обеим надо быть очень осторожными. Договорились?

Эвис смотрела на меня и забавно двигала мордочкой, склоняя ее то вправо, то влево. Несколько секунд она не отвечала, будто обдумывая услышанное, потом топнула. Я с облегчением выдохнула.

— Еды у меня здесь нет. Но к вечеру я постараюсь что-нибудь достать. Ты потерпишь?

Топ.

Ссадив Эвис на кровать, я потянулась к листам с расписанием занятий, пробежала их взглядом и тихо застонала. Первыми

сегодня идут проклятия и ритуалы, и, боюсь, это те самые темные материи — занятия для истинных детей Лунной империи.

ГЛАВА 12

Покидая комнату, я нервничала. Закрыла дверь и лишний раз дернула на себя, убеждаясь, что та встала плотно. Еще секунды две смотрела на нее, в волнении сжимая пальцы, а затем развернулась и влилась в сонный поток халцедонов. Держаться старалась спокойно, невозмутимо. Так, будто в голову не лезли тревожные мысли, а в сердце — страх. Мои тайны множились, и опасность, которую они несли, все сильнее простирала надо мной свои крылья.

До трапезной я добралась как в тумане. Не обращая ни на кого внимания, получила завтрак и заняла уже привычный стол, стоящий чуть в отдалении ото всех. Вкус еды не ощущался — он словно притупился на фоне царящего в сердце беспокойства. Зато тяжелый взгляд я почувствовала едва ли не кожей. Еще не посмотрев в нужную сторону, я уже знала, кого увижу.

Хэйден сидел за тем же столом, что и в мой первый день в академии. Все такой же холодный и отстраненный, все в том же черном кителе и с небрежно забранными назад волосами. Все такой же притягательный и отталкивающий одновременно.

Однако стоило ему заметить мой интерес, как он скривил губы в презрении и отвернулся. Я же, напротив, не могла отвести от него взгляда.

В груди росло иррациональное желание подойти, попытаться объясниться, вызнать, что именно вызвало его недовольство. Но, во-первых, мне не хотелось привлекать ненужного внимания, а во-вторых… Во-вторых, я злилась! На Хэйдена и на себя. Мне не нравилось чувство вины, которое он разжег во мне всего несколькими фразами и парой презрительных взглядов. Я Мак-Мора! Пусть не по силе, но по духу! И гордость древнего рода для меня не пустой звук!

Вот только, как бы я ни злилась, взгляд против воли возвращался к северному колдуну снова и снова. Я мысленно тянулась к нему, хотела заставить повернуться, посмотреть на меня… Но нет — Хэйдена, казалось, интересовал лишь завтрак.

Из трапезной я выходила хмурая, как сегодняшнее утро. Следуя Путеводному свету, добралась до учебного корпуса, поднялась на второй этаж и остановилась у тяжелой двери с вырезанной на ней черной звездой.

Заходить внутрь было страшно. Если зелья и снадобья, звездочтение, история Лунной империи относятся к нейтральным материям, то проклятия и ритуалы — к темной магии. Той самой, которой я не обладала от рождения, и крохами которой овладела

с таким трудом.

Шумно выдохнув, я решительно толкнула дверь и переступила порог.

Четыре стрельчатых окна закрывал колдовской занавес, лишая комнату притока естественного света. Если бы не сотни толстых свечей из красного воска, лернаты перебились бы лбами в попытке отыскать столы и лавки, что располагались вдоль стен. Причем так, чтобы каждому сидящему был хорошо виден центр комнаты, где в окружении вырезанных в камне символов едва заметно светился ведьмин круг.

Я заняла место с краю у дальней стены. Рядом со мной, приветливо улыбнувшись, опустилась Ллоса — мэла, поделившаяся ингредиентами для зелья памяти. А едва все халцедоны расселись, в комнату вошел магистр.

Он заметно прихрамывал на правую ногу, и даже украшенная искусной резьбой трость с тяжелым набалдашником в виде головы ворона оказалась не в силах скрыть его слабость. Трость явно была необходимостью, а не украшением.

Высокие сапоги с ремешками на серебряных пряжках и черные штаны выглядели дорого. Таким же казался китель, застегнутый на все пуговицы. Выстриженная бородка едва касалась плотного ворота, а густые с проседью волосы были аккуратно, если не сказать — педантично, зачесаны назад.

Словно невидимый кокон, колдуна опутывал гнетущий флер темной силы. Хотя, возможно, гнетущим он казался лишь мне.

— Меня зовут артиэлл Аларис Торн, обращаться ко мне можно магистр Торн, — его голос прозвучал сухо, колко, словно царапающиеся друг о друга ветки на осеннем ветру. — Вы халцедоны, и уровня вашей силы едва ли хватит для проведения хоть сколько-нибудь приличного ритуала. Но директор Мак-Фордин настаивает, чтобы все наши лернаты получали знания в полной мере.

Прохромав к деревянному стулу с высокой спинкой и широкими подлокотниками, магистр тяжело в него опустился. Выдохнул сквозь сцепленные зубы и вытянул правую ногу.

— Лернат, лерната… Кто-нибудь знает, что скрывается за привычным понятием? Никто? Прискорбно, — тонкие губы искривились. — *Лерн-а-тэ,* или «учусь у тебя», — в самом слове сокрыто желание постигать, перенимать. Но достичь даже скромных высот дано не всем. И я не считаю необходимым тратить время — мое и ваше — на обучение тех, кого Полуночная Матерь не наградила силой. Поэтому сейчас, в первый и последний раз, я даю вам право решить: хотите вы остаться или желаете уйти. Не спешите. Подумайте. Времени вам до конца

занятия. А пока…

Взгляд желтых глаз облетел замерших напуганными совятами лернатов. Вот только смотрел магистр не на наши лица, а на наши кольца.

— Вот вы, — обратился он к одному из юношей. Тот заметно сжался под пристальным вниманием магистра. — Вы можете назвать четыре обязательных элемента ритуала призыва простейшей проклятой сущности?

— Мм… речные камни, листья стыдливой мимозы… мм… уголь… мм…

— Достаточно, — холодно оборвал магистр.

Тонкие, кривоватые пальцы, обнимающие голову ворона на набалдашнике, недовольно сжались.

— Я не потерплю невнятного мычания на своих занятиях. Как бы это ни было прискорбно, но вы темный колдун, лернат…

— Морриган.

— Лернат Морриган. И если уж Полуночная Матерь выбрала для вас в полотне серую нить, то будьте добры компенсировать слабость дара силой знаний. Это касается всех халцедонов, — цепкий взгляд снова облетел присутствующих, только на этот раз он был прикован к нашим лицам, не кольцам. — Иногда бессилен даже самый темный дар, и тогда на помощь приходят навыки: вовремя сорванное растение, правильно подобранный камень, выверенно построенное проклятие… Учитесь у нас, лернаты, — тонкие губы дрогнули в усмешке, — и если когда-нибудь вам не повезет столкнуться со светлыми чародеями, то, возможно, именно знания подарят вам лишних десять минут жизни.

Халцедоны молчали, настороженно глядя на магистра. Последнюю фразу все услышали и поняли верно: то, о чем редко говорилось в открытую, но что давно не являлось секретом — столкновения со светлыми продолжаются. Активных битв не случалось уже несколько десятилетий, но маленькие, выматывающие оба государства стычки длятся и по сей день. Каждая из сторон не желает позволить второй забыть о сильном соседе; никто не готов отступать или идти на мировую.

Аларис Торн дал нам время обдумать услышанное, потом продолжил:

— Выучите географию Лунной империи, если до сих пор не потрудились этого сделать. Запомните наши границы и не приближайтесь к ним. Ни одному халцедону не выжить в столкновении со светлыми. По крайней мере, с теми, что нападают на детей Полуночной Матери.

В темной комнате, освещаемой лишь огоньками свеч, повисла гнетущая атмосфера. Даже дышать стало тяжелее. И кажется,

магистру это нравилось — желтые глаза светились холодным превосходством.

— А теперь вернемся к вашим скудным познаниям. Итак, кто попробует провести ритуал-воззвание к основателю рода?

Все молчали, затравленно глядя на ухмыляющегося Алариса Торна.

— Уверен, нам всем не терпится узнать, как много может самый слабый из вас — белый халцедон, — заключил магистр, безошибочно находя меня взглядом.

Думаю, в глубине души я знала, что мне не избежать внимания магистра — слишком светлый камень в моем кольце. Он как маяк притягивает взгляды и превращает меня в мишень. Поэтому особого страха я не испытала — напротив, ощутила вызов. Не тот, о котором говорил Арден, и не тот, который я сама хотела бросить Хэйдену. А другой, намного более сложный, — вызов моей сути.

— Конечно, магистр Торн, — я почтительно склонила голову и поднялась из-за стола.

Артиэлл меня не остановил. Прищурившись, он с видимым любопытством принялся следить за моими действиями: как я подошла к вырезанному в полу ведьминому кругу, как присела и провела пальцами по символам защиты, как встала и огляделась.

— В сундуке, — подсказал магистр, тростью указывая на большой, обшитый металлом короб.

Я кивнула и в несколько шагов добралась до цели. Натужно выдохнула, поднимая тяжелую крышку, и заглянула внутрь. Свет свечей разгонял темень комнаты, однако вместе с тем пускал длинные густые тени, которые в нутре сундука чувствовали себя особенно привольно. Сбившись плотным коконом, они протянулись над содержимым, точно снежное покрывало над зимним полем — укрыли так плотно, что и не понять, что под ними.

Я посмотрела на магистра. Тот, поймав мой взгляд, изогнул бровь и прищурился, всем своим видом давая понять, что не собирается ни подсказывать, ни направлять. Замершие статуями лернаты тоже молчали. И тогда я решилась: опустилась на колени перед сундуком, сжала пальцы на деревянных ребрах и, стиснув зубы, потянулась к «ведьминому зрению».

Это заклинание лежало на границе нейтрального и темного и всегда давалось мне непросто. Но сейчас, на удивление, оно откликнулось почти сразу. Глаза обожгло, точно в них кинули горсть песка, потом затянуло мутной пеленой. Именно эту пелену и зовут «ведьминым зрением». Оно позволяет видеть едва ли не в полной темноте. Пусть неярко, в серых тонах, но все же

достаточно, чтобы различать очертания предметов.

Вот и сейчас я легко смогла рассмотреть скрытые в сундуке богатства: корень стахиса, ивовые прутья, стеклянную баночку с костяной мукой, клык медведя, камень забвения, высушенную с аметистовой пылью змеиную шкуру и… кинжал. Да, его я тоже достала. Еще раз быстро оглядела содержимое сундука и, выдохнув, отпустила «ведьмино зрение». Посмотрела на магистра, без слов спрашивая: продолжать? Он кивнул в сторону круга, так же безмолвно отвечая: продолжай.

Возможно, не стоило спешить и отпускать «ведьмино зрение» — с ним было бы удобнее разбирать вырезанные в полу символы: не пришлось бы обводить каждый пальцем, а иногда наклоняться так низко, что собранные лентой волосы свешивались и кончиками касались камней. Но иначе я не могла.

Ритуал-воззвание к основателю рода довольно прост. Но требует полной отдачи и внимания. А от меня — еще и всех имеющихся сил.

Однажды Мойра позволила мне наблюдать, как она его проводит. Сейчас я понимаю, что в тот момент сестра красовалась — хотела лишний раз напомнить, сколь силен ее дар, раз в четырнадцать лет она может сделать то, что большинству темных по силам лет с семнадцати. Но тогда мне просто нравилось наблюдать за сестрой: смотреть, как с ее лица исчезает надменное выражение, уступая место сосредоточенности; как внимательно она отмеряет костяную муку; как замирает на мгновение, прежде чем полоснуть себя холодным лезвием по ладони. Я впитывала каждое действие, каждую эмоцию, отражавшуюся на лице Мойры, и я восхищалась ею.

Образ сестры стоял перед мысленным взором так ярко, что я не задумывалась о том, что делают мои руки — отдалась во власть воспоминаний и повторяла за четырнадцатилетней Мойрой, еще угловатой и нескладной, каждый шаг. Лишь когда ладонь обожгло болью, я вынырнула из омута памяти и вернулась в темное помещение.

Выложенный круг выглядел таким же, каким я его запомнила. Может, не настолько идеальным, как у Мойры, но не думаю, что сейчас это важно. Глянув на магистра и не дождавшись от него ни одобрительного кивка, ни презрительного взгляда, я продолжила.

Нужные символы оказались на трех, восьми и двенадцати часах, и каждый из них я обвела своей кровью. А после — зажала в порезанной ладони полоску ткани, вымоченную в отваре тысячелистника и коры калины. Ее я тоже нашла в сундуке, рядом с кинжалом.

Теперь оставалось самое сложное — воззвание. К Мойре дух

явился почти сразу. Полупрозрачный, мутный, постоянно меняющий форму… понять, кем он был при жизни, получалось с трудом, но, кажется, женских очертаний в нем было больше, чем мужских. Оно и неудивительно — все знают, что ведьмины роды идут от женщины, тогда как дома колдунов берут начало от мужчины.

Несмотря на схожесть природы, способности ведьм и колдунов отличаются — несильно, иногда едва ли не на крупицу возможностей. Но порой именно эти крупицы решают все. И до поступления в академию каждый род пытается развить особенности, что делают ведьму ведьмой, а колдуна — колдуном.

Когда сильные ведьма и колдун решают вступить в брак, их семьи заключают договор: если в том союзе родится ведьма, ее отдадут в род матери, дабы взрастить в ней крупицы ведьминой силы. Если будет сын, то он останется в доме колдунов.

И пусть у природы ведьм и колдунов разница небольшая, традиция разделять наши дома сохраняется уже многие поколения. К ней привыкли, сроднились с ней настолько, что иной подход кажется невозможным.

Иногда сильные ведьмы сознательно берут в мужья более слабых колдунов, зная, что от такой связи родятся только дочери. Сильные дочери! По крайней мере, так это обычно бывает. Я же стала исключением даже из самого простого, подтвердившего себя за сотни лет правила.

— Лерната, будьте добры завершить ритуал, — сухой голос магистра ворвался в мои мысли.

Я вздрогнула и послушно вернулась к делу.

Оставалось немного: сконцентрироваться, потянуться к памяти крови — не к сути, воззвать к ней, пролитой на границы ведьминого круга, мысленно соединить ее с той, что бежит по моим венам, и укрепить эту связь. А едва почувствовав отклик, дернуть на себя, вливая память в круг, и узреть бестелесный облик. Я знала, *что* нужно делать, но еще ни разу не преуспела в попытках довести этот ритуал до конца. Обычно память крови мне не отзывалась. Но может, сейчас — в академии, где каждый камень напитался силой и мощью тысячи колдунов и ведьм, что творили и продолжают творить магию в ее стенах, — все получится.

Закрыв глаза, я мысленно потянулась вглубь себя. Ощутила пульсирующий на ладони порез, вязкую липкость под пальцами. Нос защекотало ароматами сандала и мирта, воздух стал казаться плотнее. Я чувствовала его прикосновения, ощущала кожей, словно ткань. Он давил на грудь, заставляя дышать медленнее и глубже; на плечи, вынуждая опустить их настолько, что

напряглась шея. Казалось, я все сильнее погружаюсь в толщу воды: темную и бесконечно манящую.

Внезапно сердце дернулось, словно его поймали на крючок и резко потянули наружу. Я шумно вдохнула, прижала ладони к груди и с ужасом осознала — откликнулась моя светлая суть.

Нет! Только не сейчас!

— Хм-м, — задумчивый голос магистра вызвал во мне вторую, еще более мощную волну паники.

В последний миг, хватаясь за нить воззвания, ускользающую, точно предрассветный туман, я потянула ее на себя и развеяла. Потом распахнула веки и испуганно встретилась с очень внимательным взглядом желтых глаз.

ГЛАВА 13

Магистр молчал. Смотрел на меня, прищурившись, и будто силился понять, что же именно произошло. Ведьмин круг пустовал. Ивовые прутья в нем усохли и сжались, а клык рассыпался пеплом. Я знала, что грубое прерывание ритуала не пройдет бесследно, но не ожидала настолько мощного отката. Если бы он ударил не по элементам призыва, а по мне… Нет, даже думать об этом не хочу.

Тишина становилась удушливой. Мысли, словно напуганная стайка воронят, разлетелись в разные стороны, и лишь некоторые из них уронили черные перья страха и сомнений.

— Прискорбный результат, — наконец произнес магистр Торн. — В вашем возрасте столь простой ритуал не должен вызывать проблем. Однако, судя по всему даже «ведьмино зрение» дается вам непросто. Прискорбно, — повторил он. — Остальным я даю выбор, лерната, но вам настоятельно советую не тратить время понапрасну — мои занятия не для вас. Ваш дар слишком слаб. Он не позволит вам постичь таинства ритуалов.

— Я… я понимаю, — произнесла, совладав с голосом. Расправила плечи и посмотрела на магистра с уважением, но без страха. — Благодарю, что дали шанс. Да будет Полуночная Матерь к вам великодушна, — я склонила голову, как следовало сэле перед артиэллом, потом выпрямилась. — Могу я идти?

— Идите. И, лерната, — окликнул Аларис Торн, когда я развернулась к двери, — советую вам посетить библиотеку. Выучите границы Лунной империи. С вашим уровнем дара знать их следует лучше, чем собственное имя.

— Благодарю за совет, магистр, — я снова сдержанно поклонилась и вышла.

Лишь закрыв за собой дверь, я позволила себе шумно выдохнуть и расслабить спину. Напряжение, словно невидимый штырь, прошило тело насквозь. Я чувствовала его каждым миллиметром кожи, ощущала на кончиках подрагивающих пальцев, слышала во взволнованном биении сердца.

Не попалась…

Осознание случившегося проникало в меня медленно. Просачивалось сквозь панцирь страха и неверия, отвоевывая место у роя сомнений. Губы медленно растянулись в улыбке. Сначала робкой, но с каждой секундой все более уверенной.

Не попалась.

Воздух стал казаться упоительно сладким. Душа пела, словно радующаяся солнцу птаха. И все во мне отзывалось ее пению,

уносилось на волнах незнакомой мелодии. Незнакомой, но уже любимой.

Не попалась!

Оглядевшись и убедившись, что коридор пуст, я запрокинула голову и крутанулась вокруг себя. Мои руки — крылья. Взмахни я ими, и они унесут меня отсюда далеко-далеко. Дальше академии, дальше поместья Мак-Моров, дальше самой Лунной империи.

На несколько секунд я замерла, наслаждаясь ощущением легкости. Потом вернула на лицо маску воспитанной сдержанности, оправила платье и, послав мысленный приказ Путеводному свету, зашагала к библиотеке.

Нет, я не собиралась следовать совету Торна. Границы Лунной империи я выучила еще в восемь лет — когда осознала, что бегство в Солнечное царство станет для меня единственным спасением. Сейчас меня интересуют олеандровые ящерицы. Я хочу узнать об особенностях их содержания, кормления — обо всем. Пусть моя нежданная соседка по комнате оказалась разумной, но не стоит мучить нас обеих моим невежеством.

Библиотека, как и большинство помещений общего пользования, располагалась в Корпусе Ораха. Шагнув сквозь огромные, украшенные растительным орнаментом двери, я остановилась и огляделась.

На несколько этажей вверх убегали полки с книгами. Они были не прямыми, а закручивались на манер воронки, из-за чего долго смотреть на них оказалось невозможно — голова становилась тяжелой, а к горлу подкатывала тошнота. С потолка на длинных цепях свисали огромные люстры, чей мягкий свет укутывал помещение с такой любовью, словно мать — заснувшего малыша одеялом. Витые лестницы с отполированными перилами казались невесомыми — до того ажурно они выглядели. На столах из темного дерева замерли лампы. В воздухе пахло… светом. Удивительный запах, который едва ли можно описать в полной мере: теплый, располагающий, успокаивающий.

Здесь хотелось остаться. Если не навсегда, то хотя бы еще на один час.

— Первый халцедон в этом году, — раздалось сверху.

Я вскинула голову и уже без страха встретилась взглядом со спускающейся на тяжелых каменных крыльях горгульей. Она улыбалась щербатым ртом и с видимым любопытством меня разглядывала.

— Яркой вам луны, — отозвалась я с почтением, и, судя по довольному всхрапу, горгулье это понравилось.

— И тебе темноты. Зачем пожаловала?

— Мне бы про… ящериц, — в последний момент я

проглотила слово «олеандровых».

— Ингредиент или маскота?

— Маскота. Пока думаю, — добавила я, заставляя голос звучать неуверенно.

— И правильно, — одобрила горгулья, поманив меня за собой. — Лучшие маскоты — это змеи. Пауки еще неплохи. Можно летучую мышь на крайний случай, хотя с ними мороки не меньше, чем с ящерицами. Но зато и поспокойнее, — добавила она назидательно.

Я послушно шла следом, углубляясь в лабиринт стеллажей. Потом так же безропотно поднялась по лестнице на пол-этажа вверх.

— Отсюда и во-он до того выступа — все по ящерицам. Если надоест и решишь переключиться на пауков, они на два раздела правее. Вроде бы, — горгулья в задумчивости почесала макушку между витых рогов. — Да не, точно! На два раздела правее, — повторила уже уверенно. — Книги не слюнявить, страницы не рвать, не загибать, не… В общем, ты поняла меня.

Она взлетела выше и выразительно наклонилась так, чтобы смотреть на меня сверху вниз. Я кивнула. Тут с потолка посыпалась едва заметная золотая пыль, и горгулья встрепенулась.

— Новые посетители!

Не прощаясь, она спешно улетела. Я повернулась к полкам.

Информации оказалось много — даже больше, чем я могла представить. Но все же мне без труда удалось отыскать в одном из томов раздел, посвященный олеандровым ящерицам. Спускаться к столам не хотелось. Мне нравилось уединение между этажами на перешейке-балкончике, огражденном резной балюстрадой. Разумеется, то, что я собиралась сделать, не дозволялось ни одной артиэлле… но в Академии Полуночи я сэла. И если уж я приняла на себя все обязанности низкородных, то почему бы не воспользоваться послаблениями, которые даются их манерам?

Решив так, я опустилась на пол, скрестила ноги и углубилась в чтение. Строчки мелькали перед глазами, оставляя слепки на моей памяти. Взгляд скользил по изображениям олеандровых ящериц, совсем таких же, как моя Эвис.

Моя? Да, моя.

Взяв ответственность за жизнь доверившегося мне существа, я не собираюсь пасовать. Нет, я не соврала, сказав, что не подставлю собственную голову в попытке спасти ее. Но я сделаю все, чтобы этого и не потребовалось.

Снизу раздались приглушенные голоса — судя по всему,

горгулья проводила к стеллажам пришедших лернат. Новый поток золотой пыли заставил хранителя библиотеки вновь поспешить ко входу. Девушки остались внизу, я — наверху, с тяжелым томом на коленях.

Тихий разговор лернат звучал словно бегущий со склона ручей — живо и быстро. Я не вслушивалась. Точнее, не вслушивалась лишь до тех пор, пока не услышала:

— Хэйден Морроубран? Тебе что, свет разум выжег?

Отложив увесистый фолиант в сторону, я едва ли не ползком подобралась к балюстраде и осторожно, стараясь не выдать собственного присутствия, глянула вниз. Там стояли три сапфировые лернаты. Статные, ухоженные; даже отсюда видно — артиэллы.

— Ты не сделаешь этого, Ламия!

— Уже сделала! — гордо отозвалась девушка, стоящая напротив двух других.

— Что? Но как? Это же Морроубран! Он не попадется так глупо.

— Я нашла способ, — хмыкнула сапфира, откидывая за спину собранные лентой темно-русые волосы. — Достаточно припугнуть мэлу из рабочих, что меняют нам постель, и наволочка нефрита окажется вымочена в нужном зелье.

— Не может быть! — качнула головой другая девушка. — Мэлы не смеют вредить лернатам и…

— А это и не вред, — возразила Ламия. — К тому же влиять на самих мэл запрета нет. Я не нарушила устав, так что даже если эта история всплывет, мне ничего не будет.

— И что теперь?

— Теперь осталось самое сладкое, — пухлые губы сапфиры растянулись в предвкушении. — Сегодня к обеду зелье должно подействовать. Поцелуй привяжет Хэйдена к той темной, что коснется его губ своими. И ею стану я. Вот увидите, к исходу дня наследник закрытого северного рода подарит мне свое сердце.

Тихо, почти не дыша, я отползла обратно к стеллажам. Прислонилась к ним спиной и запрокинула голову.

Проклятье!

По обрывкам услышанного нетрудно понять, что именно использовала Ламия — зелье лунного сердца. Оно единственное способно накапливать эффект, воздействуя на жертву через ткани. Но Полуночная Матерь свидетель, лучше бы Ламия прибегла к любому другому привороту!

Лунное сердце коварно — отличить рождаемые им чувства от настоящих практически невозможно. Однако главная опасность кроется в самой природе этих чувств. Наведенные, они не могут

существовать без подпитки и постепенно начинают поглощать истинные эмоции. Замещать их, пока не вытеснят, словно птенцы кукушки — лежащие в гнезде яйца.

Если Ламия доведет начатое до конца, у Хэйдена останется всего два варианта: либо позволить лунному сердцу заменить настоящее и со временем превратиться в раба собственных чувств, либо провести долгий и болезненный обряд очищения. Но и после него часть сердца Хэйдена навсегда изменится — покроется невидимыми рытвинами, станет похожим на луну.

Пусть северянин был со мной груб, пусть я не понимаю мотивов его поступков, но он помог. Причем помог, ничего не требуя взамен. Теперь мой черед протянуть ему руку помощи.

Поднявшись, я вернула книгу на место. Тихо, стараясь двигаться на цыпочках, прокралась к другой лестнице, спустилась и покинула библиотеку. Но куда теперь? Прошлый опыт поисков Хэйдена был далеко не успешным, а новых идей за это время не возникло. Точнее, я даже не думала, что они могут понадобиться.

Взывать к Мойре бесполезно, идти на этаж к нефритам — опасно. Не смеют халцедоны соваться к истинным темным. Расписание каждому выдается вместе с лунным камнем в первый день прибытия в академию. Казалось, кто-то сознательно лишил нас возможности встретиться. Но только сдаваться я не собираюсь.

Ламия говорила, что в полную силу зелье войдет к обеду. Значит, и сама она поцелует Хэйдена где-то в это время. Подкараулить северянина на подходах к трапезной несложно, причем как Ламии, так и мне. И этим я собираюсь воспользоваться. А за оставшиеся часы надо приготовить блокиратор четвертого уровня. Слабый, он не остановит действия зелья, но собьет его в достаточной мере, чтобы после проведения обряда очищения Хэйден смог избавиться от навязанного чувства без последствий.

Мысли еще только выстраивали правильный порядок действий, а Путеводный свет уже вел меня к лабораториям. Эхо моих шагов звучало быстро, взволнованно. Пальцы, придерживающие юбку, дрожали.

Лестницы, коридоры, переходы, большой подземный зал, три ответвления и снова переходы. Наконец Путеводный свет затих, оставляя меня перед узкой дверью с витиеватой кованой отделкой. По ту сторону нашлось небольшое помещение с шестью столами. На каждом — котелок, темный от времени, пяток колб и пара лотков. У дальней стены — стеллаж с ящиками и жестяными банками.

Не тратя времени, я двинулась к ним. По дороге схватила

плетеную чашу и принялась скидывать в нее ингредиенты. Четыре пальца болотной жабы, щепоть дайрийского пепла, иглы остролиста, шерсть черного пса, молодые стручки бамии, двенадцать сушеных сколопендр, ягоды бузины, три пера голубой сойки. Я не испытывала ни сомнений, ни неприязни, выхватывая из банок составляющие зелья. Сейчас единственно важным осталось желание приготовить блокиратор.

Хватило одного удара кремния, чтобы высечь искру и зажечь пламя под котелком. Пока вода закипала, я принялась перетирать сколопендр со стручками и жабьими пальцами.

Шесть поворотов серебряной ложкой по часовой стрелке, десять против. Направить поток ведьминой силы и изменить цвет огня с красного на синий. Добавить ягоды бузины, щепоть дайрийского пепла и три иглы остролиста…

Мысли летели так быстро, что я едва успевала осознавать их. Но руки работали медленно, выверенно. Каждый ингредиент должен быть тщательно отмерен и подготовлен — даже малейший просчет сделает зелье непригодным.

Поднять уровень пламени до четвертого, насытить варево силой.

Закрыв глаза, я вливала дар, не жалея его и себя. Почти все блокираторы относятся к нейтральной магии, и в них едва ли можно почувствовать природу сотворившей его ведьмы.

Как только от мутных, лениво лопающихся пузырей зазмеился лиловый пар, я потушила огонь и накрыла котелок тяжелой крышкой. Убрала остатки ингредиентов по местам. Опустила ступку, нож и черный разделочный камень в очищающий раствор. Потом взяла с полки продолговатый пузырек и большую ложку с вытянутым носиком.

Каждая минута, проведенная в ожидании, убивала. Я едва не подпрыгивала на месте, отсчитывая двести сорок секунд. Мое сердце за это время, должно быть, успело сделать пять сотен ударов. Ну же!

Наконец я сняла крышку и обрадовалась, увидев густой темно-фиолетовый пар. Зелье готово. Не тратя времени, я наполнила пузырек, плотно заткнула его пробкой и выбежала из комнаты.

Обратный путь показался бесконечным. Вокруг становилось слишком людно — лернаты всех цветов стекались к трапезной. И если Ламия уже успела исполнить задуманное… Нет!

Я побежала изо всех сил. Не обращая внимания на недовольные вскрики лернатов, которых ненароком задевала, не слушая их окликов, не чувствуя расходящейся по ногам дрожи и упругих ударов каблуков о каменный пол.

Хэйден!

Я увидела его в конце перехода и окликнула, наплевав на возможные слухи. Но колдун не услышал — общий гомон заглушил мой голос.

В одном повороте от трапезной я догнала и схватила северянина за рукав кителя. Потянула на себя, заставляя остановиться, и всмотрелась в зеленые глаза. Сбившееся дыхание не давало выдавить из себя ни звука. Все, на что меня хватило, — протянуть пузырек с блокиратором.

Хэйден молча взял его, покрутил, разглядывая, потом небрежно откупорил большим пальцем и поднес к носу. Дернул бровью, посмотрел на меня.

— Выпей, — выдохнула я шумно.

— Думаешь, я питаю слабость к простейшим блокираторам? — хмыкнул он. — Если бы я хотел такой, то попросил бы шестилетнюю сестру приготовить.

Его слова задели сильнее безразличия Дангарии и надменности Мойры. Нет, благодарности я не ждала. Не от Хэйдена. Но и к такой насмешке оказалась не готова.

Не знаю, до чего бы мы могли договориться, но в этот самый момент из-за поворота возникла Ламия. Увидела нас вместе и взвилась фурией.

— А ну ушла от него! — завизжала она.

Я знала, что сейчас произойдет: Ламия оттолкнет меня, я оступлюсь и упаду, вызвав смех у лернатов, а сама она силой поцелует Хэйдена и навсегда изуродует его сердце. Трагичный и неизбежный финал.

Неизбежный? Или…

Еще не осознав до конца свои действия, я схватила Хэйдена за китель, рывком притянула к себе и накрыла его губы своими.

ГЛАВА 14

На секунду мир замер. В нем больше не существовало ни академии, ни сотен лернатов, ни деления на халцедонов и нефритов. Были лишь мы: я и Хэйден. Мои губы и его, неожиданно не такие жесткие, как мне представлялось. В нос забился терпкий запах можжевельника, мокрого камня и озоновой свежести. Наверное, так пахнут сами горы.

— Нет! — визгливый крик Ламии разрушил волшебство момента.

Испугавшись собственной дерзости, я отпрянула от Хэйдена.

Лернаты свистели и улюлюкали; некоторые смеялись, дразня северянина похитителем халцедоновых сердец. Я же стояла и с ужасом осознавала, что натворила — поцеловала нефрита у всех на виду.

По телу начала расползаться удушливая волна жара. Шея, щеки и уши запылали столь сильно, что, казалось, прикоснись к ним — и обожжешься.

— Ах ты, дрянь!

Ламия кинулась на меня, но внезапно перед ней возник Хэйден. Девице хватило секунды, чтобы сориентироваться:

— Я не успела! — закричала она надрывно.

И все вокруг затихли. Внимание десятков пар глаз приковало к Ламии, лицо которой сейчас выражало такие отчаяние и боль, словно именно в этот миг ее род лишился всего.

— Эта дрянь зачаровала сердце Морроубрана! — даже ее голос зазвучал идеально выверенно: именно с теми нотами горя, что заставляют сердца слушателей сочувственно замирать.

По толпе прокатилась волна шепотков.

— Я слышала это! Слышала, как она хвалилась, что пропитала его подушку зельем лунного сердца! Она нарушила устав, она…

— Что за вздор? — холодно спросил Хэйден, прерывая стенания сапфиры.

Та дернулась и замерла, будто с размаху врезавшись в невидимую стену. Красивые губы искривились, взгляд серых глаз растерянно заметался по толпе. Непонимание, оторопь, сомнения — эмоции сменяли одна другую, отчетливо проступая на лице Ламии. Хэйден наблюдал за ними со спокойным превосходством. Уверенность сквозила в каждой черточке его внешности, в расслабленной позе, в ленивой ухмылке. Я вновь отметила, насколько он похож на суровый край, в котором родился, — от него веяло такой же опасностью и величием.

— Э-э? — растерянно выдохнула Ламия.

Я едва заметно качнула головой. Даже самое глубокое потрясение артиэлла должна уметь принимать стойко.

— Не знаю, что это за халцедон, но отдавать свое сердце какой-то серости я уж точно не намерен, — фыркнул Хэйден.

Лернаты поддержали его одобрительным смехом.

— Э-э?! — теперь в голосе Ламии прозвучало возмущение.

Интересно, что ее разозлило больше: мысль, что мэла ее обманула и не выполнила поручение, или пренебрежительный тон Хэйдена?

Колдун тем временем повернулся ко мне и посмотрел с такой смесью пренебрежения и… отвращения, что я отступила. К горлу подкатил тугой ком, но я не собиралась позволить слезам унизить меня еще больше.

— Прошу прощения, артиэлл, — я сдержанно поклонилась. — Я обозналась.

Губы Хэйдена — те самые, которых всего минуту назад касались мои собственные, — насмешливо дрогнули.

— То есть вы, сэла, настолько неразборчивы в связях, что так легко путаетесь? Хотя о чем я? — зеленые глаза прищурились. — Вам, должно быть, без разницы, какого колдуна целовать — лишь бы нефрита.

Слова ударили меня, словно пощечина. Я отступила еще на шаг.

— Что вы, артиэлл? — растянуть губы в улыбке было непросто, но я справилась. И даже виду не подала, каких сил мне это стоило. — Сапфиры тоже вполне подойдут.

В толпе лернатов послышались смешки.

— Яркой вам луны, — я заставила себя вновь почтительно склонить голову, потом развернулась и твердой походкой зашагала прочь.

Спину держала так прямо, словно она окаменела. Плечи расправлены, подбородок поднят. Я шла неспешно, пытаясь подражать Лангарии. Они не заставят меня бежать и не увидят моего поражения. Я не позволю им этого увидеть. Победа противника наступает лишь в тот момент, когда это признает проигравший; когда он сам объявляет себя побежденным.

Я же, хоть и отступила, сбегать не собиралась. Мне все равно, за кого меня примут. Пусть решат, что чести сэле Дельвар Полуночная Матерь отмерила даже меньше, чем дара. Пусть! Пока они думают обо мне как о темной, мне нет дела до их глумливых шепотков. А потом я сбегу, исчезну, словно снег по весне, и никогда не вернусь в Лунную империю.

Однако во всем случившемся есть и хорошее — я выплатила

долг. Сердце Хэйдена не пострадало, а сам он не стал преданным псом Ламии. Она говорила верно: зелье лунного сердца рассчитано лишь на темных ведьм и колдунов. Поцелуй светлой нейтрализовал его. Я сама стала блокиратором опасной магии. Вот только и откат пришелся на меня. Не от зелья — от поведения Хэйдена.

Я не задумывалась, куда иду. Движение стало моим способом выплеснуть поселившуюся в груди боль. Оно вводило меня в зачарованный транс, в котором все случившееся казалось неважным. И постепенно, шаг за шагом, вытягивало обиду и разочарование, как опасный яд. Медленно, но настойчиво. Я вышла из Корпуса Ораха, миновала парк, подставляя лицо холодному ветру, нырнула сквозь стрельчатую арку в переходную галерею и, пройдя по ней, ступила в центральный корпус. Коридоры, лестницы, залы… Лишь в главном холле я остановилась.

Повернулась к окну-розе и, закусив губу, позволила себе раствориться в огромном витраже. Я всматривалась в разноцветные звезды, в прекрасный месяц, так похожий на улыбку Полуночной Матери, в замерших в отблесках холодного света людей. Большинство из них держалось кучно, но некоторые стояли в отдалении. Они казались одинокими, но вместе с тем — гордыми и решительными. Они не побоялись уйти от толпы. И пусть свет на них едва падал, именно в них мне виделась настоящая сила.

— Мне тоже нравится этот витраж, — раздался знакомый голос.

Рывком обернувшись, я встретилась взглядом с Хэйденом.

Язык обожгли сотни ядовитых слов, сердце кольнуло постыдным желанием отыграться. Пусть не при всех, но хотя бы сейчас — ответить ему дерзко, насмешливо, попытаться задеть его чувства. Мои губы приоткрылись, но так и замерли.

— Ты хорошо держалась, — улыбнулся Хэйден.

И улыбка его оказалась неожиданно теплой. В ней не было ни насмешки, ни холодного превосходства — ничего из того, что обычно читалось в изгибе обманчиво жестких губ.

— А вот сейчас держишься плохо. Я отчетливо вижу твои эмоции. Хотя, должен признать, они мне нравятся. Тебе идет растерянность. И слабость.

Я задохнулась от возмущения. Хэйден же мягко рассмеялся.

— Слабость — это не всегда плохо. Она пробуждает желание оберегать, заботиться…

— Мне ни к чему ваша забота, артиэлл! — с жаром возразила я и развернулась на каблуках, собираясь уйти.

Однако он не позволил: поймал меня за локоть и удержал.

— Слабая, но гордая, — повторил он то же, что и в наш последний разговор. Потянул на себя, вынуждая повернуться, и заглянул мне в лицо. — От чего ты так самоотверженно пыталась меня защитить?

Я фыркнула, словно безродная мэла, и упрямо сомкнула губы.

— От чего блокиратор?

— От излишней надменности!

Я не могла перестать кипятиться. Слова обиды сами срывались с языка; их никак не получалось удержать под контролем. Однако Хэйден не обиделся. Лишь усмехнулся и посмотрел на меня как-то иначе — словно высоко в горах сошла лавина и… нет, не сняла защитный покров, но сделала его тоньше, позволила проступить ребрам вершин.

— Мне нравится, когда ты не пытаешься держать маску, — произнес он мягко, и от звуков его голоса по коже прокатилась волна мурашек. — Так от чего ты пыталась меня защитить?

— От лунного сердца, — отозвалась я хмуро. — Та сапфира, Ламия, припугнула мэлу, что меняет вашу постель, и вынудила ее использовать вымоченную в зелье наволочку.

— И ты решила, что лучше самой заполучить мое сердце?

Я вспыхнула, точно поймавшая искру труха, и дернулась, пытаясь высвободиться из хватки колдуна.

— Какие гнусные предположения! Я принесла блокиратор! Да, простой. Но он бы помог вам пройти обряд…

— А поцелуй?

Я замерла, тяжело дыша и не сводя взгляда с Хэйдена.

— Блокиратор я приготовила не только для вас, — ответила после краткой заминки, потребовавшейся, чтобы придумать достоверную ложь. — Свою порцию я выпила. Это бы помогло пройти обряд очищения без последствий.

Хэйден несколько секунд молчал, вглядываясь в мое лицо, и будто силился угадать: вру я или говорю правду. Потом усмехнулся.

— Ты что же, думаешь, нас отправляют в академию без защиты от подобных охотниц за мужьями?

Я растерялась. А ведь правда: почему я не подумала об этом?

Кажется, за полгода до поступления Мойры в академию Лангария вызывала колдуна. Не обычного, а из редких — их легко узнать по цветным нашивкам на одежде. Такие развивают крупицы силы, которые большинству недоступны, чтобы со временем войти в одну из закрытых гильдий. Их услуги стоят баснословно дорого, но спрос на них всегда высок.

В тот день, едва колдун появился у парадной двери, меня отправили к себе. Уже наверху, бросая последний взгляд на холл, я успела заметить мужчину в дорогих одеждах и с небольшим, но с виду увесистым чемоданчиком. Колдун пробыл у нас почти два часа. Причем, судя по звукам, пробыл в покоях Мойры. Лангария все это время оставалась с ними. Она же, едва гость ушел, вызвала Ригге. Набравшись смелости, я приоткрыла дверь и в щелку подглядывала, как Ригге выбежала из комнаты, как исчезла ненадолго, а после вернулась, неся стопку чистых полотенец. Отдала их и забрала грязные, перепачканные в крови и чернилах.

Тогда я не связала визит колдуна с предстоящим обучением Мойры в академии. Теперь же все наконец обрело смысл.

Для светских мероприятий обычно хватает защитного артефакта или мощного амулета, но долгосрочный результат могут гарантировать лишь зачарованные письмена, выведенные на коже. Судя по всему, именно ради них Лангария тогда вызвала колдуна. И у Хэйдена, выходит, есть такие же.

Но это значит, я зря переживала? Зря… поцеловала его?

Меня бросило в жар от осознания содеянного. Голова пошла кругом, перед глазами заплясали белые мушки. Пол под ногами поплыл, и я пошатнулась. Упасть мне не дал Хэйден — он мягко подхватил меня и удержал за талию.

В этот момент в холле раздался командный тон Шантара:

— Отойди от нее, Морроу!

ГЛАВА 15

Хэйден не дрогнул. Даже не поспешил убрать рук с моей талии — сначала удостоверился, что я крепко стою на ногах, и лишь после этого отпустил.

— Ты слишком шумный, — спокойно заметил он, глядя на подошедшего к нам Ардена. — Впрочем, как всегда.

— Что за игру ты затеял? Пытаешься взять очередной реванш?

— Я не соревнуюсь с тобой, Шантар. И если ты уверил себя в обратном, это лишь твои проблемы.

— Да? — синие глаза зло прищурились. — Не пытайся одурачить меня! Я знаю — это ты подстроил то представление. Что, увидел рядом со мной халцедона и тоже решил поразвлечься?

— А ты с ней развлекаешься?

Арден на мгновение сбился. Бросил на меня быстрый взгляд и снова посмотрел на Хэйдена.

— Тебя не касается, Морроу, что и с кем я делаю. Но не смей приближаться к Илэйн.

— Илэйн, значит, — удовлетворенно хмыкнул он. — А твоя невеста в курсе, как яро ты кинулся за другой? Может, стоит ей рассказать?

— Ты нарываешься, — порычал Арден, наступая.

Хэйден шагнул вперед, одновременно задвигая меня себе за спину.

Происходящее все больше приближалось к опасному рубежу; нефритов явно следовало успокоить. Но как? Что может сделать халцедон против двух истинных темных? Полуночная Матерь, помоги!

Будто отвечая на мой мысленный призыв, зашевелилась одна из горгулий. Размяв плечи, она повернулась, обвела нас хмурым взглядом и остановила его на мне.

— Лерната Илэйн Дельвар, вас просят пройти к директору. Немедленно!

В голосе горгульи слышалось столько недовольства, что не оставалось сомнений: необходимость пробудиться от каменного сна совсем не радовала одну из хранительниц академии. Неудивительно, что, едва договорив, она поспешила вновь обратиться статуей.

Я смотрела на застывшее изваяние крылатого чудовища и в волнении сжимала пальцы. Уходить сейчас опасно — нельзя оставлять нефритов наедине. Но и пренебрежение приказами

Мак-Фордин может обойтись слишком дорого. Что же делать?

— Иди, — Хэйден мягко подтолкнул меня в спину. — Не стоит заставлять директора ждать.

Я вскинула на него взгляд, надеясь… даже не знаю, на что именно я надеялась. Возможно, мне просто хотелось еще раз увидеть его улыбку. Но нет. На его лице вновь застыла маска отстраненной сдержанности. Почти такая же, какую обычно ношу я.

— Вы правы, артиэлл. Мне действительно лучше поторопиться.

Уважительно поклонившись обоим нефритам, я зашагала к выходу.

— Илэйн! — окликнул Арден. — Видящий камень. Он нужен тебе?

На секунду я замерла в нерешительности. Искушение ответить «да» и доказать собственную невиновность было велико. Но только я знала: темные не отступают от задуманного. И если Мак-Фордин в самом деле решила на меня надавить, она найдет способ. Причем, возможно, такой, что на его фоне гарпии покажутся безобидной шалостью.

— Нет, артиэлл, благодарю. Яркой вам луны.

Снова поклонившись, я поспешила в магистерский корпус.

Мойра права: не стоит накапливать долги у нефритовых колдунов. Я не знаю, считается ли уплаченным мой перед Хэйденом, но не хочу связывать себя обязательствами еще и с Арденом.

Хэйден…

С чего я вообще решила, что ему нужна моя помощь? Какая самонадеянность — думать, будто халцедон способен защитить нефрита! И не простого нефрита, а наследника рода!

Наследников с пеленок воспитывают иначе. Их приучают мыслить иначе. Видеть события иначе. И сами они становятся другими. Каждый такой нефрит — драгоценность, украшение рода. То самое, каким никогда не стать мне. Арден ошибся, пытаясь сравнить меня с истинными детьми ночи.

Хэйден же выделяется даже на фоне ему подобных. Кроме всех достоинств наследников, Хэйден обладает выдержкой и статью северян. Находиться рядом с ним тяжело, но, раз приблизившись, раз вдохнув его запах, держаться на расстоянии становится невозможно.

Опасные мысли, искушающие. Я старалась гнать их прочь, но они упрямо возвращались. Даже волнение перед встречей с Мак-Фордин почти не ощущалось — для него будто попросту не осталось места. Ни в мыслях, ни в сердце.

У заветной двери с табличкой, на которой в две строчки замерли витиеватые буквы, я остановилась. Оправила платье, волосы, выпрямила спину и постучала. Мне разрешили войти.

В эту нашу встречу Алира Мак-Фордин не сидела за столом — она стояла у окна, скрестив на груди руки и задумчиво смотря вдаль. Едва я закрыла за собой дверь, она обернулась и одарила меня доброжелательной улыбкой.

— Здравствуй, Илэйн, — мягко произнесла артиэлла, чуть растягивая гласные. — Проходи, пожалуйста. Садись.

Я послушно заняла одно из кресел.

— Мерула Найрин поведала мне о твоем проступке, — вздохнула она. — Неужели магистры успели настолько тебе досадить, что ты решилась испортить их ужин? Сначала попытка сорвать занятие у Дис-Роны, потом это… Зачем, Илэйн?

Директор посмотрела на меня с осуждением.

Мы обе понимали, что происходящее — спектакль. Но, судя по всему, Мак-Фордин наслаждалась выбранной ролью и не хотела из нее выходить.

— Я прошу прощения, артиэлла, — произнесла я с раскаянием.

Мне не нравился этот акт, но лучше проиграть его до конца и под первые овации покинуть сцену, чем сорвать представление и вызвать гнев постановщика.

— Одной просьбы мало, Илэйн…

Алира подошла к столу и оперлась на него поясницей, вставая так, чтобы смотреть на меня сверху вниз.

— Я хочу знать имена тех, кто набросил на тебя то проклятье.

— Почему это так важно, артиэлла?

Мне хватило секунды, чтобы пожалеть о своем любопытстве. Маска доброжелательности, замершая на красивом лице, дала трещину, и я отчетливо увидела раздражение, промелькнувшее во взгляде директора.

— Думать, Илэйн, следует лишь сильным. Слабым нужно учиться подчиняться и исполнять волю нефритов. Или сапфиров. Или изумрудов…

С каждой фразой подведенные алым губы все сильнее растягивались в улыбке. Еще не хищной, но настолько фальшивой, что становилось не по себе.

— Мы выпускаем сильных колдунов и ведьм. Однако сила некоторых заключается в умении служить. Ты ведь не хочешь больше проблем, Илэйн? Хочешь провести время до выпуска в мире?

Последний вопрос упал набухшими зернами на подготовленную почву. Мак-Фордин предложила то, чего я желаю

больше всего на свете. Вот только заплатить за столь щедрое предложение мне нечем — я не могу ответить на ее вопрос, не вызвав десяток новых.

Сцепив пальцы в замок, я опустила голову.

— Илэйн, Илэйн… — вздохнула Мак-Фордин, возвращаясь к окну. — Мне придется назначить тебе новую отработку. Четыре часа в нижних хранилищах. Работа пыльная, Илэйн. Даже лернат из мэл мы стараемся на нее не отправлять…

Стук в дверь прервал полную притворного сожаления речь артиэллы. Не дожидаясь приглашения, в комнату заглянул парень — тот самый, что занимался расселением вновь прибывших: тощий и в больших круглых очках на кривоватом носу.

— Гордин? Что случилось?

— Прошу прощения, что прерываю, но дело срочное. Дуэль.

— Кто?

— Два нефрита. Шантар и Морроубран.

Мак-Фордин нахмурилась и сухо, уже без прежнего притворства спросила:

— Применение силы?

— Не выше четвертого уровня.

— Их разняли?

— Разумеется. Горгульи среагировали вовремя.

— Отлично. Нефритов ко мне. А ты, — колючий взгляд впился в меня иглами, — явишься после ужина к кэллеру. Он предупрежден о твоей отработке.

— Конечно, артиэлла, — я подскочила и почтительно склонила голову.

Сейчас злить Мак-Фордин было бы самоубийством.

— Свободна.

— Благодарю, директор, — я еще раз поклонилась и стремительно покинула кабинет.

Шум крови в ушах заглушал частый стук моих каблуков. Я едва не срывалась на бег, стремясь вернуться в главный зал.

Зря я покинула их! Зря не попыталась успокоить! Видела же, что оба готовы переступить опасную черту! Так почему же не вмешалась?

Почему?

Почему?

Почему?

Вопрос бился в голове, словно муха о стекло, — раздражающе настойчиво. Снова и снова до тех пор, пока разрозненные мысли не оформились в слова.

Потому что не верила, что два нефрита могут схлестнуться из-за халцедона. Недоделка. Меня.

Неозвученный ответ растворился на языке кислым вином. Я сглотнула в попытке избавиться от неприятного ощущения, но тщетно. Казалось, терпкий привкус успел впитаться, проникнуть в кровь и заструиться по венам.

Когда я добежала до главного зала, там уже было пусто. Горгульи замерли на выступах каменными изваяниями, и, вторя им, я сама замерла.

Зачем я здесь? Колдунам явно не нужна моя помощь. Один раз я уже позволила себе поверить, что халцедону по силам защитить нефрита, и это обернулось новыми проблемами. Пора бы принять неприятную истину, смириться.

Я знала, что должна поступить именно так. Знала, но не представляла, как это сделать. Сложно держаться бесстрастно, когда грудь стягивает беспокойством.

Низкий звон колокола упругой волной прокатился над корпусами. Ворвался в главный холл, оглушил на мгновение и испуганно, будто сожалея о содеянном, сжался под высокими потолками. Для меня он стал напоминанием, что академия — это не только душевные терзания. В первую очередь это цитадель знаний. И если я не хочу настроить против себя еще одного магистра, лучше бы мне поспешить на занятие.

Помещение, куда меня привел Путеводный свет, больше всего походило на пещеру: часть стен покрывал мох, с потолка свисали сталактиты. Сами стены оказались разноцветными от десятков видов камней. На полу стояли низкие столы и стулья — приходилось скрещивать ноги, чтобы сесть хоть сколько-нибудь удобно.

Магистр — старый артиэлл в пыльно-черных одеждах — уже был здесь. Он сидел на таком же невысоком стуле с жесткой спинкой. Широкие ладони покоились одна на другой поверх каменной столешницы, местами выщербленной от времени. Серые, словно выцветшие, волосы лежали в идеальном порядке. Густые усы огибали губы и спускались к гладко выбритому подбородку.

Карие, цвета гречишного меда глаза внимательно проводили заходящих лернатов. А едва мы расселись, магистр заговорил:

— Рад приветствовать первый год халцедонов на занятиях по геомантии. Меня зовут Акель Роун.

Низкий голос звучал неожиданно приятно, как трель соловья в вечернем тумане. Он заполнял помещение, гуляя вдоль неровных стен, отражался от свисающих сталактитов и… растворялся, будто исчезая в молочно-белом шлейфе.

— Как вы знаете, геомантия посвящена изучению камней. Камни определяют в нашей жизни слишком многое — уверен, вы,

халцедоны, понимаете это как никто другой. Дети Лунной империи зачастую вас не ценят. А зря, — тонкие сухие губы дрогнули в намеке на улыбку.

Лернаты молчали, жадно вслушиваясь в слова магистра. Все мы носим серые кольца лишь третьи сутки, но уже прочувствовали пренебрежение истинных темных.

— Халцедон — камень равновесия. Он способен накапливать и приумножать, пусть и незначительно, силы носителя. Халцедон неспроста выбран камнем для слабых детей ночи. Он — ваша поддержка, ваша опора и шанс урвать крупицу возможностей, которые остальным дарованы от рождения. Халцедоны слабы — это так. Но в то же время именно халцедоны служат мерилом для всех детей Полуночной матери. Как определить силу, если не с чем сравнивать? От чего отталкиваться? Именно вы, — взгляд магистра облетел присутствующих, — определяете, кто достоит зваться нефритом. Не сами нефриты — вы.

Едва отзвучал последний звук, помещение окутала тишина, такая плотная, что, казалось, в ней можно услышать гулкие удары взволнованных сердец. Слабые, привыкшие к понуканиям дома и в академии, лернаты вдруг почувствовали себя важными. Нужными. Магистр Роун покорил эти сердца, заполучил их всего несколькими добрыми словами. Без желания похвалить или подбодрить, без ненужной жалости, но с такой решительной убежденностью в каждом слове, что не поверить ему было нельзя. И мы поверили. Все и сразу.

— Каждый халцедон важен, каждый — нить в полотне Полуночной Матери, без которого узор будет неполным. И даже белый халцедон, — с улыбкой произнес магистр.

Я посмотрела на него растерянно.

— Эти стены уже много лет не видели белого халцедона. Вы, дорогая, редкость.

Сердце кольнуло сожалением. В голосе Роуна так отчетливо звучала гордость, словно слабость моего дара — великая удача. Вот только я не разделяла чувств магистра. Сложно разделять их, когда единственное, о чем мечтаешь последние одиннадцать лет, — стать нормальной: темной ведьмой, достойной собственного рода.

И, судя по тяжелому вздоху, магистр услышал мои невысказанные мысли.

— А вы знаете, что камень в вашем кольце — не совсем халцедон?

Я нахмурилась и недоверчиво уставилась на белый овал, надетый на мой палец. Многие лернаты тоже с любопытством принялись его разглядывать.

— Это кахолонг — твердая смесь халцедона и опала. В древности такой камень считался подарком самой Луны. Но со временем, погнавшись за силой, мы утратили уважение к ценностям, находящимся вне привычных рамок. Ваш халцедон, дорогая, уникален.

Я качнула головой. Речи магистра звучат сладко, но только жизнь белого халцедона совсем не сахар. Мне хватило всего двух дней, чтобы это понять. А мысль о тысяче грядущих приводила в ужас.

— В Лунной империи почитают ночь и тьму, — напомнила я. — Сложно поверить в ценность белого камня.

Акель Роун усмехнулся в усы.

— Вы правы и не правы одновременно. Мы чтим тьму — это верно. Но подумайте вот о чем. Все вы подумайте, — магистр вновь обвел нас взглядом. — Что завораживает больше всего в ночном небосводе — в полотне Полуночной Матери, в котором вытканы судьбы каждого из нас?

Лернаты молчали, только смотрели на артиэлла словно завороженные. Десятки пар глаз горели интересом, жаждой знаний и… надеждой. Новое чувство для слабых ведьм и колдунов. Новое и слишком искушающее, чтобы не поддаться ему.

— Звезды, — с улыбкой подсказал магистр. — Крохотные источники света в непроглядной мгле — вот что заставляет сердца замирать от восторга, а нас самих — мысленно тянуться к ним. Вы, халцедоны, и есть те звезды, на фоне которых тьма становится по-настоящему завораживающей.

— Но, магистр… — неуверенно заговорила Ллоса. — Если халцедоны действительно важны, почему к нам относятся с таким пренебрежением?

Акель Роун со вздохом качнул головой.

— Потому что многие слишком поздно понимают вашу истинную ценность.

— Сомневаюсь, что нефриты вообще способны ее понять, — буркнул сидящий сбоку от меня Морриган.

Магистр услышал его, снова усмехнулся и развел руки тыльными сторонами вверх.

— Со временем, лернат, даже тьма учится ценить свет.

До этого кольцо артиэлла скрывала лежащая поверх него ладонь. Теперь же нашим взорам открылся большой, черный, как самая беззвездная ночь, камень шерла. Черный турмалин — камень избранных. Лишь те, кто входит в Совет Ночи, имеют право носить его.

На лицах лернатов отчетливо читалась та же растерянность,

что охватила меня. Получается, сильнейший из колдунов империи… на стороне халцедонов? На стороне белых халцедонов?

ГЛАВА 16

С занятия по геомантии я вышла с тяжелой головой. Слова магистра Роуна, его кольцо и тот статус, что за ним скрывается, зародили в душе неясную тревогу.

Халцедоны важны? Свет необходим?

Слишком удивительные речи, чтобы поверить им. Особенно если они звучат из уст колдуна Совета Ночи. Лангария тоже входит в этот Совет, и от нее я никогда не слышала подобного. Напротив, сколько себя помню, матушка всегда порицала слабость: как незнакомых ей ведьм и колдунов, так и мою.

Мысли затягивали, точно мокрый песок на прибрежной линии — чем дольше стоишь, тем сильнее увязаешь. Следуя за Путеводным светом, я почти не обращала внимания на коридоры и залы, через которые шла. А вот не обращать внимания на презрительные взгляды и издевательские смешки было сложнее.

Сплетня о моей дерзости распространялась стремительно, как лесной пожар. К вечеру наверняка не останется ни одного лерната, не слышавшего об отчаянной халцедоне, кинувшейся на шею нефриту. Однако я не сожалела о содеянном — попытки спасти чужое сердце стоят того, чтобы потерпеть пересуды.

Сохраняя на лице маску непоколебимого спокойствия, я дошла до зала, где проводятся занятия по темной воле. Здесь гул перешептываний наконец стих. Халцедоны не поддержали остальных лернатов. Никто из них не смеялся надо мной — напротив, многие смотрели ободряюще. А Ллоса так вообще села за соседний стол и, наклонившись, прошептала:

— Ты молодец, что рискнула! Такого колдуна даже Полуночная Матерь поцеловала бы!

И от нежданной поддержки на душе стало светлее.

Однако поблагодарить мэлу я не успела — дверь снова распахнулась, и в зал, покачивая бедрами, вплыла магистр. Высокая, с собранными на затылке черными волосами, в длинном платье смелого винного цвета, с отделкой из черного кружева.

Артиэлла Элодия Дис-Мари — так она представилась, томно протянув последнюю «и».

Звук ее голоса повлиял на юношей-халцедонов точно песнь сирены. Все они неосознанно подались вперед и завороженно уставились на артиэллу. Девушки разделились: одни преисполнились завистью к той, кого Полуночная Матерь щедро одарила как силой, так и яркой внешностью; другие наблюдали за происходящим со сдержанным любопытством.

Магистр явно знала, какой эффект производит на

окружающих, и столь же явно наслаждалась им. Подведенные алым губы замерли в самодовольной полуулыбке, во взгляде серебристо-серых глаз плескалось торжество. Удивительно, но Дис-Мари даже не пыталась придать лицу приличествующее ситуации выражение — она будто сознательно дразнила нас.

Однако уже минут через десять я догадалась о причинах: на собственном примере магистр показывала, что такое темная воля и как важно умение сохранять главенство разума над эмоциями. Все халцедоны, попавшие в ловушку желаний или зависти, проиграли собственной природе. Утратили контроль. И сейчас, захоти Дис-Мари это сделать, она бы подавила их волю своей.

Забавно, но кроме коварства я видела в происходящем определенную иронию. Магистр говорила о сдержанности, о хладнокровии, которым должны обладать дети Лунной империи, о беспристрастности. И одновременно продолжала затягивать халцедонов в свои сети.

А еще через пятнадцать минут Дис-Мари резко стянула раскинутые нити и подавила чужую волю. Тут же в просторном зале раздалось кудахтанье, блеянье и звонкий лай — лернаты, оказавшиеся во власти нефриты, старательно выполняли любые ее команды.

Ллоса взвизгнула, когда сидящий по левую сторону от нее Морриган вдруг вообразил себя пауком и, широко расставив руки, с грохотом прижался грудью к столу. Киган — русоволосый парень с большими серо-голубыми глазами — явно считал, что он жаба, и сейчас стремительно скакал к выходу. Айлора — сильнейшая ведьма из халцедонов первого года — пугающе щелкала зубами и со стеклянным взглядом вертела головой.

Происходящее больше не казалось забавным. Вжавшись в спинку стула, я с ужасом смотрела на утративших волю лернатов. Переводила взгляд с одного лица на другое и не видела в них даже проблеска разума.

Хлопок в ладоши самым невозможным образом прозвучал громче царящего в зале гомона. А следом все помещение объяла тишина. Халцедоны замерли. Почти все в странных позах, которые они успели принять, пока считали себя животными. Многие тяжело дышали. В глазах каждого — страх.

— Видите, лернаты, что бывает, если утратить контроль над эмоциями? — нежно, почти ласково произнесла Дис-Мари. — Поддаваясь чувствам, вы оставляете открытыми врата в ваш разум. И захватить его становится очень просто. Особенно если речь о сэлах или мэлах.

— П-почему? — выдохнул Морриган, потирая ушибленную грудь.

— Артиэллов с детства учат разделять мысли и чувства. Проникнуть в их разум, захватить их волю — сложнее. Но и среди менее высокородных встречаются колдуны и ведьмы, кому повезло родиться с крепким сознанием. Их разум интуитивно защищает себя от чужого вторжения. Среди вас стойких халцедонов оказалось всего пятеро. Что ж, а теперь, раз уж мне удалось завладеть вашим вниманием, — алые губы сильнее растянулись в улыбке, — предлагаю вернуться к занятию.

* * *

Едва над академией вновь пронесся колокольный звон, почти все халцедоны тут же хлынули в коридор. Кого-то гнал страх, но большинство — стыд. Щеки и уши у таких лернатов алели, словно зрелые ягоды волчника. Столкнувшись с Ллосой у выхода, мы обменялись понимающими улыбками и присоединились к общему потоку. Шли рядом. Ллоса косилась на пунцового Кигана и жевала губы, явно стараясь не смеяться над бедолагой. Глядя на них, я и сама улыбалась. Не насмешливо, нет. Скорее, мне просто нравилось видеть настоящие, не выверенные или отточенные до совершенства эмоции.

Порог трапезной я переступила, продолжая улыбаться. Следом за Ллосой и Киганом получила порцию ужина и уже хотела было зашагать к стоящему в отдалении столу, когда заметила вошедшего Хэйдена. Как и всегда, невозмутимого, с бесстрастным выражением лица. Неприступного.

— Пока ты смотришь на него, та бешеная сапфира смотрит на тебя, — прошептала Ллоса.

Повернувшись в указанную мэлой сторону, я встретилась взглядом с Ламией. И внезапно даже для самой себя вновь улыбнулась. Подумалось, что Ллоса подобрала идеальное слово для описания артиэллы. Та же, заметив мою улыбку, зло прищурилась.

— Если она скривится еще сильнее, точно подавится, — усмехнулась Ллоса и, сделав два шага к столу, за которым уже сидели Киган и Морриган, обернулась. — Пошли, Илэйн. Хватит тебе есть в одиночестве. И не переживай насчет манер мэлов — с одной вилкой крайне сложно оплошать в этом вопросе.

Я колебалась лишь мгновение, потом уверенно последовала за Ллосой.

Есть в компании мэлов оказалось неожиданно весело. Киган болтал почти без умолку, активно жестикулируя вилкой. Ллоса одергивала его, требовала следить за манерами в присутствии

сэлы и выразительно косилась взглядом на надкушенную лернатом картошку, насаженную на острые зубцы.

Киган честно старался сдерживаться… минуту или две. Потом проигрывал собственному темпераменту и вновь принимался размахивать руками. Получал за это тычок под ребра обратной стороной вилки. Вскрикивал, начинал громко возмущаться воспитательными методами Ллосы, вспоминал обо мне, добавлял спешно: «Мое почтение» — и продолжал недовольно фырчать.

Морриган подбадривал друга, кивал не менее старательно, чем Киган пытался следовать столовому этикету. А сам при этом стаскивал куски печеной картошки с его тарелки. Киган кидался на защиту своего ужина, Ллоса взывала к порядку так громко и старательно, что лишь окончательно рушила его…

Я молча наблюдала за происходящим и никак не могла перестать улыбаться.

Ужины в поместье Мак-Моров протекали иначе. Сдержанно, с приличествующими древнему роду манерами. С полной сервировкой, сменами блюд, дорогим вином и выбеленными салфетками из редкой алденской ткани. Разговоры за такими трапезами почти не звучали — только звон приборов да бокалов.

Я привыкла к сложившемуся порядку. Более того — считала его единственно возможным. Но сейчас, глядя на троицу мэлов, кипящих жизнью и неуемной энергией, я впервые посмотрела на совместные ужины под другим углом.

Мне нравится шум Ллосы, Кигана и Морригана. Нравятся их непосредственность и чистые эмоции. Впервые за долгое время я встретила людей, не умеющих носить маски. Искренних, настоящих.

Когда мэлы увлеклись очередной перепалкой, я стянула салфетку и завернула в нее сухую отбивную — вторую из тех, что полагались халцедонам на ужин. Спрятала добычу в карман платья и, извинившись, покинула трапезную раньше остальных. А затем поспешила в спальный корпус.

Пробегая мимо второго этажа, я невольно бросила взгляд в сторону жилого коридора. Интересно, там ли Арден? На ужине он так и не появился.

Я не хотела думать, что он мог пострадать. Да, навредить нефриту крайне сложно, особенно заклятиями четвертого уровня, но Хэйден тоже нефрит и тоже сильный. Кто знает, каким приемам учат наследников северных домов?

Сердце кольнуло беспокойством, но я постаралась заглушить это чувство. Лангария ни за что не выбрала бы Мойре слабого жениха. Она прочит ей место в Совете Ночи, и правильный брак

лишь укрепит бы статус сестры среди темных родов. А раз так, то Арден явно не из тех, кому легко навредить.

Оказавшись у себя в комнате, я спешно выудила отбивную из кармана. Развернула салфетку и положила ее на стол, где уже в нетерпении приплясывала Эвис.

— Прости, что так долго, — я улыбнулась, наблюдая, с каким аппетитом она накинулась на мясо. — Может, тебе порвать на кусочки?

Топ. Топ.

— Уверена? А если…

Топ. Топ.

— Ладно, не мешаю.

Я села на кровать и посмотрела на зеленую подругу. Вцепляясь ртом в поджаристый край, она тянула его на себя, пока не отрывала кусочек. Маленькие лапки при этом крепко прижимали отбивную к салфетке.

В этот момент, одержав очередную победу над остатками халцедоновского ужина, Эвис повернулась ко мне. Челюсти ее смешно работали, будто пережевывая.

— А в книге писали, что вы глотаете не жуя.

Топ-топ-топ. Топ. Топ-топ.

— Глупости пишут?

Топ.

— Ну и к светлым эти книжки.

Я упала на подушку и заложила руки за голову. Усталость навалилась пуховым одеялом, все сильнее придавливая к матрацу. Хотелось свернуться калачиком, закрыть глаза и позволить себе уплыть на волнах сновидений. Если бы только не отработка…

— Не хочу никуда, — тихо призналась я, глядя в потолок. — А увильнуть нельзя. Почему Мак-Фордин так вцепилась в то проклятие? Считаешь, она что-то заподозрила? — спросила задумчиво не то Эвис, не то саму себя. — Но как? Поводов я не давала.

Мысли текли лениво, словно густой мед. Золотой нитью тянулись от директора и ее интереса к слабенькому проклятию до назначенной отработки.

Вздохнув, я нехотя села.

— Надо идти. Уверена, Мак-Фордин не упустит шанса наказать меня даже за пятиминутное опоздание. Надеюсь, хранилища все же не такие пыльные, как она уверяла…

Не успела я договорить, как Эвис бросила недоеденный ужин и быстро перебралась ко мне на колени.

— Ты решила начать пачкать меня заранее? — я

выразительно посмотрела на ее лапы.

Ящерица не смутилась. Вскинула мордочку и пристально на меня уставилась, будто пытаясь что-то сказать.

— Что, тоже не в восторге от Мак-Фордин?

Эвис не пошевелилась.

— Прости, но я сейчас не в настроении играть в долгие вопросы. Мне надо идти.

Топ. Топ.

— Ты не хочешь, чтобы я уходила? — я нахмурилась.

Ответа не последовало.

— Ты хочешь пойти со мной?

Топ.

— Нет, Эвис, это плохая…

Топ-топ-топ.

— Эвис!

Топ-топ-топ.

— Тебя могут заметить!

Топ. Топ.

— Я быстро…

Топ-топ-топ.

— Что за грубая привычка перебивать? — возмутилась я. — Нет, это слишком опасно! Мы не можем так рискова…

Топ. Топ-топ. Топ-топ-топ. Топ!

— Ты решила меня затоптать?

Эвис выглядела серьезной до крайности. А в следующий миг, игнорируя попытки ее остановить, нырнула в карман платья. В тот самый, где совсем недавно лежала завернутая в салфетку отбивная.

— У тебя ужасный характер, — пристыдила я наглую ящерицу. — Ты же понимаешь, что можешь подставить нас обеих?

Топ.

Прикосновение лапы к моей ноге едва ощущалось за слоем ткани.

Я не сводила с кармана хмурого взгляда. На долгие размышления времени не осталось.

— Во имя Полуночной Матери, прошу тебя, не выдай нас.

Новое прикосновение к ноге вышло робким и будто даже виноватым.

— Ладно, надеюсь, это не пустые капризы.

Вздохнув, я поднялась с кровати и вышла в коридор. Не глядя на возвращающихся с ужина лернатов, спустилась по лестнице и быстро зашагала к кэллеру.

ГЛАВА 17

Старый хранитель артефактов меня ждал. Прищурился, едва завидев, и поманил за собой. Стоило мне зашагать рядом, как он заговорил:

— Что, семечко, успела прогневить нашу Алиру?

Я не сумела скрыть изумления — так сильно меня потрясло внезапное открытие. Кэллер смеет звать директора по имени?

— Ну что ты так смотришь? — хмыкнул он в густые усы и уверенно повторил: — Прогневила ты ее, прогневила. Иначе с чего бы мне велели проводить тебя именно в северное хранилище? Туда рабочих-то мэлов редко загоняют, а уж лернатов те стены давненько не видывали. Хотя, если подумать, те стены только и видели, что меня да сырость. И крыс еще.

— Почему не потравить?

— А зачем? Столько ингредиентов для зелий бегает. Всегда знаешь, где взять, если нужно пополнить запасы.

Кэллер говорил неспешно, будто устало. Однако шел бодро. Приходилось часто перебирать ногами, чтобы поспевать за ним. Эвис замерла, точно камешек, и даже слабым тычком не выказывала недовольства, когда стукалась о мое бедро.

Наконец, миновав десяток залов, переходов и четыре лестницы вниз, мы остановились у темной рассохшейся двери. Кэллер толкнул ее. Вошел первым, коснулся встроенного артефакта, заставляя зажечься лампы по всему хранилищу, и отступил. Я перешагнула порог и с опаской огляделась.

На стеллажах, заваленных вещами, лежал толстый слой пыли. Виднелись серебряные нити паутины, слышался приглушенный писк. Пахло сыростью.

— И… и что мне надо сделать? — уточнила я, сглотнув.

Кэллер одарил меня кривой улыбкой.

— Провести здесь четыре часа. Захочешь навести порядок — пожалуйста. Не захочешь — не надо. Можешь крыс погонять. Ты их не бойся, они на лернатов не кидаются. Ну, обычно, — добавил он, задумчиво глядя на нижние полки ближайшего стеллажа, из-под которого торчал кончик розового хвоста. — Алира не уточняла насчет задания — значит, просто хотела загнать тебя сюда. Говорю же, прогневила ты ее.

Пообещав вернуться за мной к окончанию отработки, кэллер вышел и запер дверь. Почти сразу же из кармана платья выглянула зеленая мордочка. Деловито огляделась и повернулась ко мне.

— Спустить на пол?

Топ.

Уже даже не пытаясь понять действий своенравной подопечной, я выполнила требуемое. Стоило ее лапкам коснуться пола, она тут же кинулась под стеллаж. Тот самый, откуда торчал кончик хвоста. В следующий миг оттуда донеслись звуки возни, шебуршание и громкий, пронзительный писк.

Испугавшись за ящерицу, я упала на колени и заглянула в небольшой просвет. Но, клянусь Полуночной Матерью, лучше бы я этого не делала!

Первыми на глаза попались бурый комок шерсти — судя по всему, спина крысы — и длинный, еще подрагивающий хвост. Потом я увидела зеленые лапы, крепко прижимающие мохнатое тельце к полу, и улыбку Эвис. Довольную, победоносную улыбку на перемазанной кровью морде.

— Кто ты? — выдохнула растерянно.

Эвис склонила голову набок, будто потешаясь надо мной, и медленно, явно дразнясь, облизнулась. Я даже не попыталась вспомнить, облизываются ли обычные ящерицы — Эвис вряд ли к ним относится.

— Поговорим, когда доешь? — уточнила я и получила утвердительный «топ» задней лапой. Передние скрывала густая шерсть поверженного грызуна.

Выпрямившись, я отступила от стеллажа. Знаю: если бы Эвис хотела мне навредить, она бы давно это сделала — хотя бы той же ночью накануне нашей встречи. Но и притвориться, будто увиденное меня ни капельки не напугало, не могу. Только страшит меня не кровожадность ящерицы, а неизвестность. Какие еще секреты хранит мой зеленый приемыш? И насколько опасными они могут оказаться?

Мельком глянув на стеллаж, под которым ужинала Эвис, я медленно зашагала вглубь хранилища.

Вокруг царило запустение. Света ламп едва хватало, чтобы не врезаться в возникающие на пути ящики и сундуки. Часть стеллажей покосились от времени, на других не хватало полок. Пыль укрыла все настолько плотно, что видимыми остались лишь очертания вещей. И чем дальше я продвигалась, тем запущенней выглядело помещение. Мне приходилось огибать препятствия, сворачивать в ответвления проходов.

Дважды я врезалась в стены, возникнувшие будто из ниоткуда. И дважды я пыталась вернуться обратной дорогой. Но каждый раз самым невозможным образом на пути возникали новые преграды. Я путалась, искала среди десятков одинаковых темных силуэтов те, что могли направить к выходу из хранилища.

У одного из стеллажей на меня накатила слабость. Причем до

того внезапная и сильная, что я едва не упала — в последний момент успела ухватиться за деревянную перекладину. Ощутила, как пробежал по пальцам паук, но даже не повернулась, чтобы посмотреть на него. Перед глазами плясали цветные пятна. Пыльный воздух забивался в грудь и вырвался изо рта глухим сипом.

Что происходит?

Собрав остатки сил, я ухватилась за стеллаж второй рукой. Выпрямилась и замерла, неверяще глядя на восьмиугольную коробочку, оказавшуюся перед самым моим носом. Толстый слой пыли скрывал ее цвет и узоры, но особая форма не оставляла сомнений. Зажмурившись, я с силой дунула. Выждала несколько секунд и посмотрела на находку.

Догадки меня не обманули. Украшенный двенадцатью звездами, с тяжелым замком в виде полумесяца, на полке стоял ларец ночи — один из сильнейших артефактов темных.

Но что он здесь делает? Откуда? И почему…

Додумать я не успела — накатила дурнота. Несколько секунд я отчаянно с ней боролась, потом снова посмотрела на ларец. На нижнем ребре, как раз под серебряной звездой, зиял большой скол, сквозь который просачивается тьма.

Проклятье! Поврежденный артефакт!

Едва почувствовав, что снова могу стоять, я поспешила оказаться от него как можно дальше. Обогнула четыре стеллажа и большой, укрепленный металлом сундук, и врезалась в стену. Но откуда она тут?

Развернувшись, дошла до последней развилки и забрала правее. Снова тупик. Это не хранилище, а какой-то лабиринт!

Лабиринт…

От осознания истинного наказания меня бросило в жар.

Мак-Фордин не просто сослала меня в подвалы провести четыре часа в компании крыс и пауков — она загнала меня в лабиринт, полный старых артефактов. И помоги мне Полуночная Матерь, если ларец ночи не единственный сломанный!

Испуганно оглядевшись, я заметила еще три покореженных артефакта и обломки черного жезла — таким пользовались много поколений назад, до того, как научились направлять силу без проводника. От каждой вещи тянулась удушливая волна темной магии.

Голова закружилась.

Оттолкнувшись от полки, я нетвердой походкой вернулась к развилке. Там, почти не думая, забрала левее. А на следующей — правее.

Усиливающаяся слабость и желание выбраться из лабиринта

подгоняли, толкая невидимыми ладонями в спину. Еще дважды я свернула, доверяясь внутреннему чувству, потом остановилась. Сердце билось так часто, что я отчетливо ощущала расходящиеся от него низкие волны. Паника накрывала все сильнее, но я понимала: если поддамся — проиграю.

Нельзя идти наобум — надо понять, в какой стороне выход. А значит, придется забраться повыше.

Вскарабкаться на тяжелый сундук удалось только со второй попытки. Перед взором все плыло, во рту поселилась колючая сухость. Вставать на стеллаж было страшно. Я не знаю, выдержит ли он мой вес и получится ли у меня добраться до самого верха, но обязана рискнуть. Такое скопление артефактов, источающих темную силу, отравляет меня. Будь я обычным халцедоном — пусть слабой, но все же темной ведьмой, — уверена, мне бы не было настолько плохо. Но моя светлая природа задыхается в окружении тьмы.

Стоило встать на полку обеими ногами, как она натужно заскрипела. Задержав дыхание, я ухватилась руками поудобнее и поднялась на следующую. Теперь к скрипу добавился треск. Еще не оглушительный, но предупреждающий. Все внутри меня задрожало, точно натянутая струна. Однако желание выбраться, понять, в какой стороне выход, было сильнее страха.

Закусив в волнении губу, я осторожно, стараясь не дышать, подняла левую ногу и медленно поднесла ее к следующей полке. Прикосновение туфли к старому дереву отозвалось еле слышным шорохом. Я замерла. Прислушалась к окружающим звукам, ухватилась пальцами еще выше, на ощупь отыскивая свободные от вещей места. Выдохнула через нос и подтянулась.

Треск досок подо мной стал громче.

Они ломаются! Без сомнения, ломаются!

Не тратя время попусту, я принялась вглядываться в размытые очертания хранилища. Приглушенный свет и пляшущие перед глазами пятна усложняли задачу, но я смогла — увидела выход. Он оказался неожиданно далеко и совсем не в той стороне, куда я так стремилась. Но это уже неважно! Главное — теперь понятно куда…

С громким треском полка проломилась под моим весом, и я с криком полетела вниз. Удар вышел ощутимым, выбившим из груди воздух. Левое плечо, врезавшееся в угол ящика, полыхнуло болью. Но я почти не обратила на нее внимания — пришлось спешно закрываться руками от посыпавшихся сверху коробок, палок, шаров… Некоторые из них, коснувшись пола, разбились, и от них ядовитыми лентами зазмеилась темная магия. Я шумно вдохнула, и чуждая мне сила наполнила грудь. Перед глазами

померкло.

В себя я пришла от ощущения холодных лап на лице — это Эвис в беспокойстве приплясывала, шлепая меня по щекам и носу. Едва поняв, что я очнулась, она сбежала на пол. Я же со стоном села.

Надо выбираться из этого проклятого хранилища. Плевать, что скажет кэллер, плевать на возможное недовольство Мак-Фордин. Я здесь не останусь!

Кое-как встав, я зашагала к выходу, но не успела пройти и метра, как дорогу преградила Эвис. Ее лапки застучали по полу так быстро, словно камни под ней раскалились.

— Не переживай, сейчас мы выйдем отсюда.

Топ. Топ.

После быстрого танца эти два недовольных удара прозвучали особенно громко.

— Эвис, я не собираюсь с тобой спорить. Мне плохо, я хочу выйти.

Топ. Топ.

Я не врала, говоря, что не настроена спорить. Обогнув упертую ящерицу, я сделала еще два шага вперед, но тут передо мной вновь возникло живое препятствие.

— Эвис!

Маленькие лапки часто-часто отбивали взволнованный ритм. Едва я остановилась, как Эвис отбежала к ближайшему ответвлению вправо и принялась вытанцовывать там.

— Выход в другой стороне, — устало возразила я и собралась продолжить путь, но остановилась, стоило ящерице кинуться мне едва ли не под туфлю. — Да что ты творишь?!

Вместо ответа Эвис вернулась к развилке и затопала с таким отчаянием, что я просто не могла не подойти к ней.

— Там нет выхода, ты это понимаешь?

Топ.

Ответ заставил нахмуриться.

— Ты знаешь, что там нет выхода, но все равно хочешь, чтобы я пошла туда?

Топ.

Я тяжело вздохнула и уточнила главное:

— Это важно?

Топ.

Я повернулась в сторону выхода, потом снова посмотрела на Эвис. Та больше не плясала — стояла, задрав морду, и, казалось, даже не дышала в ожидании моего решения.

— Полуночная Матерь, надеюсь, я не совершаю ошибки, — пробормотала я и шагнула в ответвление.

Эвис подпрыгнула и с готовностью побежала впереди.

Я почти не вдумывалась, куда иду. Слабость накатывала все сильнее. Начинало тошнить. Окружающая тьма вгрызалась в меня, точно изголодавшийся зверь в тело жертвы. Я практически ощущала ее тяжелое дыхание у себя на затылке, чувствовала холодные прикосновения к шее.

Когда ноги уже с трудом удерживали меня, Эвис наконец остановилась. Я тоже встала, хватаясь за очередной стеллаж. Посмотрела, к чему так старательно вела меня ящерица, и не поверила глазам. Медленно приблизившись, опустилась на колени и кончиками пальцев коснулась отполированного древка.

Метла.

Мечта каждой ведьмы, артефакт, хранящий чужую душу. Что он делает среди опасных, непригодных к использованию вещей?

Подушечки пальцев кольнуло чужой силой.

Отклик! Отклик метлы!

Слабый, едва ощутимый, но это точно он! Вот только… темные артефакты всегда откликались холодом, а сейчас я отчетливо ощутила тепло. Разве такое возможно?

А следом за этой мыслью пришла другая, еще более сбивающая с толку. Пугающая.

Почему Эвис так рвалась привести меня к этой метле? Я не говорила ей о природе моей силы.

— Эвис, — я повернулась к замершей рядом ящерице. Озвучить вопрос стало непросто. Точнее, я впервые собиралась произнести страшные слова вслух. — Ты знаешь, что я… светлая?

Топ.

ГЛАВА 18

В груди ухнуло. Я почувствовала, что задыхаюсь.

Она знает. Знает.

Кто еще мог догадаться? Или Эвис единственная? А если нет? Что случится с родом Мак-Мора? Со мной? Обряд изгнания сути?

Из плена собственных страхов меня вывело мягкое прикосновение прохладной лапы. Вздрогнув, я посмотрела вниз — это Эвис забралась ко мне на колени и теперь прижимала переднюю лапку к моим стиснутым в кулаки пальцам. Во взгляде внимательных глаз читалось беспокойство.

— Так заметно, что я светлая?

Топ. Топ.

Новые прикосновения вышли аккуратными, почти невесомыми. Они скорее походили на поглаживания, чем на притопывания.

Я выдохнула.

— Давно ты поняла?

Топ.

Может, все дело в приглушенном свете хранилища, но на секунду мне показалось, что Эвис насмешливо ухмыльнулась.

— Ты с самого начала знала?

Топ.

Я качнула головой, продолжая неотрывно смотреть на ящерицу. Удивительно умное создание. Пугающе умное. Не понимаю, как Дис-Рона ее проглядела?

Новая догадка вспыхнула в сознании ослепительно ярко. Я тихо рассмеялась.

— Тебя ведь никогда не было в корзине, верно?

Эвис склонила голову к плечу, поглядывая на меня хитро-хитро.

Топ.

— Но как Дис-Рона не заметила еще одну олеандровую ящерицу? Как долго ты пряталась под шкафом? Знала ли, что я попытаюсь освободить тех бедолаг?

На этот раз Эвис не ответила. Продолжала смотреть на меня все так же лукаво и явно наслаждалась моими попытками разгадать ее тайны.

— Это нечестно, — вздохнула я, сдаваясь. — Мой секрет-то ты знаешь!

Она снова не ответила, сбежала с моих колен и вернулась к метле. Я тоже посмотрела на артефакт.

Поначалу это было незаметно, но теперь становится все

ощутимее: рядом с метлой я почти не ощущаю давления темной силы. Но и от самой метлы идет очень необычный флер. Я чувствую свет — это бесспорно, но он будто… серый?

Странное чувство, непонятное.

Я снова коснулась древка. Провела по нему ладонью и, поддаваясь порыву, прижалась лбом. Рядом с метлой мне спокойно. По-настоящему спокойно; пожалуй, впервые за последние одиннадцать лет. Я словно бежала без остановки, а сейчас получила передышку. Пусть недолгую, но очень желанную.

Невольно я потянулась к собственной сути, а потом — к метле. Хотелось почувствовать ее, поприветствовать чужую силу, заключенную в светлом дереве, и ощутить тепло в ответ. Однако вместо него меня накрыла удушливая волна холода.

Резко отпрянув, я с неверием уставилась на метлу.

Она же светлая! Я чувствовала! Я знаю! Откуда тогда холод?

И внезапно меня вновь коснулось тепло.

— Ты тоже ощутила это? — спросила я у Эвис, глядя при этом на артефакт.

Топ.

— Метла светлая?

Топ.

— Уверена?

Ответа не последовало.

Я повернулась к Эвис и наткнулась на очень насмешливый взгляд. Маленькая своевольница будто потешалась над моими сомнениями.

— Но волна темной силы… она же шла от метлы!

И хоть это был не вопрос, утвердительный «топ» прозвучал почти сразу.

Я нахмурилась. Осторожно, опасаясь нового темного всплеска, коснулась древка. Провела ладонью до самого оголовка, задела подушечкой указательного пальца кончики связанных прутьев.

— Думаешь, в ней две души? Или она напиталась тьмой из-за соседства с поврежденными артефактами ночи?

Эвис не ответила — только смотрела на метлу почти так же задумчиво, как и я.

Набравшись смелости, я снова прижала ладонь к черенку и мысленно приготовилась к удару темной силы. Пусть так, пусть будет неприятно! Но я должна понять.

Сначала ничего не происходило. Я ощущала лишь тепло дерева, его гладкость и твердость. А потом почувствовала пульсацию: невозможную, немыслимую, но слишком ощутимую, чтобы усомниться.

Ритмично, словно биение сердца, один отклик сменял другой. Тепло уступало место холоду, а холод — теплу. Лето и зима, день и ночь… свет и тьма. Но как такое возможно? Разве могут две противоборствующие силы сосуществовать?

Прикрыв глаза, я вслушалась в ток жизни артефакта, попыталась уловить его ритм, подстроиться под него. Кусала губы, чувствуя болезненные уколы на каждый прилив тьмы, но упрямо прижимала руку к древку. Мысленно я вязала простейшие из темных заклинаний. Самые слабые, которые большинство детей ночи создают сразу же после проявления, даже не отдавая себе в этом отчета, — маленькие всплески сути.

В груди закололо. Удерживать несколько незаконченных темных заклятий и взывать к собственному свету было больно. Но в душе зрела уверенность, что я поступаю правильно.

Поймав ритм, ощутив биение на кончиках пальцев, я спустила первое заклинание на темный всплеск метлы. И мой свет — на ее свет. Я подстраивалась под нее, напитывала ее как тьмой, так и светом, тянулась к ее сути. Снова и снова, пока наши силы не забились в такт. Синхронно, выверенно.

Голова закружилась. Свободной рукой я ухватилась за стену, чтобы только не упасть, но разрывать контакт с метлой не стала. Еще немного… Еще чуть-чуть…

Когда от слабости едва не тошнило, я почувствовала требовательное топанье — это Эвис, вновь забравшись мне на колени, заходилась в полном негодования танце.

Шумно выдохнув, я отпустила древко метлы.

— Она мне откликается, Эв. Не признает пока, но откликается. Понимаешь, что это значит? Когда все закончится, я смогу улететь на ней к светлым! Ты… ты полетишь со мной?

Эвис глядела хмуро, явно не одобряя моих попыток прочувствовать метлу. И все же спустя три долгих секунды шлепнула задней лапой «да».

Я улыбнулась.

— Пока метла меня не признает, летать на ней нельзя. Сначала нам нужно принять друг друга, а потом — научиться работать в паре. Но времени у нас предостаточно.

Я огляделась.

— Думаю, стоит перенести ее поближе к выходу. Только надо бы спрятать так, чтобы ни кэллер, ни рабочие мэлы ее не увидели. Нет идей, где это можно устроить? Эвис? — позвала я, не дождавшись ответа, и мягко, очень осторожно погладила ящерицу вдоль спинки. — Не дуйся, Эв. И прости, пожалуйста, если я заставила тебя понервничать.

Мне достался полный укоризны взгляд. Но потом Эвис все же

спустилась, осмотрелась и уверенно побежала обратно к выходу. На развилке остановилась и притопнула лапой, будто подгоняя.

Я встала, придерживаясь за холодную стену, замерла на секунду, дожидаясь, когда цветные пятна перестанут плясать перед глазами, а после взяла метлу и зашагала к развилке. Запомнить дорогу даже не пыталась — главное, Эвис ориентируется в этом лабиринте. Как? Понятия не имею. Возможно, это очередной ее талант.

Подходящее место нашлось недалеко от выхода — всего в двух поворотах. Позади заваленного старьем стеллажа была ниша. Свет в нее не попадал, и в густых тенях метла стала почти незаметной. Если не знать, что она здесь, то и не заметишь.

— Не скучай, — я погладила древко. — Я обязательно вернусь.

Метла отозвалась теплой волной. А уже в следующий момент вновь ощетинилась холодом. Я качнула головой. Сладить с ней будет непросто, начать летать — опасно. Но и отказаться от щедрого подарка я уже не смогу.

Оказавшись у выхода, я устало опустилась на пол. Выйти мне не позволила Эвис. Не знаю, что задумала маленькая проныра на этот раз, но пока все ее решения были правильными, и потому я решила не спорить. Подтянула колени к груди, обняла их и опустила голову на сцепленные руки. Крыс я не боялась. Не рядом с Эвис. Усталость все сильнее давила на плечи, и, поддавшись ей, я сама не заметила, как задремала.

В себя пришла от скрипа открываемой двери.

— О, семечко, не сбежала, — усмехнулся кэллер в густые усы. — А ты крепче, чем кажешься. Видать, все-таки поцеловала тебя Полуночная Матерь при рождении — пусть ведьминой силы в тебе почти нет, зато силы духа хватает с излишком. Вставай, семечко. Вставай.

Ухватив за предплечье, кэллер помог мне подняться. Я глянула на пол, ожидая и боясь увидеть Эвис, но тут подкладка кармана мягко ткнулась мне в ногу. Маленькая проныра уже спряталась.

— Вы ведь знали, что так будет, — я с укоризной посмотрела на кэллера, вслед за ним выходя из хранилища.

— Я не стану спорить с решениями Алиры, — качнул он головой. — Не та она ведьма, с которой стоит спорить. И уж если ты прогневила ее, то помочь тебе, увы, я не в силах. Но и мешать тем, кто желает это сделать, не стану.

Я нахмурилась, не понимая. Старик же, заметив это, усмехнулся.

— Сейчас покинем подвалы, сама все поймешь.

Мы шли медленно. Кэллер так и не выпустил моего предплечья, поддерживая.

— И не бойся, семечко, я не выдам тебя и твоего помощника.

Сердце сбилось с ритма, а сама я споткнулась. Он узнал про Эвис? Узнал мой секрет?

Будто и не заметив моей реакции, кэллер продолжил:

— Чтобы халцедоны кидались с поцелуями на нефритов — это я слышал. Но вот чтобы нефриты с таким упорством пытались отыскать халцедона — это что-то новенькое, — сипло, но очень по-доброму рассмеялся он.

Я же с облегчением выдохнула, поняв, что мои тайны по-прежнему остаются тайнами. Потом нахмурилась. Хэйден меня искал? Зачем?

Мы миновали уже две лестницы и сейчас подходили к третьей. Я посмотрела вверх — и вновь сбилась с шага.

На последней ступеньке, прислонившись к перилам и засунув руки в карманы, стоял Арден. И даже на таком расстоянии я отчетливо разглядела пляшущее в глубине его глаз холодное синее пламя.

Спустившись, он решительно отстранил от меня кэллера и занял его место. Вот только ухватился не за мое предплечье, а за талию. Я попыталась разорвать это чересчур смелое прикосновение, но Арден не позволил.

— Надеюсь, напоминания излишни? — сухо уточнил он, глядя на кэллера.

— Не сомневайтесь, артиэлл, — почтительно отозвался тот. — Тайны наследника Шантаров останутся в сохранности.

Арден кивнул и потерял к старику интерес. Взмахнув рукой, открыл переход и, не обращая внимания на мои слабые попытки воспротивиться, втолкнул нас в туманный зев.

Мы вышли в центре огромного зала, укрытого темным, цвета ночного неба куполом. В самом его сердце зияла дыра, защищенная от непогоды колдовским щитом. Сквозь нее в помещение свободно проникал лунный свет. Холодной дорожкой он стелился по расписному полу, вытягивался вдоль витых колонн и разгонял ночной сумрак.

Лишь глядя на него, я вспомнила, что уже поздно — время наверняка близится к полуночи.

— Илэйн, не дергайся, — недовольно произнес Арден, стоило мне вновь попробовать высвободиться. — Ты еле держишься на ногах.

— Благодарю, артиэлл, за заботу, но я в порядке. Отпустите.

Моя просьба граничила с требованием. Для сэлы подобный тон непозволителен, но Арден сам уверял, что я артиэлла из

древнего рода. Так почему бы не держаться с ним соответствующе?

— Мои прикосновения настолько неприятны тебе? С Морроубраном, кажется, ты вела себя менее щепетильно.

Ни один мускул на лице Шантара не выдал его отношения к моему поступку, но я чувствовала — он в бешенстве.

— Вы помолвлены, и я…

— А Морроу, по-твоему, нет?

Я замерла, не сводя с колдуна растерянного взгляда. В груди, точно иней по стеклу, расползалось разочарование.

У Хэйдена есть невеста?

— Ты побледнела, Илэйн. Испугалась? — Арден кисло усмехнулся. — Интересно только, чего именно? Того, что поцеловала чужого жениха, или того, что его сердце может быть занято?

Я не нашлась с ответом. Даже для себя самой.

— Отпустите, артиэлл. Прошу вас, — повторила тише, отводя взгляд.

На этот раз мою просьбу исполнили. Я отступила, стараясь удержаться на слабых ногах, и вновь посмотрела на Шантара. Он застыл, точно каменная горгулья; казался бесстрастным, холодным. Лишь крылья носа трепетали от частого дыхания.

— Северные колдуны обладают редким правом, — даже голос его теперь звучал иначе. Глухо, сипло. — Они могут сами выбирать, с кем связать свои дни и ночи. Никто не смеет навязывать волю горным хребтам и снежной вьюге. Вот только, чтобы кого-то выбрать, нужно влюбиться, а ледяное сердце Морроубрана, боюсь, не способно на чувства. Не обманывайся, Илэйн, не вручай ему того, что он не в силах оценить. И ради собственного блага, держись от Морроу подальше.

Я нахмурилась. Почему сначала Мойра, а теперь и Арден ведут себя так, словно Хэйден опасен? Искушение спросить было велико, но я сомневалась, что мне ответят.

Когда пауза начала затягиваться, Арден вновь заговорил:

— Как думаешь, стала бы ты отталкивать меня, если бы я не был помолвлен?

Во взгляде синих глаз промелькнула надежда, хрупкая, словно бабочка. Мне бы хотелось сберечь ее, накрыть заботливой ладонью, но я испугалась, что, вмешавшись, сделаю лишь хуже.

— Это пустой вопрос, артиэлл. Ваше будущее определено родом…

— Только Полуночная Матерь ткет полотно наших судеб, — возразил он упрямо. — Я… я не верю, что притяжение, влекущее меня к тебе, пустое! У него должна быть причина, Илэйн. Не

надуманная — настоящая! Должно быть объяснение, почему я не могу выкинуть из головы твой образ. Почему снова и снова выискиваю тебя взглядом в серой толпе. Почему как одержимый ищу повод заговорить и караулю, словно мальчишка. Это не просто загадка, не искушение тела. Должно быть что-то глубже. Обязано.

С каждой новой фразой Арден все больше открывался мне. Снимал защитные щиты и маски, оголял душу. Наследники никогда не показывают слабостей — этому их учат с детства. Это то, чему с пеленок учили Мойру. Но сейчас Арден Шантар стоит передо мной безоружный, признавая как собственное поражение, так и владеющее им отчаяние.

— Чего вы хотите, артиэлл?

— Понять. Я должен понять, что со мной творится, Илэйн. Что *ты* творишь со мной, — выдохнул он, прикрывая глаза. А когда распахнул их, я ужаснулась плещущейся в них решимости. — Я хочу провести ритуал истинной луны.

Последние слова, будто эхо, звучали в ушах снова и снова, но их смысл ускользал от меня. Точнее, я сознательно отказывалась его принимать.

Разве этот ритуал не опасен? Разве не был он запрещен Советом Ночи еще поколение назад? И разве сам Шантар не знает, что с ним случится, если луна отзовется на его призыв?..

ГЛАВА 19

Я отчаянно вглядывалась в лицо колдуна, надеясь заметить на нем хоть тень сомнения. Но нет, Арден держался спокойно — так, как может держаться лишь тот, кто уже все для себя решил.

— Не бойся, Илэйн, — произнес он с улыбкой. — Для тебя ритуал не опасен.

— Да, но как же вы?

Взгляд синих глаз оттаял.

— Ты беспокоишься обо мне. Жаль, что пришлось пойти на безумие, чтобы почувствовать твою заботу. Но я действительно хочу это сделать. Я должен понять…

— Пожалуйста, — выдохнула я тихо, неотрывно глядя на колдуна.

В душе, точно огонек свечи на ветру, трепетал страх. Его искры проносились под кожей, отдавались покалыванием в груди и на кончиках пальцев. Опаляли мысли, создавали перед внутренним взором картины одну страшнее другой.

— Пожалуйста, артиэлл, не надо. Если луна отзовется, она заберет часть вашей силы!

— У всего есть цена, Илэйн. И у правды она всегда высока.

— Но… но…

Слова покинули меня. Мысли, словно камешки из порванных бус, разлетелись в разные стороны. Мне с трудом удалось поймать одну из них.

— Но ведь случалось и так, что луна выжигала дар вызывающего. Прошу вас, артиэлл, не рискуйте. Во имя Полуночной Матери, не рискуйте!

— Я из Шантаров, — напомнил Арден с улыбкой. — Надеюсь, наследника древнего рода выжечь не так-то просто.

Он не отступит. Не отступит…

Осознание неминуемого вплеталось в удары сердца и расходилось гулким эхом по телу. Я чувствовала, как оно заполняет меня, ощущала его горький вкус на губах.

— Брось, Илэйн, не смотри на меня, как на умирающего, — Арден криво дернул уголком рта. — Это мое решение. Только мое. И ответственность за него тоже нести лишь мне.

Я не ответила. Стояла, будто пригвожденная к месту, и с затаенной мольбой всматривалась в синие, цвета океана глаза. Величественный, сейчас он казался спокойным, но в то же время будто застывшим. Ни одна волна не смела пустить рябь по идеальной глади или соленой пеной налететь на скалы. Могущественная стихия замерла. И лишь где-то вдалеке —

настолько, что едва различишь, — над темной поверхностью собирались грозовые тучи.

Не задумываясь, я шагнула ближе, будто стремясь заглянуть за горизонт чужого океана, и пошатнулась. Сильные руки тут же скользнули мне на талию, удерживая.

— Иногда я забываю, насколько ты… хрупкая.

— Слабая, — поправила я.

Арден качнул головой, не сводя с меня взгляда. Вслух, однако, возражать не стал. Уверился, что я стою крепко, и лишь после этого медленно, явно нехотя отпустил.

— Держи, — он достал из кармана темно-коричневый пузырек и протянул его мне. — Выпей.

— Что там?

— Зелье силы. Что же еще? — губы Ардена дрогнули в доброй усмешке.

В памяти непрошено всплыло лицо другого колдуна, поделившегося со мной таким же зельем. И другие губы.

— Откуда оно у вас? Вы знали, что оно может пригодиться?

— Нет, Илэйн. Это только новички не носят с собой запас необходимых зелий. Но со временем жизнь в академии учит быть во всеоружии.

Я кивнула, принимая объяснения, откупорила пузырек и опустошила его в один глоток.

Зелье Ардена отличалось от того, что дал мне Хэйден. В нем не было холода — только пламя, сжигающее до серого пепла, и раскаленная сталь. На мгновение я ослепла от боли, шумно выдохнула, хватаясь пальцами за горло, и замерла. Огненная волна прокатилась по телу, словно цунами, но, схлынув, забрала с собой усталость. Я вновь ощутила силу. Посмотрела на колдуна с благодарностью и вернула пузырек.

Арден же больше не улыбался.

— Что ты почувствовала? Тебе… было больно?

Он глядел на меня задумчиво, с видимым сомнением. Словно ждал, что сейчас я рассмеюсь и уверю, будто решила его разыграть.

Карман платья едва ощутимо шевельнулся, и моей ноги дважды коснулась маленькая лапа.

Нет.

— Нет, — повторила я эхом.

— Но ты поморщилась.

— Не люблю вкус зелий. Любых. Всегда вспоминаю, из чего их варят, и… — я пожала плечами. — Это выходит непроизвольно. Прошу прощения, артиэлл, если моя реакция вас оскорбила.

Арден не спешил отвечать, продолжая вглядываться в мое лицо.

— Нет, Илэйн, у тебя на лице читалось не отвращение, а боль. Чистая, настоящая.

Холодное дыхание страха всколыхнуло волоски на затылке. Однако я не стала ни оправдываться, ни объясняться. Все, что могла, я уже сказала. И любые новые попытки доказать свою правоту лишь подогреют опасный интерес. Вместо этого я предложила:

— Давайте вернемся в жилой корпус? Время позднее.

— Думаешь, детям тьмы запрещены ночные прогулки?

Арден вновь казался расслабленным, но я видела — его интерес не исчез. Колдун запомнил царапнувшую внимание странность и обязательно постарается докопаться до сути. А значит, мне придется сделать это первой, чтобы суметь правильно защититься.

— К тому же я не просто так перенес нас в зал Ночного Ока. Скоро полночь, Илэйн.

Я испуганно глянула на зияющую в куполе дыру, посмотрела на круг света на полу и с ужасом поняла: Арден собирается провести ритуал здесь и сейчас. Когда колдун озвучил безумную идею, мне почему-то казалось, что время еще есть, что непоправимое случится в другом месте и в другую ночь. Но я ошиблась. И осознание этого с силой ударило под дых, выбивая из груди воздух.

— Нет, артиэлл! Прошу вас!

Забыв о правилах приличия, я, будто безродная мэла, испуганно вцепилась в темный рукав кителя. Арден прищурился.

— Мне не обязательно твое согласие, Илэйн. Ритуал для тебя безопасен. Так что меня даже не будет мучить совесть, если я свяжу тебя и проведу его против твоей воли. Я должен получить ответ.

— Но…

— Должен, Илэйн! — перебил он и через секунду устало добавил: — Ты не представляешь, насколько это сводит с ума.

Почти минуту мы мерились взглядами. Глаза в глаза, решительность против беспокойства, отчаяние против страха.

— Пожалуйста…

Тихая просьба подействовала на меня сильнее громких заверений. Если бы он только продолжил вести себя так же самоуверенно, если бы вновь пригрозил использовать силу, я не отступила бы. Но сейчас я видела лишь мучительную нужду, скручивающую колдуна, словно ураган тонкое дерево.

В горле встал тугой ком. Выдавить из себя хоть звук стало

невозможно — я боялась, что голос предаст меня трусливой дрожью. Пришлось ограничиться кивком.

Арден благодарно улыбнулся. Не тратя времени на разговоры, достал из кармана мел, набросил на него «колдовской аркан» и принялся очерчивать круг. Причем делал это так, чтобы падающий сквозь потолочное око свет оказался внутри нарисованного круга. Затем на равном расстоянии друг от друга выписал шесть символов на языке древних:

Ночь
Зов
Плата
Истина
Единение
Жертва

Закончив выводить последний из них, Арден отступил на шаг и критически осмотрел ловушку вызывающего. Да, именно так — он только что нарисовал силки для себя самого. И от осознания этого сердце вновь кольнуло страхом.

— Нам надо встать в центр, — произнес Арден, поворачиваясь ко мне.

Я замешкалась лишь на секунду, потом вложила подрагивающие от волнения пальцы в протянутую ладонь.

О ритуале истинной луны я читала в старых книгах, сохранившихся в домашней библиотеке Мак-Моров. Не сомневаюсь, что и Арден почерпнул опасные знания из фолиантов, спрятанных за стенами его родового поместья.

Сейчас я не боялась раскрытия моей тайны — знала, ритуал взывает к полотну Полуночной Матери. Именно в нем, вытканные покровительницей темных, хранятся ответы на все вопросы. Чтобы найти в нити волокно, определившее природу моей силы, придется перебрать миллиард других волокон и нитей. А так долго удерживать контроль над ловушкой не способен никто.

Шагнув в круг следом за Арденом, я повернулась и взглянула на него с беспокойством. Еще оставался шанс передумать, отказаться от опасной затеи, выйти и уничтожить все следы запрещенного ритуала. Но Арден качнул головой.

Как может он идти на такое? Как может, зная цену, соглашаться ее заплатить? Ритуал запретили не из пустой осторожности — выжженные колдуны живут крайне мало; они буквально усыхают, лишенные части собственной сути. Да и Лунной империи нужны сильные ведьмы и колдуны. Нефриты — вот ее опора! И сейчас Арден готов рискнуть всем — долгом перед империей, родом Шантаров, Полуночной Матерью,

наделившей его мощью, — ради… ответа?

Безумие! Одержимость! Я не должна была соглашаться. Надо прервать ритуал, пока не поздно. Напасть на Ардена, разбудить горгулий, донести Мак-Фордин — сделать что угодно, но не позволить совершить непоправимое.

Будто подслушав мои мысли, Арден спешно защелкнул у меня на запястье браслет из черного серебра. Витой, он напоминал две перекрученные лозы, на которых ядовитыми ягодами горели красные бриллианты — редкие и баснословно дорогие камни. Тонкой цепочкой браслет соединялся с парным украшением, уже обнимающим мужское запястье.

Я не заметила, когда в пальцах Ардена оказалась длинная толстая игла, ближе к ушку искривляющаяся молнией. Но момент, когда он с силой процарапал собственную ладонь, разглядела отчетливо. Едва проступила кровь, Арден прижал ее к моему браслету и сжал пальцы. Разбуженный артефакт запульсировал, упругие волны побежали вдоль серебряной цепочки, перекатываясь от колдуна ко мне и обратно. Все вокруг опутал тяжелый флер темной силы.

Спустя мгновение меловой круг вспыхнул ослепительно белым. От его краев вверх взмыли лучи, тонкие как иглы. Свет луны, смотрящей на нас сквозь потолочное око, вдруг показался бесконечно холодным и отталкивающим. Я неосознанно отступила, но цепочка артефакта тут же притянула меня обратно. Не удержала — притянула.

А затем все замерло. Даже поднятая в воздух пыль и та застыла, мерцая в лунном свете крохотными звездами. Но я отметила ее лишь краем глаза. Все мое внимание приковало к кружащимся в медленном танце двум лентам силы. Полупрозрачные, словно сотканные из дыма и предрассветного тумана, они извивались подобно змеям. Тянулись друг к другу, норовили соединиться хотя бы кончиками и разлетались в разные стороны, будто дразнясь. Но уже совсем скоро, не способные противиться взаимному притяжению, они переплелись тугим канатом. Налились темнотой и стали одним целым.

Что-то внутри меня радостно отозвалось при виде их единения. Какая-то часть моей души ликовала, каждой частичкой подтверждая: все правильно, так и должно быть.

Со следующим ударом сердца все изменилось. Невидимая сила вырвала одну из лент, беспощадно сжала ее, истончила и высосала теплящиеся в ней крохи тьмы, а после — развеяла туманом. Вторая лента задергалась, словно в агонии. В немом отчаянии она рвалась за первой, но все та же невидимая сила пригвоздила ее к месту.

Еще до того, как Арден зарычал — отчаянно, обреченно, — я уже поняла, что танцевали перед нами не ленты, а нити. Нити наших судеб из полотна Полуночной Матери.

ГЛАВА 20

Лунный свет больше не слепил. Теперь он вновь казался холодным и безжизненным. Мерцающие символы ловушки потухли, браслеты остыли. Замершая пыль ожила и закружилась, будто пытаясь подражать недавнему танцу. Но только смотреть на нее было больно.

— Артиэлл… — позвала я негромко, поворачиваясь к Шантару. — Артиэлл, вы в порядке?

В ответ кривая, выдавленная через силу ухмылка.

— Я только что увидел собственную судьбу. Увидел, как ту, что была мне предназначена, у меня отняли. И я понятия не имею, по силам ли мне переткать полуночное полотно. Так что нет, Илэйн, я не в порядке.

Все с той же кривой ухмылкой, которая будто приклеилась к аристократичному лицу, Арден снял с меня браслет. Заглянул в глаза с немым отчаянием, несколько томительных секунд всматривался, точно искал ответ на незаданный вопрос. Потом качнул головой и принялся заклинаниями уничтожать следы ритуала. На меня Арден больше не смотрел.

Я же, напротив, оказалась не в силах отвести взгляд от напряженной спины.

— Артиэлл…

— Когда мы одни, зови меня по имени.

Я смутилась.

— Недозволительно сэле звать…

— Илэйн, пожалуйста, не сейчас, — устало перебил он. — Сейчас я… я должен все обдумать. Советую тебе сделать то же самое.

По-прежнему не глядя на меня, он уничтожил следы ловушки и спрятал артефакт во внутренний карман кителя.

— Дойдешь до жилого корпуса сама? Мне нужно к кэллеру.

— Д-да, конечно.

Поклонившись, я развернулась к выходу, сделала несколько шагов, но остановилась и резко обернулась.

— Артиэлл, — позвала обеспокоенно. И на этот раз Ардену пришлось встретить мой взгляд. — Ваша сила… она в порядке?

— Да, Илэйн.

— То есть луна не взяла платы?

Он усмехнулся.

— Ты невнимательно читала книжки. Она заберет все, что посчитает нужным, на исходе ночи.

Я растерялась.

— Беги спать, Илэйн. И не смотри на меня так. Я не терплю жалости, — в его голосе прорезалась сталь. — Мое решение, мой выбор. Помнишь? — Я кивнула. — Вот и не забывай об этом. А теперь иди.

Еще лишь мгновение я колебалась, потом развернулась и, послав мысленный приказ Путеводному свету, поспешила в жилой корпус.

Дорога до комнаты почти не отпечаталась в памяти. Казалось, в ней просто не осталось места — его заняли мысли о ритуале, о танце нитей из полуночного полотна, о цене, которую придется заплатить Ардену. И еще о кэллере. Его пиетет перед наследником Шантаров явно неслучаен. Что-то связывает их. Но что? И не кэллер ли выдал Ардену артефакт для проведения запрещенного ритуала?

Поднявшись на восьмой этаж и спрятавшись за дверью с уже привычным номером «246», я достала из кармана Эвис и опустила ее на кровать. Черные глаза глядели с беспокойством.

Сев рядом, я в волнении закусила губу.

— Думаешь, ритуал показал правду? — спросила через несколько секунд. — Наши с Арденом судьбы должны были быть связаны?

Ящерица медленно переступила лапами, будто пытаясь сказать, что сама не уверена.

— Лей-Тора говорила, что в момент моего рождения луну скрыла тень, а ярче остальных сияла звезда перемен. Неужели все дело в этом? Природа моей силы вынудила Полуночную Матерь переткать полотно?

Топ.

Топ. Топ.

Я нахмурилась.

— И да, и нет?

Топ.

Качнув головой, я дошла до таза с кувшином, умылась и переоделась в ночную сорочку. Дождалась, когда Эвис отойдет в сторону, и без сил залезла под одеяло. Ящерица пристроилась сбоку от подушки.

Несмотря на усталость, сон не шел. Точнее, я не позволяла себе заснуть. Лежала, глядя в потолок, и упрямо отказывалась закрывать глаза. Глупая затея, пустая. Но я ничего не могла с собой поделать. Мне казалось, пока я бодрствую, ночь не закончится — а значит, и ускользающая луна не потребует у Ардена платы.

— Как думаешь, — спросила я тихо, — почему он сильнее меня чувствует утраченную связь? Потому что остался

неизменным? Потому что в нем живет тьма, которая должна была нас связать?

Эвис не ответила. Повернувшись, я с удивлением заметила, что она спит. Морда покоилась на сцепленных лапах, глаза закрыты, дыхание ровное. Кажется, ящерицы спят по-другому. Интересно, кто же она все-таки на самом деле?

* * *

Ноги жгло холодом, но я не сходила с места — стояла, кутаясь в одеяло, и не сводила взгляда со светлеющего неба. Не обращая внимания на усталость, я молила Полуночную Матерь быть милосердной. Упрашивала не лишать Ардена силы, не наказывать его за горячее сердце и упрямство истинного темного. Такими они сотканы — неспособными отступать и мириться с поражением. Тьма никогда не сдается, она может затаиться в тенистых углах, но на исходе дня всегда возвращается. Точно так же тьма, живущая в душе Ардена, не дает ему отступить от задуманного.

Меня восхищали его решительность, готовность рискнуть всем ради достижения цели, ради того, что стало бесконечно значимым. Не испугаться, не отступить, держать спину гордо и быть готовым без сожалений заплатить любую цену.

В себе я не чувствовала столько смелости. Привыкшая скрывать собственную природу, я всегда осторожничаю. Но в глубине души горит огонь желания стать похожей на истинных детей ночи. Почувствовать пьянящий вкус азарта, ощутить щекотку в животе и бушующее в груди нетерпение. Рискнуть. Не побояться. И узнать, как далеко мне по силам зайти.

Взывая к Полуночной Матери, я мысленно делилась с ней восхищением перед ее созданиями и надеялась, что она сама, вспомнив, какими нас выткала, сжалится над Арденом.

Лишь когда диск луны истаял на небосклоне, я позволила себе заснуть.

Низкий колокольный звон, пронесшийся над академией уже через час, показался как никогда громким. Оторвать голову от подушки не получалось, и даже приплясывания Эвис не помогли. К счастью, долго они не продлились. Плясунья вдруг остановилась и спешно нырнула под одеяло.

Еще несколько секунд я наслаждалась покоем, а потом испуганно подскочила и согнулась пополам. В груди ухнуло, словно что-то дернуло меня изнутри и с силой потянуло на себя.

Не успела я осознать происходящее, как в центре комнаты

выросло око перехода. Из него, сверля меня взбешенным взглядом, шагнула Мойра. Как всегда, безупречная: в черном платье, отделанном дорогим посеребренным кружевом; с идеально уложенными волосами; подведенными глазами и губами. На ее фоне я, заспанная, растрепанная и в ночной сорочке, наверняка выгляжу жалко.

— Что ты творишь, Недоделок?! — прошипела она, наступая.

Мысли разлетелись, словно перепуганная стайка воробьев. В мельтешении коричневых перьев никак не получалось уловить главное — ответ на вопрос: что именно разозлило Мойру? Слухи о моем поцелуе? Или она каким-то образом прознала об интересе Ардена ко мне?

— Разве я недостаточно ясно сказала, что тебе следует держаться от Морроубрана как можно дальше?

Из груди вырвался вздох облегчения. Все-таки Хэйден.

— Я поступила неразумно, прости. Но в тот момент мне казалось, что иного выхода нет.

На секунду Мойра нахмурилась.

— Успела попасть на пари? — уточнила она с недоверием.

Искушение соврать было велико. Но один раз я уже попыталась спрятаться за таким объяснением, и это принесло мне лишь новые проблемы. К тому же, не сомневаюсь, рано или поздно сестра узнает правду.

— Нет. Я пыталась помочь.

— Морроубрану? Ты совсем, что ли, разума лишилась?!

Надменность и презрение, отчетливо прозвучавшие в ее голосе, царапнули по сердцу.

— Наверное, — я пожала плечами. — Одна из сапфир решила его приворожить. Я ей помешала. Точнее, хотела это сделать. О зачарованных письменах я вспомнила слишком поздно.

Пухлые губы сестры стянулись в нитку. Совсем как у Лангарии в моменты высочайшего неодобрения. Я проследила за их движением с толикой зависти — у меня так никогда не получалось. Хотя справедливости ради стоит заметить, что моего одобрения никто и не искал. Так что и выказать его отсутствие поводов не было.

— Твоя глупость, Недоделок, может обойтись дорого не только тебе. Не смей забывать об этом!

— Я помню. Но… — на мгновение я запнулась, но все же решительно закончила: — Почему мне нужно держаться от Хэйдена подальше?

Мойра встретила мой взгляд холодным прищуром. Несколько томительно долгих секунд молчала, словно пытаясь решить: достойна ли я ответа. Потом заговорила:

— Ту историю давно замяли. Все, кто о ней помнит, помалкивают. Так что хотя бы на этот раз, — в ее голосе вновь прозвучало презрение, — постарайся обойтись без глупостей. То, что я тебе расскажу, не должно покинуть стен этой убогой комнатушки.

Я с готовностью кивнула и вся обратилась в слух.

* * *

Шум трапезной казался приглушенным. Он будто не мог проникнуть сквозь плотный кокон тяжелых раздумий. Спрятавшись в нем, я едва ли обращала внимание на происходящее. Даже очередная перепалка Ллосы, Кигана и Морригана обошла меня стороной. Отодвинувшись — так, чтобы машущая руками мэла не задела мою кружку с имбирным чаем, — я задумчиво выводила круги по жидкой овсяной каше. Вязкая, она тянулась за ложкой, цеплялась за покатые края и стекала неровными дорожками.

Короткие, крепкие словно сучк***и,*** пальцы мелькнули совсем рядом, ухватили верхнюю из трех оладий с маленького блюдца и исчезли с добычей.

— А ну положь где взял! — громко возмутилась Ллоса, кидаясь на Кигана.

— Офа фее рафно не ефт, — прошамкал он, умудрившись целиком запихнуть добычу в рот.

Сказанное заставило обоих халцедонов повернуться ко мне.

— Это из-за сплетен о тебе и том колдуне? — нахмурился Морриган. — Не бери в голову. Подумаешь, поцеловала! Вообще раздули на ровном месте жабу в шар. Эти нефриты будто неприкасаемые какие-то!

— Нет, дурень, — фыркнула Ллоса. — Это мы слишком светлые, чтобы сметь до них дотрагиваться.

— Можно подумать, от них убудет!

— А оно тебе прям так надо — трогать их?

— А речь и не обо мне!

Я улыбнулась и мягко, но настойчиво остановила зарождающийся спор.

— Все в порядке. Просто… по дому заскучала, — произнесла с запинкой.

Мэлы понимающе кивнули. Судя по всему, у каждого из них были прекрасные отношения с родными. Разговор тут же вильнул в сторону семьи: зазвучали байки о проказах младших братьев и сестер, истории из детства, шутливое хвастовство количеством

утянутых из соседских садов яблок и груш.

Я слушала с вежливой полуулыбкой. Арден бы сразу заметил ее искусственность, но непривычные к отработанным эмоциям мэлы принимали все за чистую монету.

Самого Ардена я так и не видела, и оттого в голову лезли все новые беспокойные мысли. Сердце билось взволнованно, часто. Однако приходилось держаться спокойно. Хватит. Я и так, ошеломленная рассказом Мойры, позволила мэлам заметить мое смятение.

На выходе из трапезной, замешкавшись, я отстала от Ллосы. Дернулась, желая нагнать ее, но врезалась во внезапно возникшего передо мной лерната. Сильные руки ухватили меня за плечи и удержали, не дав упасть. Я посмотрела вверх, собираясь извиниться за неосторожность, но не смогла выдавить и звука из вмиг пересохшего горла.

На меня, не мигая, смотрел Хэйден Морроубран — убийца, отнявший жизнь у халцедоновой ведьмы.

ГЛАВА 21

Восхищение, неверие, трепет, страх… Я едва ли могла бы выделить одну из десятка эмоций, захлестнувших меня, точно волна галечный берег.

— Прошу прощения, артиэлл.

Несмотря на внутреннее смятение, мой голос прозвучал спокойно и почтительно. Так, как он и должен звучать у сэлы, посмевшей заговорить с высокородным.

Отступив, я поклонилась и спешно обогнула Хэйдена. Спину жег его внимательный взгляд, но я не позволила себе обернуться. Не сейчас. Не когда я не успела определиться, как следует относиться к рассказу Мойры.

— А все-таки он горяч! — с восторгом выдохнула Ллоса, стоило мне оказаться рядом.

Я сдержанно улыбнулась и качнула головой. О холодности северного колдуна, однако, говорить не стала.

Пристроившись сбоку от малы, я шагала по коридорам академии, недоверчиво косилась на горгулий, удивляясь их количеству, и вполуха слушала очередную перепалку, которую затеяли Ллоса, Киган и Морриган. Казалось, эти трое просто не могли находиться рядом и не цепляться друг к другу. Но при этом, что удивительно, в их пикировках не слышалось раздражения — казалось, все трое получали удовольствие от такого пререкания.

— Лэйни, — позвал Морриган.

Я вздрогнула и постыдно сбилась с шага.

Лэйни.

Так звала меня Лангария еще до проявления — до того, как успела разочароваться во мне. Мойри и Лэйни, две черные жемчужины в тиаре Полуночной Матери — вот кем мы для нее были. Со временем для меня не осталось места ни в драгоценной тиаре, ни в матушкином сердце.

— Да ты совсем, что ли?! — возмутилась Ллоса. — Не забывайся, дурень. Илэйн — сэла. Они, наверное, и не сокращают имена…

— Сокращаем, — я улыбнулась. — Просто меня давно никто так не называл.

— Предлагаю сесть всем рядом! — радостно выдал Киган, опередив открывшего рот Морригана.

— Ага, чтобы если ты снова поплывешь от вида больших сис…

— Ллоса!

— Достоинств магистра и вообразишь себя жабой, то мы бы заботливо наловили тебе комаров?

— Ах ты!..

Мы с Морриганом обменялись смеющимися взглядами.

Помещение, где проходили занятия по сангрологии, напоминало обычную учебную комнату. После уже виденных подвалов, башен и пещер всеми нами овладело разочарование. Единственное, что делало комнату хоть сколько-нибудь интересной, — столы. Каменная поверхность оказалась не ровной, а будто покрытой мелкими частыми буграми.

Следом за остальными халцедонами мы расселись — все четверо рядом, как и хотел Киган, — и принялись скользить пальцами по полукруглым неровностям. Занятие увлекло настолько, что мы пропустили не только появление магистра, но и его тихий смех. Лишь когда из каждого бугорка вдруг кольнуло иглой, мы дружно ойкнули и отняли кровоточащие пальцы от столешниц.

— Сколько лет преподаю, — протянул артиэлл, обводя нас взглядом, — не перестаю наслаждаться наивностью первогодков. И неважно, какой камень заключен в их кольцах, обязательно кто-нибудь да поддастся искушению новых ощущений.

Все присутствующие лернаты пристыженно глядели на мужчину в черном костюме-тройке. Дорогая вышивка обсидианово-темными нитями, шейный платок полуночно-синего цвета, начищенные до блеска туфли. Артиэлл не походил на умудренного знаниями магистра — скорее на столичного щеголя, едва-едва перешагнувшего сорокалетний рубеж.

— Меня зовут артиэлл Лестер Кейн, и я, как вы догадались, магистр сангрологии. Таинство взывания к крови, способность влиять на нее — одно из первых знаний, которым Полуночная Матерь одарила своих детей. Беспечность в этом вопросе недопустима, — Кейн выразительно посмотрел на столешницы, скрывшие иглы с каплями нашей крови.

— Но магистр! — возмутилась Айлора. — В стенах академии мы не ждали опасности!

— И в этом ваша главная ошибка, лерната. Вы должны быть готовы всегда и ко всему. Например, к этому…

Серые глаза прищурились. Лестер Кейн вытянул руку к напряженно застывшей Айлоре, замер на три секунды и сделал резкое движение, будто поворачивая круглую дверную ручку. Пронзительный визг ударил по ушам. Айлора принялась хватать себя за предплечья в бесплодных попытках остановить расползающиеся от пальцев черные лепестки Кровавой Ночи — проклятия второго уровня.

— В академии запрещено применять силу выше четвертого уровня! — испуганно выкрикнул Киган.

Он не смотрел на магистра — только на Айлору, — потому не заметил опасного блеска в глазах артиэлла.

— Запрещено для лернатов, — сухо поправил он и резко провернул невидимую дверную ручку в обратную сторону.

Черные лепестки замерли. Их кончики уже выглядывали из круглого выреза платья. Если бы они поднялись еще выше и дошли до лба, Айлора бы умерла.

Все молчали, с опаской поглядывая на Кейна, который, казалось, искренне забавлялся происходящим.

— Кровь, лернаты, самое ценное и самое уязвимое, что у нас есть. Заклиная кровь, можно как вылечить, так и убить. Раньше ошибочно полагали, будто лечить под силу только светлым, но очень скоро мы, темные, доказали, что не уступаем им в этом вопросе. К тому же дозваться темной крови легче самим темным. Но не обольщайтесь, — хмыкнул он. — Халцедоны обычно осваивают только азы сангрологии. Остановить внешнее кровотечение или наложить простейшее проклятие Алых Слез — вот ваш максимум. Однако каждый год я не теряю надежды, что кто-нибудь из поступивших сможет меня удивить. Ну же, лерната, — Кейн посмотрел на тихо всхлипывающую Айлору. — Попробуйте ощутить ток собственной крови, дотянитесь до него, вытравите из тела наведенную ночь. Лерната! — прикрикнул он, не дождавшись от мэлы реакции. — Немедленно прекратите трястись и сделайте, во имя Полуночной Матери, то, что требуется! Вы же хотите жить? — добавил он вкрадчиво.

Айлора громко всхлипнула и прижала дрожащие пальцы ко рту.

Все присутствующие не сводили с нее сочувствующего взгляда. Я тоже всматривалась в лицо напуганной мэлы. В большие карие глаза, закушенную губу, в черный лепесток, замерший на ее шее.

— Лерната! Вы же темная ведьма, пусть и слабая! Ну же, вытравите наведенную ночь из собственного тела!

Вытравите.

Вытравите…

Вытравите?

Слово, выбранное магистром, царапнуло слух. Не отрывая взгляда от черного лепестка, я попыталась заставить его сжаться. Стечь обратно к плечам мэлы и дальше — до самых кончиков пальцев; собраться там тягучими каплями и ухнуть вниз под собственным весом.

Внезапно Айлора зашипела и прижала ладонь к шее.

— Жжется!

— Жжется? — с недоверием переспросил Лестер Кейн. — Жжется ваша трусость, лерната! Или магия светлых, — добавил он с холодной усмешкой.

Сказанное проникло в сознание, точно ледяные иглы. Лишь умение сохранять внешнюю невозмутимость позволило мне не выдать волнения. Осторожно, контролируя каждый вздох, я принялась стягивать под контроль собственную силу. На Айлору и проклятие Кровавой Ночи старалась не смотреть — не хотела лишний раз искушать светлую сущность.

— Магистр? — позвала Наэния — розовощекая пышнотелая мэла. Дождалась, когда взгляд серых глаз сфокусируется на ней, и продолжила: — А почему вы сказали, что сила светлых жжется?

— Потому что это так, лерната. Наши сути враждебны друг другу; одна неизменно стремится подавить вторую. И, соприкасаясь, мы обжигаемся. Лишь природа, родственная нашей собственной, не доставляет боли. Исключений нет, даже чужие зелья способны доставить мно-о-ого неприятных ощущений.

Я слушала, затаив дыхание.

В поместье Мак-Моров к вопросам воспитания подходили очень ответственно. Инклимента — приставленная ко мне гувернантка — внешне напоминала гусыню. У нее был длинный нос-клюв, маленькая вытянутая голова и тощая шея, казавшаяся бесконечной. И точно так же, как настоящая гусыня, Инклимента часто шипела и все норовила ущипнуть. Ей не нравилось, как я хожу, сижу, стою, говорю, смотрю…

Она хлестала меня тонким прутиком по спине, стоило мне, заскучав, согнуться. Заставляла вышагивать вдоль линии с тремя томами по истории Лунной империи на голове. Требовала идеальных поклонов, выверенных до миллиметра. Склонишься чуть сильнее — и уподобишься сэле. Сделаешь это выше положенного — проявишь дерзость.

Порой мне казалось, что нет ничего более сложного, чем быть младшей дочерью древнего рода. Этикет, танцы, веера, десятки отработанных улыбок и взглядов… Судя по всему, Лангария не желала разочаровываться во мне еще больше, видя кривые поклоны и неуклюжие манеры за столом.

В отличие от воспитания, моим образованием почти не занимались. Видимо, не считали нужным тратить время на ту, кого Полуночная Матерь обделила силой. Но доступ к библиотеке оставили и моему интересу к темной магии не препятствовали.

Иногда я бегала хвостиком за Мойрой, следя за приготовлением ее первых зелий. Старалась перерисовывать символы призыва и линии будущих ловушек. Пусть самой Мойре

нельзя было практиковать по-настоящему темную магию, но даже разрешенные заклинания казались мне чем-то удивительным. И я тщательно пыталась повторить каждое из них.

Сестра фыркала, глядя на мои результаты, и морщила нос от запаха моих зелий. Но скоро Лангария запретила ей вести себя таким образом. Не пристало артиэлле фыркать и морщиться — слишком низко это для ее высокого статуса.

К десяти годам я почти перестала обращать внимание на холодность матушки и сестры. Все чаще я запиралась в подвале поместья, где была обустроена лаборатория, и прилежно следовала всем указаниям, найденным на страницах стянутых из библиотеки книг. Иногда мои зелья взрывались. Иногда искрили. Иногда заполняли комнату удушливым дымом, и приходилось постыдно спасаться бегством. Но иногда они получались.

Со временем я даже набралась смелости их пробовать. Почти всегда ощущения были неприятными: от онемения языка до желудочных колик. Вот только сильной боли, как от зелий Хэйдена и Ардена, я не испытывала. Интересно, это связано со сложностью зелий? Или дело в насыщающей их силе? Хотя далеко не каждое варево требует направленного потока ночи.

— Магистр, скажите, а речь идет только о темных и светлых зельях? — не отступала Наэния. — Или у нейтральных — например, блокираторов — тоже ощущается разница?

— Хороший вопрос, лерната. Задайте его магистру Дис-Роне и мигом попадете в ряды любимиц, — хмыкнул Кейн. — Нейтральные зелья темных и светлых неотличимы… на первый взгляд. Если знать, *что* искать, различия обязательно найдутся.

Мой желудок стянулся в узел.

Блокиратор, который я приготовила для Хэйдена… где он? Выпить его колдун отказался, но как тогда поступил? Вылил? Выкинул?

Не хотелось думать, будто кто-то мог специально его заполучить, а потом углубиться в анализ влитой в него силы. По правде сказать, идея касалась безумной — ведь ничто не наводило на мысль, что тот блокиратор приготовила светлая ведьма. Но где-то в подсознании билась мысль, что недооценивать случайности нельзя. Лучше вернуть блокиратор и уничтожить его.

— Магистр, — подал голос Морриган, — а откуда вы столько знаете о зельях светлых? Ведь противостояние с ними длится уже… мм… уже… очень долго.

Лестер Кейн снова хмыкнул, по-видимому, оценив попытки Морригана вспомнить точное количество лет.

— Чтобы одолеть врага, нужно хорошо его знать: его сильные

и слабые места, страхи и надежды. Но в первую очередь, лернат, нужно знать все, чем ваш враг может быть опасен: зелья, заклинания и артефакты.

Мысли кольнуло догадкой.

— Артефакты? — переспросила я.

— Да, лерната. Раньше при академии было целое крыло для изысканий и опытов. Предпринимались попытки изменить природу заключенной в них силы. Вытравить свет и насадить тьму. К сожалению, большинство таких опытов провалилось. Даже на уровне сути наши силы стремятся уничтожить друг друга. Но мы отвлеклись, — холодно произнес артиэлл, жестом останавливая тянущую руку Наэнию. Взгляд его вновь метнулся к Айлоре. — Вы решили, что я сам сниму с вас проклятие? Напрасно, уверяю. За вашу жизнь, лерната, вам придется побороться самой. Итак, для начала сконцентрируйтесь…

Я почти не вслушивалась в речь Кейна, думая о спрятанной в северном хранилище метле. Кажется, я знаю, как ее можно приручить.

ГЛАВА 22

Едва занятие по сангрологии окончилось, мы поспешили в коридор. Впереди всех перепуганной птицей летела Айлора. Щеки ее горели, во взгляде плескалась обида. Еще бы! Ей так и не удалось вытравить проклятие из крови, и магистр почти до самого звона колокола пытал Айлору страхом. Черные лепестки Кровавой Ночи то вновь пробуждались, стремясь подняться еще выше, то замирали. Напуганная халцедона, кажется, едва дышала в такие моменты. Лестер Кейн требовал от нее собранности, четкости и уверенности действий, но чем сильнее наседал, тем чаще натыкался на запуганный взгляд. Под конец он сам вытравил из ее крови наведенную тьму, но сделал это с таким видом, будто Айлора не заслужила его милости. И подобное отношение задело каждого халцедона.

Мы не выбирали, какими родиться и каким уровнем силы обладать, однако каждый день в академии вынуждены нести за это ответственность. Пожалуй, магистр Роун единственный видел нас равными — темными ведьмами и колдунами, которые тоже могут быть нужными.

Пройдя всего несколько метров, мы столкнулись с первогодками-изумрудами.

— Эй, — окликнул нас один из них. — Как занятие? Магистр Кейн действительно настолько суровый, как о нем говорят?

— Даже хуже, — Киган поморщился. — Но мы сами виноваты — умудрились его разозлить. Там столы какие-то особенные… Надо было найти, на какие выпуклости надавить, и активировать их, а мы, как олухи, не догадались.

— У халцедонов, походу, не только сил, но и мозгов нет, — фыркнул второй изумруд.

Первый покосился на него неодобрительно и вновь посмотрел на нас.

— Спасибо, что рассказал! Первогодки должны помогать друг другу.

— Непременно, — кивнул Киган с самым серьезным выражением лица. А едва мы удалились в конец прохода, прыснул.

— Может, не стоило так с ними? — спросила я осторожно.

— Брось, Лэйни. Первогодки или нет, халцедонам помогать никто не станет. Уверен, спроси мы у них, они бы лишь дернули носами. А так… пусть развлекаются.

— Согласен, — поддержал друга Морриган. — И кровь наша разбавится. После наглядной демонстрации какие проблемы

могут быть, я не готов рисковать. Лучше уж пусть проблемы будут у изумрудов.

— Или сапфиров, — подхватила Ллоса.

— Или нефритов, — закончил Киган.

Слова Морригана заставили меня обернуться и бросить взволнованный взгляд на оставшуюся позади дверь. За мыслями о метле я совсем упустила из виду каплю собственной крови на кончике иглы. Теперь же шутка Кигана начала казаться не просто правильной, а едва ли не гениальной.

Следующим занятием шла медитация. Именно она, по уверениям магистра Лей-Дари, призвана раскрыть весь наш потенциал. Со временем, разумеется.

Мы сидели на мягких подстилках, скрестив ноги и опустив ладони на колени. Сквозь открытое под потолком окно в помещение врывался свежий ветер. Из парка доносился щебет птиц, который вместе с приглушенным голосом Лей-Дари создавал расслабленную, умиротворяющую атмосферу. Тело налилось тяжестью: руки казались свинцовыми, плечи тянуло вниз.

С каждой минутой веки все сильнее норовили сомкнуться. И хотя магистр не возражала, напротив — советовала держать глаза закрытыми, я не спешила выполнять ее указания. Все во мне противилось идее расслабиться в присутствии сильной ведьмы. А Лей-Дари, без сомнения, была сильной.

Сбоку раздалось тихое сопение. Я повернулась на звук и спешно закусила губу, сдерживая улыбку. Киган, прижавшись плечом к стене, беззастенчиво спал. Русые волосы растрепались в беспорядке, падали волнистыми прядями на лоб и задевали длинные, совсем как у девушки, ресницы.

Морриган тоже смотрел на друга. Поймав мой взгляд, он подмигнул, осторожно придвинулся ближе к Кигану и подул тому на лицо. Киган не проснулся — только забавно засопел и удобнее примостился у стенки. Мы с Морриганом переглянулись, все так же пряча улыбки, и вернулись к медитации.

Точнее, к медитации вернулся он. Я же и не пыталась выбросить мысли из головы. Напротив — отдалась им полностью.

Я думала об Ардене, о его внимательном взгляде, от которого невозможно скрыть ни одну деталь. Если бы наши судьбы так и остались связаны, смотрел бы Арден на меня с таким же интересом? Или разведенные нити каким-то образом тянутся друг к другу в попытке восстановить первоначальный узор? Точнее, тянется только его, неизмененная. Моя же будто забыла, какой должна быть.

Я думала о Мойре и ее влюбленности, а после — и о ее

рассказе.

Мне не хотелось верить сестре. Не хотелось даже допускать, что четыре года назад Хэйден действительно убил халцедоновую ведьму. Он ведь тогда только поступил в академию! Ни друзей, ни врагов… чем могла ему помешать слабая халцедона?

На мой вопрос Мойра пожала плечами. Сказала только, что Хэйдена застали возле ее тела. Он держался невозмутимо, едва ли не безразлично. Не оправдывался, не пытался объяснить случившееся. Не помогал, но и не мешал поискам улик.

Тех, к слову, не нашлось. Казалось, халцедона умерла без постороннего вмешательства, словно вмиг разучилась дышать и задохнулась. Ее проверяли поисковыми заклинаниями и артефактами, провели ритуал призыва, попытались воззвать к памяти места. Но так и не смогли обнаружить ни одной зацепки. А через два дня в Эртентон — ближайший к академии город — приехал кто-то из Морроубранов, и дело спешно замяли.

Хэйден продолжил учиться. По погибшей ведьме устроили траур. Тех, кто знал о возможной причастности Хэйдена, вызвали в кабинет к Мак-Фордин и убедительно попросили держать язык за зубами. Ради их же блага, как поведала мне Мойра. Сама она тогда не училась в академии, но уже была нареченной Ардена и, пребывая у них с очередным визитом, случайно услышала его разговор с отцом.

Мойра напомнила мне, что северные кланы неспроста являются закрытыми и что совать нос в их дела может быть смертельно опасно. И во многом она права, но… но я просто не желала принимать на веру столь отталкивающую правду. Вот только как понять, где истина? Ответ на этот вопрос знает лишь Хэйден, однако я сомневаюсь, что он ответит мне, решись я задать его вслух.

Раздавшийся грохот вырвал меня из раздумий. Посмотрев в сторону шума, я не сдержала улыбки. Судя по всему, Киган умудрился заснуть слишком крепко и, расслабившись, завалился назад. Халцедоны хихикали. Но не зло, а скорее забавляясь незадачливостью одного из своих. Киган и сам криво ухмылялся, потирая ушибленную голову.

Колокольный звон, ознаменовавший начало обеда, спас Кигана от нотаций Лей-Дари. Пробормотав спешные извинения и что-то про глубоко захватившую его медитацию, он торопливо выскочил в коридор.

Мы нагнали его по дороге к трапезной. Ллоса и Морриган не могли перестать хохотать, вспоминая растерянное лицо друга в первые секунды после резкого пробуждения. Киган лениво от них отмахивался и иногда хихикал на особо удачные

передразнивания Ллосы.

Я вновь почти не участвовала в разговоре; слушала и наслаждалась непосредственностью мэлов. Их манеры были далеки от допустимых в высшем обществе, но меня это не смущало. Напротив — мне нравились их настоящие, не отработанные годами эмоции. В мире артиэллов таких почти не увидишь.

Мы повернули в предпоследнюю переходную галерею, смешались с потоками лернатов других цветов. И вдруг среди толпы нефритов я заметила Ардена. Сердце забилось быстрее. Взгляд устремился вниз, к кольцу, но мельтешение тел и нарядов не давало рассмотреть его камень.

Бросив мэлам короткое: «Идите без меня», я попыталась пробиться ближе к Ардену, но замерла, завидев подходящую к нему Мойру.

Наследница рода Мак-Мора держалась безупречно: горделивая осанка, приподнятый подбородок, мягкая полуулыбка, замершая в уголках губ. Каждый шаг — сама грация, каждый жест полон достоинства. Мойра, словно живое воплощение Полуночной Матери, привлекала взгляды. Юноши всех колец смотрели на нее с восхищением. Девушки поглядывали кто с завистью, кто с восторгом, наверняка втайне мечтая стать такими же.

Вместе с Арденом сестра обретала флер желанности. Я видела его, читала в глазах каждого лерната. Точнее, почти каждого. Лишь один колдун остался равнодушным. Он даже не повернул головы в сторону своей невесты. Так и шел, безупречный в манерах, но бесконечно отстраненный.

В какой-то момент Мойра, наплевав на приличия, заскользила ладонью вдоль предплечья Ардена, явно намереваясь коснуться его пальцев, но он остановился и с поклоном, выверенным до миллиметра, пропустил невесту вперед.

Если не уметь подмечать эти едва уловимые движения, напряжения мышц под черными одеждами, тени эмоций во взорах, то увидеть стену отчужденности между Арденом и Мойрой почти невозможно. Но я видела. Как видела и полный немого отчаяния взгляд сестры, брошенный украдкой.

Сердце кольнуло.

Почему Полуночная Матерь так несправедлива? Почему, разведя наши с Арденом нити, она не даровала ему забвение, как мне? Зачем выткала ему будущее с Мойрой, если не добавила в их узор любви?

Будто что-то почувствовав, Арден обернулся. Обвел быстрым взглядом толпу стекающихся к трапезной лернатов, заметил меня

и замер, будто дух, пойманный в ловушку ритуала. Я отвернулась. Глядя перед собой, протолкалась обратно к халцедонам и следом за ними вошла в трапезную. В душе царила смута.

Моя жизнь, раньше пустая, но понятная, перевернулась с ног на голову. Все запуталось, словно клубок божественных ниток угодил в лапы к коту. Интерес Ардена обрел причину, вот только я не знаю, имею ли право принимать его. Смею ли дарить надежду, отбирая ее у собственной сестры? Хэйден же, напротив, обрастает все новыми тайнами. Я понимаю его все меньше, а опасаюсь — все больше.

Получив обед — тыквенный суп, рагу из кролика и ягодный морс, — я уже привычно села за стол к Ллосе, Кигану и Морригану. Все трое смотрели на меня с подозрением.

— И куда ты успела потеряться? Если сейчас снова поползут слухи о твоей любвеобильности, прости, но я обзавидуюсь, — Ллоса мечтательно вздохнула.

— Никуда, — я покачала головой. — Показалось, что увидела старую знакомую.

— Старая знакомая… можно я тоже буду так звать шикарных колдунов?

— Зови! — тут же откликнулся Киган, выпячивая грудь и запуская пятерню в волосы.

— Как увижу, обязательно это сделаю, — проникновенно заверила Ллоса.

Я улыбнулась и придвинула к себе обед. Суп оказался густым, от жаркого поднимался ароматный пар.

— А выглядит хорошо, — заметила удивленно.

До этого еда халцедонов, хоть и была всегда сытной, особого аппетита не вызывала.

Морриган фыркнул.

— Не радуйся раньше времени. Кролик если и имел какое-то отношение к рагу, то только как поставщик морковки. Мяса мы у себя не обнаружили.

Я пожала плечами, не видя в случившемся особой трагедии, и уже потянулась ложкой к супу, как Киган протяжно застонал.

— То есть ты даже не проверишь? Вдруг они только мэлов кормят овощами?

В его взгляде было столько надежды, что я не смогла отказать. Послушно проверила собственную порцию и с удивлением обнаружила в ней кусочек мяса.

— Хочешь, забирай, — предложила я Кигану.

— Лэйни лучше всех! — радостно выкрикнул он, а в следующий миг его восторг сменился возмущенным воплем: — А

ну отдал! Нет, не смей… Это мой… Морриган!

Мы с Ллосой рассмеялись. Как и почти всегда в присутствии неугомонной троицы, на душе было легко. Однако уже через секунду от легкости не осталось и следа. Тяжелый взгляд окутал меня, точно метель, налетевшая на спящий город. Смеяться расхотелось, тело сковало напряжением. Я знала этот взгляд, чувствовала его кожей, словно колючий мороз. И я не хотела отвечать на него. Не хотела… но почему-то ответила.

Хэйден хмурился.

Против воли перед мысленным взором замелькали картинки, рожденные рассказом Мойры. В них я видела Хэйдена, склоняющегося над телом халцедоновой ведьмы. Видела ее разметавшиеся по полу волосы, приоткрытые губы, будто еще пытающиеся сделать желанный вдох. И я видела белое кольцо на тонких безжизненных пальцах.

Картинки мелькали все быстрее, сменяя одна другую, как срываемые злым ветром листья. С каждым разом что-то неуловимо менялось в облике жертвы. Сначала ее волосы из русых стали каштановыми, как у меня. Потом светло-карие глаза сменили цвет на голубой. Даже платье начинало все больше походить на одно из тех, что я нашла на дне дорожного сундука. Серое, строгое, с широким поясом и высоким воротником. С рядами пуговиц на манжетах.

Та ведьма — или уже я? — выглядела растерянной. Она смотрела застывшим взглядом на своего убийцу, и на лице ее читался лишь один вопрос: «За что?» А Хэйден… даже в моем воображении он казался все таким же бесстрастным и холодным, словно северные горы.

В какой-то момент я не выдержала. Не смогла больше смотреть на мертвую халцедоновую ведьму у ног Морроубрана и отвернулась.

Шум крови в ушах перекрывал гомон трапезной. Помня об утреннем проколе, я поспешно приклеила к лицу вежливую полуулыбку и, поглядывая на мэлов, принялась за обед. Нельзя показать им мое смятение. Нельзя! Я и так допустила слишком много промахов за последние дни.

После обеда нас ждали два часа самостоятельных занятий. И как приличные лернаты, рвущиеся к знаниям, все халцедоны-первогодки решили… выбраться в парк. Потому что библиотека, как уверял Киган, в отличие от последних теплых деньков, точно никуда не денется.

Я отказалась присоединиться к общему безделью, уверив, что действительно хочу позаниматься. Меня попытались отговорить от «этой глупой затеи», но стоило мне выразительно посмотреть

на собственное кольцо, как попытки прекратились.

Дождавшись, когда звон колокола разгонит лернатов по занятиям, я отдала мысленный приказ Путеводному свету и зашагала к северному хранилищу. Кончики пальцев покалывало от желания коснуться метлы, попробовать воплотить в жизнь родившуюся на сангрологии идею. Расположение ниши я помню хорошо, да и углубляться в лабиринт не придется, так что трудностей возникнуть не должно. Бегать за Эвис, а потом возвращать ее обратно в комнату времени нет.

Я миновала три перехода, одну галерею и два больших зала, как вдруг будто из ниоткуда возник Хэйден. Дернув в сторону, он прижал меня к стене.

ГЛАВА 23

Прикосновение вышло излишне смелым, если не сказать — непристойным. Щеки опалило стыдом, я дернулась.

— Отпустите, артиэлл!

— Отпущу, — легко согласился он. — Как только ты скажешь мне, в чем дело. Еще вчера ты от меня не шарахалась. Что изменилось?

— Н-ничего…

Я попыталась увильнуть, но Хэйден уперся в стену руками, отрезая мне пути к отступлению. Конечно, всегда оставался шанс присесть, поднырнуть и выскочить ужом, но все же я Мак-Мора. А Мак-Моры умеют держать удар.

Вздернув подбородок, я ответила на прямой взгляд. Хэйден прищурился.

— Слабая, но гордая… как же в тебе много каждого из этих качеств.

— У северян такая традиция — указывать собеседникам на их недостатки?

— У северян традиция не позволять уходить от ответа… Лэйни.

Чуть раскатистое произношение, присущее лишь выросшим среди снегов колдунам, заставило мое имя зазвучать совершенно по-особенному. Мягко, тягуче, словно теплая карамель.

— Так что тебя напугало?

— Вы, артиэлл.

Черная бровь вопросительно изогнулась.

— И чем же именно?

Я не спешила с ответом. Всматривалась в прищуренные глаза и пыталась решить: спросить? не спросить? Я не хотела теряться в догадках, не желала позволять еще одному страху пустить корни в моей душе, но при этом опасалась вызвать гнев бестактным вопросом.

Хэйден видел мои сомнения — это читалось во взгляде, в кривоватой ухмылке, в каждой черточке его лица. Видел, но явно не спешил помочь их развеять. Он давал мне возможность принять решение самой, словно желал узнать, какое из чувств во мне сильнее: любопытство или осторожность.

Наконец, когда воздух между нами уплотнился и едва ли не пружинил, я сделала выбор. Выдохнула, будто бросаясь в пропасть, и произнесла:

— Скажите, артиэлл, вы действительно убили халцедоновую ведьму?

Уголок жестких губ приподнялся. Вот только ухмылка, исказившая красивое лицо, вышла колючей, опасной. Почти такой же, каким был и взгляд, пригвождающий меня к месту.

— Уверена, что хочешь узнать ответ? — произнес Хэйден, шевеля дыханием мои волосы. — Готова рискнуть, маленькая халцедона?

В груди царапалось беспокойство. Задевало сердце, словно ветка старого тополя — окно моей комнаты в поместье Мак-Моров.

— Дразнить необязательно, артиэлл.

— Необязательно, — согласился он, — но приятно.

Хэйден стоял так близко, что я вновь ощутила его запах — можжевельника и озоновой свежести. Неосознанно вдохнула глубже, щекоча нос ароматами, и подалась вперед.

Колдун прищурился.

— Тебе тоже необязательно дразнить меня, Лэйни.

Он высок, выше меня. Но если встать на носочки, если ухватиться за китель и потянуть его на себя, если заставить нагнуться… Как тогда, у трапезной.

— Кто рассказал тебе? — его голос прозвучал раскатисто, с едва уловимой хрипотцой. — Шантар?

— Нет.

— Тогда кто?

— Неважно. Вы не отвечаете на мои вопросы, артиэлл, поэтому не ждите ответов на собственные.

Хэйден хмыкнул и склонился еще ниже — так, что между нашими носами осталось не больше пяти сантиметров.

— Ты ищешь ответы на опасные вопросы. Возможно, слишком опасные для белой халцедоны. Подумай хорошенько, Лэйни, нужны ли они тебе? Нет, не отвечай сейчас, не торопись, — качнул он головой. — Но если поймешь, что готова рискнуть, приходи. Я расскажу тебе свои тайны… в обмен на твои.

Если бы Хэйден стоял хоть немного дальше, если бы не наклонился так низко, то не ощутил бы моего испуганного вздоха, беззвучно сорвавшегося с губ. Но Хэйден почувствовал его. Почувствовал и довольно прищурился.

— Как решишься — дай знать.

Не прощаясь, он пружинисто оттолкнулся от стены, вернулся в основной коридор и зашагал в сторону Корпуса Ораха. Я же не могла пошевелиться — только вслушивалась в удаляющийся звук его шагов. А едва он стих, кинулась к северному хранилищу.

Сердце, по ощущениям, билось где-то в горле. Горячая пульсация расходилась по телу, дразнила и без того растревоженные чувства. В носу до сих пор стоял терпкий, но

вместе с тем неуловимо сладкий аромат можжевельника.

Придерживая юбку, я спешила изо всех сил. И где-то в глубине души лелеяла надежду, что если побежать еще быстрее, то получится скрыться от себя самой.

Ворвавшись в царство стеллажей, забытых артефактов и приглушенного света, я почувствовала себя лучше. Даже тяжелый шлейф темной силы почти не ощущался. Закрыв дверь, я прислонилась к ней спиной и замерла на несколько секунд, пытаясь отдышаться.

Лэйни.

Лэйни.

Лэйни…

В ушах звучал голос Хэйдена, повторяя мое имя снова и снова. Дразняще, маняще, на грани искушения. Но только я не желала поддаваться этой непонятной мне слабости. Особенно теперь, когда рассказ сестры кажется все более правдоподобным.

Если бы Хэйден был невиновен, он бы заявил об этом сразу. Тайны на пустом месте не рождаются. А раз так, значит, мне действительно стоит держаться от него как можно дальше.

Оттолкнувшись от двери, я уверенно зашагала между стеллажами. Без проблем отыскала нишу, подтянула к ней один из ящиков, села. Улыбнулась метле, будто старой знакомой, коснулась ее и ощутила радостный отклик.

В прошлый раз я стремилась показать метле, насколько мы с ней похожи, дать прочувствовать мой свет и подчинившиеся мне крохи тьмы. Но если магистр Кейн прав и передо мной результат эксперимента, то я хочу попробовать вернуть ему изначальный свет. Вытравить тьму. Или хотя бы помочь свету взять верх в бесконечном противоборстве двух сущностей.

Потянувшись к собственной природе, я принялась по капле передавать ее метле. Сначала только на светлые всплески. Я вновь ловила ритм биения сил, подстраивалась и старалась не ошибиться. Свет отзывался. Причем, как мне казалось, радостно. Приободренная первым успехом, я осторожно коснулась собственной сутью темного всплеска… и с шипением отняла руку. Метла обожгла.

— Тише, девочка, все хорошо. Я хочу помочь. Не бойся.

Нашептывая успокаивающие слова, я вернула ладонь на древко и вновь принялась ловить биение света. Пока только его. Но со временем, когда оно окрепнет, я обязательно коснусь тьмы еще раз.

Страха, что меня могут поймать, не было. От сломанных артефактов шел слишком плотный флер тьмы, чтобы почувствовать за ним слабые отголоски света.

— Давай, хорошая, давай, — шептала я, пытаясь дотянуться до сути метлы, — не отталкивай меня. Вместе мы сможем вернуть тебя домой, к светлым. Ну же…

Спустя два часа, когда время для самостоятельных занятий истекло, я поднялась с ящика. Удостоверилась, что тени надежно укрывают мое сокровище, и поспешила вернуться в главный корпус. Оттуда зашагала к Звездной башне. Нагнала по дороге троицу мэлов и вместе с ними отправилась в царство Лей-Торы.

Вторая половина дня, на удивление, выдалась спокойной. Занятия по звездочтению и истории Лунной империи прошли без неприятных сюрпризов. Остальные халцедоны, как и я, казалось, с трудом верили собственному счастью. Большинство из нас уже решило, что методы обучения у всех магистров одинаковы. Но к общей радости, это оказалось не так.

За ужином Киган и Ллоса устроили очередную перепалку. Даже Морриган отказался к ней присоединяться и, как я, с полуулыбкой следил за неугомонными друзьями.

Покончив с трапезой, мы вместе вышли в коридор и зашагали к жилому корпусу. Сытость и навалившаяся усталость рождали в теле ленивую негу. Мы неспешно брели по переходной галерее с вытянутыми арками по обеим сторонам. Ветер, уже прохладный, но еще не пробирающий до костей, налетал и щипал за щеки. Однако даже он не мог расшевелить нашу сонную процессию.

Скользнув взглядом по улице, я заметила Ардена, уходящего вглубь парка. Как раз туда, где за низкими пушистыми елями можно спрятаться от посторонних глаз.

Мысли захватило сомнение.

Я решила держаться от обоих нефритов подальше. От Ардена — чтобы не ранить чувства сестры и не дарить ему напрасную надежду. От Хэйдена — чтобы не повторить судьбу погибшей халцедоновой ведьмы.

Но прежде чем навсегда запретить себе приближаться к нефритам, оставался последний вопрос, который я должна выяснить. Решив так, я попрощалась с мэлами и уверенно зашагала к видневшимся впереди елям.

Туфли касались парковой дорожки почти бесшумно. Я шла неспешно — так, будто прогуливаюсь, а не пытаюсь нагнать нефритового колдуна. Широкие лапы елей надежно скрывали от меня как то, что притаилось впереди, так и то, что осталось сзади. Я осторожно отодвигала их, стараясь не уколоться, и все пыталась отыскать взглядом Ардена. Но его, казалось, и след простыл. В мысли закрался страх, что мы разминулись или я свернула не туда, но вдруг совсем рядом раздалось:

— Что ты такое говоришь?!

Голос сестры я узнала сразу. Затаив дыхание, прокралась еще немного вперед, прижалась к одному из деревьев и посмотрела меж тяжелых лап.

На небольшой круглой площадке стояли Арден и Мойра. Лица сестры я не видела, только спину. А вот хмурого колдуна разглядела отчетливо.

— Нашу помолвку нельзя расторгнуть! Это решение родов и…

— Я знаю, — спокойно возразил он. — Но если мы оба изъявим желание, то им придется…

— Нет! — поспешно ответила Мойра. *Слишком* поспешно для наследницы рода Мак-Мора. — Матушка одобрила этот брак, и я не пойду против ее воли!

Арден криво усмехнулся.

— Я могу показать ей свое кольцо. Уверен, она быстро передумает.

— Нет! Не знаю, что ты сделал и почему твой камень стал светлее, но ты все еще нефрит!

— Мойра, ты сильная, достойная ведьма и…

— Вот именно! Так в чем же дело? Почему ты вдруг решил передумать? Мы уже несколько лет помолвлены, и я не помню, чтобы ты рвался расторгнуть договоренности Шантаров и Мак-Моров. Что изменилось? Нет, дело не в кольце!

— Я стал слабее. Ты можешь найти более…

— Нет!

Казалось, Мойра с трудом держит себя в руках. Ее пальцы подрагивали — даже из своего убежища я видела это. Голос ее пока сохранял твердость, но только пока. С каждой новой фразой тревога звучала в нем все отчетливее.

— Мне все равно, что твой нефрит стал светлее моего! Я не отказываюсь от нашей помолвки. Не отказываюсь, слышишь? Арден, подожди! Куда ты?

Стоило колдуну шагнуть к выходу из парка, как Мойра поспешно схватила его за руку.

— Довольно, — отрезал он, стряхивая ее прикосновение. — Твое мнение я услышал, однако от своего не отступлю.

— Нет, послушай…

— На зимних праздниках я отправлюсь в родовое поместье и поговорю с отцом. Линию Шантаров продолжают лишь колдуны. А в браке, в котором ведьма сильнее колдуна, мальчики почти не рождаются. Мой отец не станет рисковать. Уверен, он отменит помолвку.

— Нет! Подожди, Арден! — Мойра снова вцепилась в черный рукав. — Я клянусь Полуночной Матерью, у нас будут сыновья!

Мы проведем ритуал, заблокируем на время мою силу… Я клянусь, что дам тебе все! Слышишь? Все, что ты захочешь!

Больше Мойра не могла скрывать охватившего ее отчаяния. Оно звучало в голосе, отдавалось дрожью в пальцах, вырывалось из груди частыми вздохами. И, словно эхо, оно накрывало меня.

Сестра всегда казалась мне невозмутимой. Умеющей держать лицо в любой ситуации, гордой, прекрасной. Идеальной, как Лангария. Истинной дочерью Полуночной Матери. Но сейчас я видела лишь страх и слабость — эмоции, которые, как мне казалось, Мойре незнакомы.

Не в силах и дальше смотреть на захлебывающуюся отчаянием сестру, я развернулась и тихо, стараясь не выдать собственного присутствия, поспешила прочь.

Душа металась, словно пойманный в ловушку зверь. Сердце ныло.

Зря я пошла за колдуном! Зря не ушла сразу же, как поняла, что стала свидетелем не предназначенного для чужих ушей диалога, зря не отговорила Ардена от ритуала, зря подпустила его так близко…

Сожаление било по натянутым, точно струны виолончели, нервам. Касалось их, рождая в душе низкий вибрирующий звук, и выводило протяжную, как лебединая песнь, мелодию.

Больше никаких нефритов! Никаких послаблений самой себе и никаких отступлений от принятого еще в поместье решения! Я должна стать невидимкой, бесплотным духом. И я обязательно им стану.

ГЛАВА 24

Дни полетели стремительно. Академическая жизнь набирала обороты, занятия становились все сложнее, а нагрузка — больше. Вместе с Ллосой, Киганом и Морриганом мы сварили запас необходимых зелий. Работать с мэлами оказалось приятно. Каждый из нас был хорош в своем деле. Я легко следовала всем указанным в рецепте этапам варки зелья, не упуская ни малейшей сноски. Ллоса уверенно готовила нужные ингредиенты. Морриган вливал силу, Киган бесстрашно пробовал результаты наших опытов. Спустя месяц он даже возомнил себя экспертом в этом деле и начал раздавать советы, мешая общей работе. Однако пара метких шпилек от Ллосы и прицельно брошенная половинка крысы быстро исправили ситуацию.

Я все больше привыкала к непосредственности мэлов, к неуемной энергии Кигана, шумности Ллосы и рассудительности Морригана, которая, однако, не мешала ему иногда присоединяться к общим перепалкам.

От нефритов я держалась на расстоянии. Поначалу Арден настойчиво пытался меня выловить: он то возникал из переходов, то дожидался моего появления на лестнице, ведущей к спальням лернатов, то норовил подкараулить в примыкающих к трапезной коридорах. Однако каждый раз я сбегала. И пусть гордость Мак-Моров грызла меня в такие моменты, как уличный пес брошенную ему кость, я упрямо не обращала на нее внимания.

Хэйден держался все так же холодно и невозмутимо. Встреч со мной не искал. Но я часто ловила на себе его взгляды: пристальные, тягучие, проникающие в самую душу. И спрятаться от них было ничуть не легче, чем от настойчивости Ардена.

К счастью, халцедоны пересекались с нефритами — как и с другими камнями — лишь в трапезной. Плотное расписание занятий почти не оставляло лернатам свободного времени.

Стараясь не дать Мак-Фордин ни малейшего шанса вызывать меня к себе, я прилежно ходила на каждую материю, готовила доклады, рисовала карты звездного неба и чертила символы защиты на крови. Порой на занятиях Дис-Роны было сложно, но троица мэлов всегда держалась рядом и прикрывала мою спину. Мне не нравилось врать им, будто моих сил не хватает, чтобы полноценно насытить зелье силой, но иного выхода я не видела. Светлый дар должен оставаться тайной. Даже от друзей.

Каждую ночь я сбегала в северное хранилище и старалась провести рядом с метлой хотя бы пару часов. Эвис в это время обычно охотилась, а я по капле вливала свет в драгоценный

артефакт.

Жизнь в академии постепенно входила в русло. И в какой-то момент я даже понадеялась, что отмеренные на мою долю сюрпризы закончились. А потом одна ночь изменила все.

* * *

Деревья в парке почти облетели. Окно из моей комнаты выходило на лиственную его часть, и с каждым днем я все отчетливее замечала просветы между чернеющими ветками. Ветер становился холоднее и злее. Словно дикий пес, он налетал на еще не опавшие листья, трепал их, обрывал и гнал вдоль парковых дорожек. Но не игриво, как раньше, а гневно, с нескрываемым раздражением. Порой в его нетерпимости мне виделась воля надвигающейся зимы. И ветер, будто ее посланник, стремился подготовить мир к прибытию своей госпожи.

Магистры и лернаты сменили легкие одежды на теплые. На плечах артиэлл появились меховые горжетки, сэлы укутались в вязаные палантины, а мэлы надели поверх платьев толстые кофты. Я пока довольствовалась найденной в сундуке шалью из козьей шерсти, но скоро она перестанет спасать от холода, а значит, придется выбраться в город.

Эртентон находится всего в полутора часах езды от академии, и если получить разрешение, то за день можно успеть посетить несколько магазинов и вернуться. Вот только чтобы получить это разрешение, придется обратиться к Гордину Руаге — писчему и правой руке Мак-Фордин. А напоминать директору о моем существовании не хотелось. К счастью, я умею терпеть холод, так что пока вопрос о поездке в город меня не беспокоил.

Закончив с докладом по маскотам — спутникам темных ведьм и колдунов, способным накапливать и усиливать мощь своего хозяина, я скрутила свиток, перевязала его и, отложив в сторону, посмотрела на Эвис.

— Пойдем?

Та затопала в нетерпении, перебралась мне на ладонь и с готовностью нырнула в карман. Я вышла в коридор.

Академия спала, закутавшись в кокон тишины и спокойствия. В первый месяц, помню, я боялась этого безмолвия, потом привыкла. Как и говорил Арден, детям тьмы никто не запрещал ночные вылазки. Однако напряженное расписание занятий и бурный ритм самой академии выматывали лернатов настолько, что почти все они засыпали ближе к полуночи. Лишь дважды за прошедшие недели я видела чужие тени в пустых коридорах.

Сегодня переходы были безлюдны. Уже без помощи Путеводного света я уверенно добралась до северного хранилища и, приоткрыв дверь, нырнула в царство сломанных артефактов. Эвис тут же убежала охотиться, а я направилась к метле.

— Привет, Сельва, — улыбнулась ей, привычно опускаясь на стоящий рядом ящик.

Наречение — особый ритуал, укрепляющий сцепку ведьма — метла. Обычно его проводят после первого совместного полета — для усиления достигнутой связи. Говорят, это очень красивое событие.

Почувствовав, что метла готова подпустить к себе, ведьма начинает плести украшение, насыщая его своей силой. В это время более опытные ведьмы определяют по звездам подходящую для проведения ритуала ночь. Едва она наступает, все дочери Лунной империи, обладающие метлами, собираются вместе. Их, как и темных метел, немного.

Юная ведьма, облаченная в свободное платье, вяжет готовое украшение на оголовок метлы, а после совершает первый полет. Она взмывает над местом проведения ритуала, очерчивает его в воздухе и приземляется в самый центр — в выложенный ивовыми прутьями и черными бузинными ягодами круг. Именно в нем ведьма дает имя той, что станет верной подругой до самой смерти.

Всю оставшуюся ночь ведьмы летают под полотном Полуночной Матери, приветствуя в своих рядах новенькую. И неважно, какого цвета кольцо на ее пальце, если метла признала ее достойной — она действительно достойна. Она — драгоценность.

В моем же случае никто не проводил ритуала. Да и я не рискнула ждать, опасаясь, что темнота, насильно подсаженная в артефакт, вновь возьмет верх над светом.

Едва почувствовав отклик метлы, я ухватилась подрагивающими от волнения пальцами за древко, села и решительно оттолкнулась от пола. В хранилище особо не полетаешь — места почти нет, стеллажи стоят слишком близко друг к другу, а потолок нависает слишком низко. Но все же я рискнула.

Лишиться опоры под ногами оказалось страшно. Я помню, как перехватило дыхание, едва мы зависли над верхними полками, и как екнуло сердце, стоило метле плавно полететь вперед. Но еще я помню восторг. Чистый, яркий и бесконечно пьянящий.

В ту ночь я задержалась в хранилище дольше обычного. Вместе с Эвис мы принялись выбирать имя. Метла тоже не

оставалась в стороне: на каждый понравившийся вариант она отзывалась теплом, на непонравившийся — холодом. Имя Сельва пришлось по душе нам всем. На том и порешили.

За неделю, минувшую с первого полета, я все больше привыкала держаться на метле и все легче улавливала отголоски ее эмоций. Сельва желала большего. Она устала от долгого томления в давящих стенах — ей хотелось свободы, хотелось подняться выше, полететь быстрее… И с каждым днем ее нетерпение росло.

Поддаваться ему было страшно. Мы долго спорили с Эвис, решая, как поступить, пока не пришли к выводу, что не можем потерять только-только наладившуюся связь. А значит, придется рискнуть.

Место для полета я выбирала с особой тщательностью. Блуждала по академии, словно призрак, и изучала каждый закуток. Наконец я нашла то, что искала.

Дальней частью парка почти не пользовались — слишком густо там росли деревья, только вдоль тропинок и получалось ходить. Да и добираться до нее неудобно. Но для меня та часть подходила идеально. Причем не только удаленностью, но еще и тем, что ее огораживала глухая стена. Сомневаюсь, что ночью кто-то может специально караулить меня у окна, но осторожность лишней не бывает.

— Готовы? — спросила я у метлы и вернувшейся с охоты Эвис.

Получив волну тепла и уверенный «топ» в ответ, я посадила ящерицу в карман, ухватила Сельву за древко и осторожно прокралась к выходу. У двери я на секунду замешкалась, набираясь смелости, потом уверенно ее толкнула и мышкой выскользнула в приоткрывшуюся щель.

Метлу я прижимала к себе плотно-плотно, стараясь слиться с ней тенью. Перед каждым поворотом замирала, прислушиваясь к доносящимся звукам, осторожно выглядывала и лишь после этого продолжала путь. Двигалась перебежками, стараясь ступать бесшумно. В одном из коридоров я увидела чью-то тень и спешно спряталась за выступом. Выждала несколько секунд, выглянула снова и убедилась, что проход чист.

Сердце стучало как у мышонка — взволнованно и быстро. В крови закипал восторг.

Покинув академию, я бросилась к ближайшим деревьям, нырнула под их сень и, прижавшись к шершавому стволу, попыталась отдышаться. Потом украдкой огляделась по сторонам и припустила дальше.

Когда я добралась до нужной части парка, сердце, казалось,

билось где-то в горле. Воздух, проникая в грудь с частыми вздохами, обжигал холодом.

— Вы в порядке? Готовы? — уточнила я и снова получила два одобрительных ответа.

Вытянув руку с метлой, я повернула ее так, чтобы Сельва оказалась параллельно земле. Выждала секунду, ощущая, как она перестает оттягивать пальцы, и приблизилась. Села боком, обхватила черенок покрепче и мягко оттолкнулась.

Мы взмыли совсем не намного — на полметра, не больше. Вместе с Сельвой я привыкала к новым ощущениям: к порывам ветра, норовящим толкнуть в сторону, к скрипу толстых стволов и веток, к холоду, покусывающему пальцы и щеки.

Шаль плотно облегала грудь и стягивалась завязанными концами на спине. Наверняка выглядело это не слишком элегантно, но сейчас удобство важнее.

Эвис замерла в кармане, прижимаясь к моей ноге сквозь плотную ткань платья.

— Ну, вперед, — выдохнула я, направляя Сельву вдоль тропинки.

Мы двигались медленно, все еще стараясь приноровиться к порывистому ветру. Плавно скользили над землей и повторяли каждый изгиб дорожки. Длинные ветки и колючие лапы мешали. Приходилось то подныривать, то облетать их сверху. Поднявшись так в пятый раз, я не нашла в себе сил спуститься.

Ощущение свободы затягивало. Восторг от полета, словно крепленое вино, кружил голову. Бросив мельком взгляд через плечо и убедившись, что академия осталась далеко позади, я поднялась еще выше. Не намного, совсем на чуть-чуть… По крайней мере, так мне казалось.

Сельва радостно трепетала. Я чувствовала ее теплую пульсацию, ее нетерпение и азарт. Как и я, метла желала большего: больше свободы, больше скорости, больше самой жизни.

Мы летели к границам территории академии. Мелькающие внизу деревья едва задевали верхушками мыски моих туфель. Ночь благоволила нам. Небо затянуло густым одеялом облаков, сквозь которое не пробивался даже самый яркий лунный луч. Ветер успокоился. Казалось, сама Полуночная Матерь оберегала нас.

Я поднялась еще выше.

Как ни странно, холода не было. То ли захвативший меня восторг вытеснил остальные эмоции, то ли меня грело тепло, идущее от Сельвы.

Никогда прежде я не ощущала себя настолько свободной.

Настолько *собой.* Сдавливающие грудь тиски страха и опасений исчезли, дышать стало легче. В мыслях царил покой.

Остановив Сельву, я заставила ее зависнуть и огляделась по сторонам. Ничего себе! Когда мы успели подняться так высоко?

— Ну что, девочки, полетим обратно? — я улыбнулась, касаясь одной рукой кармана, а вторую удерживая на древке.

Утвердительный «топ» раздался первым. Второй пришла удушливая волна холода. А в следующий миг Сельва рванула в пике.

Я не закричала. Стиснула зубы и прижалась к метле изо всех сил. На каждую мою попытку выровняться метла отвечала иглами холода, прошивающими меня насквозь. В глазах слезилось от ветра, грудь стянуло страхом.

Еще дважды я пыталась мысленно дозваться метлы и дважды обжигалась тьмой. Когда мы, ломая тонкие ветки, ворвались в парк, я сделала единственное, что оставалось, — влила в Сельву свет. Много света.

Метла, будто очнувшись, с натужным треском вышла из пике. Перепуганным зверем пронеслась над тропинкой, врезалась в колючую еловую лапу и упала. Меня швырнуло вперед. Кувыркнувшись через голову, я полетела кубарем, точно куль с мукой. Пересчитала ребрами выступающие корни деревьев и с силой ударилась головой о промерзлую землю. Последнее, что я ощутила, прежде чем утонуть в навалившейся тьме, — вкус крови на губах.

ГЛАВА 25

Прикосновение холодных лап медленно, но настойчиво вырывало меня из плена небытия. Сначала пришло понимание — это Эвис. Это ее лапки топчутся по моему лицу. Потом нахлынули воспоминания. Полет, холод тьмы, вспышка света, падение, удар…

Я дернулась и застонала от прострелившей бок боли. Морщась, разлепила веки и встретилась взглядом с перепуганной ящерицей.

— Ты в порядке, Эв?

Топ.

— Точно? Я не придавила тебя?

Топ. Топ.

— Хвала Полуночной Матери! — я с облегчением выдохнула.

Осторожно, опираясь на содранные ладони и шипя от боли, села. Метла валялась в нескольких метрах правее. Не в силах подняться, я добралась до нее ползком и коснулась пальцами.

— Сельва?

Та отозвалась робким теплом и волной раскаяния.

— Я рада, что вы обе в порядке, — произнесла искренне. Затем посмотрела на замершую на земле ящерицу. — Как думаешь, всплеск света вышел сильным?

Топ.

— Нас могли засечь?

Топ.

— Проклятье! Ладно, уходим, — распорядилась я.

Эвис тут же юркнула мне в карман, Сельва ткнулась древком в ладонь. Опираясь на метлу, я встала и сделала первый шаг.

Идти было больно: ушибленные ребра ныли, поцарапанные ветками скулы лизало огнем. Кусая губы в попытке сдержать стон, я хромыми перебежками добралась до северного хранилища. Вернула метлу в нишу, огладила ее на прощание и заспешила к себе.

Подъем на восьмой этаж показался бесконечным. Перед глазами все двоилось, кружилось, будто лошадь на ярмарочной карусели. Силы таяли с каждым шагом, и единственное, чего мне сейчас хотелось, — остановиться и перевести дух. Вот только я знала: если поддамся слабости, то уже не смогу взять себя в руки.

Слабость коварна. Она намного сильнее, чем принято считать, и не знает жалости. Стоит дать ей волю, как она накинется, словно мучимый жаждой на стакан воды, и не отступит, пока не осушит его до конца.

Наконец подъем закончился. Оказавшись у себя в комнате, я плотно закрыла дверь, выпустила Эвис и без сил опустилась на кровать. Двигаться приходилось осторожно, чтобы не потревожить ноющие ребра.

Выдвинув ящик стола, я перебрала разноцветные пузырьки и вытащила тот, в котором было восстанавливающее зелье. Довольно слабое, если признаться, но лучшее из всего, что имелось под рукой. Откупорив склянку, я одним движением ее опустошила и зажмурилась, пережидая моменты боли — плата за использование зелья темных. А после, не раздеваясь, упала на кровать и уснула.

* * *

Тяжелый колокольный звон отдавался где-то в затылке. Я поморщилась, вставая, и хмуро уставилась на собственное отражение в зеркале. Растрепанная, с исцарапанным лицом, чумазая, как последняя мэла… Обычное умывание тут не поможет, нужен душ.

На восьмой этаж горячую воду подают три раза в неделю, и ближайший чистый день — завтра. Лезть под холодные струи не хотелось, но привлекать ненужное внимание всклокоченным видом хотелось еще меньше. А значит, выбора нет.

Сложив в плоскую корзинку сменную одежду, полотенце и банные принадлежности, я поспешила в душевую. Прошмыгнула мимо ряда дверей, за которыми слышались движения просыпающихся лернатов, и нырнула в дальнее помещение.

Там, раздевшись, хмуро себя оглядела. Бок больше не болел, но вытянутый синяк, зеленеющий на белой коже, точно весенняя прогалина посреди заснеженного леса, напоминал о пережитом ночью. Вздохнув, я перевела взгляд на лицо. Разбитые губы хоть и восстановились, казались припухшими. Корки, запекшиеся на щеках и скулах, вызывали беспокойство. Стянулась ли кожа под ними?

Не желая теряться в догадках, я повернула массивный латунный вентиль на раковине и пустила воду. Намочила край полотенца и принялась осторожно водить им по лицу. Снова и снова, пока корки сначала не размокли, а потом и не смылись. Кожа под ними выглядела бледной, но, хвала Полуночной Матери, неповрежденной.

Я с облегчением выдохнула. Закрыв воду в раковине, прошла к ближайшему душу. Замерла на секунду, собираясь с духом, а потом уверенно нырнула под ледяные струи.

Мыться приходилось быстро, едва не приплясывая от холода, но все же тщательно — чтобы не осталось даже малейшего следа моей ночной вылазки. Закончив, я замоталась в большое полотенце и, стуча зубами, принялась одеваться. Белье, теплые колготки, плотная серая юбка, белая блузка с жабо и длинными руками…

Влажные волосы я заплела в косу. Потом, обувшись, забрала грязные вещи и выскочила в коридор. У себя в комнате скинула их в высокую корзину — в ту, куда бросают одежду, если желают, чтобы рабочие мэлы ее вычистили, — захватила шаль и поспешила в трапезную.

На завтраке я появилась последней. Получила порцию кукурузных оладий, кружку брусничного чая и направилась к друзьям.

— Знаешь, Лэйни, — задумчиво протянула Ллоса, стоило мне опуститься рядом, — я все же не теряю надежды, что когда-нибудь ты расскажешь, как проходят твои ночи. Точнее, с кем.

— Ч-что?

— Да ладно тебе, — Киган дружески хлопнул меня по плечу, заставив расплескать едва ли не половину чая, который я только что взяла. — Мы, мэлы, не такие ханжи. Любовь — она ведь неожиданная, как… как… как мясо в местном рагу! Никогда не знаешь, кому повезет ее обнаружить!

— Ки-и-иган, — Ллоса посмотрела на него с восхищением. — Я и не думала, что ты так тонко воспринимаешь людские чувства. У тебя дар, Киган! Дар поэта, нет — философа!

— Правда? — просиял он.

— Нет, конечно, дурень! — беззлобно рассмеялась мэла.

— Ах так?!

Неуловимым движением вилки Киган стащил последнюю оладью с тарелки Ллосы. Та кинулась на защиту собственного завтрака. Завязалась привычная перепалка.

Воспользовавшись переполохом, Морриган придвинулся ко мне и прошептал:

— Тебя выдали губы. Они припухли.

— Но это же незаметно, — я растерянно посмотрела на друга.

— Так только кажется, — качнул он головой. И, глядя мне в глаза, серьезно произнес: — Он счастливец, Лэйни, раз смог завоевать твое сердце. Но если когда-нибудь он посмеет обидеть тебя, мы не останемся в стороне. Так и знай. Найдем и проучим этого идиота.

За меня никто и никогда не заступался. И пусть сейчас Морриган говорил о чем-то условном — о том, что может никогда и не случиться, но на душе все равно потеплело. Поддаваясь

порыву, я опустила ладонь поверх его, лежащей на столе, и легонько сжала.

— Спасибо, — произнесла искренне.

Тяжелый взгляд обжег в секунду.

Я знала, что не должна поворачиваться, но это было сильнее меня. Словно наваждение, искушение… Я просто не могла удержаться. С тягучей неторопливостью, отодвигая неизбежное и ощущая каждую секунду промедления, я повернулась и встретила прищуренный взгляд Хэйдена Морроубрана. В глубине зеленых глаз, скрытая за маской безразличия, но все же заметная, ярилась снежная буря.

Я не успела понять, рада ли этой буре, — меня отвлек громкий хруст каменной крошки, донесшийся из-под потолка. Вместе с остальными лернатами я посмотрела вверх и в напряжении стиснула вилку.

Горгульи оживали. Большие, и маленькие, и крошечные, едва различимые среди настенной лепнины… Они шевелились, недовольно разминали плечи и свешивались, обращая взор щербатых каменных глаз на замерших юношей и девушек.

— Всем лернатам немедленно явиться в главный холл Корпуса Норхарда, — одновременно произнесли десятки голосов. — Повторяем, немедленно. Неявка будет караться со всей суровостью.

Едва договорив, горгульи вновь обратились в статуи.

— Что происходит? — испуганно спросила Ллоса, прижимаясь ближе к Кигану.

— Без понятия, — выдохнул он.

— Крайние меры, — тихо произнес Морриган. — На истории Лунной империи рассказывали, что к общему оживлению прибегают крайне редко. Точнее, такое было лишь дважды. И в обоих случаях речь шла об угрозе со стороны светлых.

ГЛАВА 26

Гул в трапезной походил на жужжание растревоженных пчел — это лернаты, двигаясь к выходу, шумно переговаривались. Отовсюду звучали догадки, что же послужило причиной вызова, раздавались предположения одно невозможнее другого. Кто-то всерьез полагал, что светлые решили напасть на Лунную империю и уже едва ли не подбираются к стенам академии. Причем первым делом они решили ударить именно по академии, а не по столице — дабы лишить империю будущего!

Я старалась улыбаться вместе с друзьями, слушая эти бредни, но в душе нарастала паника. Чем ближе мы подходили к главному залу, тем сильнее я уверялась: причина в моей ночной вылазке, точнее — в светлом всплеске.

Ужасы возможного будущего проносились перед мысленным взором стремительно, словно ветер в горах. Страшные догадки, что может представлять собой обряд изгнания сути, заставляли сердце биться все быстрее.

Переступив порог главного зала, я едва сдержала постыдное желание развернуться и сбежать. Знала — это лишь выдаст мои страхи. Встав ближе к стене, я повернулась к окну-розе с огромным витражом. Нашла взглядом одиночек, стоящих в тени, и закусила губу. Могла ли я когда-нибудь стать им подобной? Такой же смелой, гордой, не зависящей от мнения большинства…

— Лернаты! — голос Мак-Фордин прозвучал неожиданно громко.

Вздрогнув, я повернулась к центру — туда, где стояла директор. Красивая, с идеальной осанкой, в длинном черном платье, с наброшенной поверх горжеткой из бурой лисы.

Взгляд фиолетовых глаз облетел присутствующих цепко, внимательно — словно коршун, высматривающий добычу.

— Мне больно говорить вам это, но, боюсь, среди нас скрывается предатель. В академию под личиной истинного дитя Полуночной Матери проникло отродье светлых.

По рядам лернатов пробежали шепотки.

— Вчера ночью, — продолжила Мак-Фордин, и десятки голосов стихли, — артефакты силы засекли светлый всплеск…

Я едва дышала. Тягучая, давящая волна паники захлестнула меня, не позволяя наполнить грудь воздухом.

— Если кто-нибудь из вас видел что-то подозрительное, я призываю вас сказать об этом.

— А это не могли быть рабочие мэлы? — нахмурилась изумрудная лерната.

Мак-Фордин мягко покачала головой.

— Нет, моя дорогая. Каждого принимаемого в услужение мы проверяем со всей тщательностью. Лишь лернаты поступают в академию согласно родовому имени. Мы верим сынам и дочерям тьмы и не ждем от них удара в спину. Но теперь, боюсь, нам придется проверить каждого… Гордин! — приказным тоном окликнула она писчего.

Тот с готовностью выскочил, неся в руках большой кристалл, прозрачный, как вода в горном ручье. Двое мэлов в коричневых одеждах установили высокий стол-тумбу и накрыли его темно-синим, расшитым звездами полотном. Гордин водрузил кристалл сверху и с поклоном отошел.

— Око Полуночи… — голос Мак-Фордин доносился будто издалека.

Горло сдавили ледяные пальцы страха. Я чувствовала каждый их них, ощущала, как они сжимаются все сильнее. Как проникают в меня и касаются натянутых, словно струны, нервов. Острые, колючие щипки рождают внутри меня музыку, расходящуюся вибрацией по всему телу. Пальцы стремительно скользнули вдоль всех струн, дважды ударили плашмя и снова вывели перебор. Уродливая, пугающая мелодия звучит все громче, и из-за нее я почти не слышу голоса директора.

Пока душа металась в ужасе, тело сделало то, что должно, — застыло в выверенной позе: прямая спина, уверенный разворот плеч, правильный наклон головы и приличествующее ситуации обеспокоенное выражение лица. Какие бы страсти ни сжигали меня изнутри, я не имела права позволить окружающим заметить это.

— Поэтому если кто-нибудь из вас видел что-то подозрительное ночью, — продолжала Мак-Фордин. — Что угодно! Прошу вас, не робейте. Вместе мы быстрее найдем отродье и избавимся от него.

Желудок сжался и испуганно подскочил к горлу. Меня затошнило.

— Нужно проверить халцедонов! Предатель должен быть среди них! — выкрикнул визгливый голос в толпе.

— Боюсь, моя дорогая, мы не можем быть в этом уверены. До сих пор не до конца изучено, как наши камни реагируют на силу светлых. В свое время проводились изыскания… Не могу сказать, что результаты нас убедили, — директор недовольно повела плечом. — Только нефриты вне подозрений. Остальные камни, к моей величайшей скорби, могли скрыть среди себе подобных предателя.

Я неосознанно отступила на шаг и прижалась спиной к

холодной стене. Сердце билось в груди пойманным зверьком. Отчаяние все сильнее давило на плечи.

Это конец? Нить моей судьбы оборвется? Здесь? Сейчас?

Ужас проник под кожу, стянулся стылыми каплями в груди и свинцовым шаром ухнул вниз живота.

А дом Мак-Мора? Что будет с ним? Я не могу допустить, чтобы честь древнего рода была поругана из-за меня! Не могу опозорить Лангарию и лишить Мойру будущего. Но как не выдать нашей связи? Как скрыть кровь?

Отравить.

Изуродовать.

Проклясть.

Ответ пришел неожиданно. То, что казалось давно забытым, вдруг сложилось перед мысленным взором в четкую картину.

Этого проклятия не было в книгах и научных изысканиях — оно встретилось мне лишь однажды на страницах прабабушкиного дневника. Думаю, она сама его и изобрела. Простое, в чем-то даже элегантное, но при этом жестокое в проявлении — оно было именно таким, каким его могли создать Мак-Моры. Оно вызывало безмолвие крови: разрушало ее природу, уродовало, отравляло каждую каплю.

Если я наброшу его на себя, то никто — даже самый искусный сангролог — не сможет почувствовать родовую связь. Дельвары, уверена, легко докажут, что никогда не имели дочери моего возраста, и все подозрения с них будут сняты.

Пальцы подрагивали. В носу и уголках глаз щипало.

Я помнила не только действие проклятия, но и заметки прабабушки, выведенные на полях:

> …третий объект скончался в тех же муках, что и первые два. Перед смертью успел выцарапать себе глаза. Захлебнулся кровавой пеной. Перепроверить вектор интеграции ядовитых нитей…

Сжав кулаки до впившихся в ладони ногтей, я попыталась унять дрожь. Неважно, какой мучительной будет моя смерть, главное — не погубить дом Мак-Мора. Моя судьба не должна стать судьбой целого рода.

Медленно выдохнув, я принялась воскрешать в памяти двенадцать элементов проклятия.

— Директор, — раздался мужской голос, — вчера ночью я видел сапфиру, выходящую из библиотеки.

— Подойди ко мне, дорогой, — мягко, по-матерински улыбнулась Мак-Фордин.

Протянув руку к толпе, она дождалась, когда из нее выйдет

сутулый изумруд с волнистыми каштановыми волосами, и жестом указала на кристалл.

— Опусти ладонь на Око. Позволь нам увидеть то, что видел ты.

Первые четыре элемента проклятия выстроились в цепочку. Осталось еще восемь.

— Конечно, директор, — кивнул лернат и послушно выполнил указание.

Внутри кристалла заклубилась тьма. Густая, вязкая, она стелилась по стенкам, поднимаясь все выше. Наконец, когда кристалл стал едва ли не матовым, во тьме начали проступать образы. Синее платье, темные волосы, острые черты лица. Слишком знакомые, чтобы ошибиться. Я грустно улыбнулась, понимая: моя нить действительно оборвется сегодня.

Восемь элементов встали в ряд. Осталось четыре.

— Это же Ламия! — раздался удивленный женский возглас.

Опережая просьбу директора, из толпы лернатов вышла сапфира — та самая, что пыталась приворожить Хэйдена. Держалась она уверенно, горделиво.

— Я действительно была ночью в библиотеке, директор, — голос ее прозвучал твердо. — Заканчивала эссе по тонкостям различия насаждения темной воли на живых и неживых существ.

— А, горгульи, — понимающе улыбнулась Мак-Фордин. — Что ж, Ламия, я попрошу тебя коснуться кристалла и показать нам все, что ты видела ночью.

— С удовольствием, директор.

Десять элементов выстроились в смертоносную цепочку. Осталось два.

Тревога отступала, на ее место приходило смирение. Я всегда знала, что рано или поздно этот день наступит. Мечтая о свободе, в глубине души я понимала: подобные мне не выживают. Не в Лунной империи.

— События в библиотеке, если они касаются только работы с книгами, можешь пропустить, — поторопила Мак-Фордин. — По дороге туда или обратно ты заметила что-нибудь подозрительное?

— Нет… а хотя подождите. Была какая-то тень…

— Сконцентрируйся, дорогая. Око поможет.

Одиннадцать элементов в ряд.

В клубящейся тьме начали проступать очертания. Мои очертания.

Я снова грустно улыбнулась, с облегчением обреченного понимая: метлу Ламия не заметила.

— Илэйн Дельвар, — голос Мак-Фордин прозвучал гулко, как

удар камня о воду. Воздух задрожал от прокатившегося по залу эха.

— Да, директор.

Я медленно вышла из толпы. На сердце было спокойно.

Двенадцать элементов выстроились в завершенное проклятие.

Стоит только замкнуть их, и все кончится. Умирать на глазах стольких свидетелей не хотелось. Точнее, не хотелось, чтобы мою агонию видела троица мэлов, Мойра, Арден, Хэйден… Не хотелось остаться в их памяти корчащейся на полу, захлебывающейся собственной кровью.

— Расскажи нам, дорогая, где ты была ночью? — директор говорила все с той же фальшивой мягкостью. — Опусти руку на Око.

Я медленно втянула носом воздух. Интересно, всегда ли он пах так сладко, так упоительно пьяняще? Всегда ли от него кружилась голова и сердце трепетало в предвкушении чуда?

Повернувшись, я снова посмотрела на огромный витраж-розу, на тех, кто не побоялся отделиться от толпы. Смелые, гордые, сильные… Жаль, что мне так и не довелось узнать, могу ли я сиять во тьме подобно им.

Прикрыв глаза, я мысленно потянулась к смертоносной цепочке. Вот так, одно движение и…

— Прошлую ночь Илэйн провела со мной, — холодный, уверенный голос разрезал тишину, словно удар грома.

Вздрогнув, я потеряла концентрацию. Выстроенная цепочка проклятия развеялась, но я едва ли это поняла. Все мое внимание, будто «ведьминым лассо», приковало к Хэйдену Морроубрану, идущему ко мне.

ГЛАВА 27

Сердце, еще недавно бившееся размеренно, вновь взволнованно застучало. Грудь стянуло, к щекам прилил жар.

— Вы уверены, лернат? — голос Мак-Фордин впервые с начала собрания утратил мягкость.

Хэйден насмешливо дернул уголком губ.

— Разумеется. Мне бы не хотелось показывать присутствующим подробности нашей с Илэйн ночи… — тягучее северное произношение добавляло сказанному еще большей порочности, наполняло слова манящим искушением. — Но если это необходимо, чтобы обелить имя моей избранницы, то я согласен.

— Избранницы?! — рот Мак-Фордин некрасиво искривился. В фиолетовых глазах застыло изумление.

Хэйден не ответил. Даже не пошевелился. Так и остался стоять рядом со мной, решительный и несгибаемый, будто скала. И молчаливое подтверждение прозвучало громче любых слов.

Мак-Фордин потребовалось долгих четыре секунды, чтобы взять себя в руки. Я видела ее недовольство, слышала неозвученные мысли о тлетворной связи нефрита и халцедона, читала во взгляде презрение к моей слабости. Уверена, в этот момент директор проклинала право северных колдунов самим выбирать избранницу. Однако, как истинная артиэлла, Алира Мак-Фордин знала, когда стоит отступить.

— Нет, лернат, такой необходимости нет. Благодарю. Единственное, что я хотела бы уточнить: почему Илэйн видели в коридоре первого этажа? Ваша комната, насколько мне известно, находится на втором этаже. Илэйн не было нужды спускаться.

Хэйден снова улыбнулся. Его рука скользнула мне на талию и притянула к сильному телу легко и естественно.

— Мы встречались не в жилом корпусе, директор. Не хотели шумом помешать остальным.

Понимание, о чем именно говорит Хэйден, заставило лижущий щеки жар полыхнуть сильнее. Словно огненный вал, он прокатился вниз, обжег шею, грудь и стянулся упругой пульсацией в животе. Губы пересохли, воздуха перестало хватать. Я задышала чаще.

Взгляд Мак-Фордин впился в меня иглами, но сейчас даже он не мог вырвать меня из пламени смущения.

— Это все, директор? — Хэйден, единственный из нас, казался невозмутимым.

Мак-Фордин нехотя кивнула.

Едва получив разрешение, я собиралась нырнуть обратно в толпу халцедонов, спрятаться среди серых одежд и попытаться затушить полыхающий в груди пожар. Но Хэйден, будто прочитав мои мысли, предупреждающе сдавил пальцы на моей талии. Я не стала вырываться. Послушно прошла вместе с ним к нефритам и непроизвольно прижалась ближе, едва мы оказались в черной толпе.

Сейчас только рядом с ним я чувствовала себя защищенной. Причины, толкнувшие Хэйдена вмешаться, его интерес и тайны прошлого — все стало неважным. Он меня спас, подарил как минимум еще один день жизни, и за это я ему благодарна. Неважно, какими проблемами может обернуться смелое заявление, неважны гнев Мойры и недовольство Ардена. Сейчас, прижимаясь к сильному телу, уткнувшись головой в обтянутое кителем плечо и закрыв глаза, я просто дышала. Ощущала вес собственной одежды, окутавший меня аромат можжевельника, чувствовала ритмичное биение сердца, расходящееся волнами по телу. Жила.

Голос Мак-Фордин, продолжающей вызывать все новых лернатов, их ответы, шепотки стоящих рядом нефритов, колючие взгляды… Я едва замечала, что творится вокруг. Мир для меня уменьшился, сошелся до размеров нас с Хэйденом, моих подрагивающих пальцев, вцепившихся в черный китель, и широкой мужской ладони, покоящейся на моей талии. Он не отпускал меня до самого конца собрания — так и прижимал к себе, защищая. Дарил тепло и уверенность. И я жадно брала все, тянулась к нему, как замерзающий в снегах путник к горящему костру.

Когда собрание закончилось, Хэйден вывел меня из зала. Я не смотрела, куда мы идем.

Страха перед колдуном больше не было. Мысленно шагнув за грань, я оставила за ней часть самой себя: часть чувств и эмоций. И недоверие к Хэйдену тоже осталось по ту сторону.

Мы шли довольно долго. Отделились от основного потока лернатов, забрали левее, пропетляли в бесконечных коридорах, пешеходных галереях и залах. Остановились только в холле славы. Я мельком оглядела свисающие вдоль стен штандарты, отметила несколько кубков под стеклянными колпаками, стенд с медалями и знаками отличия… Потом посмотрела на Хэйдена.

— Я все надеялся, что ты придешь ко мне сама, — заговорил он, не сводя с меня внимательного взгляда. — Но кажется, ты готова бегать до последнего, вместо того чтобы рискнуть и получить ответы. Только бежать больше некуда, Илэйн. Ты в ловушке. И если хочешь выбраться из нее живой, тебе придется

мне довериться. Тогда я смогу тебя защитить.

— От чего? — выдохнула я тихо.

Он усмехнулся и так же тихо, но очень твердо ответил:

— От тебя самой, светлая ведьма.

На секунду показалось, что слух меня подвел. Я тряхнула головой и снова посмотрела в глаза Хэйдену.

Ну же! Посмейся! Скажи, как меня легко подловить на глупую шутку! Напомни мне о слабости! Пожалуйста…

Но Хэйден молчал. Не отводя от меня взгляда, он укрыл нас защитным пологом и шагнул ближе. Я отступила.

— Не бойся. Если бы я хотел раскрыть твой секрет, давно бы это сделал.

— Как?.. Откуда?..

Мысли разбегались, словно застигнутые солнцем тени. Сжимались, исчезали бесследно и оставляли меня в колючей пустоте. Я отступила еще на шаг.

— Лэйни, пожалуйста, не бойся. Клянусь Пресветлым Отцом, что не обижу.

Упоминание чуждого покровителя выбило из груди воздух.

Нет! Не может быть!

Страшная догадка разлилась под кожей стылой водой. Крошечные волоски встали дыбом, желудок сжался.

— Ты… ты…

Горло сдавило, и протолкнуть слова никак не получалось. Все мое естество противилось тому, чтобы произнести крамольную мысль вслух.

— Я темный, — Хэйден улыбнулся, но не успела я с облегчением выдохнуть, как он добавил: — Рожденный в семье светлых.

— Нет!

Зеленые глаза сощурились, в чертах красивого лица проступила жесткость.

— Я Хэйден Силлерторн, — произнес он, чеканя слова. — И я такое же чуждое дитя, как и ты.

— Нет! Тебя бы вычислили! Убили! Тебя бы… тебя бы…

— Что, Лэйни? Что бы со мной сделали? Провели обряд изгнания сути? Я нефрит, — напомнил он. — И в Академии Полуночи мне ничего не грозит.

— Но… но…

Я растерянно смотрела на колдуна, чувствуя, как пол под ногами проседает. Крошится, будто стекло, и разлетается пылью. И вместе с ним дробились столпы моего представления о мире — всего, во что я верила.

— Светлые бы убили тебя!

— И смыли позор рода моей кровью?

Я отступила еще на один шаг. Губы Хэйдена замерли в грустной полуулыбке.

— Ты знаешь, что в горах чуждые дети рождаются чаще? До определенного времени их действительно убивали. Как светлые, живущие в горах, так и темные. Разделенные хребтом, мы резали своих детей в угоду покровителям и власти, сидящей так далеко, что едва помнит о нашем существовании. А потом мы поняли, что не желаем больше этого делать. Несколько поколений назад мы, Силлерторны, первыми пошли на преступление. Мы сохранили жизнь рожденному среди нас темному. Тогда никто понятия не имел, что с ним делать. Его прятали… как прятала себя ты.

Я больше не отступала. Сложно сделать хоть шаг, если не чувствуешь тверди под ногами. Самой себе я напоминала бабочку, заключенную в ведьмину сферу. Без воздуха, без опоры, без возможности вырваться.

— Не знаю, чем могло закончиться неповиновение Силлерторнов — наверняка рано или поздно о нем бы прознали, и тогда кара постигла бы весь род. Но внезапно, в нарушение всех договоренностей и невзирая на опасность, на пороге нашего дома появились трое Морроубранов. Как оказалось, они тоже устали убивать собственных детей. Морроубраны привезли светлого из своего рода. И много, очень много драгоценностей, — Хэйден хмыкнул. — Они надеялись выкупить право на жизнь для своего отпрыска. И знаешь что? Им удалось это сделать. Вот только плату Силлерторны взяли не драгоценностями, а другой жизнью — жизнью рожденного у нас темного. Они поменялись детьми, Лэйни.

В горле встал тугой ком, мешающий вдохнуть. Я слушала и одновременно верила и не верила каждому услышанному слову.

— На землях Лунной империи существует три северных дома, на территориях Солнечного царства — два. И все они держатся обособленно, закрыто. Люди по обе стороны хребта уверены, что причина в тайных знаниях, которые мы храним. На самом же деле мы храним не знания, а жизни собственных детей.

Протолкнуть вопрос через пересохшее, ставшее шершавым горло было сложно. Звук будто застревал где-то посредине и никак не мог вырваться на свободу. Лишь с третьей попытки мне удалось совладать с голосом.

— Но какая судьба ждет таких детей в чужом доме?

Хэйден мягко качнул головой.

— У нас нет чужих домов, Лэйни. Один — принимающий, другой — родной. Но оба — свои. Свои, понимаешь? Пойдя на преступление, северяне объединились. Единым кланом мы,

конечно, не стали — это бы привлекло ненужное внимание, — но мы наладили жизнь на две стороны. Мы знаем, кто мы, откуда и кем хотим стать. Мы не уродуем собственную природу в попытках освоить крупицы чуждой магии — вместо этого мы принимаем каждого северянина таким, какой он есть. И мы ищем тех, кому можем помочь: потерянных, напуганных… таких, как ты.

Я дернулась, как от пощечины. Быть чьим-то добрым поступком, галочкой в списке поставленных задач мне не хотелось. Пусть ненадолго, пусть всего на час, но я поверила, что Хэйден хотел защитить меня. Меня! Илэйн Дельвар! Слабую халцедону, подарившую ему свой первый поцелуй! И теперь осознавать себя безликой ведьмой — очередной носительницей чуждой силы, нуждающейся в спасении, — оказалось неожиданно больно.

— Как ты понял, что я светлая? — спросила я, глядя в сторону.

Смотреть на Хэйдена стало невыносимо.

— Твой блокиратор. Прежде чем уничтожить, я изучил его.

Я грустно улыбнулась: все-таки магистр Кейн был прав.

— Лэйни?

Пришлось повернуться и встретить прищуренный взгляд зеленых глаз.

— Что-то не так?

Сердце тянуло, словно к нему вдруг подвесили свинцовую гирю. Хотелось согнуться, сжаться в попытке уменьшить поселившуюся в груди тяжесть. Но вместо этого я еще больше расправила плечи и заставила губы замереть в воспитанной полуулыбке.

— Что вы, артиэлл, все в порядке. Я просто несколько… растеряна.

Хэйден нахмурился и сократил разделяющее нас расстояние. Он вновь оказался непозволительно близко, а я вновь вдыхала его аромат. Внимательный взгляд скользил по моему лицу медленно, будто ощупывая: коснулся глаз, очертил линию носа, подбородка, скул, задержался на губах и вернулся к глазам.

— Не закрывайся, не отгораживайся от меня холодными «вы» и «артиэлл», — произнес Хэйден, шевеля дыханием мои волосы. — Ты умело носишь маски, и я понимаю, почему тебе пришлось их освоить, но прошу, хоть иногда будь со мной настоящей. Позволь узнать тебя. В конце концов, ты моя избранница, — обманчиво жесткие губы дрогнули в улыбке.

— Почему вы назвали меня ею?

Улыбка Хэйдена стала шире.

— А ты бы предпочла, чтобы я этого не делал? Чтобы все

решили, что ты делишь ночи с колдуном, с которым тебя ничего не связывает? Прости, но я не мог так поступить. Не с тобой.

Тяжелый шлейф темной силы, идущий от Хэйдена, оплел нас коконом. Связал невидимыми нитями и притянул друг к другу еще ближе. Удивительно, но его тьма не казалась давящей. Наоборот, под ее покровом я чувствовала себя в безопасности. Сковавшие грудь тревоги отступали.

Хэйден предложил мне помощь, пообещал защиту, готов дать мне все то, о чем я и просить не смела. Так разве важно, как он при этом ко мне относится? Не страшно стать очередной в списке спасенных ведьм. Страшно в этот список не войти.

— Спасибо, — выдохнула я, неотрывно глядя на колдуна. Ощутила, как его пальцы мягко коснулись моего лица, и прикрыла глаза. — Спасибо, что заступился. Что помнишь о том, о чем я забываю, — шероховатые, обожженные холодом подушечки скользнули вдоль скулы, коснулись подбородка. — Что не бросил и не отпустил, когда я так боялась остаться одна. Что подарил мне надежду на будущее, — произнесла еще тише. А в следующий миг губы Хэйдена накрыли мои.

ГЛАВА 28

Поцелуй вышел осторожным, я бы даже сказала — заботливым. И Хэйден, и я будто боялись спугнуть друг друга. Словно одно резкое движение могло нарушить хрупкий мир, уничтожить только что перекинутый шаткий мостик доверия над пропастью страхов и неуверенности. Но сейчас я и не желала большего. Я аккуратно пробовала, узнавая, каково это — пить чужое дыхание. Запоминала ощущение губ Хэйдена на моих губах, чувствовала скользнувшие мне на талию руки.

Нос вновь защекотало ароматами можжевельника и озоновой свежести, голова закружилась. Боясь упасть, я ухватилась за широкие плечи, прижалась доверчиво и внутренне затрепетала, ощутив, что объятия стали теснее.

Мой второй поцелуй длился дольше первого. Он вышел менее поспешным, не украденным, а полученным в дар. И я ценила его, наслаждалась каждой секундой. Когда же он закончился, я не сразу нашла в себе силы отстраниться — прижалась лбом к груди колдуна и несколько секунд восстанавливала дыхание, слушая учащенное биение сильного сердца.

— Поедешь со мной на зимние праздники к Морроубранам? — произнес Хэйден у меня над головой.

Я выпрямилась и посмотрела в спокойную зелень глаз.

— Зачем?

— Приедут мои родители, познакомишься с ними. Заодно обговорим, как тебе лучше покинуть Лунную империю, чтобы при этом не пострадал твой род. Это ведь не Дельвары? — уточнил он с усмешкой.

Я не ответила. Насчет Дельваров Хэйден все понял верно. На первый же вопрос ответа не было.

Мне хотелось поехать в горы, хотелось увидеть, как сосуществуют тьма и свет, увидеть, что ведьмы, колдуны, заклинатели и чародейки могут жить в мире. Но вместе с тем я не готова к встрече с родителями Хэйдена. Как он им меня представит? Светлой, нуждающейся в помощи? Временной избранницей? Мне не нравится ни один из этих статусов. И пусть нить судьбы вынуждает носить сразу оба, я не могу с ними примириться. Не сейчас, не сразу.

Хэйден смотрел на меня внимательно, но мягко. Без привычной тяжести, которую я так часто ощущала в трапезной.

— Если не можешь решиться сейчас, ничего страшного, — наконец сказал он. — Подумай. А как определишься, дай знать. Только… — зеленые глаза насмешливо блеснули, — постарайся в

этот раз не тянуть до последнего.

Я смутилась, однако взгляда не отвела. Мне нравилось смотреть на Хэйдена, нравилось видеть его лицо без привычной маски отстраненной холодности. И нравилось самой не носить масок.

— Пошли, — улыбнулся он. — Скоро начнется очередное занятие. Что у тебя сейчас?

— Звездочтение.

Кивнув, Хэйден сначала убрал полог, а затем взмахом руки открыл переход.

— Звездная башня далеко, — пояснил он. — Чтобы успеть вовремя, тебе придется бежать… или сделать два шага, — повернувшись, он выразительно глянул на темный зев.

Неожиданная забота тронула, отдалась теплом в груди и какой-то незнакомой мне прежде нежностью. Щеки опалило жаром. Пробормотав слова благодарности, я поспешно нырнула в переход.

Б**о**льшая часть занятия по звездочтению прошла как в тумане. Я едва понимала, какие рисунки вывожу пальцами на песчаной доске; скорее, просто наслаждалась ощущением теплых крупиц, перекатывающихся под подушечками. Мелодичный тембр Лей-Торы убаюкивал. Бросаемые украдкой взгляды лернатов почти не беспокоили — от халцедонов я не чувствовала враждебности, лишь интерес и совсем немного неверия. Еще бы! Один из сильнейших нефритов, наследник рода, взял в избранницы самую слабую лернату.

— Рисунок созвездия равновесия выглядит несколько иначе, моя дорогая, — раздавшийся над головой голос Лей-Торы заставил меня вынырнуть из полудремы и посмотреть сначала на магистра, потом на собственную песчаную доску.

Лей-Тора явно мне польстила, назвав шесть нечетких линий рисунком. И особенно — рисунком созвездия.

— Прошу прощения, магистр, — я смутилась и спешно провела ладонью по теплой поверхности, снова делая ее ровной. — Я немедленно все исправлю.

— Не стоит, — певуче отозвалась она. Мягко коснулась моей макушки узловатыми пальцами, потом медленно вернулась на подушки. — Вам сейчас сложно собраться с мыслями, а пытаться повторить полуночное полотно надо лишь с чистой головой и спокойным сердцем. Но я понимаю, — сухие губы замерли в улыбке. — Ваш нареченный — смелый и очень решительный молодой человек. Впрочем, оно и неудивительно — ведь он родился под полной луной, в сиянии звезд хлада и пламени! Необычное сочетание, редкое и очень мощное. Я помню многих

лернатов. У большинства звезды спокойны… но только не у него. И не у вас, — добавила она, лукаво щурясь. — По дару вы никогда не станете равной нареченному, но по духу вы близки. А зачастую дух важнее силы. Так что не бойтесь, моя дорогая, и не сдавайтесь. Халцедоны привыкли себя недооценивать, но вы такие же нити в полотне Полуночной Матери, как и все мы.

— Магистр Роун говорил почти то же самое, — заметил Киган, глядя на Лей-Тору.

Та улыбнулась.

— Акель родился под звездами познания и открытого сердца. Он принял мудрость раньше остальных. Но, боюсь, звезда убеждения сияла тускло в момент его первого крика, и потому зажечь чужие сердца огнем собственного ему вряд ли по силам. Но Акель не сдается.

— Звезда… мм… упорства? — предположил Киган.

Лей-Тора снова улыбнулась и покачала головой.

— Врожденная настойчивость темных. Мы редко отступаем. К сожалению, даже тогда, когда понимаем, что сделать это было бы мудрейшим из решений. И чем сильнее тьма в наших душах, тем сложнее ей противиться.

Уверена, почти все сейчас вспомнили шерл — черный турмалин, находящийся в кольце Акеля Роуна. Я же подумала об Ардене. Отступится ли он после заявления Хэйдена? Откажется ли от собственной тяги? Или тьма не позволит ему этого сделать?

— Магистр? — позвала я вполголоса. — В полотне Полуночной Матери… там ведь вытканы судьбы каждого из нас?

— Разумеется, моя дорогая.

— То есть все предопределено? А если, предположим, нить вырывают из полотна, то что становится с узором?

Умбра Лей-Тора посмотрела на меня очень внимательно. Гораздо внимательнее, чем глядела до этого.

— Он расползается. Иногда несильно, а иногда настолько, что меняет всю картину. В вырванных нитях, как и в заново вплетенных, всегда сокрыто намного больше тайн, чем в обычных. Только, в отличие от вплетенных, вырванные нити опасны — они обжигают судьбы тех, кого изначально коснулись, отрывают части их волокон.

— И неужели никак нельзя их восстановить?

Магистр не спешила с ответом — жевала сухие, морщинистые губы и не сводила с меня мутного взгляда выцветших глаз.

— Способ есть, лерната. Но, боюсь, воспользоваться им под силу далеко не каждому. Да и плата за такое вмешательство слишком высока…

Я смотрела на Лей-Тору и в волнении сжимала пальцы.

Получается, Ардену можно помочь? Можно восстановить нить его судьбы?

* * *

Обед, настойчивые попытки выведать, есть ли необрученные друзья у моей «старой знакомой» — а Ллоса решила, что в тот день я сбегала именно к Хэйдену, а не к Ардену, — возмущение Кигана свободой нравов подруги. Его попытки воззвать к ее гордости и чести; ухмыляющийся Морриган, наблюдающий за происходящим с азартным любопытством… все прошло мимо меня. События едва отпечаталась в памяти.

Занятие по зельям мало чем отличалось от обеда — снова шумные мэлы, с которыми я работала в слаженной четверке, расспросы и моя неспособность сконцентрироваться хоть на чем-нибудь. Зато следом за зельями шли ритуалы и проклятия, присутствовать на которых, благодаря разрешению Алариса Торна, мне необязательно.

Вместо этого я поспешила в библиотеку. Лей-Тора отказалась раскрывать все этапы ритуала, но озвучила главное — его название. Теперь оставалось только найти нужную книгу и узнать все самой.

До заветного помещения я добралась быстро. Не обращая внимания на красоту внутреннего убранства, бегло огляделась и зашагала навстречу спускающейся на тяжелых каменных крыльях горгулье. Со всей вежливой доброжелательностью, на которую только была способна, попросила нужную мне книгу… и получила решительный отказ.

Ни заверения, что сама Лей-Тора направила меня за этими знаниями — что было правдой лишь отчасти, — ни просьбы и уговоры не подействовали на хранителя библиотеки. Без официального запроса магистра такие книги первогодкам не выдают.

Поняв, что чрезмерная настойчивость лишь вызовет подозрения, я изобразила на лице печальное смирение и покинула помещение.

Просить Лей-Тору выписать мне разрешение было боязно. Старая артиэлла и так стала поглядывать на меня слишком внимательно. Значит, оставалось обратиться за помощью к кому-нибудь со старших курсов. Ведь, как и сказала горгулья, запрет на выдачу касается только первогодков.

Из старшекурсников я знаю троих: Мойру, Ардена и Хэйдена. И вот тут начинаются проблемы…

Обратиться к Хэйдену я не могу — тогда придется объяснять, почему я хочу защитить Ардена, рассказать о нашей с ним утраченной связи и о том, как она на него повлияла. Эти двое и так, мягко говоря, не ладят, и доверять слабости одного другому не кажется мне правильным.

Объяснить причину Мойре будет еще сложнее, чем Хэйдену. И неважно, что ритуал может подарить ей надежду на счастливые отношения с Шантаром. Если сестра прознает о наших некогда переплетенных судьбах, то придет в бешенство. Просить же самого Ардена казалось бессмысленной идеей. Гордость наследника рода не позволит ему принять помощь от слабой халцедоны.

В коридорах было пусто. Я шла, не беспокоясь, что меня могут заметить, и потому не прятала эмоций: хмурилась, кусала губы и все пыталась найти решение. А если поговорить с кэллером? Кажется, он лоялен к роду Шантар. Но тогда остается вопрос: согласится ли упертая горгулья выдать книгу хранителю артефактов?

Мысли затянули настолько, что, погрузившись в них, я едва смотрела под ноги. Когда впереди вытянулся темный зев перехода, я не успела среагировать и по инерции сделала еще один шаг. В переход.

Чувство падения, щекотка по коже, мурашки — эмоции пронеслись вихрем и тут же схлынули, едва я ступила на устланный деревом пол. Я быстро огляделась. Отметила стол на резных ножках, стул перед ним, шкаф со стеклянными дверцами, сквозь которые виднелись книги и свитки; вытянутый комод, карту Лунной империи над ним, два кресла и небольшой диван в центре, круглый столик между ними… и сидящего в одном из кресел Ардена Шантара.

Без сомнения, я оказалась в гостиной его покоев. И от осознания этого все внутри меня заледенело.

— Для сэлы дерзость — находиться в комнатах артиэлла… наедине, — добавила я тише, ловя на себе колючий взгляд.

— С Морроу тебя это не остановило, — слова сорвались с чужих губ, словно ядовитые капли. Я даже невольно глянула вниз, желая убедиться, что темно-синий ковер не задымился и не расползся огромными дырами. После чего вновь посмотрела на Ардена.

Океан его глаз застыл, точно подернутый льдом. И кажется, я впервые видела, чтобы холод настолько глубоко выморозил бездонные воды. В груди шевельнулось неосознанное желание объясниться, успокоить, вернуть стылой поверхности привычную рябь… Но я знала, что не имею права поддаваться слабости.

— Ты избегала меня, — в голосе Шантара тот же холод, что и во взгляде. На губах — яд. — Почти два месяца ты избегала меня… и все это время ты была с Морроу. Скажи, — колдун поднялся, и мне стоило огромных усилий не отступить, — неужели ты совсем не чувствуешь?

Он приближался медленно, плавно, но вместе с тем — неотвратимо. Вокруг его тела змеился ощутимый флер опасности.

— Неужели не чувствуешь этой разрастающейся пустоты? Неужели вот тут, — мне на грудь, ровно над солнечным сплетением, опустилась ладонь, — не болит?

Я попыталась разорвать бесстыдное прикосновение, но Шантар не позволил. Прижал руку еще сильнее, а свободной обхватил меня поперек спины, не давая вывернуться.

— Как ты спишь по ночам, Илэйн? Видишь ли те же разрывающие душу сны, что и я? Просыпаешься ли от тянущей боли? Вот тут, — повторил он, сильнее надавливая мне на грудь. — Или рядом с Морроу тебе спится спокойно?

— Я…

Я не могла сказать, что между мной и Хэйденом ничего нет. Не могла разрушить нашу общую легенду, что защитила меня. А значит, не могла унять огонь в душе Ардена.

— Почему он, Илэйн? — выдохнул он с отчаянием. — Почему не я?

— Вы помолвлены, артиэлл, — произнесла я тихо и попыталась выскользнуть.

На этот раз Арден меня отпустил. Смотрел при этом хмуро, но вместе с тем растерянно. Дед, сковавший глубокие воды, затрещал.

— Все дело лишь в этом?

— Лишь? Артиэлл, у вас есть невеста! И она, уверена, достойная ведьма, которая вас любит!

Арден хмыкнул.

— Поверь: такие, как она, не способны на любовь. Она из рода, где о чувствах не принято говорить, их не принято показывать. И кажется, с годами… с поколениями… они разучились их испытывать.

— Что? — я моргнула.

Нет же! Мойра умеет чувствовать! Я помню отчаяние в ее голосе, помню, с какой надеждой она цеплялась за китель Шантара, как обещала пойти на невозможное для наследницы Мак-Моров — заблокировать на время собственную силу.

— К тому же, — продолжил Арден, — мне не хочется повторить судьбу Эварика.

Эварик? Наш с Мойрой отец? Но при чем здесь он? Он ведь

погиб во время неудачного эксперимента, пытаясь создать новое проклятие… Или все же нет?

ГЛАВА 29

Я обеспокоенно нахмурилась.

— Какую судьбу?

— Неважно, — Арден тряхнул головой, и упрямая прядь тут же упала на лоб.

Я задержалась на ней взглядом. Кончики пальцев закололо от желания дотронуться; сердце забилось быстрее. Почему мне так хочется прикоснуться? Почему что-то во мне замирает в ожидании и надежде? Не знаю.

Возможно, мне просто нравятся непослушные волосы Ардена, а возможно, это отголоски нашей утраченной связи. Как навязчивые идеи, как опасные импульсы, что рождают в душе искушение и желание большего. И если даже отголоски — слабые тени — способны заставить мое сердце заходиться взволнованным ритмом, то что бы со мной сотворил полный откат?

— Да сделай ты уже это, — устало вздохнул Арден.

В один шаг сократил разделяющее нас расстояние, схватил меня за запястье и силой заставил коснуться его волос. Мы оба замерли.

Я знала, что нужно отдернуть руку. Знала, но почему-то не спешила этого делать. Шевельнув пальцами, я ощутила густые жесткие пряди, коснулась выбившейся на лоб и аккуратно ее поправила. Поддаваясь порыву, провела ладонью по голове.

Арден закрыл глаза. Казалось, он даже не дышал, опасаясь меня вспугнуть. Лишенная его пристального внимания, я осмелела. Мягко зарылась пятерней в обсидианово-черные волосы и пропустила их между пальцами, наслаждаясь ощущением. Но уже через мгновение отняла руку. Не следует поддаваться этой слабости. Нам обоим не следует.

Арден не остановил меня, даже не шевельнулся. Но сожаление, отчетливо проступившее на его лице, отозвалось во мне тянущей болью. Так не должно быть! Он не должен страдать из-за разрыва наших нитей! И уж тем более не должен нести груз отката в одиночку. Я обязана провести ритуал.

Что бы ни защитило меня — изменение природы моей силы или расположение звезд, — неважно. Я не останусь в стороне, притворяясь, будто непричастна.

Я открыла рот, собираясь поделиться узнанным от Лей-Торы, однако Арден заговорил первым.

— Мойра Мак-Мора, — выдохнул он глухо. — Вот кто моя невеста. Ты видела ее… тогда, у трапезной.

Я кивнула.

— Красивая.

— Да, красивая. А еще сильная, с безупречными манерами, из древнего рода — на первый взгляд идеальная… Но только на первый взгляд, — его губы искривились в усмешке. — Едва отец сообщил, что род выбрал ее мне в невесты, я начал наводить справки. Все же интересно, с кем предстоит связать судьбу. Мак-Моры — один из древнейших ведьминых домов. Его женщины зачастую брали в мужья более слабых колдунов, чтобы обеспечить рождение дочерей. Сильных дочерей, наследующих материнскую кровь. Ничего особенного, — он пожал плечами. — Но только Шантары — нефриты. И наша тьма не уступает их. Напротив, в чем-то даже превосходит. Так зачем бы ведьминому дому отдавать наследницу за того, кто подарит ей лишь сыновей?

Я нахмурилась, не сводя с него внимательного взгляда.

— Мойре прочат место в Совете Ночи, — продолжил Арден. — Но позиции Мак-Моров пошатнулись. Все началось с младшей дочери, чье тело оказалось слишком слабым для щедрого дара Полуночной Матери.

— Но ведь щедрый дар — это хорошо…

— Только если его носитель достаточно крепок. К той дочери никого не допускают, и остается лишь гадать: тьма ее так подкосила или она родилась немощной? Но главная проблема не в ней. Гораздо более сильный удар по роду Мак-Мора нанес Эварик, решив покинуть его десять лет назад…

Слова Ардена отозвались в моей груди ноющей болью.

Отец ушел из-за меня. Из-за моей слабости. Ригге как-то сказала, что Полуночная Матерь не наградила Эварика тьмой, но щедро одарила тщеславием. Мойрой отец гордился, светился так, будто это его собственная тьма оказалась столь упоительно мощной. Я же стала его позором. После проявления отец ни разу не взглянул меня, морщился, стоило ему заслышать мой голос, и гнал прочь. А всего через несколько месяцев ушел сам.

— Где-то спустя полгода он погиб, — продолжил Арден, не догадываясь о тяжелых мыслях, захлестнувших меня гигантской волной. — Тогда решили, что он не справился с новым проклятием, над которым, по слухам, работал. Но тебе не кажется это странным? Изумруд, способный создать мощное, не оставляющее следов проклятие? На его теле нашли лишь черную вязь у горла. Никакого шлейфа, никаких реакций на артефактах… Не верю, что он погиб случайно! Скорее уж Мак-Моры избавились от неугодного. Род должен оставаться целостным, особенно древний. Уверен, Эварику не простили отступничества.

Перед глазами заплясали темные пятна.

Я помню тот день — мой седьмой день рождения. Лангария вызвала нас с Мойрой в гостиную и сухо сообщила, что отныне отца у нас нет. Помню, как мы с сестрой непонимающе переглянулись и как я осмелилась спросить о постигшей его судьбе. Матушка не ответила — только недовольно поджала губы. И я, уже зная, что означает такая реакция, поспешно понурилась, всем видом стараясь выразить раскаяние. Больше эта тема в доме не поднималась.

— Так что, как видишь, брак со мной выгоден Мойре, — заключил Арден. — И дело вовсе не в любви.

— А вам?

— Мне он не нужен, — отчеканил он. — Однако Шантары решили, что от нашего с ней союза могут родиться шерлы — черные турмалины. Те, кто со временем возвысит наш род над остальными колдовскими домами.

Арден отступил и потер кулаком над солнечным сплетением.

— Но я привел тебя не затем, чтобы обсуждать мою невесту или амбициозные планы двух семей.

— Тогда зачем вы посвятили меня в детали?

Колдун пристально посмотрел на меня.

— Ты сказала, что выбрала Морроу, потому что я связан обязательствами с другой. Так?

Я слабо кивнула. В груди стянуло колючей лозой дурного предчувствия.

— Я могу это изменить, — произнес он твердо. Океан синих глаз оттаял, на гребнях побежавших волн вспенилась надежда. — Поехали со мной на зимние праздники к Шантарам, и ты сама во всем убедишься.

* * *

Ночь давно опустилась на академию. Потухли фонари вдоль дорожек и переходов, очертания парка растворились в густой темноте. Лампа в моей комнате горела приглушенно — ее света едва хватало, чтобы различать контуры мебели. Но меня это устраивало.

Я стояла у окна, кутаясь в одеяло, и смотрела в ночное небо, усыпанное горящими точками звезд. Магистр Роун сравнил их с халцедонами, на фоне которых тьма становится завораживающей. Но сейчас я не видела в ней красоты — лишь неизвестность и затаившуюся опасность.

Левая щека до сих пор пылала, и я вновь приложила к ней холодную ладонь в попытках унять невидимое пламя. Больно.

Прикрыв глаза, я тяжело вздохнула.

Мойра пришла переходом сразу после отбоя. Я успела заметить лишь зло стиснутые губы и прищуренные глаза, а в следующую секунду вскрикнула — лицо обожгла пощечина. Прежде сестра не поднимала на меня руку. Оскорбляла, насмехалась, напоминала о моей никчемности, но никогда не била. И то, что она перешагнула эту черту, причинило мне куда больше боли, чем сама пощечина.

— Что ты себе позволяешь, Недоделок? — в голосе Мойры звенела ярость. — Ты нарочно? Решила пойти наперекор мне, поэтому легла под Морроубрана?

— Вовсе нет…

— Или ты настолько глупа, что не понимаешь всей опасности? Уже забыла про убитую халцедоновую ведьму? Или так жаждешь стать следующей?

— То могло быть недоразумение! Почему ты так против Хэйдена? Ему безразличен цвет моего камня! Если Луна свяжет нас до моего выпуска, я могу перейти сразу в его род, и тогда никто — никто! — не узнает, что род Мак-Мора был запятнан почти бессильной темной. Разве не этого вы с матушкой всегда хотели — чтобы Недоделок исчезла? И я исчезну!

Ложь, мечты, догадки — слова смешивались, точно ингредиенты в зелье, кипели во мне и срывались с языка обжигающими каплями.

— Ты правда настолько наивна? Хватит предаваться грезам, Илэйн! Не веришь мне, спроси у своего… нареченного, — с презрением выплюнула сестра, — действительно ли он *случайно* оказался возле тела той халцедоны.

Взгляд зеленых глаз метал молнии, но в самой его глубине, за тяжелыми грозовыми тучами и вспышками ярости, я видела тень беспокойства.

— Почему ты не говоришь мне всего? — спросила, пытаясь мысленно дотянуться до той тени, поймать ее, понять. — Почему не объяснишь истинных причин?

— Потому что ты слаба, Илэйн! — отрезала Мойра.

Ее грудь часто вздымалась, крылья носа гневно трепетали. Но с каждым вздохом ярость все больше отступала, и на ее место приходила усталость. Казалось, такие разговоры нравились сестре даже меньше, чем мне. Но тогда ради чего она возвращается к ним снова и снова?

— А еще ты до опасного самоуверенна и, как все темные, не умеешь вовремя останавливаться, — продолжила она спокойнее. — Ты понятия не имеешь, во что ввязываешься… точнее, уже ввязалась. И чем это для тебя может обернуться, —

закончила она совсем тихо.

Осознание пришло в секунду. Словно последний кусочек цветного стекла занял свое место в витраже и закончил узор.

Крупицы силы — те самые, что отличают ведьм от колдунов, — в Лангарии были особенно развиты. Они даровали ей возможность говорить со звездами. Но не так, как это делает Лей-Тора. В отличие от магистра, которая звезды «читает», Лангария их «слышит». Причем порой настолько отчетливо, что может заглядывать в будущее.

— Матушка снова их услышала? — спросила я осторожно.

Мойра отвернулась, недовольно дернув плечом.

Я знала, почему она злится. Звезды обычно безмолвствуют и заговаривают лишь тогда, когда должно случиться что-то по-настоящему важное. Матушка рассказывала, что слышала их лишь дважды за всю жизнь. Именно прислушавшись к ним, она решила связать нить своей судьбы с изумрудом, а не с сапфиром, как собиралась изначально.

С рождением Мойры, а потом и меня, звезды замолчали. Но сестра всегда втайне наделась, что однажды они вновь пробудятся и дадут знак. Ей, Мойре. А выходит, звезды выбрали Недоделка. Думаю, именно поэтому сестра не хотела объяснять мне всех причин — завидовала.

— Что они сказали? — я подалась вперед и, не дождавшись ответа, тихо позвала: — Мойри?

Сестра вздрогнула, услышав ласковое обращение. Повернулась и смерила меня долгим взглядом.

— Ты действительно не умеешь отступать, — произнесла она устало. — И ты умрешь, Илэйн. От рук наследника севера — Хэйдена Морроубрана.

ГЛАВА 30

Минуло больше часа с того момента, как ушла Мойра. Первые минут десять я не могла пошевелиться: тело будто одеревенело, мысли застыли. Даже притопывающая в беспокойстве Эвис не могла меня растормошить. А потом, едва смотря по сторонам, я сняла с кровати одеяло, закуталась в него и встала у окна.

Я глядела в ночное небо, на звезды, определяющие наши судьбы, и думала о Полуночной Матери. Наверное, она действительно ненавидит светлых детей. Иначе почему посылает мне одно проклятие за другим? Почему, стоит мне поверить, что кто-то готов протянуть мне руку помощи, эту руку у меня отнимают?

Однако я не хотела позволять себе предаваться унынию. Гнала тоскливые мысли прочь и упрямо кусала губы. Не сдамся! Как бы трудно ни было, не сдамся.

Вернувшись на кровать, я посмотрела на замершую рядом Эвис. Вздохнула, собираясь с мыслями, а потом заговорила. Я рассказывала ей, как жутко звучали десятки безжизненных голосов горгулий под потолком трапезной. Насколько это страшно — понимать, что тебя вот-вот поймают. И как отпускает страх в последние мгновения, когда мысленно уже перешагнул черту. Я делилась пережитым облегчением — таким, от которого собственное тело начинает казаться невесомым, и чувством спокойствия, которое может подарить сильная рука на талии и уверенность во взгляде. Я рассказывала об отчаянии Ардена и о ритуале, что способен ему помочь. О двух приглашениях на зимние праздники и о сомнениях…

Эвис внимательно слушала, иногда взволнованно переступая лапами, а иногда — едва касаясь, будто поглаживая. И я чувствовала, как страхи пережитого тают, как невидимая пружина, до этого сжатая, медленно распрямляется. Напряжение отступало.

Раньше я и не догадывалась, как много значит возможность быть услышанным. Теперь же ощутила все грани этого чувства, и губы непроизвольно растянулись в полуулыбку.

Нет, моя жизнь все еще в опасности, секретов у меня по-прежнему слишком много, но я вдруг почувствовала, что больше не одна. И мне не нужно тащить непомерный груз в одиночку. Теперь нас двое.

Присутствие Эвис, ее молчаливая поддержка наполнили меня силами, подарили уверенность. И впервые за очень долгое время

я заснула с улыбкой. Какие бы еще трудности ни притаились впереди, какие бы тайны ни ждали на узелках моей нити, я со всем справлюсь.

* * *

Утро нового дня я встретила полная сил. Умываясь, заплетая волосы и застегивая длинный ряд пуговиц, бегущих от воротника к поясу, я составляла мысленный план.

Мойра права: мне следует расспросить Хэйдена насчет той халцедоны. И выводы я стану делать лишь после разговора. Затем нужно поговорить с кэллером и попытаться убедить его взять для меня книгу. Узнать все про ритуал. А по ночам продолжить навещать Сельву. Я не имею права опускать руки из-за одного промаха!

После завтрака, как обычно шумного, мы с мэлами зашагали на геомантию. Настроение было приподнятым. Причем не только у меня. Киган и Ллоса вновь привычно перешучивались, Морриган подначивал друга, я решила изменить привычке держаться молчаливым наблюдателем и встала на сторону Ллосы. Мэлы, заметив это, довольно заулыбались.

В геомантической пещере было на удивление свежо. Сыростью почти не пахло, хотя стены привычно покрывал мелкая испарина. С кончиков сталактитов срывались тяжелые капли. Ударяясь об пол десятки, сотни раз, они наполняли пространство ритмичным стуком.

Артиэлл Акель Роун, как всегда, уже ждал лернатов. Все в тех же пыльно-черных одеждах, с густыми усами, спускающимися до самого подбородка, и аккуратно зачесанными волосами.

Заходя в пещеру, лернаты безошибочно находили его взглядом, улыбались и склоняли головы в приветствии. Не знаю, догадывался ли Роун, но ему халцедоны кланялись ниже, чем остальным магистрам. И в этих лишних сантиметрах скрывались молчаливые, но самые искренние уважение и благодарность.

— Яркой вам луны, лернаты, — поприветствовал он, едва мы расселись. — Сегодня я собирался рассказать вам о применении аметистовой пыли в ритуалах и зельях, но в свете событий, думаю, лучше поговорить о других камнях. О тех, о которых обычно не заговаривают раньше второго года, — камнях светлых чародеек и заклинателей.

Под неровными сводами пещеры воцарилась тишина. Каждый из присутствующих глядел на магистра и, казалось, даже не дышал.

Акель Роун усмехнулся в усы.

— Их главный камень — гелиодор. Камень солнца. Желтый, яркий, словно заключивший в себя луч дневного светила. И те, в чьих кольцах находится именно он, считаются сильнейшими в Солнечном царстве. Следом идет алый, как закат, рубин. За ним — небесно-голубой топаз. Последним в линейке силы стоит янтарь.

— А шерлы? — подала голос Айлора. — Какой камень возвышается у них над всеми остальными?

Роун улыбнулся, глядя, с каким восторгом мэла косится на его кольцо.

— Шерлы — это черные турмалины. Но вы правы. У светлых есть их отражение — желтые турмалины. Для нас ценна ночь, для них — солнечный свет. Еще вопросы? — взгляд карих глаз облетел присутствующих. — Что ж, раз вопросов больше нет, можно двигаться дальше.

Открыв стоящий рядом с его столом увесистый ларец, магистр достал оттуда бархатный мешочек темно-бордового цвета. Развязал тесемки и высыпал на столешницу четыре больших камня — ярко-желтого, красного, голубого и оранжевого цвета.

Даже со своего места я отчетливо ощутила идущее от них тепло. Оно тянулось ко мне, извивалось капризной лентой и настойчиво звало. Вся моя суть затрепетала, отвечая. Пришлось до боли закусить губу, чтобы только сдержаться: не встать и не протянуть жадно руку в стремлении коснуться.

В груди болезненно заскулило, словно оставленный на улице щенок, отчаянно и жалобно. Там, на выщербленном от времени столе, лежат камни светлых. И, возможно, один из них мог бы занять место в моем кольце. Неважно, какой именно — пусть даже янтарь. Но свой. Теплый.

— Вот они — камни детей солнца. Рассмотрите их, — магистр Роун собрал драгоценности жилистой ладонью и передал ближайшему лернату.

Бриар — полноватый халцедон с круглыми, как у рыбы, глазами — едва не затрясся от страха, принимая камни.

Артиэлл усмехнулся.

— Не бойтесь, лернат, они не причинят вам вреда.

Бриар зыркнул недоверчиво, но уже смелее ткнул пальцем в рубин.

— Вам нужно научиться распознавать их. Отличать от десятка похожих, чтобы не спутать. На следующих занятиях мы подробнее остановимся на каждом из камней. А пока просто изучайте их. Ощутите идущий от них жар.

Бриар передал драгоценности дальше.

— Интересный факт, — продолжил меж тем Акель Роун. — Вы ведь помните, что когда впервые коснулись родительского кольца, то камень в нем отозвался свечением? Красиво было, правда?

Лернаты закивали и заулыбались.

Тем временем все четыре камня перекочевали дальше — к Кигану. Тот с восторгом уткнулся в них едва ли не носом.

— Подобное случается лишь однажды, при первом прикосновении. По легенде, так Полуночная Матерь приветствует тьму, живущую в каждом из ее детей.

Покрутив в пальцах драгоценности, Киган передал их Ллосе.

— У светлых, по слухам, происходит то же самое: стоит ребенку солнца впервые коснуться любого из камней силы, как тот начинает светиться.

Слова магистра отозвались во мне дрожью. Теперь я смотрела на драгоценности не с восторгом, а со страхом, понимая: они меня выдадут. Мне нельзя к ним притрагиваться.

В груди ухнуло.

— Лэйни, держи, — Ллоса улыбнулась и протянула мне четыре мерцающих камня.

ГЛАВА 31

Сердце забилось быстрее. Что делать? Что мне делать?

Я не могу отказаться взять камни — это вызовет вопросы. Не могу воспользоваться силой, чтобы избежать с ними контакта, — магистр Роун наверняка почувствует темный всплеск. Не могу изобразить неуклюжесть — в лицедействе я не сильна, а любое переигрывание выдаст мои страхи с головой. Так как же быть?

Ответ пришел неожиданно — вместе с оглушающим треском, раздавшимся под потолком. Все невольно поморщились и посмотрели на оживший сталактит. Края его раскрылись, будто полы плаща, и оказалось, что это крылья — серые, каменные, выщербленные. А за ними, скрытая будто в коконе, спала тощая горгулья с вытянутой собачьей пастью.

— Лерната Илэйн Дельвар, — скрипуче произнесла статуя. — Вам следует незамедлительно пройти в кабинет директора Мак-Фордин.

Обведя помещение хмурым взглядом, она задержала его на мне и оскалилась.

— Незамедлительно, лерната, — это значит без промедлений. И хлопанье ресницами, глядя на красивейшего из посланников, не входит в трактовку этого понятия, — хмыкнула она. А затем, не прощаясь, сложила крылья, вновь заковывая себя в кокон, и обратилась сталактитом.

Я вопросительно посмотрела на магистра Роуна.

— Да, нам повезло приютить в этом зале самую скромную горгулью, — улыбнулся он. — Но она права, не стоит заставлять директора ждать. Поспешите.

Кивнув, я поднялась из-за стола и покинула пещеру.

На удивление, волнения не было. То ли страх перед возможным разоблачением не оставил места для других эмоций, то ли я просто устала бояться. Что бы ни задумала Мак-Фордин, она давно ищет возможности на меня надавить. Осталось лишь узнать, в чем причина сегодняшнего вызова.

У двери с прямоугольной табличкой из черного серебра я остановилась. Оправила платье, волосы, распрямила плечи и уверенно постучала. Дождавшись разрешения, вошла.

Алира Мак-Фордин, как и в первую нашу встречу, сидела за столом. Снова безупречный внешний вид, дорогое платье с плотным тиснением на ткани, украшения… Изменился взгляд: из него исчезли фальшивая забота и доброжелательность.

— Садись, Илэйн, — голос тоже зазвучал иначе: сухо, колюче.

Я почтительно поклонилась, одновременно выражая

приветствие и благодарность за приглашение, потом заняла предложенное место.

Заговаривать директор не спешила. Смотрела на меня пристально, будто оценивая, и задумчиво постукивала по столешнице длинными ногтями. Звук получался опасным, хищным, словно скрежет когтей смертоносной твари. Стало неуютно. Захотелось сжаться, обхватить себя руками в попытке защититься, но я не пошевелилась. Так и осталась сидеть с идеально прямой спиной, уверенно встречая прищуренный взгляд фиолетовых глаз.

— А ты не так проста, как кажешься, — наконец произнесла Мак-Фордин. — Я думала, тобой движет страх, но сейчас вижу гордость, упорство, верность принципам. Сильные качества. Северяне их ценят… Если, конечно, их выбор продиктован сердцем.

Я напряглась, начиная догадываться о причинах вызова.

— Сегодня с утра мне поведали крайне занимательную историю, — неспешно, растягивая гласные, продолжила директор. — Знаешь, о чем она? Об одной дерзкой халцедоне, что презрела устои академии и приворожила наследника северного дома. Она вынудила мэлу, меняющую нефритам белье, пропитать наволочки Хэйдена Морроубрана зельем лунного сердца. Это запрещенный уровень магии, лерната. И если воздействие на Морроубрана подтвердится, тебе придется ответить за свои действия не только перед академией, но и перед законом Лунной империи.

Мозаика произошедшего складывалась быстро — быстрее, чем говорила Мак-Фордин. Перед мысленным взором возник образ Ламии, стоящей в этом же кабинете, а следом за ним — запуганной мэлы, подтверждающей каждое слово. Сапфира не забыла моего вмешательства и не простила пережитого унижения, когда десятки лернатов потешались над ней и ее представлением.

— Я никогда не пыталась приворожить Хэйдена Морроубрана, — ответила твердо. — И никого не запугивала. Я белый халцедон, директор, моих сил не хватит, чтобы напитать зелье лунного сердца.

— Ты могла попросить о помощи, — легко возразила Мак-Фордин. — Соврать, о каком зелье идет речь, и насытить его чужой силой.

— Вы меня переоцениваете, — я покачала головой.

Стук в дверь заставил директора отвлечься и глянуть поверх моего плеча.

Тихий скрип и звук шагов дали понять, что приглашенный вошел. А потом все внутри меня перевернулось, стоило услышать:

— Яркой вам луны, артиэлла.

Хватило секунды, чтобы узнать голос. Крутанувшись в кресле, я с волнением встретила спокойный взгляд.

Хэйден.

Он не поприветствовал меня вслух, но я готова поклясться собственной нитью, что в глубине зеленых глаз мелькнула молчаливая поддержка. И от нее на душе потеплело.

Дождавшись приглашающего жеста, Хэйден занял свободный стул, без лишних эмоций выслушал обвинения в мой адрес, а затем, не говоря ни слова, принялся закатывать левый рукав кителя.

— Вы настолько уверены, что не подвергались воздействию? — с удивлением уточнила директор.

— Абсолютно. Прошу вас, приступайте.

Я не понимала, что собирается делать Мак-Фордин, однако чувствовала повисшее в кабинете напряжение. Постепенно, капля за каплей, оно передавалось и мне, рождая в душе беспокойство и предчувствие недоброго.

Артиэлла выдвинула ящик стола и вынула оттуда деревянную коробку. С приглушенным шорохом сдвинула крышку и достала артефакт: небольшой, вытянутый овалом и покрытый десятками ритуальных символов. Я успела разглядеть лишь два из них — *Истина и Сердце,* — прежде чем Хэйден сжал артефакт в руке.

Мак-Фордин тем временем взяла длинную цепочку, прикрепленную к артефакту, и уложила ее свободный конец на предплечье Хэйдена. Я разглядывала крохотного паучка с серебряными лапками и горящими глазами-опалами. Что удивительно, я не увидела соединения между звеньями цепочки и паучком. Казалось, они были одним целым, выплавленным одно в другое.

Внезапно паук ожил и одним молниеносным движением вонзил серебряные лапки в мужскую руку. Опалы замерцали. В воздухе запахло кровью.

Хэйден сидел все с тем же бесстрастным выражением лица, наблюдая, как артефакт медленно вгрызается в его тело, как начинает мерцать цепочка, а между его сжатыми пальцами пробивается тусклый свет.

Как только свет полыхнул ярче, Хэйден разжал ладонь и позволил нам увидеть налившийся багрянцем камень, внутри которого черными вихрями закручивалась тьма. Десятки символов пульсировали, словно биение сердца, и с каждым разом вспыхивали все сильнее.

— Этого достаточно, директор? — с вежливым интересом уточнил он.

Мак-Фордин все это время хмурилась, не сводя взгляда с артефакта. Услышав вопрос, она едва заметно тряхнула головой, будто выныривая из размышлений, и провела ладонью над пауком. В следующий же миг тот расслабил лапки и замер на покрытой кровавыми разводами коже. Опаловые глаза потухли.

— Благодарю, артиэлл, — кивнула она.

Сделала быстрый пасс, очищая артефакт, и дала Хэйдену возможность стянуть края раны. Укол ревности напомнил мне о силе нефритов и их уровне владения сангрологией, но я быстро задавила неуместное чувство. Сейчас важнее другое.

— Что… что это было? — спросила я осторожно.

Мак-Фордин улыбнулась, фальшиво и приторно.

— Это доказательство вашей невиновности, лерната. И в таком случае, полагаю, вопрос можно считать закрытым…

— Не совсем, директор, — мягко, но настойчиво возразил Хэйден. — Я бы хотел узнать, чем вызван столь пристальный интерес к моей избраннице? Не заметить его нельзя, — добавил он, опережая готовую заговорить Мак-Фордин. — Северные дома вот уже три поколения поддерживают академию. Мы же выступили за сохранение ее автономии, когда столица жаждала вмешаться во внутренние дела академии. Будет очень жаль лишиться доверительных отношений, выстроенных на протяжении стольких лет, из-за недомолвок.

Тон Хэйдена оставался учтивым, выражение лица — вежливо-обеспокоенным, но за всей этой куртуазностью я слышала угрозу. И, судя по всему, Мак-Фордин тоже ее почувствовала. На красивом лице мелькнула тень настороженности, но уже в следующий миг в голос артиэллы вернулась привычная патока.

— Интерес действительно есть, вы верно подметили. Но вызван он не личностью вашей избранницы, а той ситуацией, в которую она оказалась вовлечена.

Я напряглась.

— В первый день пребывания в этих стенах, — Мак-Фордин грациозно взмахнула кистью, и камни перстней блеснули, ловя свет масляных ламп, — сэлу Дельвар втянули в пари. Вам наверняка об этом известно, — добавила она слащаво.

Хэйден не дрогнул даже мускулом. Все с той же маской вежливого расположения кивнул и, будто этого недостаточно, подтвердил вслух:

— Да, Илэйн упоминала. Однако в детали вдаваться не пожелала. Полуночная Матерь не наградила мою избранницу силой, но щедро компенсировала это достоинством и честью.

Уголки губ Мак-Фордин на мгновение дернулись вверх, но тут же вернулись к обычному положению.

— Тогда я возьму на себя смелость поведать о случившемся. Вы ведь не против?

Директор впервые обратилась ко мне уважительно, на «вы». Судя по всему, напоминание о моем статусе — избранницы будущего главы одного из северных домов — заставило Мак-Фордин отказаться от излишнего высокомерия.

Поймав ее вопросительный взгляд, я кивнула.

— Илэйн вынудили нарушить порядок на занятии по зельям и снадобьям. К счастью, магистр Дис-Рона успела вовремя заметить вступившее в действие проклятие. Она догадалась о пари и попыталась дотянуться до отклика.

— Ощутить силу наложившего, — понимающе кивнул Хэйден.

— Верно. Сила оказалась незначительной. Но насторожило другое — Иштар почувствовала отголоски светлой силы, — Мак-Фордин вздохнула. — Я полагаю, что втянувший вашу избранницу в пари и есть тот светлый, который проник в академию под личиной дитя ночи. Однако Илэйн отказалась называть имя проклявшего ее. Он запугал вас?

Мне снова достался внимательный, полный фальшивой заботы взгляд. Я не ответила.

— Боюсь, артиэлл, вашу избранницу действительно запугали. Либо… — высокий лоб изрезали морщины, — либо прокляли на молчание. И в таком случае, — директор нахмурилась сильнее, — мы не знаем, что может произойти, если Илэйн назовет имя проклявшего. Особенно если предположить, что это действительно дело рук светлого.

Удерживать на лице бесстрастное выражение становилось все сложнее. Интерес Мак-Фордин обрел причины, но вместе с тем я мысленно содрогалась от смеха — меня причислили не к подозреваемым, а к возможным жертвам! Может, я поспешила, решив, что Полуночная Матерь меня ненавидит? Кажется, у нее очень своеобразное чувство юмора.

— Я обеспечу безопасность Илэйн, — спокойно произнес Хэйден. Его голос звучал буднично, без ненужной патетики и драмы. Но именно за такой расслабленностью чувствовалась настоящая уверенность. — И приложу все силы, чтобы помочь академии отыскать отродье светлых.

— Благодарю, артиэлл. Если вам удастся что-нибудь обнаружить, свяжитесь со мной или Еордином.

— Непременно. Мы можем идти, директор?

Нас отпустили. Однако ни Хэйден, ни я не вскочили с мест и не поспешили прочь. Вместо этого мы двигались неторопливо, почти вальяжно. Следуя нашей легенде, я опустила ладонь на

обтянутый кителем локоть и ощутила прокатившуюся по коже волну жара. Пальцы дрогнули.

Может, убрать?

Будто почувствовав мое смятение, Хэйден накрыл мою ладонь своей и успокаивающе сжал. Он не повернулся ко мне и не заговорил, но молчаливая поддержка была красноречивее любых слов. И я, доверившись, не отняла руки.

Даже покинув кабинет директора, мы не разомкнули прикосновение — так и шли, касаясь друг друга. Оба хранили молчание. Лишь когда магистерский корпус остался позади, я не выдержала.

— Что это был за артефакт? — спросила, не скрывая любопытства. — Что он показал?

— Что на мою волю никто не влиял, — с ухмылкой отозвался Хэйден, но, видя мое недовольство, добавил: — Это артефакт чистого сердца.

— А почему паук?

— Говорят, у создавшего его нефрита в маскотах был именно он. Да и в принципе тот колдун питал к паукам определенную слабость. Символ не важен. Важен камень.

Я собиралась задать очередной вопрос, настоять на пояснении результатов, но Хэйден меня опередил:

— Что случилось у Дис-Роны?

Поморщившись, я все же поведала ему историю про ящериц. Умолчала лишь об Эвис. Пока я не знала, могу ли доверить Хэйдену все свои тайны, и рисковать понапрасну не собиралась.

Он выслушал мой рассказ спокойно, лишь в самом конце неодобрительно качнул головой.

— Я помню тебя в тот день. Заметил идущей по коридору. Ты шаталась. По правде сказать, ты с трудом держалась на ногах, но твои упрямство… и гордость… Думаю, именно они заставили меня подойти, — жесткие губы дрогнули в улыбке. — Тебе едва хватало сил, чтобы не свалиться, но за собственную гордость ты была готова биться до конца. Мне нравилось наблюдать за тобой, дразнить… но я даже не подозревал, что ты испытываешь откат от собственного проклятия.

— Оно было слабым, — я пожала плечами, чувствуя себя неловко. Раньше меня не хвалили. — Даже неполный четвертый уровень. Обидно расклеиться от такой мелочи.

— Ты не понимаешь? — Хэйден посмотрел на меня с недоверием. — Каждый раз, проклиная себя, ты переживаешь два отката: первый — за использование чуждых заклинаний, второй — от самого проклятия. И оба усиливает твоя природа. Немногие бы выстояли против такой атаки тьмы, а ты держалась…

Я снова пожала плечами. Робость и неуверенность накатывали все сильнее. Шагая рядом с Хэйденом, я искоса на него поглядывала и все пыталась понять: какой он?

Холодный и неприступный, как истинный северянин? С тяжелым взглядом, который я так часто ловлю на себе? Или заботливый, готовый защищать… Горячий?

Хэйден казался загадкой. Его опутывает кокон жутких слухов, и стоит лишь прислушаться к ним, как каждая частица моей души требует держаться от колдуна как можно дальше. Но в то же время своим поведением, своей готовностью оберегать и принимать на себя удар за нас двоих он заставляет усомниться в каждом услышанном слове.

Я не могу так! Не могу жить в безвестности, теряясь в догадках! Мне нужна правда. Любая, даже самая неприятная.

— Я должна знать, — произнесла твердо, едва мы вошли в Корпус Норхарда.

Хэйден остановился и смерил меня внимательным взглядом.

— Спрашивай. Я никогда не врал тебе. Не совру и теперь.

— Ту халцедоновую ведьму… ты действительно убил ее?

Я замерла, ожидая ответа. Сердце билось испуганно, нервно.

Сейчас все решится. Всего одно слово определит, могу ли я верить Хэйдену, осмелюсь ли вручить собственную судьбу и последовать за ним, как слепой за поводырем.

Да или нет.

Два слова замерли, словно чеканка на двух сторонах монеты, подброшенной в воздух. Когда она упадет, все обретет ясность. Но сейчас я видела невидимые грани, прокручивающиеся, кувыркающиеся; видела пойманный ими свет и пущенные солнечные блики моей надежды.

Ожидание, отчаяние, вера в лучшее — каждая эмоция вплелась в мою суть, как нити в полотно Полуночной Матери. Они стали мной, а я ими.

Момент, когда Хэйден разомкнул губы, собираясь ответить, я ощутила едва ли не кожей. Подалась ближе, заглянула в глаза и внутренне содрогнулась, увидев в них холодную решимость.

— Да, Илэйн. Я действительно ее убил.

ГЛАВА 32

Да — такое короткое слово: всего две буквы, одно движение языка… и одно раздавленное сердце в груди доверчивой халцедоны. Права была Мойра: я слишком наивна. А может, даже глупа, раз до сих пор надеюсь на лучшее. Надеюсь, что Хэйден не имел в виду то, что сказал. Что он не убил ее, а не смог спасти и винит себя в этом. Что есть причина — убедительная причина! — которая бы все объяснила…

Я скользила взглядом по его лицу с немым отчаянием — будто утопающий в поисках спасительной соломинки.

— Убил?

— Да. Сознательно. Призвал силы севера и избавился от ведьмы так, чтобы не оставить следов.

Его голос прозвучал тихо, но твердо. Хэйден не оставлял возможности понять его неправильно — он будто насильно вталкивал в меня пугающую правду.

— Но за что? — выдохнула я, еще сильнее подаваясь вперед.

Я не пряталась за масками — стояла перед ним с открытой душой, будто нагая, и позволяла видеть все: мое смятение, страх, боль, упрямое неверие… Хэйден же, напротив, ушел в себя — ощетинился, словно горы, укрывшиеся колючей метелью.

— За мою оплошность. Я решил, что она светлая. Мне *хотелось,* чтобы она ею оказалась. Но я ошибся. И ради сохранения тайны северных домов мне пришлось ее убить.

— Ты… жалеешь?

— Что поспешил с выводами и открылся? Да. Что убил? Нет. Я сделал то, что следовало.

— Неужели не было иного выхода? Повлиять на память, проклясть на молчание, похитить ее в конце концов!

Уголок его рта дернулся в горькой усмешке.

— Если бы время было, я бы непременно использовал другой способ, клянусь обоими покровителями. Но времени не было, — Хэйден устало поморщился. — Она собиралась рассказать обо всем Мак-Фордин. Надеялась таким образом выслужиться, получить покровительство директора. Может, даже мечтала сменить кольцо на изумрудное… Хотя последнее совсем уж глупость, но кто знает, что творилось у нее в голове? Едва узнав тайну северных домов, она побежала в магистерский корпус. Мне пришлось действовать быстро.

Я закусила губу, обдумывая услышанное. Хэйден тоже не спешил нарушить повисшее молчание. Оно окутало нас, словно тугой кокон, давило на плечи и грудь, мешало вздохнуть. И в нем

я будто издалека услышала голос Мойры, предрекающий мне печальную участь.

— Скажи, а меня ты мог бы убить?

— Я бы сделал все, чтобы этого не пришлось делать. Но если бы ты не оставила мне выбора… да, мог бы.

Честность Хэйдена ударила под дых. Я шумно выдохнула и прикрыла веки, не в силах и дальше выносить его пристальный взгляд.

— Мы оба храним тайны, которые касаются не только нас с тобой, и рисковать ими мы не имеем права.

Я понимала, о чем он говорит. Если раскроют меня — пострадает род Мак-Мора. Если узнают секрет Хэйдена — удар придется сразу на несколько северных домов. Все логично. Все оправдано… наверное.

Смутная тревога поселилась в душе и настойчиво заскреблась под сердцем. Еще вчера предсказание звезд казалось ошибочным, сейчас я в нем почти не сомневалась. И крепнущая с каждой секундой уверенность пугала до дрожи.

— Я пообещал тебе защиту, Илэйн. И я сдержу слово. Но если ты решишь, что моя помощь тебе не нужна, я не стану навязываться. У северян тоже есть гордость. Подумай, и как решишься — дай знать.

Сказав это, Хэйден развернулся и зашагал прочь. Он вновь оставил решение за мной, был готов принять любой мой выбор. Но только сделать его стало как никогда сложно.

* * *

Следующим занятием шли твари и маскоты. Первые четыре луны — до зимних праздников — мы изучали их ареалы, виды, классификации и возможное использование органов в приготовлении зелий или проведении ритуалов. Практические же занятия должны начаться после праздников.

Магистр Ламар Бранвен уже разменял шестой десяток, но выглядел моложе своих лет. В густой черной шевелюре почти не виднелось седины, миндалевидные глаза видели остро. Слухом артиэлл мог посоперничать с летучими мышами — Бранвен слышал даже самый тихий шепот, поэтому на его занятиях лернаты не рисковали переговариваться.

Вот и сегодня, едва зайдя в светлое помещение под стрельчатыми сводами, мы молча расселись по местам и посмотрели на магистра. Высокий, поджарый, словно гончая, с длинным носом и узкими губами. Волосы привычно стянуты

черной лентой в хвост, доходящий до лопаток. Дорогой костюм, расшитый шелковыми нитками шейный платок и начищенные до блеска туфли. Ламар Бранвен выглядел столь же безупречно, сколь и опасно. Без сомнения, он относится к темным, вышедшим из древних родов. И гордость за собственное происхождение и черный, как самая южная ночь, цвет нефрита в перстне сквозит в каждой черте его внешности.

— Яркой вам луны, лернаты, — мелодичным, но неприятно холодным тенором поприветствовал Бранвен. — Сегодня мы поговорим о новой твари…

Заявление сюрпризом не стало. Так уж повелось, что занятия магистр чередовал: одно посвящал изучению маскоты, другое — твари, а следующее — снова маскоте. Иногда об одном и том же звере мы говорили два занятия подряд, рассматривая его и как тварь, и как маскоту.

Твари — или чудовища — несут в себе опасность. Хищные, в большинстве своем агрессивные, они ценятся за органы, шкуру или рога — то, что можно использовать в ритуалах или зельях. В маскотах главное — их преданность и умение накапливать и усиливать мощь хозяина.

Ламар Бранвен выдвинул ящик стола, достал оттуда вытянутый, словно яйцо, камень серо-зеленого цвета и поместил его в серебряную ячейку в верхнем углу столешницы. Активирующее заклинание пробудило заключенную в камне память, и уже через секунду перед нами завис образ чудовища.

Огромный, размером с тяжелоупряжную лошадь, монстр стоял на четырех лапах. Вытянутая пасть скалилась, щеря острые треугольные зубы. Серо-зеленую, будто грязь на болоте, кожу почти не покрывала шерсть. Она была лишь в нескольких местах: шла широкой полосой ото лба до середины спины, по задней стороне мощных лап и от середины хвоста до самого кончика. Толстые мутно-желтые когти выглядели устрашающе. Точнее, все в облике этого зверя пугало до дрожи. Словно каждый его сантиметр создавался Полуночной Матерью лишь с одной целью — убивать.

— Это кайрош, — произнес Бранвен, с усмешкой поглядывая на замерших напуганными совятами лернатов. — Одна из самых опасных тварей, обитающих на территории Лунной империи. Умный и беспощадный зверь. Если когда-нибудь вам доведется с ним встретиться, то самое разумное, что вы можете сделать, убить себя. Сбежать от кайроша почти невозможно, если только у вас нет метлы, способной подняться выше деревьев — по которым, кстати, кайрош прекрасно карабкается. И не надейтесь на быструю смерть — эта тварь убивает мгновенно только когда

кра-а-айне голодна. В остальных случаях она наслаждается страхом и агонией жертвы.

— М-магистр? — голос Бриара дрогнул. — Вы сказали, что кайрош умен. То есть умен… для животного?

— Писать он точно не умеет, — с усмешкой отозвался артиэлл. — В остальном сложно сказать точно. Он умнее большинства зверей: способен понимать нашу речь, строить сложные логические цепочки, оценивать ситуацию, находить оптимальные решения. В свое время находились отчаянные храбрецы, готовые положить жизнь ради изучения кайрошей. Что ж, они ее и положили. Но кое-что им все-таки удалось узнать. Например, почему так трудно встретить кайроша в дикой природе…

— И почему же? — не утерпела Айлора.

— Они меняют обличил. Любой из кайрошей может обратиться, предположим, мышью или пауком, котом или лошадью — вариантов множество. Доподлинно неизвестно, но большинство свидетельств фиксирует превращение кайрошей в наземных животных. Об обращении в птиц записей нет.

— Но тогда почему они не пожрали всех? — вновь подал голос Бриар.

— Кайроши не убивают без необходимости. Нападают только в случае голода или ради защиты потомства. Все остальное время они проводят в обороте, избегая таким образом отрядов охотников. В кайроше ценится почти каждый орган, каждая кость. Одному колдуну против него не выстоять, но десяток может одолеть опасную тварь. Так что кайроши предпочитают оставаться незаметными. Я же говорю: умные твари, — хмыкнул магистр.

— И не существует способа выяснить, кто именно перед тобой: безобидное животное или опасная тварь?

— Почему же? Вы всегда можете раздразнить вызвавшее сомнения животное. Если под привычным обличием скрывается кайрош, он начнет топать, выдавая негодование… или сразу разорвет вас на куски.

— Топать? — переспросила я тихо, но магистр услышал. Повернулся ко мне и посмотрел снисходительно.

— Да, лерната. Если верить записям тех смельчаков, что умерли ради знаний, то кайроши предпочитают именно этот способ выражения эмоций. Собственно, поэтому их второе название — «топающая смерть».

Я смотрела на Бранвена и с ужасом понимала, что знаю одно не в меру умное, любящее топать создание.

ГЛАВА 33

Остаток дня показался бесконечным. Обед в шумной компании мэлов, занятия по темной воле и следующее за ним — по зельям. Мысленно я подгоняла каждый миг. Мне хотелось возвратиться в свою комнату и поговорить с Эвис — вызнать, верна ли моя догадка, или то лишь удивительное совпадение.

Едва вечерний колокол возвестил о начале ужина, я подскочила, намереваясь сбежать, но Ллоса поймала меня под руку и уверенно потянула в трапезную.

— Потом успеешь намиловаться, сначала поешь!

В своем решении подруга была непреклонна. Да и Морриган с Киганом активно ее поддержали. Пришлось уступить. Вместе с мэлами я получила порцию тушеных грибов с картошкой, кружку горячего вина с медом и заняла привычное место.

Ужин проходил спокойно. Мэлы вновь перешучивались, я искоса поглядывала в сторону нефритов. Пусть со своим отношением к Хэйдену я не определилась, противиться желанию увидеть его оказалось выше моих сил. Меня тянуло к нему, словно замерзающего путника к видневшимся вдалеке огням дома. И лишь страх перед возможным будущим не позволял поддаться этой странной, непонятной мне слабости.

Однако первым, кого я заметила, стал не Хэйден, а Шантар. Тот держался упрямо, гордо, будто и не он вовсе признавался вчера в своей слабости. Однако теперь, зная об изматывающей борьбе, которую он ведет сам с собой последние месяцы, я видела оставляемые ею следы: тени под глазами, хмурые морщинки в уголках губ, усталый взгляд.

— …Я думаю, мы должны попробовать. Если получится его приготовить, в нашем запасе окажется зелье совсем другого уровня!

Голос Ллосы звучал приглушенно, словно фоном. Я почти не вслушивалась, сосредоточившись на Ардене. Однако следующая фраза заставила меня переключить все внимание на подругу:

— Насчет книги не переживайте. Я могу достать почти любую.

— Как это? — удивилась я.

Ллоса мельком огляделась и наклонилась ближе.

— Помнишь, я рассказывала про Кайлора? Моего двоюродного брата, поймавшего проклятие?

Я кивнула.

— Он в этом году выпускается. Четвертый год, понимаешь? — ее глаза горели восторгом. — Ему дают любые книги в

библиотеке!

— Так вот как ты умудрилась написать то эссе по тонкостям использования жабьих и лягушачьих лап в зельях! — воскликнул Киган, и Ллоса поспешно на него шикнула. — Этого ведь не было в выданных нам книгах! — добавил он тише. — Я проверял!

— Ну-у да, — смутилась она, однако уже в следующую секунду вскинулась. — Я не нарушила ни одно правило! И вообще, это только ради знаний! *Лерн-а-тэ* — учусь у тебя. Вот я и учусь! А ты, если такой зануда, можешь не пробовать усиленное зелье восстановления.

Киган растерялся, глядя на пыхтящую, словно закипающий чайник, подругу.

— Прости, Ллос. Если Кайлор правда готов тебе помогать, то… ну… это здорово. И новое зелье в арсенале нам точно не помешает.

— А мы сможем его насытить? Все же совсем другой уровень, — усомнился Морриган.

— Думаю, если делать это не одному, а хотя бы вдвоем, то должно получиться.

— Кайлору можно доверять? — спросила я.

Ллоса кивнула.

— Он халцедон. И, как говорит сам Кайлор, если годы в академии чему его и научили, так это тому, что халцедоны должны помогать друг другу. Так что на этот счет можете не переживать, Кай нас не выдаст.

— Тогда я согласен, — улыбнулся Киган.

Морриган тоже высказался в поддержку идеи. За ним я.

Вот только интересовало меня не зелье. Точнее, не столько оно, сколько возможность заполучить книгу по лунным ритуалам. Оставался лишь один вопрос: как убедить Ллосу попросить Кайлора мне помочь, не раскрывая всех причин?

После ужина я поспешила к себе. Уже привычно, почти не замечая высоты, взлетела на восьмой этаж и нырнула за ставшую родной дверь.

— Эвис? — позвала я.

Заслышав мой голос, маленькая проныра вылезла из-под кровати и радостно засеменила навстречу. Я присела, подставила ладони, дождалась, когда ящерица заберется на них, и переместилась к кровати.

— Эв… — начала я и замолчала.

Стало страшно. А вдруг в теле ящерицы действительно скрывается кайрош? Вдруг, поняв, что его секрет раскрыт, он обернется, сожрет меня, потом вновь примет безобидный вид и спрячется, например, в северном хранилище? Крыс, а значит и

еды, там много. Посетителей же, напротив, почти не бывает. Чем не идеальное убежище?

Видя мои сомнения, Эвис мягко переступила лапами и вопросительно задрала мордочку.

— Эв, ты… не убьешь меня?

Второй раз за день я задаю этот вопрос. И, что самое обидное, спрашивать приходится тех, кому бы я хотела доверять безоговорочно.

Зеленая голова склонилась к плечу. Судя по всему, начало беседы озадачило маленькую хищницу.

— Ты ведь кайрош, верно?

Эвис ощутимо напряглась. Томительно долго вглядывалась в мое лицо. И наконец медленно, с видимым недовольством топнула правой лапой.

Да.

Сердце забилось быстрее.

— Но кайроши — создания Полуночной Матери, верно? Они темные по сути.

Топ.

— А у тебя имя светлой. И ты привела меня к метле светлых, — принялась я рассуждать вслух.

Топ.

— То есть ты… светлый кайрош?

Эвис закатила глаза. Потом снова посмотрела на меня, подняла переднюю лапу и застыла. Она в открытую потешалась надо мной: специально не торопилась отвечать, вынуждая озвучивать все новые догадки. Я хмыкнула.

— Ты светлая?

Топ. Топ.

— Темная?

Топ. Топ.

Хм, интересно.

— Ты как я?

Топ. Топ.

— Как Сельва?

Топ.

Топ. Топ.

Я застонала.

— Да ты издеваешься надо мной!

Моей руки дважды коснулась маленькая лапа. Причем сделала это до крайности возмущенно. Улыбнувшись, я нежно провела пальцами от зеленой макушки до середины спинки.

— Прости. Знаю, что ты не можешь сказать прямо. Это у меня не получается угадать.

Эвис ласково ткнулась мордой мне в ладонь.

Я не чувствовала опасности от своего приемыша. Знала, что она есть — обязана быть! — но не ощущала даже ее тени. С самого начала Эвис вела себя дружелюбно: помогала мне, переживала, поддерживала морально. И может, я спешу с выводами, но мне очень хотелось ей верить. Хотя бы ей. Без опаски, без сомнений. Как самой себе.

— Ты лучшая, Эв, — произнесла я тихо.

Внезапно она заурчала. Звук получился гортанным, низким, но очень ласковым. И в нем я услышала гораздо больше, чем можно выразить словами: искреннюю симпатию, надежду и такое же желание доверять, какое испытываю я сама. В Лунной империи я — светлое отродье, Эвис — безжалостная тварь. Но друг для друга мы стали кем-то большим… настоящим. Почти семьей.

— Я никому не дам тебя в обиду, — заверила решительно. — Ни здесь, ни среди светлых, если нам удастся бежать. Обещаю.

Эвис насмешливо склонила голову набок и вновь ласково потерлась о мою ладонь. Наверное, я опять забегаю вперед, но в ее взгляде мне почудилось такое же обещание. Молчаливое, но бесконечно искреннее.

* * *

Этой ночью я двигалась особенно осторожно. Ступала почти бесшумно и, прежде чем повернуть, плела слабый «ведьмин глаз» — простейшее заклинание, помогающее убедиться, что проход чист. Мне не хотелось повторить ситуацию с Ламией, заметившей меня в прошлую ночную вылазку. Но, к счастью, сегодня коридоры были пусты.

Оказавшись в северном хранилище, я спустила Эвис на пол, проводила взглядом ее и сбегающую в панике крысу и зашагала к нише.

— Привет, Сельва, — я коснулась древка и улыбнулась, почувствовав волну тепла в ответ. — И я соскучилась. Как ты?

Новый отклик получился робким, почти виноватым — Сельва явно вспомнила нашу прошлую вылазку и то, чем она обернулась.

— Не переживай, — я огладила черенок. — Главное, никто не пострадал. Но пока давай продолжим тренироваться в хранилище?

Идея метле явно пришлась не по нраву, но все же она согласилась. Я села на ящик и принялась осторожно, едва ли не по капле делиться светом. В прошлый раз мы обе поспешили, но больше рисковать я не стану. Пока не буду уверена, что тьма

Сельвы под контролем, — никаких полетов вне хранилища.

Время здесь текло медленно. Возможно, так казалось из-за гнетущего флера тьмы, которым пропитался каждый сантиметр пространства, а возможно, все дело в обычной усталости: последние месяцы я редко спала больше четырех-пяти часов за ночь.

Внезапно, вырывая из ленивых раздумий, ко мне подбежала Эвис и начала взволнованно приплясывать на месте. Отпустив древко, я подхватила ящерицу на руки и с беспокойством вгляделась в ее мордочку.

— Ты что-то нашла?

Топ. Топ.

Впервые ответ Эвис прозвучал настолько быстро, почти нервно.

— Ты…

Топ. Топ-моп-моп. Топ!

Я замерла, хмурясь. Что происходит?..

Ответом стал приглушенный скрип открывающейся двери.

Сунув Эвис в карман платья, я схватила метлу и вместе с ней вжалась вглубь ниши, мысленно молясь Полуночной Матери, чтобы нас не заметили.

Кто-то вошел. Закрыл за собой дверь и медленно, будто оглядываясь или прислушиваясь, зашагал вдоль стеллажей. Шорох подошв о каменный пол слышался все отчетливее. Кажется, я могла даже уловить звук перекатываемых под чужими туфлями камешков: крохотных, размером с рисовое зернышко. Жаль только, что понять, какие это туфли — мужские или женские, — не удавалось. Разглядеть вошедшего — тем более.

Я видела лишь скрытую капюшоном голову, мелькающую в просветах между захламленными полками стеллажей. Из-за приглушенного света даже цвет накидки не получалось определить. То ли темно-коричневый, то ли темно-фиолетовый, то ли синий, то ли… Слишком много «то ли», чтобы гадать впустую.

Прижимаясь спиной к холодной стене, я даже дышала через раз. Если бы могла — заставила бы сердце биться размереннее и тише. Эвис замерла в кармане и, судя по всему, вместе со мной прислушивалась к окружающим звукам.

Вошедший приближался к нише. Шорох его шагов звучал все громче и будто отдавался эхом у меня в груди. Хотелось зажмуриться, закрыть уши руками, чтобы только не видеть плывущий в полумраке капюшон и не слышать пугающий до стылых мурашек звук.

Я делала так в детстве, когда просыпалась по ночам от

очередного кошмара.

Мне не разрешали оставлять зажженной лампу, и единственный свет, который проникал в холодную комнату, был лунный. Он рождал глубокие кривые тени, тянущиеся по полу, словно десятки жадных рук. Ветер шевелил густые кроны за окном, и тени на полу приходили в движение.

Подтягивая колени к груди, я вцеплялась в них напряженными пальцами и неотрывно следила за живым полумраком. Вздрагивала, стоило ветке тополя заскрести по старой раме, и сжималась еще сильнее. Иногда в такие моменты я закрывала глаза и сдавливала уши руками, наивно полагая, что если я не вижу ужаса, то и ужас не увидит меня.

Со временем я перестала прятаться от собственных страхов. Однако сейчас старая, казавшаяся забытой привычка вновь дала о себе знать. Только на этот раз я не поддалась ей.

Застыв статуей, я следила за приближающимся незнакомцем. Он остановился совсем близко — всего в паре метров! — с тихим стуком опустил что-то на полку, щелкнул замком, принялся что-то доставать… Я не видела, что именно. Слышала приглушенный перестук, затем более громкий, словно что-то выкатилось на деревянную полку. Снова щелчок замка и шаги. Только на этот раз не в мою сторону, а к выходу. К выходу!

Уходил незнакомец так же неспешно, осторожно. Уже у самой двери, судя по звукам, он замешкался, а еще через семь ударов моего взволнованного сердца покинул хранилище. Я медленно выдохнула через нос. Выждала добрых две минуты и лишь затем, отставив Сельву, опасливо покинула нишу. Погладила Эвис, высунувшуюся из кармана, и тихо, на цыпочках, подкралась к тому месту, у которого стоял незнакомец.

Сначала я увидела четыре отметины, оставшиеся, по-видимому, от треугольных ножек ларца. Ларца, который кто-то принес, а потом забрал с собой? Но зачем?

Ответ я нашла, едва посмотрев левее. И на секунду дыхание перехватило. На полке, среди укрытых слоем пыли артефактов, едва заметно мерцали четыре крупных камня желтого, красного, голубого и оранжевого цвета — камни светлых чародеев.

ГЛАВА 34

Они звали меня. Манили, как на занятии по геомантии, искушали коснуться их. Все во мне откликалось на этот призыв, желало поддаться ему. Пальцы сами, точно зачарованные, потянулись к камням, но в нескольких сантиметрах от разноцветных граней я остановилась.

Кто все-таки принес сюда камни светлых? Зачем? Почему именно в хранилище сломанных артефактов?

Все это выглядит слишком подозрительно. А что, если…

Догадка вспыхнула в сознании, словно молния.

Вдруг это ловушка? Вдруг Мак-Фордин решила поймать светлого на приманку? И в таком случае вряд ли есть что-то более искушающее для дитя света, чем камни силы.

В кармане требовательно завозилась Эвис.

— Гляди, — выдохнула я, удерживая ящерицу в руках и поднимая ее на уровень полки.

Однако пустым осмотром моя подопечная не ограничилась. Спрыгнув с ладоней, она деловито зашагала к камням, оставляя на пыльной поверхности цепочку маленьких следов.

— Эв, осторожно. Это может оказаться ловушкой.

Ящерица повернулась, смерила меня насмешливым взглядом, а через секунду кинулась вперед и… заглотила гелиодор — сильнейший из камней светлых.

— Эвис!

Я зашипела и попыталась схватить подопечную, но та оказалась проворнее. Увильнув от моей руки, она заглотила еще один камень.

— Прекрати, Эв!

Гортанный звук, вырвавшийся из маленького горла, однозначно был смехом. Эта проныра потешается надо мной! Сейчас, когда важно сохранять предельную осторожность, она… веселится?!

— Посажу тебя в банку! В ящике стола закрою! Оставлю тут! — злилась я. — Да что же ты творишь?!

Очередная попытка утихомирить ящерицу провалилась — пальцы вновь ухватили лишь воздух. Эвис двигалась слишком быстро — гораздо быстрее, чем положено двигаться обычным ящерицам. Хотя обычной Эвис уж точно не была.

Отбежав в другой конец стеллажа, она забралась на резной ларец и широко улыбнулась, гордо демонстрируя зажатый во рту рубин. Одно движение, и рубин последовал за гелиодором и топазом.

— Ну знаешь…

Я бегло огляделась, приметила большой металлический колпак, расчерченный схемами, схватила его и вскрикнула, когда по полке, поднимая пыль, пронеслась Эвис. Через секунду янтаря, который я собиралась накрыть колпаком, не было. Зато была довольная, скалящаяся во весь рот ящерица и ее полный превосходства смех.

Я рассерженно опустила колпак на полку, чиркнув им по старому дереву, и зашагала прочь. С полки донеслось возмущенное топанье.

— А вот и сиди там! Будешь знать, как предаваться причудам с опасными вещами! Я, между прочим, понятия не имею, чем это может обер… — повернувшись, я сбилась с мысли и замолчала. На полке никого не было. — Эв?

По длинной, мерцающей серебром нити спускался паук. Большой, толстый и очень мохнатый. Едва все его лапы коснулись пола, черное тело окутала дымка. Но не легкая и прозрачная, а плотная, кажущаяся вязкой, словно тягучее зелье. Через секунду дымка схлынула, и на месте паука оказалась Эвис.

Я присела и с удивлением посмотрела на нее.

— Все кайроши обращаются… так? — спросила почему-то шепотом.

Топ.

— А ты можешь, — я закусила губу, решаясь, — принять истинный облик?

Несколько мгновений Эвис вглядывалась в мое лицо, после чего медленно, очень выразительно покачала головой. Впервые ответ пришел не через топот, а так — почти по-человечески. И сейчас в нем читался не столько отказ, сколько предупреждение.

Я кивнула.

— Хорошо. Тогда другой вопрос: зачем ты съела камни? Ты же понимаешь, *что* это за камни?

Эвис закатила глаза, всем видом демонстрируя, что уж она-то в курсе.

— А если их почувствуют? Здесь их скрывает тьма, сочащаяся из сломанных артефактов, но если мы выйдем из хранилища…

Топ. Топ.

Вместе с ответом мне достался лукавый взгляд.

— Их не почувствуют?

Топ.

— Но ты же… — начала я и замолчала.

Эвис не темная и не светлая. Может, она и не похожа на меня, но, судя по всему, ее темная суть — суть твари, созданной Полуночной Матерью, блокирует светлые всплески. Почти так же,

как мой поцелуй блокирует действия приворотных зелий темных.

— Ты защитила их, — поняла я. — Защитила нас.

Эвис гордо переступила лапками.

— Но тебе самой это не опасно?

Топ. Топ.

— А ты сможешь их потом… вернуть?

Еще один насмешливый взгляд и один уверенный «топ».

Я улыбнулась. Кто бы ни пришел в хранилище и какие бы цели он ни преследовал, их все разрушила маленькая ящерица с душой хищника.

— Спасибо, Эв. И прости, что усомнилась.

Ящерица прошлепала к моим ладоням, забралась на них и мягко потерлась головой.

* * *

Через полторы недели территория вокруг академии укрылась первым снегом. Тонкий слой, точно кружево, устлал промерзшую землю, посеребрил ветки деревьев и кустов, уже почти лишившихся листвы. Стоило выйти на улицу, как ветер оставлял на щеках холодные поцелуи, которые в тепле начинали гореть.

Высокородные лернаты, все как одна, обзавелись меховыми муфтами. У сэл свисали вязаные многослойные муфты, украшенные вышивкой. Мэлы носили толстые перчатки и шарфы.

В трапезной все чаще пахло по-зимнему сладко: медом, брусникой, горячим вином и густым, томленным со специями рагу. Причем последний запах казался особенно дразнящим, и Киган, проходя мимо столов нефритов и сапфиров, с тоской глядел в их тарелки.

— Да ладно тебе, — улыбнулась я, подбадривая севшего рядом друга. — Это же просто еда.

— Ты говоришь так, словно никогда не знала в ней нужды, — заметил он. — Ну, или так — словно вареная картошка давно и прочно возглавляет список твоих любимых блюд.

Я снова улыбнулась, а Ллоса хмыкнула.

— Просто Лэйни думает головой, а не желудком, — поддела она беззлобно.

— Ага, потому что хранит эту самую голову в холоде.

Я смутилась, поняв намек на мою слишком тонкую для поздней осени шаль, и попыталась перевести тему:

— Удалось поговорить с Кайлором?

Наступающие холода беспокоили не отсутствием теплой одежды, а приближающимися зимними праздниками. За

прошедшие дни Арден еще трижды пытался добиться от меня согласия отправиться с ним к Шантарам. С каждым разом он все жарче убеждал, что разорвет помолвку и добьется для нас возможности быть вместе. И каждый раз за его речами я слышала отголоски растущей одержимости.

Пока я не давала Ардену ответа. Отказа бы он не принял, а согласиться я не могла. Вместо этого я тянула время, пытаясь достать заветную книгу. Задуманный ритуал нужно провести до наступления зимних праздников, и тогда, если все получится, Ардену не придется отменять помолвку.

— Не смогла, — Ллоса помрачнела. — И не думаю, что теперь Кай согласится нам помогать…

— Что? Почему?

— Два сапфира втянули его в пари.

— И? — я затаила дыхание.

— И Кай раскинул «колдовскую паутину» на весь первый этаж библиотеки.

— Ух ты! Он может ее ставить? — восхитился Киган, но тут же замолчал, стоило Ллосе бросить на него хмурый взгляд.

Я же мысленно застонала.

«Колдовская паутина» — сложное в построении заклинание. Оно связывает между собой десятки, а у сильных темных — сотни объектов. И когда кто-то задевает нити паутины, они сжимаются и стягивают все, к чему приросли. Страшно вообразить, какой беспорядок способно устроить такое заклинание в библиотеке. И еще страшнее представить, в какое бешенство оно привело горгулью-хранителя.

— Теперь Каю не выдают книги, — вздохнула Ллоса, — и помочь нам он больше не в силах.

— Что будем делать? — спросил Морриган.

— Ничего, — она пожала плечами. — Ждать, когда Кая простят. Мы ж никуда не спешим.

Я обняла кружку с облепиховым чаем и уставилась на мутновато-желтую поверхность. Собственное отражение показалось уставшим. И по правде сказать, я действительно устала: от постоянной угрозы быть раскрытой, от тайн и недомолвок, от необходимости куда-то или от кого-то бежать. Но только расслабляться рано. Я должна исправить все, к чему, пусть и косвенно, оказалась причастна.

Вскинув взгляд, я обвела им столы нефритов. Встретила ответный и кивнула.

* * *

Хэйден нашел меня почти сразу после ужина. Я знала, куда он пойдет, чувствовала это. Главный холл Корпуса Норхарда негласно стал нашим местом. Завораживающий в своей красоте, он не утратил для меня притягательности даже после всего случившегося. И более прочего меня завораживал огромный витраж-роза с теми смельчаками, что нашли в себе силы плыть против течения.

— Лэйни…

Звуки моего имени, тягучие, наполненные северным произношением, отозвались во мне музыкой.

Я развернулась и встретилась с Хэйденом взглядом.

— Спасибо, что пришел, — несмотря на волнение, голос меня не подвел и не дрогнул.

— Я рад, что ты решилась.

За прошедшие полторы недели я почти забыла, каково это — быть рядом с Хэйденом, ощущать исходящие от него волны силы и удивительное, совершенное иррациональное чувство защищенности.

— Я… я…

Все заготовленные слова, мысленно отработанные фразы вдруг показались пустыми и глупыми. Единственное, что казалось правильным, — смотреть в зеленые, точно изумруды, глаза и растворяться в них. Таять, словно застигнутый весенним солнцем снег. И просто находиться рядом.

Хэйден улыбнулся, и мой взгляд скользнул на его губы.

— Ты дразнишь меня, Лэйни, — выдохнул он. — Если не хочешь проверить мою выдержку на прочность, не стоит смотреть настолько маняще.

Сердце забилось быстрее. Прозвучавшее признание отозвалось в теле жаркой волной, а в мыслях — желанием поддаться. Я хотела этого. Глупо отрицать. Хотела, чтобы Хэйден наклонился и поцеловал меня, чтобы прижал к себе, чтобы вновь заставил забыть обо всем, кроме ощущения его губ на моих. Однако чужая судьба важнее моей слабости. Напомнив себе об Ардене, я силой вернула мыслям ясность.

Хэйден заметил перемену моих эмоций. Он всегда замечал подобное, ловил даже отголоски чувств, видел сквозь маски, и в этом мне грезилась его очередная сила.

— Ты ведь мог мне соврать, — произнесла я, неотрывно глядя ему в глаза. — Мог придумать, что с той ведьмой произошел несчастный случай, или заверить, будто пытался ее спасти…

— Мог бы. Но разве ты бы этого хотела? Разве предпочла бы ложь правде?

— А если бы предпочла, ты бы соврал?

Хэйден криво улыбнулся уголком рта.

— Нет, Лэйни. Ты не из тех, кто прячет голову в песок. Напротив, ты из тех, кто боится, но продолжает идти вперед. Несмотря на страхи, неуверенность, усталость. И я не хочу унижать тебя ложью.

Его голос звучал приглушенно, спокойно, но в то же время в нем слышалась решимость. И внезапно я со всей ясностью осознала, что мы с Хэйденом во многом похожи: он тоже не желает довольствоваться полумерами. Потому-то он и не оставил мне шансов понять его неправильно, предаться манящему самообману — Хэйдену важно, чтобы я знала, кто он и на что способен. Чтобы, выбирая, выбрала его — Хэйдена Силлерторна.

Мы оба — и он, и я — привыкли скрывать истинные лица, хранить опасные секреты. Но вместе с тем мы оба мечтаем найти того, кто примет нас такими, какие мы есть. Без условностей. Без попыток оправдать или силой дотянуть до принятых стандартов. Кто за безупречными масками сможет разглядеть истинное лицо, увидеть душу. Хэйден увидел мою, а я, кажется, наконец смогла разглядеть его.

Еще до того, как осознать собственные действия, я шагнула ближе, скользнула руками Хэйдену на шею и, притянув, поцеловала.

Пусть звезды предрекли мне смерть. Пусть! Я и так слишком долго живу с мыслью о ней, чтобы из-за туманного будущего лишать себя настоящего. Рядом с Хэйденом я оживаю, чувствую, что могу быть собой, могу скинуть маски и не храбриться впустую. Только рядом с ним привычные тиски страхов и сомнений исчезают.

Я не знаю, как много дней мне отпущено, удастся ли дожить до выпуска и получится ли сбежать в Солнечное царство. Но одно знаю наверняка: я не хочу тлеть искрой, чувствуя, что могу гореть пожаром. Если однажды за каждый миг в объятиях Хэйдена Полуночная Матерь стребует плату, я отдам ее с радостью.

Поцелуй становился все жарче. Былая нежность отступала под напором нового, еще не изведанного чувства. Но больше я не боялась — напротив, желала узнать, как далеко успею зайти, как много смогу испытать. Пальцы путались в густых волосах Хэйдена, тело трепетало, словно струна, рождающая звук. Высокий, чистый, он наполнял меня и передавался колдуну. Встречал в нем ответный и сливался воедино, создавая мелодию.

Голова кружилась сильнее, чем от вина. Кожа горела. И где-то на краю сознания мелькнула мысль — не правы те, кто говорит о холодности северян. Их горы укутаны снегами и льдом, но под толстым слоем тверди сокрыт огонь. Сильный и настолько

яростный, что лишь истинным сынам севера под силу его укротить — остальных бы он выжег до серого пепла.

Не знаю, сколько длился поцелуй, для меня время будто растворилось в ощущениях. Но когда Хэйден все же отстранился, я едва устояла на ослабевших ногах. Он удержал меня и посмотрел с улыбкой. Теплой, открытой — такой, от которой в груди сладко стянуло.

Мы оба молчали. Вместо нас говорили наше сбившееся дыхание и взгляды, прикованные друг к другу. Нарушать момент звучанием голоса не хотелось, но я помнила об Ардене и не смела предаваться счастью, забывая о чужой боли.

— Мне нужна одна книга. Поможешь достать?

Хэйден внимательно выслушал мою просьбу. И пусть в детали вдаваться я не стала, он обо всем догадался сам: зная мой секрет, помня об интересе Ардена, Хэйден легко смог сложить мозаику событий. И так же легко он согласился помочь.

Той ночью я уходила спать окрыленная. Оказавшись в комнате, поймала выбежавшую навстречу Эвис и прижалась к ней щекой. Ящерица сначала заметно удивилась, а потом, будто что-то поняв, расслабилась и мягко коснулась меня лапой.

Позже, уже лежа в кровати, я все не могла перестать улыбаться. И кажется, даже во сне я продолжила это делать, ощущая на губах поцелуй северянина.

ГЛАВА 35

Утром я проснулась еще до колокола. Сходила в душевую, надела серую юбку из тонкой шерсти и плотную блузку с высоким воротником-стойкой. Волосы стянула лентой, обулась, накинула шаль и выскочила в коридор.

Сегодня я не спускалась по ступеням — летела, словно птица. Тело казалось удивительно легким. Холод не ощущался, будто его и не было вовсе. И впервые за очень долгое время я не могла — да и не хотела, если признаться по правде, — заставить лицо принять смиренное выражение. Все во мне пело, и любая маска, стоило только попытаться ее воссоздать, ломалась с треском.

Каблуки стучали звонко, радостно. Туфли с любопытством выглядывали из-под края юбки на каждый шаг и, будто красуясь, ловили солнечные блики отполированными носами.

Влетев в трапезную, я подошла к линии раздачи, встретилась взглядом с Раэлем — рыжеволосым парнем, что в свое время отправил меня к кэллеру, — и улыбнулась. Получила порцию кукурузной каши, горячий ягодный отвар с медом и направилась к нашему столу, еще пустому.

Позже ко мне присоединилась троица мэлов. Хитро поглядывая в мою сторону, они принялись подшучивать над неприлично счастливыми халцедонами. Старательнее остальных допытывалась Ллоса, надеясь выведать причину. Я молчала и только продолжала улыбаться. А потом словно обожглась — вздрогнула и неосознанно прижала руку к груди. Благо малы, увлеченные друг другом, не заметили секунды моей слабости.

Улучив момент, я украдкой оглядела трапезную и встретилась взглядом с Арденом. Он сидел безжизненным истуканом, и только его глаза полыхали голодным огнем. Черты лица заострились, стали тоньше, тени под глазами выглядели глубже. И даже отсюда я отчетливо различала проступившие желваки от сведенных челюстей.

Проклятье!

Если бы только я поступила в академию на год позже, Арден успел бы выпуститься до нашей встречи. Тогда бы разорванная связь не дала о себе знать: он бы женился на Мойре и со временем, я уверена, обрел бы с ней счастье. Но Полуночная Матерь рассудила иначе, и теперь Арден сжигает себя изнутри, неспособный противостоять откату.

Легкость, которую я испытывала с самого пробуждения, исчезла. Вместе с ней исчезло и тепло. Я поежилась, плотнее закуталась в шаль и обняла ладонями кружку с отваром.

Первое занятие прошло как в тумане. Дис-Мари рассказывала о внутренних блоках, которые нам предстояло освоить, чертила схемы и, применяя темную волю, заставляла квакать всех, кто, по ее мнению, слушал недостаточно внимательно. Меня недовольство магистра миновало, а вот Киган дважды воображал себя жабой. Причем каждый раз, влияя на него, Дис-Мари хмурилась.

На третий раз она остановила занятие и потребовала от Кигана, чтобы тот сопротивлялся. Мы притихли, с удивлением следя за происходящим и обмениваясь непонимающими взглядами. Обычно Дис-Мари не предупреждала о воздействии.

Киган кивнул, напрягся, едва не покраснел от стараний… и вновь заквакал. Лернаты засмеялись, магистр же, напротив, еще больше нахмурилась. Попросив Кигана задержаться после занятия, она вернулась к разговору о защитных блоках.

Следующим за темной волей шло занятие по тварям и маскотам, а после него лернаты всех цветов, подгоняемые звоном колокола, поспешили в трапезную. За обедом Ллоса все пыталась вызнать у Кигана, о чем с ним говорила Дис-Мари, но друг отмалчивался. Выглядел он при этом крайне задумчивым.

Я почти не вслушивалась в попытки Ллосы вызнать правду. Вместо этого искала взглядом Хэйдена. Однако на обед он так и не явился. На ужин, к моему беспокойству, тоже.

Неужели что-то случилось? Но что?

Волнение усиливалось. Поддаваясь ему, я отставила опустошенную лишь на треть тарелку, попрощалась с друзьями и поднялась на второй этаж. Остановилась у входа в жилой коридор нефритов и замерла, не решаясь ступить на их территорию. Я не знаю ни номера комнаты Хэйдена, ни где она расположена. Единственная дверь, которая мне здесь знакома, ведет в покои Ардена. Но соваться туда было бы слишком опасно. Если в прошлый раз колдун себя еще контролировал, то теперь… теперь предсказать его поведение почти невозможно.

В этот момент, будто отвечая моим мыслям, дверь Ардена распахнулась. Однако вышел не он, а Мойра. Она шумно дышала, глаза ее блестели, а щеки горели румянцем. Но только, боюсь, то был румянец не смущения, а плохо сдерживаемой злобы.

Заметив меня, сестра прищурилась и стремительно зашагала навстречу. Не знаю, чем бы все могло закончиться, но на лестнице появился Хэйден. Мойру он не заметил, а она, услышав его голос, поспешила скрыться. Еще бы! Сестра опасалась выдать наше знакомство и всегда держалась осмотрительно.

— Меня ищешь? — поравнявшись со мной, Хэйден улыбнулся.

Я кивнула и против воли залилась краской, когда он взял меня за руку и уверенно повел вглубь коридора. Спрашивать, однако, ни о чем не стала. Не здесь.

Возвращающиеся с ужина нефриты поглядывали на меня с усмешкой. Но, что странно, особой враждебности я не ощущала. То ли черные лернаты не воспринимали мой статус всерьез, то ли приняли выбор одного из своих и… смирились с ним? Даже артиэлла, вышедшая навстречу из дальней комнаты, хоть и бросила на северянина заинтересованный взгляд, не смотрела на меня с ненавистью.

Но как же так? Почему?

Мы вошли в покои Хэйдена — почти идентичные покоям Ардена. Я мельком огляделась и, следуя приглашающему жесту, опустилась на диван.

— Ты ведь не знала, где я живу, — улыбнулся Хэйден. — Прости, мне следовало сказать тебе раньше.

Я смущенно покачала головой, не видя причин для извинений.

— Тебя не было на обеде и ужине. Что-то случилось?

— Нет, не переживай.

Хэйден прошел к окну и, прислонившись спиной к стене, скрестил руки на груди. Взгляд его при этом тоже стал более замкнутым, напряженным.

— Всю вторую половину дня я провел в библиотеке.

— Удалось найти нужную книгу?

— Конечно. И книгу, и нужный тебе ритуал.

— И? Ты принес ее?

Хэйден не ответил — все стоял, словно статуя, и не сводил с меня тяжелого взгляда. В груди стянуло от предчувствия недоброго. Еще минуту назад казавшийся мягким диван вдруг стал неудобным. Я подскочила, прошла к колдуну и, опустив ладонь на скрещенные руки, посмотрела ему в лицо.

— Книга с тобой?

— Нет. Я оставил ее в библиотеке.

— Почему? Решил взять завтра? — наивный, полный слепой надежды вопрос сорвался с языка непроизвольно. Я не видела возможных причин для отказа. Не желала их видеть.

Хэйден криво усмехнулся, ласково коснулся моей щеки и покачал головой.

— Нет, Илэйн. Прости, но я не стану помогать тебе в этой затее.

— Что? — я отстранилась, разрывая прикосновение. — Почему? Ты ведь согласился!

— Прости, — повторил он сухо, без капли раскаяния.

Я упрямо замотала головой.

— Но почему, Хэйден? — спросила растерянно. — Почему ты передумал?

— Потому что не могу позволить тебе изуродовать собственную жизнь.

Я моргнула.

— Что?..

— Ты слышала меня, Лэйни. Ритуалы, подобные тому, что ты собралась провести, опасны. И за каждый из них тьма взимает плату. Знаешь, что она забирает за восстановление чужой нити? — голос Хэйдена прозвучал тихо, но оттого особенно жутко.

Страх подкрался ко мне со спины, подул на затылок, рождая стылые мурашки по коже, и медленно, с явным наслаждением скользнул ледяными пальцами на шею.

— Нет, — выдохнула я сипло.

Кому я это сказала? Хэйдену? Или собственному страху? Не знаю.

— Тьма забирает часть души, Лэйни, и никто понятия не имеет, какую именно часть. И уж тем более невозможно предугадать, что случится, если ритуал попробует провести светлая ведьма. Не провоцируй тьму своим светом. Не дразни ее.

— Но должен же быть способ… — я взглянула на колдуна с надеждой.

Он качнул головой.

— Его нет. Я просмотрел десятки книг, пытаясь найти решение. Знал, что ты не захочешь отступать. Но разорванные нити — редкость. Раз найдя спасение, никто не пытался отыскать иной способ.

— А если использовать накопители? Или артефакты, заключившие в себя души? Или…

— Я все проверил, Лэйни. Других вариантов нет.

Я закусила губу, хмурясь и обдумывая услышанное. Потом со вздохом заключила:

— Значит, придется рискнуть.

Хэйден прищурился.

— Готова рискнуть? — процедил он. — Лишиться части собственной души? А ты подумала о последствиях? Подумала, что, не будучи цельной, не сможешь после смерти обрести иную жизнь? Что лишившись части души, ты не сможешь поделиться даже ее крупицей. Ты ведь должна понимать, что это значит! У тебя не будет детей, Лэйни. Никогда!

Я шумно вздохнула, и стылый страх нырнул внутрь меня. Морозной волной прокатился по горлу, сковал льдом

внутренности и ухнул тяжелым шаром вниз. Пальцы дрогнули, когда я непроизвольно прижала их к животу.

— Неужели ты готова отказаться от собственного будущего? — Хэйден шагнул ко мне. — И ради чего? Чтобы исправить ошибки прошлого? Ошибки, которые случились не по твоей вине. Не по твоей, слышишь? Ты не выбирала, какой родиться. Не выбирала природу собственной силы. И ты не несешь ответственность за чувства других!

Остановившись совсем рядом, он обнял мое лицо ладонями. И хоть голос его звучал холодно, прикосновение оказалось нежным и очень теплым.

— Спасение и самоуничтожение — не одно и то же, — произнес он тише. — Не стоит платить собственной душой за чужое спокойствие.

— Но что будет с Арденом?

Хэйден не ответил, но по хмурому выражению лица я все поняла. Разорванная связь сведет Ардена с ума. Вымотает его душу и подтолкнет к самому краю.

— Кто в силах ему помочь?

Из груди Хэйдена вырвался тяжелый вздох.

— Только ты, Лэйни. Лишь причастный к разрыву нити может ее восстановить. Но я прошу тебя, не делай этого. Не поддавайся светлым порывам, не позволяй им поломать тебе жизнь. Может, если вы перестанете видеться, одержимость Ардена исчезнет? Позволь мне увезти тебя, спрятать.

— А если это не поможет? Раз сбежав, я не смогу вернуться. А значит, и не смогу ничего исправить.

Привстав на носочки, я ласково коснулась губ Хэйдена своими и тут же отстранилась. Он напрягся.

— У нас может ничего не получиться, — напомнила ему. — Меня могут раскрыть и убить хоть завтра. Не лишать себя будущего? А если у меня его нет?

— Лэйни…

Я покачала головой, останавливая его.

— Прости, Хэйден, но я не могу оставаться в стороне. И дело не в светлых порывах — это мое желание и мой выбор. Понимаешь? Я должна все исправить.

Лицо северянина застыло маской.

— Тогда и ты меня прости, но я не стану помогать тебе уродовать собственную судьбу. Я не возьму для тебя книгу.

Я кивнула, принимая его выбор, и не прощаясь ушла.

Поднимаясь к себе, я все думала над его словами. О плате, которую взимает тьма. О той цене, что заплатил Арден, проведя ритуал истинной луны. О собственном будущем и о том, может

ли оно у меня быть.

Глупо врать: я хочу жить, хочу когда-нибудь обрести дом, семью, детей. Но вместе с тем почти не верю, что это может случиться. Слишком часто за последнее время я оказывалась на грани разоблачения.

Закрывшись у себя комнате, я велела Эвис спрятаться, а сама мысленно потянулась к сестре. Выждала несколько минут и сделала это снова. Потом еще раз. И еще. До тех пор, пока в центре комнаты не открылся переход и из него не вышла Мойра.

— Недоделок, ты издеваешься надо мной? — вздохнула она устало. — Такое ощущение, что ты специально нарушаешь каждое мое требование: не взывать ко мне, держаться от Морроубрана подальше… Что теперь?

Не спрашивая разрешения, Мойра прошла и опустилась на край кровати. Сестра старалась держаться невозмутимо, но я слишком хорошо ее знаю и вижу: она измотана.

— Ты в порядке? — спросила с беспокойством.

— Тебе-то что? — хмыкнула Мойра. — Ты не в состоянии справиться даже с собственными проблемами, раз периодически взываешь ко мне. А теперь решила узнать о моих?

Я вспомнила нашу сегодняшнюю встречу в коридоре второго этажа и то, какой недовольной выглядела сестра. Вспомнила, откуда она вышла, и мысленно собрала мозаику. Происходящее с Арденом влияет не только на него самого, но и на Мойру. Видимо, она не оставила попыток отговорить жениха от разрыва помолвки. Раз за разом она возвращалась к нему, открывала душу, как тогда в парке, и все надеялась коснуться его сердца. Но только крепнущая одержимость не позволяла Ардену услышать невесту.

— Прости, — произнесла я тихо.

Мойра посмотрела искоса и криво дернула уголками губ.

— Так зачем ты тянулась ко мне?

Я колебалась лишь мгновение, потом попросила достать для меня книгу. Вдаваться в подробности, однако, не стала.

— И для чего тебе?

— Для Лей-Торы, — я пожала плечами. — Хочу подготовить эссе по нитям. Если она его примет, то пропустит на второе полугодие без экзамена.

Мойра снова хмыкнула и покачала головой.

— Ты плохо врешь, Недоделок. Ну, или я знаю тебя слишком хорошо, — она поднялась с кровати. — Я не стану тебе помогать. Если нужна книга, возьми ее сама.

— Первогодкам их не выдают.

— Тогда возьми без спроса, — зеленые глаза лукаво

прищурились. — С восточной стороны от входа есть барельеф падающей звезды. Двенадцатая искра. Нажми на нее. Только сделай одолжение, дождись хотя бы трех утра — в это время хранитель библиотеки оборачивается статуей.

Договорив, сестра усмехнулась, явно потешаясь над моим видом, и ушла переходом. Я же осталась сидеть на кровати, растерянно глядя на тающие очертания зева.

Мойра знает о потайных ходах в академии? И не просто знает, а еще и советует воспользоваться одним из них, чтобы без спросу вынести библиотечную книгу? Это точно моя сестра?

Пока разум сомневался, сердце уже нашло ответ: да, это моя сестра. Точнее, та ее часть, что осталась неизменной под сотней слоев отточенных жестов и мимики, под вызубренными правилами этикета и принятыми на веру ценностями рода Мак-Мора. Крупицы той, прошлой, Мойры, которая давным-давно приходила ко мне ночью, отнимала от моих ушей дрожащие руки и стискивала в крепких объятиях. Которая прогоняла мои кошмары и помогала видеть в ползущих по полу тенях не чудовищ, а удивительных созданий — посланников Полуночной Матери, что спешили доставить добрые сны всем детям Лунной империи. Часть той Мойры, которую я продолжала любить все эти годы.

ГЛАВА 36

Очередная ночь и очередная вылазка — кажется, это становится неотъемлемой частью моей академической жизни. Эвис привычно сидела в кармане. Все попытки уговорить ее остаться в комнате провалились. Но, если признаться, я не особо настаивала — мне нравится компания маленькой топотуньи. Единственное, на чем мы условились: если меня все же поймают, она обернется пауком, самым крохотным из возможных, и при первом же удобном случае сбежит.

Заклятие «ведьмин глаз» получалось все увереннее и легче. Я продолжала проверять им каждый новый коридор, прежде чем повернуть. Дважды сегодня оно уберегло меня от встречи с неспящими лернатами. Куда бы они ни направлялись и чем бы ни занимались, меня это не интересовало. Главное — не попасться им на глаза, что я и сделала.

Минут через пятнадцать я оказалась у барельефа, о котором говорила Мойра. Огромный, он занимал большую часть стены и изображал звезду, что когда-то разделила мир на темную и светлую половины. Она летела, оставляя за собой длинный хвост и едва заметно мерцающие искры. Коснувшись одной из них, я с удивлением ощутила слабую пульсацию, словно внутри барельефа билось сердце академии.

Аккуратно, едва дотрагиваясь, отсчитала одиннадцать искр и надавила на двенадцатую. Я ждала, что она продавится, войдет в стену — хоть как-нибудь отреагирует на прикосновение. Однако ничего этого не случилось.

Я нахмурилась и потыкала в каменный выступ снова. Безрезультатно.

Неужели Мойра соврала? Решила посмеяться над доверчивым Недоделком? Но ради чего?

Рассердившись, я с силой стукнула по искре кулаком, и в тот же миг кожу обожгло холодом. Я зашипела. Потирая пострадавшую руку, недовольно уставилась на каменный выступ — и только сейчас заметила, что его пульсация стала ярче. Теперь она больше походила на ритмичное мерцание. Через секунду его подхватила соседняя искра. Затем еще одна. И еще.

Они вспыхивали одна за другой, пока мерцание не охватило саму звезду. И вот она-то наконец медленно зашевелилась. С хрустом каменной крошки провернулась по часовой стрелке, и тянущийся за ней хвост вдруг начал истончаться — он таял, словно туман. Все больше и больше, до тех пор, пока на его месте не осталась дыра. Довольно маленькая, но все же достаточная,

чтобы пролезть. Не мешкая, я нырнула внутрь. Выбралась, оправила платье, привычно погладила Эвис и с удивлением осмотрелась.

Я действительно оказалась в библиотеке. Лампы горели приглушенно, едва ли не в треть силы. Их света с трудом хватало, чтобы разогнать ночную тьму. Обернувшись, я уверилась, что проход закрылся, отметила полыхнувшую последней искру и достала Эвис. Спускать ее на пол, однако, не стала.

Осторожно, стараясь не шуметь, прошла к столам и мысленно потянулась к «ведьминому зрению» — тому самому заклинанию, что использовала на занятии магистра Торна по ритуалам и проклятьям. Глаза обожгло, словно в них с размаху швырнули песка, но уже в следующий миг боль схлынула, а взор заволокла наведенная пелена.

Я снова огляделась. Теперь мир виделся иначе: серым, холодным, но четким. Даже тьма не могла скрыть от моего взора очертания каждого предмета. Оставалось лишь понять, где искать нужную книгу.

Названия разделов, выбитые на бронзовых табличках, сменяли одно другое, пока я поднималась по спиралевидной лестнице. Вытянутой змеей она уходила все выше, пересекая этажи библиотечной башни. Иногда я останавливалась и углублялась в ответвления между этажами, огражденные резными балюстрадами. На одном из таких Эвис вдруг беспокойно завозилась у меня на руках.

— Что случилось? — прошептала я. — Отпустить?

Утвердительный «топ» прозвучал нетерпеливо, почти требовательно. Я не стала задавать вопросов: спустила ящерицу на пол и проводила ее удивленным взглядом. Она что-то заметила? Я зашагала следом, не забывая мельком поглядывать на названия разделов.

Насаждение и вытравление
История противостояния
Геомантия
Гербология
Защита и сдерживание

Возле последнего раздела Эвис остановилась. Прислушалась к чему-то и затопала с такой скоростью, будто пол под ее лапками раскалился. Я осмотрелась.

Полки выглядели так же, как и сотни других. То же мореное дерево, те же плотные ряды корешков с тиснеными буквами, та же потертая кожа. Даже выступающие резные украшения на разделителях секций и те идентичные!

Приблизившись, я стала вчитываться в названия, но Эвис затопала с таким возмущением, что мне пришлось остановиться.

— Что, Эв? — я присела. — Не понимаю, что ты заметила. Покажи мне.

Ящерица недовольно запыхтела, заставляя меня поразиться ее новому звуку, а потом обернулась пауком. Большим, мохнатым, размером с ладонь взрослого мужчины. Не глядя на меня, паук принялся карабкаться вверх по одной из стоек опор. Поднялся почти под самый потолок, обогнул разделитель и остановился. В следующее мгновение черное тельце обняла плотная дымка. Секунда на оборот — и вот на месте паука сидит толстая крыса с черной головой и белым тельцем. Забавно шевеля усами, она принялась что-то вынюхивать на разделителе.

Все секции разграничивали одинаковые резные треугольники, украшенные звездами и шипастыми розами. Черный нос-бусинка деловито проскользил вдоль каждого декоративного элемента и вернулся в торчащему сбоку шипу. Встав на задние лапы, крыса оперлась на крохотный выступ передними и навалилась всем весом.

Секунда, две, три… ничего.

Недовольно запищав, Эвис повернулась ко мне и едва ли не ткнула пальцем в шип.

— Ладно, не горячись, — я улыбнулась. — Давай я попробую.

Эвис с готовностью отбежала в сторону. Три шага сделали лапки крысы, а уже следующие два — ящерицы. Мне нравилось наблюдать, с какой легкостью кайрош меняет облики. Но при этом именно зеленая мордочка казалась роднее остальных. Услышав хмурый топ, явно призванный устыдить меня за медлительность, я подошла к полкам и, привстав на цыпочки, коснулась шипа пальцами. Попробовала надавить на него, потом провернула вбок, словно ручку. Что-то хрустнуло. На секунду я испугалась, что отломала часть разделителя и, когда хранитель библиотеки об этом узнает, у меня будут большие проблемы. Наверняка он…

Новый хруст оборвал цепочку панических мыслей, приковав все внимание к стеллажу. Раньше казавшиеся идеально ровными, полки вдруг проломились по центру, однако ничего не упало. Вертикальный зазор превратил часть стены… в дверь?

Я подхватила Эвис на руки и отправила ее в карман, из которого она тут же высунула любопытный нос. Сердце застучало взволнованно, в груди стало тесно. Оглянувшись и убедившись, что в библиотеке все так же тихо, я смелее надавила на потайную дверь и вошла.

Шаг. Еще один. И еще.

Вокруг было настолько темно, что даже ведьмино зрение не спасало. Я щурилась в кромешной тьме и шла, выставив вперед руки. Щелчок, с которым дверь встала на место, показался оглушающе громким. Я вздрогнула и испуганно обернулась. Возвращаться, однако, не стала — мне хотелось узнать тайны библиотеки, заглянуть туда, куда наверняка не заглядывал ни один из лернатов.

Новый шаг. И еще один.

Внезапно, сбивая с ног, меня накрыла удушливая волна темной силы. Холод, как показалось, просочился сквозь поры, стянул горло, не позволяя ни вздохнуть, ни закричать, и взорвался в голове ледяными осколками. Я пошатнулась, сделала еще два шага, продолжая размахивать руками, и врезалась ладонями во что-то гладкое. Оно вспыхнуло, точно молния, обдало теплом и выжгло сковавший меня холод. «Ведьмино зрение» рассеялось. Лишившись пелены, помогавшей не споткнуться в темноте, я на секунду растерялась. Мотнула головой и трижды моргнула.

А потом зрение стало возвращаться ко мне. Сначала я разглядела ручку-кольцо, следом — окружающий ее рисунок.

Что? Нет, невозможно!

Все еще не до конца веря глазам, я потянула кольцо на себя, открыла новую дверь и переступила порог. Стоило мне войти, как десятки даже не ламп — кристаллов! — вспыхнули на стенах небольшой овальной комнатки. Все пространство от пола до потолка занимали полки, на которых неровными рядами выстроились книги, артефакты, ларцы и мутно-белые шары.

Я неуверенно шагнула вперед, с шумом втянула в себя воздух и ощутила сильный поток тепла, окутавший меня, точно пуховое одеяло зимней ночью. Приятная тяжесть согрела. Об нее хотелось потереться щекой, к ней хотелось прижаться, напитаться ею.

Сомнения отпали. Я знаю, где очутилась, — в хранилище светлых артефактов. Артефактов, силой заполученных в бесконечной войне света и тьмы.

ГЛАВА 37

Прикрыв глаза, я жадно втянула воздух. Он пах упоительно сладко: светом, солнцем и, казалось, самой жизнью. Слишком маняще, чтобы сдержаться. Им хотелось наполнить грудь, в нем хотелось раствориться, стать его частью… Не размыкая век, я шагнула вперед и сделала новый глубокий вдох.

Копошение в кармане разрушило зачарованный миг. Пришлось открыть глаза и посмотреть вниз.

— Что, Эв, хочешь выбраться?

Вместо ответа моя подопечная задергалась с удвоенным усердием, едва ли не пыхтя от стараний. Я улыбнулась, поймала размахивающее лапками тельце и аккуратно спустила его на каменный пол.

— Ты могла бы оборачиваться кем-нибудь — хоть тем же пауком — и выбираться самостоятельно.

Эвис, которая уже деловито шлепала к дальней полке, повернулась и смерила меня настолько недоуменным взглядом, словно я предложила совершеннейшую дикость.

— Ах, разумеется, — я улыбнулась, — зачем оборачиваться, если всегда можно устроить бурю в кармане и добиться нужного результата?

Зеленая проныра с нескрываемой гордостью топнула лапой и продолжила чинное шествие к полкам.

— Хоть бы соврала! Оставила бы надежду, что это я тебя воспитываю, а не ты меня.

Задняя лапа дважды звонко шлепнула об пол.

— Ну ты и вредина!

Топ.

— И тут совершенно нечем гордиться!

Смех кайроша прозвучал тихо, но все же я расслышала. На душе посветлело. Глупо отрицать: мне нравится Эвис. Нравится ее упрямство, любовь к спорам и то, что за строптивым характером кроется умение сопереживать и заботиться.

Светлые чувства захлестнули меня, как разошедшаяся в полноводье река. И внезапно, будто отвечая, часть артефактов засветилась. Я замерла. Это нормально?

Однако Эвис держалась расслабленно: странное поведение вещей ее явно не напугало. Добравшись до нижней полки, она вскарабкалась на нее и принялась горделиво вышагивать между замершими на подставках шарами, иногда похлопывая их лапкой по пузатым бокам.

Я вновь улыбнулась, глядя на нее, и уже без страха подошла к

стеллажу. Светящихся артефактов оказалось немного: не больше полутора десятков. Я неспешно рассмотрела каждый из них, а потом заприметила ларец, стоящий в отдалении. В длину он был ладони две, в ширину — неполную одну. Пирамидальную крышку украшала россыпь мелких топазов, красиво переливающихся на свету. Вот только заинтересовала меня вовсе не крышка, и даже не камни.

Взяв ларец, я осторожно перевернула его и криво усмехнулась. Треугольные ножки. Слишком приметные, чтобы ошибиться — это тот самый ларец, который незнакомец в капюшоне принес в северное хранилище. Выходит, кто-то проник в потайную секцию, а потом вернулся? И все ради того, чтобы отнести камни силы? Но кто? Зачем?

Неясное беспокойство стягивало грудь колючей лозой. Казалось, я упускаю что-то очень важное… но вот что именно, понять не получалось.

Откинув крышку, я заглянула внутрь. С разочарованием осмотрела пустое, обитое фиолетовым бархатом нутро и поставила ларец на место. Пора возвращаться в общий зал: отыскать книгу с лунным ритуалом, выбраться через потайной лаз — и все это сделать раньше, чем оживет горгулья-хранитель.

Я знала, что нужно поступить именно так. Знала, но даже не повернулась к выходу.

Здесь, в царстве светлых артефактов, я впервые почувствовала себя на своем месте. Каждая клеточка моего тела пела, каждая крупица души заходилась в радостном танце. Среди бесконечного океана тьмы и холода я наконец нашла островок тепла. И покидать его совершенно не хотелось.

— Если бы только свет мог восстановить нить судьбы Ардена! — простонала я.

Тут же с другого конца комнатки раздалось топанье.

— Что, Эв?

Топ.

Я нахмурилась. Вспомнила свою полную отчаяния фразу и больше ради забавы уточнила:

— Хочешь сказать, свет в силах мне помочь?

Топ.

Теперь стало не до шуток. Дойдя до ящерицы, я опустилась на колени, нагнулась и взяла ее на руки.

— С Арденом беда, — произнесла я вполголоса, не сводя взгляда с умной мордочки. — Изначально нити наших судеб были крепко переплетены. Но из-за моего света связь разрушилась, а нить Ардена пострадала.

Эвис слушала внимательно. Казалось, даже не дышала.

— Если ему не помочь, он погибнет. У темных есть ритуал, способный решить проблему, но Хэйден… — я сбилась и закусила губу, вспоминая северянина. — Он против того, чтобы я в это ввязывалась. Говорит, ритуал слишком опасен.

Эвис беспокойно переступила лапками, будто разделяя страхи Хэйдена.

— Ты удивительно умная, Эв. Не представляю как, но ты чувствуешь светлые артефакты, знаешь о моей силе больше меня самой. Так, может… может, ты знаешь другой способ помочь Ардену?

Я вновь в волнении закусила губу. До отчаяния захотелось, чтобы другой способ нашелся, чтобы спасение Ардена не стало моей карой.

Да, жизнь в академии уже не раз подводила меня к самому краю, явно показывая, что у Недоделка нет будущего. Но вдруг я все же справлюсь?.. Вдруг Полуночная Матерь или Пресветлый Отец — неважно! — отмерили мне больше, чем несколько лет жизни?

Глупая надежда, пустая, но вместе с тем до того отчаянная, что стала мощнее любого проклятия. Ее не вытравить ни из тела, ни из мыслей. Если выбора не останется, я пойду до конца. Но если только появится другой шанс… Даже его призрачная тень…

Топ.

Я не сразу поняла, что прикосновение лапы к моей ладони было ответом. А когда осознала — не сразу поверила. Мои пальцы дрогнули.

— Спасибо, Эв! — выдохнула тихо. — Спасибо…

Я благодарила не за ответ — за надежду, только что вспыхнувшую с новой силой; за веру в лучшее. Погладив зеленую спинку, я спустила ящерицу на пол и проводила ее взглядом. Та обернулась пауком и, вскарабкавшись на полку, принялась неспешно перемещаться от одного книжного корешка к другому.

— Только не говори, что умеешь читать. Это было бы уже чересчур.

На секунду замерев, паук дважды поднял и опустил переднюю — самую переднюю — лапу. Потом продолжил изучать корешки.

— Хоть это радует, — заметила я с улыбкой. — Иногда меня пугает твоя осведомленность. Кажется, ты знаешь все на свете. А я даже не знаю, как мне дожить до выпуска.

Эвис вновь остановилась. Осмотрелась, будто что-то решая для себя, а потом спустилась на паутине и устремилась ко мне. Два шага паука, три — ящерицы. Эвис всегда возвращается ко мне именно в этом облике, словно и для нее он стал особенным. И

почему-то этот жест тронул сильнее, чем то, что она вообще решила поддержать меня, забравшись на колени.

Подхватив ящерицу, я поднесла ее к лицу и прижалась щекой.

— Если тебя только попробуют у меня отобрать — им не поздоровится, клянусь обоими покровителями. За тебя, Эв, я буду биться.

Тихое урчание и ласковое касание лапой стало мне ответом.

Спустя несколько секунд Эвис вновь обернулась пауком и продолжила забег по корешкам. Я не понимала, как она собирается отыскать нужную книгу — если такая вообще есть в этом хранилище, — но не спешила вмешиваться. Дождалась, когда кайрош остановится на одном из толстых фолиантов, перетянутых зеленой кожей, и приблизилась.

Обложка выглядела потертой, позолоченные буквы почти стерлись, но вдавленные углубления позволили прочесть название: «Душа и сила».

Взяв книгу, я подхватила обернувшуюся ящерицей Эвис и опустилась на пол. Первое, что бросилось в глаза, — плотный ремешок-замочек, не позволяющий заглянуть внутрь. Второе — широкое углубление в замк*е*, обрисованное солнцем. Я коснулась выемки пальцами и ухмыльнулась.

— Эв, мне понадобится один из камней. Правда, какой именно, не знаю.

Ящерица с готовностью кивнула. Отбежала в сторонку и, повернувшись ко мне спиной, выплюнула на пол поочередно четыре камня.

Как и в предыдущие разы, они принялись меня звать. Но только теперь ничто не препятствовало моему желанию — я могла их коснуться. Здесь, в хранилище света, укрытом куполом тьмы, я чувствовала себя свободной. Душа трепетала, словно крылья бабочки, и в цветном узоре переплелось слишком многое: нетерпение, предвкушение, страх…

— Как думаешь, — почему-то шепотом спросила я, — который из них мой?

Эвис мотнула головой, без слов подбадривая это выяснить. И я решилась: шумно выдохнула, закрыла глаза и потянулась к камням. Я не спешила — прислушивалась к ощущениям, ловила волны тепла, исходящие от разноцветных граней. Шевелила пальцами, будто поглаживая, и старалась ни о чем не думать.

Совсем скоро мне это удалось. Голова стала легкой; таким же ощущалось тело, и только ладонь все сильнее наливалась тяжестью. Уронив ее, я накрыла один из камней, влажных и липких, и рефлекторно сжала пальцы. Противно не было. На занятиях у Дис-Роны приходилось касаться гораздо более мерзких

вещей, чем слюна ящерицы.

Не размыкая век, я перекатывала между подушечками пальцев острые грани. И чем дольше я их изучала, тем больше уверялась — это янтарь. Кажется, именно у него такая форма. Вот только меня это не огорчило: я привыкла носить в кольце слабый камень. И если когда-нибудь мне выпал бы шанс вставить в оправу янтарь и носить его без опаски, я была бы самой счастливой ведьмой на свете.

Улыбнувшись смелой фантазии, я решительно разжала кулак и замерла. Улыбка исчезла, а легкость, царившая в мыслях, уступила место растерянности. Мне достался не янтарь. И даже не топаз.

На моей ладони, приветливо мерцая, лежал гелиодор — сильнейший камень светлых.

Я сглотнула.

Это что же, получается… я сильная?

Неверие терзало душу, словно штормовой ветер — парус суденышка, затерявшегося в море. Заставляло снова и снова смотреть то на оставшиеся на полу драгоценности, то на крохотное солнце, сияющее у меня на ладони.

Я не пустышка. Я… достойная?

В ушах зашумело, горло стянуло тугой удавкой подступивших слез.

— Эв… Эв, гляди, — выдохнула еле слышно и повернулась к топотунье.

Однако смотрела она вовсе не на камень — на меня. Смотрела мягко и понимающе. Она знала. С самого начала знала. Как? Откуда? Понятия не имею. Но сейчас это казалось неважным.

Слезы все-таки побежали по щекам. Я всхлипывала, терла глаза, будто ребенок, и никак не могла успокоиться. Столько лет я считала себя недостойной! Слабой, забытой всеми покровителями. Я почти смирилась с собственной никчемностью, о которой мне так часто напоминали сестра и матушка! А сейчас… нет, сейчас ничего не изменилось. По крайней мере, для мира — для окружающих, в глазах которых я так и останусь белым халцедоном, слабым и жалким. Но для меня изменилось все.

Эвис вновь забралась ко мне на колени и принялась ласково поглаживать лапой. А когда я наконец смогла справиться со слезами, дружески боднула, подбадривая, и сбежала на пол. Я же, всхлипнув в последний раз, посмотрела на стянутую ремешком книгу.

Паз в центре нарисованного солнца едва заметно светился.

Не помню, светился ли он раньше или отреагировал таким образом на появление камней силы. Хотя какая разница? Главное, у меня есть ключ — гелиодор.

Едва я вставила его в углубление, как моя сила будто взбесилась: рванула сначала к камню, а затем к книге. Напитала ее, словно река высушенную долину, после чего столь же стремительно схлынула. В следующий миг замок, тихо щелкнув, открылся.

Мы с Эвис обменялись взглядами. Мой растерянный против ее азартного.

Аккуратно откинув ремешок, я перевернула первую страницу.

Желтоватые листы оказались шершавыми на ощупь. Васильково-синие чернила выглядели яркими, словно только что просохли. Стоило сильнее — до тихого хруста корешка — раскрыть книгу, как пахнуло нагретой на солнце бумагой и лесом.

Спешить не хотелось. Напротив, в груди царапалось желание всмотреться в каждый завиток каждого символа, с наслаждением провести пальцами по исписанным страницам. Только времени мало.

Отринув ненужные эмоции, я углубилась в поиск.

Почти все описанные заклинания и ритуалы воздействовали на чувства. Но не как приворот, а словно… словно лечили души.

Душа и сила.

Созидание светлых! Ну конечно!

На первой странице, выведенные бисерным почерком, шли названия разделов. Поначалу они показались мне поэтичным набором слов, но теперь все встало на свои места. Я поняла, какой ритуал мне нужен.

Буквы, слова, строчки — каждая выведенная вручную мысль находила во мне отклик. Я чувствовала книгу. Чувствовала отголоски эмоций того, кто ее написал. И они вселяли в меня веру: все получится.

Перечитав выбранный ритуал в десятый раз, я мысленно проговорила его про себя. Убедилась, что запомнила каждый шаг, и лишь после этого, закрыв замок, вернула книгу на место.

— Пора возвращаться, Эв, — я посмотрела на ящерицу. Та с готовностью кивнула.

Покидать тайную секцию не хотелось, расставаться с гелиодором — тем более. Но я отдала камень на съедение Эвис, погладила зеленую спинку и, бросив прощальный взгляд на хранилище, вышла. Дверь встала на место почти беззвучно, запечатав свет под коконом тьмы.

Я возвращалась, не видя дороги. Темнота казалась настолько

же кромешной, насколько и холодной. Дышать становилось все труднее. Сейчас, покинув место, родственное моей природе, я особенно остро чувствовала враждебность чуждой силы.

Голова кружилась. Грудь, по ощущениям, сковало тисками.

Добравшись до потайной двери, я остановилась, пытаясь пальцами нащупать рычаг. И когда подушечки уже ощутили узор разделителя — такого же, как и с внешней стороны, — я услышала приглушенное:

— И чтобы ни пылинки! Вчера раздел по сангрологическим проклятиям остался в беспорядке. Если это повторится и сегодня, я лично доложу Мак-Фордин! Быстро, быстро, быстро! — голос хранителя библиотеки звучал недовольно, требовательно.

Я запаниковала.

Горгулья уже ожила? Но кто с ней? И как мне выбраться незамеченной?

Прижавшись ухом к стене, я попыталась понять, насколько близок хранитель к выходу из тайной секции. С той стороны доносился шорох, какое-то шебуршание и хлопки крыльев.

Проклятье! Совсем рядом!

Кокон тьмы надавил сильнее. Голова закружилась.

Разбуженный, вскормленный гелиодором свет дразнил чуждую силу. И она, словно дикий зверь, пыталась его подавить. Тяжесть в груди стала почти невыносимой. Я понимала: долго мне не выстоять. Сейчас лучше вернуться в хранилище света, выждать там некоторое время, а как только появится возможность — выбраться.

Не мешкая, я развернулась в нужную сторону, но успела сделать только два шага. Потом голова закружилась с новой силой, и я поняла, что падаю.

ГЛАВА 38

Меня окружало тепло. Нежное, точно ласковый летний ветер, остужающий нагретое за день дерево террасы. Дышалось легко. Почти так же, как в южной резиденции Мак-Моров. После проявления меня перестали туда брать, и летом я часто оставалась в поместье одна под присмотром Ригге. Но я помню, какими волшебными были ночи на юге: как по-особенному перешептывались густые кроны, как убаюкивающе звучал треск сверчков и какой сладкий аромат поднимался от раскинутого за резиденцией сада.

Чувство защищенности и чего-то… родного окутало меня, будто кокон. Я нежилась в нем, терлась щекой и с затаенным наслаждением впитывала каждый миг. Прикосновения, мягкие, нежные, и тихий голос, зовущий меня. В мире воспоминаний было уютно.

— Лэйни… Лэйни, милая, приходи в себя…

Ветер в кронах южных деревьев зазвучал тревожно. Никто не называл меня милой. Даже до проявления.

Беспокойство налетело холодным порывом, остудило разгоряченное лицо и заставило открыть глаза. Я растерянно осмотрелась, поняла, где нахожусь, и попыталась встать. Но тело слушалось плохо.

— Лежи, — вполголоса произнес Хэйден, убирая упавшие мне на лицо пряди. — Не знаю, как долго тьма сдавливала тебя. Пока не почувствуешь, что сила вернулась, лучше не шевелись.

— А ты? Разве тебе не больно находиться здесь? — я мельком глянула по сторонам, убеждаясь, что мы в хранилище светлых.

Хэйден сидел на полу, скрестив ноги и прислонившись спиной к стене. Меня он устроил полулежа в кольце своих рук: моя голова покоилась на обтянутой кителем груди.

— Как ты вообще тут оказался? — спросила я, заглядывая северянину в глаза.

Тот улыбнулся. Причем настолько тепло, что я смутилась: ощутила, как полыхнули румянцем щеки, и опустила голову, пряча собственную реакцию. Но, судя по тихой усмешке, он все же заметил.

— Твой кайрош привел меня.

— Эв? — я забеспокоилась. — Она здесь? Эв?

Тут же по моей юбке вскарабкался паук и обернулся ящерицей.

— Хвала Полуночной Матери, ты в порядке! — выдохнула я с облегчением.

— Не знаю, что меня забавляет больше: что ты, несмотря на свою природу, почитаешь покровительницу темных или что смогла приручить кайроша.

Я посмотрела на Хэйдена.

— Я ее и не приручала. Мы с ней друз… семья, — исправилась, качнув головой.

Да, все так: Эвис для меня гораздо больше, чем просто подруга. Она та, кому я доверяю как себе; та, за кого я буду бороться, если придется. Моя упрямая топотунья.

Прохладная лапа опустилась мне на руку, а сама Эвис задрала мордочку и посмотрела на Хэйдена едва ли не с вызовом. Колдун встретил ее взгляд спокойно, но в то же время серьезно. Он смотрел на нее как на равную. А потом так же серьезно кивнул, будто подтверждая и принимая ее роль в моей жизни.

— Эв? — уточнил Хэйден.

— Эвис, — призналась я и улыбнулась, следя за его реакцией.

— Ты просто ведьмина ловушка для неприятностей, — выдохнул он, крепче прижимая меня к себе. — Ты хоть знаешь, что имя Эвис…

— Светлое? — с улыбкой закончила я. — Знаю. Но она сама его выбрала.

— Сама? — Хэйден насторожился. — Как вы с ней встретились?

Теперь я не видела причин скрывать от него правду и уже без страха повторила рассказ о саботаже у Дис-Роны. Поделилась догадкой, что Эвис никогда не было в той корзине, и, хитро поглядывая на Эвис, пожаловалась, как непросто было угадать ее имя. Хэйден слушал внимательно, не сводя при этом взгляда с моей подопечной. А когда я договорила, уточнил:

— Это она привела тебя сюда?

Топ.

— Да, — перевела я.

— Но это явно не первые светлые артефакты, верно?

Я недоуменно посмотрела на Эвис. Та недовольно, с видимым нежеланием топнула.

— Верно. Как ты догадался?

Хэйден, до этого не сводивший взгляда с ящерицы, повернулся ко мне.

— Утверждать пока рано, но, думаю, твоя Эвис — артефакт.

— Что? Живые не становятся вместилищем чужих душ, мы храним собственные.

— А она и не вмещала в себя душу. По крайней мере, всю. Думаю, в нее попала лишь частица. Причем, судя по всему, светлая. Это объясняет, как, при темной природе кайрошей, Эвис

чувствует свет и ведет тебя к нему.

— Но разве такое возможно?

— Как видишь, — Хэйден хмыкнул. — Наверняка именно поэтому она и пришла к тебе: без подпитки света ей плохо. Если предположить, что живым артефактом она стала давно, то к моменту вашей встречи, скорее всего, Эвис балансировала на грани жизни и смерти. Думаю, в определенной мере она… питается, — подобрал он слово, — твоим светом. Ты нужна ей, Лэйни.

Топотунья слушала Хэйдена настороженно, но в то же время с опаской. А едва он договорил, повернулась и взглянула на меня так виновато, что защемило сердце.

— Она тоже мне нужна, — ответила я твердо и повторила: — Мы семья.

Эвис не заурчала, не стала топать или как-то иначе бурно реагировать. Вместо этого она прикрыла глаза и доверчиво прижалась к моей ладони. И в одном этом жесте крылось больше эмоций, чем в любых привычных для нее танцах.

Я вновь посмотрела на Хэйдена и только теперь заметила капли испарины у него на висках и лбу.

— Тебе плохо? Из-за света?

Я дернулась, пытаясь встать, но он удержал.

— Все в порядке, Лэйни.

Высвободив руку, я прижала ее к лицу северянина и ужаснулась: его кожа пылала.

— А вот и нет. Не стоит геройствовать понапрасну. Кокон тьмы рядом — нужно лишь перешагнуть порог.

— Кто бы говорил про напрасные геройства, — криво усмехнулся Хэйден. Однако моему беспокойству внял: помог встать мне, затем поднялся сам и вышел.

Мы оставили дверь открытой. Полоска света стала той границей, пересекать которую каждому из нас было больно. Опустившись по разные стороны от нее, мы сели так, чтобы оказаться лицом друг к другу. Хэйден сидел во тьме, я на свету. И сейчас я, как никогда остро, ощутила наше с ним различие. Нефрит и гелиодор. Разве могут два столь сильных камня, принадлежащих разным силам, быть вместе?

— Это ничего не значит, — заметил Хэйден, не сводя с меня взгляда.

Я непонимающе нахмурилась, и колдун с улыбкой пояснил:

— У тебя все мысли написаны на лице. Да, ты свет, а я тьма, но только это ничего не значит, — повторил он. — Мы можем быть вместе.

— Пока я не окажусь в Солнечном царстве?

— Пока ты сама не решишь иначе.

Я закусила губу. Что он хочет этим сказать? Что примет любой мой выбор? Что оставляет решение за мной? Но, во имя всех покровителей, это не может быть решением одного человека! Не может! Да и как решиться, если ступаешь во тьме?

— Кого ты видишь? — тихо спросила я и замерла в ожидании ответа.

Сколько бы я ни пыталась убедить себя, что мне достаточно лишь помощи Хэйдена, это не так. С каждым разом находиться рядом с ним все тяжелее. С каждым поцелуем хочется все большего. И пусть меня проклянут за жадность, но я не могу довольствоваться полутонами.

Хэйден качнул головой и улыбнулся.

— Ты так и не поняла? Я вижу ту же ведьму, которая привлекла мое внимание еще в самый первый день: напуганную, растерянную, но гордую. В синем платье, за серым столом. Со внутренней силой, которую не всегда встретишь даже в нефритах. Честную, настоящую, красивую. Слишком осторожную, чтобы довериться, но в то же время слишком уставшую в одиночку сражаться с миром. Да, Лэйни, я хочу защищать тебя. Но не потому, что ты светлая. А потому, что ты — это ты.

Хэйден говорил тихо, но очень уверенно. И с каждым словом его уверенность передавалась мне: она проникала сквозь кожу, струилась по венам и заполняла меня клетка за клеткой. До тех пор, пока не достигла сердца.

Я протянула руку к границе света и тьмы, и на самом ее острие, чувствуя холодное покалывание чуждой силы, мои пальцы встретились с пальцами Хэйдена. Самые важные слова отзвучали, теперь вместо нас говорили наши души, тянущиеся навстречу друг другу, наши прикосновения и наши взгляды.

* * *

Ритуал, который мог спасти Ардена, оказался до смешного прост. Уверена, даже темному под силу его провести — всего-то и требуется, что последовательно выполнить каждый из четырех этапов, а в конце замкнуть их активирующей командой. Удивительно, почему темные сами не додумались до подобного? Или они и не пытались? А впрочем, уже неважно. Главное, появился способ помочь Ардену, не пострадав при этом самой.

Все элементы готовились просто, и единственное, что вызывало трудности, — настойка гелиотропа, которую следовало выдержать полных пятнадцать дней. В любой другой ситуации это

бы не стало проблемой. Но сейчас, когда до зимних праздников оставалось меньше месяца, любая ошибка может стоить слишком дорого.

Я хотела провести ритуал прежде, чем Арден отправится к Шантарам. Нельзя позволить ему разорвать помолвку. Это не его желание — это желание его одержимости. А значит, придется действовать наверняка.

Хэйден внимательно выслушал мой план, дважды уточнил насчет возможного отката и, убедившись, что тот если и будет, то незначительный, согласился помочь.

Я умолчала лишь об одном — о Мойре. Даже сейчас, доверившись Хэйдену как никому другому, я продолжала оберегать род Мак-Мора. Как бы ни сложилась моя дальнейшая судьба, ничто не должно связывать древний дом с чуждым ребенком. Это не только мой секрет, и доверить его я не могу никому. Даже Хэйдену.

Спустя час мы покинули тайную секцию.

Эвис с готовностью нырнула в карман моего платья. Я, собравшись с силами, шагнула во тьму. Вцепилась в руку Хэйдена и неосознанно придвинулась ближе. Мне нравилось прижиматься к нему, чувствовать соприкосновение наших тел и еще больше нравилось вдыхать его запах.

Дойдя до двери, Хэйден, как и я ранее, замер. Прислушался, убедился, что по ту сторону проход чист, и, накинув мощный полог, открыл потайную дверь. Мы вышли в общий зал. Дождались, когда стеллаж вновь станет цельным, и лишь после этого убрали маскирующее заклинание.

Где-то неподалеку послышались тяжелые взмахи каменных крыльев. Не раздумывая, Хэйден прижал меня к ближайшей полке и поцеловал. Я не воспротивилась, наоборот — закрыла глаза и подалась навстречу. Все во мне отзывалось на его прикосновения. Я хваталась пальцами за широкие плечи, будто боясь упасть, и чувствовала волны дрожи, прокатывающиеся по телу.

Когда над нашими головами раздалась ругань горгульи — клянусь, я пожалела, что хранитель вообще существует. Своим появлением он напомнил мне о приличиях. Щеки нагрелись, словно поцелованные летним солнцем, и я поспешила спрятать лицо на груди северянина. Тот сдержанно извинился за нас двоих и решительно повел меня к выходу.

Почему-то хотелось смеяться. Сильнее сжать руку Хэйдена и, хохоча в голос, сбежать по лестнице. Хотелось улыбаться миру, всем и каждому в нем. Даже бурчащему нам в спины хранителю!

Я летела словно на крыльях. В ушах по-прежнему звучал голос Хэйдена, спокойный и уверенный, а щека, кажется, до сих

пор ощущала взволнованное биение сильного сердца. И осознание того, что наш поцелуй разжег в северных горах огонь, наполняло меня пьянящим восторгом.

Мы едва миновали два коридора, когда Хэйден, не выдержав, втянул нас в узкую нишу за гобеленом и снова накрыл мои губы своими. Странное притяжение влекло нас друг к другу сильнее любого приворота. Я задыхалась, забирая его дыхание и возвращая свое. Но мне было этого мало. Я хотела большего: больше поцелуев, больше прикосновений, больше самого Хэйдена. И отдать ему всё — всю меня, мою душу.

— Лэйни… — выдохнул он со стоном, разрывая поцелуй.

Северное произношение вновь добавило моему имени особого звучания: тягучести, сладости, желанности. Голова закружилась. Захотелось, чтобы Хэйден позвал меня еще раз, чтобы его губы шептали только мое имя. Но я не осмелилась попросить.

— Подожди, Лэйни, — удержал он, стоило мне потянуться за новым поцелуем. — Ты должна кое-что понять. О том, кто мы… кто я.

Я едва улавливала смысл его слов. Разум затуманился, и единственное, что я осознавала четко, — желание быть с Хэйденом. Ощущать его руки, скользящие по моему телу, чувствовать его губы, вдыхать его запах.

— Северяне ужасны. Мы собственники, Лэйни. Такие, которые не отступаются, которые готовы биться до конца. Только позволь мне поверить, что ты моя, и я не отпущу тебя. Никогда. Сейчас я еще могу отступить. Но если ты выберешь меня, если сама вручишь себя, то шансов передумать у тебя не будет. *Я* не дам их тебе.

Хэйден говорил тихо, но вместе с тем очень уверенно. Он предупреждал. Возможно, даже пытался напугать. Но только я не испугалась. Да и разве можно бояться чего-то столь желанного?

Улыбнувшись, я подалась вперед и вновь поцеловала Хэйдена. Жарко, жадно, отчаянно. Я цеплялась за него, как упавший в горную реку — за ветку, перекинутую через поток. Он нужен мне. Такой, какой есть. С его темным прошлым, с нашим туманным будущим. Неидеальный, опасный, честный. И мне неважно, кто его создал — Полуночная Матерь или Пресветлый Отец. Лишь бы он целовал меня так же крепко, как сейчас, лишь бы не отпускал.

Я твоя…

Мое тело тянулось к телу Хэйдена. Вжималось в него и с затаенным трепетом наслаждалось каждым миллиметром прикосновения.

Я твоя.

Душа рвалась навстречу, пробивала грудную клетку и, царапая костяными осколками сердце, вылетала на свободу — к нему, к Хэйдену.

Я твоя!

Даже моя сила, несмотря на нашу непохожесть, стремилась к единению. И клянусь, в его тьме мой свет сиял.

— Нам лучше остановиться сейчас, — выдохнул Хэйден, с трудом разрывая поцелуй. — Пока я еще в силах это сделать.

Его признание опьянило. Сердце, и без того заходившееся взволнованным ритмом, забилось быстрее. Губы обожгло. Я подалась вперед, желая продолжить, но тут услышала знакомый голос:

— Отвали, Минакс! Все со мной в порядке!

Мимо укрытой гобеленом ниши, в которой мы прятались, прошел Арден.

— Прости, друг, но ты выглядишь преотвратно. Ты сам себя видел?

— Отвали! — рявкнул он. — Я в порядке! В порядке, слышишь? Мне нужно лишь продержаться до зимних праздников… До зимних праздников, а потом она станет моей. Моей!

Одержимость в низком голосе звучала до того отчетливо, что я непроизвольно прижалась к Хэйдену. Мы обменялись обеспокоенными взглядами. Кажется, времени осталось даже меньше, чем мы предполагали.

ГЛАВА 39

Следующие полторы недели пронеслись, словно морозный ветер между башен академии: стремительно, со слышимым свистом — слишком быстро, чтобы суметь ухватиться за призрачный хвост.

Все свободное время мы с Хэйденом занимались подготовкой к ритуалу: проверяли настойку гелиотропа, чертили на листах символы, запоминая каждое движение кисти, проговаривали слова активирующей команды.

В день, когда территория вокруг академии укрылась снегом, тяжелым и липким, Хэйден исчез. Я видела его лишь мельком за завтраком, а на обеде он уже не появился. На ужине тоже.

Подгоняемая беспокойством, я добежала до жилого корпуса. Однако стоило шагнуть в коридор второго этажа, как сильная рука обхватила меня поперек талии, сжала до боли и потянула в сторону. В нос ударил запах металла.

Узнавание случилось в секунду.

— Нет! — я дернулась, пытаясь вырваться из стальной хватки.

— Не бойся, Лэйни, — жаркое дыхание опалило кожу. — Я не дам тебя в обиду, никому не дам… И сам не обижу. Я просто хочу быть рядом. Ведь ты же моя. Моя!

Голос Ардена звучал взволнованно. Слова вырывались быстро, окончания смазывались. Колдун не говорил — бредил!

— Артиэлл, пожалуйста, отпустите меня, — произнесла я как можно мягче. — Нас могут увидеть и…

— Нет! — Арден стиснул меня сильнее, заставив охнуть от боли. — Не отпущу! И никому не отдам!

— Вы делаете мне больно… Ай!

Я вцепилась в обвившую мою талию руку, попробовала отодвинуть ее, но колдун, кажется, и не заметил моих усилий.

— Мне тоже больно! Больно, что приходится держаться на расстоянии, смотреть на тебя и не иметь права прикоснуться. Но осталось немного. Немного, Лэйни! Меньше трех недель! Три недели… — в его голосе проступил холод. — Нет, это слишком долго. Я не могу столько ждать. Не могу!

Мужские пальцы впились в мое тело. Даже сквозь платье я ощущала, как они сминают мою кожу, вдавливаются в нее. Прикосновение обжигало, заставляло непроизвольно дергаться в попытках высвободиться. Но только чем сильнее я трепыхалась, тем крепче Арден меня сжимал.

— Почему ты вырываешься, Лэйни? Мы же предназначены

друг другу. Ты родилась, чтобы принадлежать мне. Неужели не понимаешь? — жарко шептал он, сдавливая все сильнее.

Из глаз непрошено брызнули слезы.

Мимо по коридору прошагал высокий, затянутый в форменный китель лернат. Его взгляд даже не зацепился за нас, словно… словно и не видел вовсе!

Ужас осознания скользнул под кожу и разлился по венам стылой рекой.

Нет! Только не полог!

— Да-а-а, — протянул Арден, явно почувствовав, как я испуганно замерла. — Никто не помешает нам, Лэйни. Я же говорил — ты только моя! Никто даже не увидит тебя.

Это уже не одержимость — чистое безумие! Нужно остановить его! Но как? Что халцедон может противопоставить нефриту? Светлый дар тут не помощник, а тьмы во мне не больше крупицы.

Мысли проносились стремительно. Я едва успевала их осознавать. Единственное, что я понимала отчетливо: без посторонней помощи мне не справиться.

— Хэйд… — начала я и замычала, едва чужая ладонь зажала мне рот.

— Нет, не надо, — нежно, почти ласково прошептал Арден, касаясь губами моего уха и вызывая во мне новую волну ужаса. — Забудь его имя. Забудь имена всех вокруг, помни только мое. И повторяй его, Лэйни. Снова и снова… — выдохнул он и, сжав меня до слепящих пятен перед глазами, потащил в сторону.

Я задергалась изо всех сил: мычала, пыталась укусить ладонь, зажавшую мне рот, стучала каблуками, норовя вдавить их в носок шантаровских туфель. Но Ардена, казалось, это лишь забавляло. Он тихо посмеивался и продолжал увлекать меня вглубь коридора.

Слезы все сильнее застилали взор, сердце рвало отчаянием. Я боялась. Но не самого Ардена, а охватившего его безумия.

Внезапно он издал приглушенный звук — полувздох-полустон — и начал оседать. Меня выдернули из его хватки и потянули к лестнице.

— Бегом, Лэйни, бегом! — взволнованно произнес Киган. — Пока этот индюк не очнулся!

Я послушно припустила за другом. Не сбавляя скорости, глянула через плечо на лежащего на полу Ардена и вновь посмотрела на Кигана. Вместо ответа тот тряхнул зажатой в руке массивной книгой в алом переплете.

— Зря я недооценивал силу знаний! — ухмыльнулся он, выбегая на лестницу и устремляясь вверх.

Я не отставала. Свободной рукой придерживала юбку, чтобы не оступиться.

— Как… ты… смог? — слова вырывались на каждый выдох.

— Врезать? С удовольствием! Прям от всего сердца!

Киган тоже дышал тяжело, но старался не показывать этого.

— Нет… я… про… полог…

— Повод? Повод напрашивался уже давно. Может, ты и не видела, но последние месяцы он косится на тебя, как я… на… рагу, — под конец фразы дыхание у него все же сбилось.

Взбежав на седьмой этаж, Киган хотел остановиться, но я мотнула головой и продолжила забег. Друг, кивнув, пристроился сбоку.

Арден не знает, где именно я живу. Но, кажется, еще в самый первый день он решил, что меня поселили на седьмом этаже. Значит, прятаться стоит выше.

Лишь оказавшись у моей двери, мы оба привалились к стене и попытались восстановить дыхание.

— Как ты… смог увидеть меня… сквозь полог нефрита? — снова спросила я.

Друг поморщился, явно недовольный моей настойчивостью, и хмуро буркнул:

— Только Ллосе не говори.

— О чем?

— О том, что я… — Киган запнулся, будто слова вдруг застряли в горле, — слеп.

Я нахмурилась, не понимая.

— Я не вижу пологов, — пояснил он. — Точнее, ничего не вижу: ни пологов, ни сфер, ни блоков. И… и сам не могу их ставить.

— Поэтому Дис-Мари тогда просила тебя задержаться?

Он кивнул, все еще понуро, но уже через секунду широко улыбнулся.

— Расскажешь Ллосе, как я тебя спас? Про слепоту молчи, а вот о моей героической смелости можешь поведать без стеснений!

— Ты напал на нефрита, Киган. Не думаю, что стоит хвастать этим на каждом шагу.

— Да брось! — отмахнулся друг. — Что он мне сделает? Втянет в пари? Пф, тоже мне ужасы. Не переживай, Лэйни! Не думаю, что свет выжег ему разум настолько, чтобы тот кинулся меня убивать. Это же академия, тут с правилами строго!

Беззаботно рассмеявшись, Киган хлопнул меня по плечу и, расслабленно заложив руки за голову, зашагал к лестнице. Я смотрела ему вслед и чувствовала нарастающее в душе беспокойство.

Киган ошибается: свет выжег Ардену не разум, а сердце. И это намного страшнее.

* * *

Когда мир за окном укутала тьма, а на небе вспыхнули звезды, которые после речей магистра Роуна у каждого халцедона вызывали особый трепет, в дверь постучали. Мы с Эвис обменялись вопросительными взглядами. Потом я кивком головы указала на подушку, и уже через секунду под ней скрылся зеленый хвост.

Оправив платье и мысленно обрадовавшись, что еще не успела сменить его на ночную сорочку, я подошла к двери. Почему-то было страшно. Вдруг по ту сторону притаился Арден? Хотя в охватившем его безумии он бы не стал стучать — скорее явился бы переходом, как это всегда делала Мойра.

Может, вернулся Киган? Но почему так поздно?

— Лэйни, это я, — раздалось приглушенно с той стороны.

Едва я услышала первые звуки, как пальцы сами схватились за ручку и дернули ее на себя. На пороге стоял Хэйден.

Забыв о приличиях, о том, что для любой артиэллы непозволительно проявлять эмоции столь бурно, я кинулась ему на шею. Обняла крепко-крепко, услышала шорох смятой бумаги, но не обратила на него внимания.

— Лэйни? Все в порядке?

— Ты… тебя не было на обеде и ужине, и я решила, что… точнее, я просто… я не знала, что думать, — объяснение получилось сбивчивым, взволнованным.

Нехотя отпустив Хэйдена, я шагнула в сторону, дождалась, когда он пройдет, и закрыла дверь. Хэйден скинул на кровать пухлые, перевязанные разноцветными шнурами свертки и приблизился ко мне.

— Прости, что заставил волноваться, — произнес он, обнимая.

Потом наклонился и поцеловал, причем до того жарко и сладко, что закружилась голова. Я задохнулась от нахлынувших чувств. Прижалась теснее и, привстав на носочки, запустила пальцы в густые темные волосы. В объятиях Хэйдена все стало неважным: ни куда он исчез, ни что ждет нас впереди. Даже проблемы и те отступили на второй план. Главное, с ним все в порядке, он рядом.

— Что-то произошло? — спросила я, когда поцелуй прекратился.

Хэйден покачал головой.

— Ничего страшного: отец приехал раньше, чем мы договаривались. Пришлось срываться посреди занятия и четырьмя переходами мчаться в Эртентон.

— А… — я растерялась. — А чтобы покинуть академию, разве не нужно получить разрешение?

— Обычно да, — улыбнулся он. — Но в особых случаях бывают послабления.

— В случаях наследников, — догадалась я.

Он не ответил, но по хитрому взгляду я поняла, что попала в точку.

— А зачем приезжал твой отец? Или не твой? Или…

— Мой темный отец, — правильно понял мои сомнения Хэйден. — Светлым опасно соваться на территорию империи. Но Виларда Морроубрана я тоже считаю отцом — он растил меня с момента проявления моей тьмы. Я рассказывал: у нас нет чужих домов и чужих семей. Мы один большой клан, который за своих будет биться до конца.

В голосе Хэйдена слышалась гордость. Он восхищался принятыми на севере порядками, воспринимал себя их частью и не просто чувствовал обязанность им следовать, а искренне желал этого. Невольно в душе шевельнулась печаль: за меня никто и никогда не боролся, напротив — всегда прятали, как нечто постыдное. И единственное чувство, которое мне прививали — долг перед родом.

— Все прошло хорошо? — спросила я, гася непрошеные эмоции.

Хэйден не спешил с ответом. Вглядывался в мои глаза и, казалось, видел в их глубине то, чего никто раньше не замечал. Мои самые потаенные надежды.

— Мы не выбираем семьи, в которых родиться. Но мы сами решаем, с кем создавать собственные. Все еще будет хорошо, Лэйни, вот увидишь.

Я кивнула, глотая подступившие слезы. Прижалась щекой к ладони Хэйдена, когда он нежно коснулся ею моего лица, и улыбнулась.

— А с отцом все в порядке, — ответил колдун, увлекая меня на кровать.

Сдвинув свертки, мы сели. Эвис тут же с любопытством зарылась мордочкой поочередно в каждый из них.

— Мы говорили о тебе. — Я вскинула удивленный взгляд на Хэйдена и поймала ответный, полный тепла. — Отец уже знал, что у меня появилась избранница. Теперь он узнал, что ее нужно вывезти из Лунной империи.

— Но разве это возможно до окончания академии?

— Есть только один способ.

На секунду я замерла, пытаясь понять, о чем он говорит. А когда поняла — залилась краской, по ощущениям, до кончиков ушей. Кожа на лице и шее заполыхала, как огонь под ведьминым котелком.

Хэйден тихо рассмеялся.

— Не пугайся так. У Силлерторнов есть амулет, который поможет с имитацией. Он нейтральный, его природу не засекут. А главное, он достаточно маленький, чтобы спрятаться внутри любого украшения. Ни один лекарь не поймет, что отклик поддельный.

Чем дольше говорил Хэйден, тем сильнее разгорался огонь под котлом моего смущения.

— А… а долго…

— Нет. Как наследник рода, я смогу затребовать твоей немедленной отправки в земли Морроубранов, едва мы получим подтверждение от лекарей. Наследниками наследников, — Хэйден усмехнулся такой цепочке, — никто рисковать не станет.

Наследники Хэйдена. Его дети.

От этой мысли стало жарко. Невидимое пламя спустилось ниже: теперь оно полыхало где-то под сердцем.

— А… — во рту и горле пересохло, пришлось сглотнуть. — А если их потом попросят показать?

Хэйден усмехнулся.

— Тогда и будем думать. Главное — вывезти тебя из Лунной империи. Мы не можем рисковать, Лэйни. После зимних праздников у первогодков добавятся занятия еще по трем темным материям.

— Подожди, — я вскинула на него растерянный взгляд. — Ты хочешь вывезти меня так скоро?

— Да. Тянуть опасно. Как только настойка гелиотропа будет готова, мы поможем Ардену. К тому времени отец вернется с амулетом Силлерторнов.

Я слушала, до конца не веря собственным ушам. Всего через пару недель я покину империю? Я буду… спасена?

— Лэйни? — с беспокойством позвал Хэйден. — Что-то не так? Тебя смущают возможные слухи?

Я отрицательно мотнула головой. Нет, меня смущает не то, что все решат, будто я ношу ребенка Хэйдена. А то, что на секунду я пожалела, что это будет лишь притворством.

Громкий шорох заставил нас отвлечься — это Эвис, зарывшись мордочкой в один из свертков, умудрилась застрять. Толстый хвост и короткие лапки недовольно дергались, явно

пытаясь за что-нибудь уцепиться.

— Подожди, — я осторожно ухватила зеленое тельце, — сейчас достану.

— Твой кайрош иногда забывает, что умеет оборачиваться? — по-доброму усмехнулся Хэйден.

— Мой кайрош не любит, когда о нем надолго забывают, — улыбнулась я.

Задняя лапа выразительно дернулась один раз. И, судя по всему, это был воздушный «топ».

— Я развяжу? Боюсь, бумага ее поцарапает.

— Развязывай, конечно. Это все тебе.

На секунду я растерялась. Эвис тут же задергалась, требуя вернуться к спасению ее драгоценной персоны. Раскрыв сверток, я освободила ящерицу и перевела взгляд на аккуратно сложенную вещь уютно-серого цвета. Ею оказалось платье, красивое и очень теплое, из тонкой, искусно выделанной шерсти, украшенное россыпью белого жемчуга по вороту.

— Как северянина меня восхищает, с какой стойкостью ты переносишь холод. Но, как твой нареченный, я не могу позволить тебе мерзнуть.

Я оглядела свертки. Сколько их тут? Шесть? Семь? Восемь? И все мне?

— Надеюсь, с размерами угадал, — Хэйден улыбнулся. — Если нет, отправим поменять.

К горлу вновь подступили слезы.

Он не спрашивал, почему я не ношу теплых вещей. Не смущал предложениями дать денег. Не пытался разбередить старую рану ненужными расспросами о моей семье. Он все понял сам. Понял и решил помочь. Хэйден продолжал вести себя так, как вел с первой нашей встречи, — оберегал, ничего не прося взамен.

Бережно отложив платье, я потянулась и накрыла его губы своими. Раньше я не понимала, каково это, когда один человек становится для другого Луной — главным ночным светилом, на фоне которого теряются даже самые яркие звезды. Но теперь я знаю точно. И кажется, я… влюбилась?

ГЛАВА 40

Хэйден ушел поздно, и боюсь, именно я была тому причиной. Позабыв все нормы приличия, отринув каждое из правил, которые я, как истинная артиэлла, знаю с пеленок, я позволила себе раствориться в ощущениях. Целовала до исступления, зарывалась пальцами в густые волосы цвета темного шоколада, вжималась бесстыдно в сильное тело. И желала… желала столь многого, что это одновременно пугало и завораживало. По моим венам бежала не кровь — искушение, смешанное пополам с робостью, словно лучшие сорта винограда в дорогом купаже.

Я дышала Хэйденом и не могла им надышаться. Кусала губы, сдерживая стоны, когда он целовал мою шею, и на ощупь, словно слепая, запоминала черты его лица. Скользила по ним подушечками пальцев, губами и шептала его имя.

Если бы Лангария узнала, как низко я пала, если бы увидела, как я задыхаюсь в его сильных объятиях, — она бы прокляла меня. Не смеет артиэлла целовать столь самозабвенно, не должно ей распахивать душу перед кем бы то ни было. И уж тем более ни одна из артиэлл не станет эту душу вручать другому. Но я всегда была неправильной — Недоделком. Вот только сейчас я впервые по-настоящему этим наслаждалась.

В какой-то момент мы повалились на кровать, раскидав еще не открытые свертки и вспугнув Эвис. Она что-то затопотала, отбивая лапами недовольный ритм, но мы не обратили внимания. Юбка платья мешала. Она сковывала движения, сдерживала мои ноги, будто напоминая о чести. Вот только я не хотела о ней помнить. Пусть меня проклянут за распутство, но я желала Хэйдена. И где-то в глубине души, в самом потаенном ее уголке я мечтала стать той единственной, кто подарит ему наследников — зеленоглазых колдунов, маленьких, но вместе с тем величественных, как северные горы.

Однако Хэйден не позволил мне предать собственное достоинство. Он первым нашел в себе силы отстраниться. Я видела, чувствовала, как трудно дался ему самоконтроль, и все во мне отзывалось трепетом на осознание этого.

Хэйден ушел переходом, оставив меня со сбившимся дыханием, разгоряченными щеками и припухшими от поцелуев губами. Еще добрую четверть часа я лежала, глядя в потолок, и все пыталась прийти в себя. Потом, кое-как совладав с телом, встала, умылась и переоделась в ночную сорочку. Погладила Эвис, косящуюся на меня особенно хитро, и забралась под одеяло.

Утро нового дня началось, как всегда, с колокола. Низкий

ритмичный звон пронесся над академией и разбудил спящих лернатов. И, пожалуй, именно в такие моменты не существовало различий между халцедонами, изумрудами, сапфирами и нефритами — все мы одинаково морщились, слыша гулкое эхо главного колокола.

Но сегодня я проснулась легко. Одной из первых убежала в душевую, а вернувшись, облачилась в новые вещи. Нижняя сорочка из тонкого алденского хлопка приятно ощущалась на коже. Расшитое жемчугом шерстяное платье и теплые сапожки с пряжками-полумесяцами сели как влитые. Завив волосы мягкими полукольцами, я накинула на плечи подбитый мехом темно-фиолетовый, точно таннатовый виноград, плащ и выскочила в коридор.

Сегодня мне, как никогда, хотелось выглядеть красиво. Не для себя — для Хэйдена.

На лестнице я нос к носу столкнулась с друзьями. Те с видимым удивлением оглядели мой наряд и одобрительно заулыбались.

— Рада за тебя, — шепнула мне Ллоса, обнимая. — Если из-за него ты выглядишь такой счастливой, то он — тот самый.

В груди взвился теплый, словно летний ветер, вихрь. Я улыбнулась и обняла подругу в ответ. Шумной четверкой мы спустились в трапезную, где получили положенный халцедонам завтрак. И, клянусь обоими покровителями, никогда еще кукурузная каша не казалась мне такой вкусной!

За едой я вспоминала наш с Хэйденом разговор. Да, вчера — до того, как сорваться в бездну собственной слабости, — мы успели поговорить. Я рассказала об усиливающейся одержимости Ардена и заступничестве Кигана. Не умолчала и о слепоте друга. Хэйден предложил поставить на его сознание защитный блок. Идея мне показалась правильной, но оставалось одно препятствие — сам Киган. Без его согласия вмешательство недопустимо, более того — может ему навредить.

Поэтому за трапезой я периодически бросала на него беспокойные взгляды. Внутренний голос подсказывал, что убедить Кигана будет непросто. И, к сожалению, голос не ошибся.

Это стало понятно, едва я попыталась заговорить.

— Нет, Лэйни! — мотнул русой головой Киган.

— Пожалуйста! Я хочу помочь.

— Тогда лучше забудь о том, что я рассказал. Не стоило вообще говорить…

— Но Киган!

— Нет, — упрямо повторил он. — Я могу себя защитить. И я не боюсь того нефрита.

— Послушай, он… импульсивен, — подобрала я подходящее слово. — Не хочу, чтобы из-за меня тебе досталось. Никто не узнает, что у тебя блок.

— Ошибаешься, Лэйни. Это всплывет на первом же занятии у Дис-Роны или любого другого магистра, решившего прощупать нашу защиту. А я не хочу ни объяснять, почему мне понадобился блок, ни рассказывать о моей слепоте.

— Но почему? В этом нет ничего зазорного. Да, случай редкий, но…

— Не хочу еще больше ему проигрывать, — буркнул Киган.

— Кому?

— Кайлору.

Я моргнула, теряя нить разговора.

— Ллоса так им восхищается, — поморщился друг. — Кайлор может то, Кайлор может сё, Кайлор сильнейший на своем потоке по защитным блокам и сферам… — передразнил он, подражая интонациям Ллосы. — Не хочу, чтобы она думала, будто я совсем никчемный. Мой халцедон серый. Серый, не белый! — бросил он в запале, но тут же осекся и посмотрел на меня виновато. — Я не слабак, Лэйни. Не нужно меня опекать.

Я молча кивнула, уступая, и проводила удаляющуюся спину друга обеспокоенным взглядом. Настойка гелиотропа будет готова через четыре дня. Тогда же мы с Хэйденом сможем провести ритуал. Но, кажется, это будут самые долгие четыре дня в моей жизни.

Однако, несмотря на опасения, следующие два дня прошли спокойно.

Ардена я почти не видела, Киган же оставался привычно веселым. Наблюдая за ним и Ллосой, я удивлялась, как не замечала этого раньше: они нравятся друг другу! Их постоянные перепалки, подначки и вечные споры — не что иное, как проявление чувств. Неуверенных, робких, чуть стыдливых, но все же бесконечно искренних. Даже на занятиях эти двое всегда норовят сесть вместе! И в этом мне тоже виделась особая прелесть.

После обеда наша четверка выбралась на улицу. Ночью над академией пронеслась метель, и сейчас по всей территории разрослись пушистые сугробы. Их шапки до слепящего ярко искрились на солнце. Морозный воздух покусывал за щеки, но не больно, а скорее игриво.

Словно поддаваясь его настроению, Киган с гиканьем нырнул в ближайшую снежную гору. Ллоса тут же принялась возмущаться глупостью его поступка, клятвенно заверяя, что выжимать из себя силу ради сушки его одежды не станет. Однако, когда Киган

вернулся довольный, с горящими глазами и шальной улыбкой, принялась шептать слова сложного для нас заклинания. Морриган с готовностью вызвался помочь. Я же могла только отряхивать плечи и спину самого шебутного из нас — моих крупиц тьмы не хватило бы и на треть нужного уровня.

На занятиях по зельям, пока в нашем котелке закипало багряно-красное варево бородавочного лиходела, Ллоса умудрилась приготовить согревающее снадобье, а после, когда Дис-Рона отвернулась к Айлоре, едва ли не силой влить его в Кигана. Он шипел, недовольно фырчал, словно попавший под дождь кот, но глядел на Ллосу с благодарностью.

Дис-Рона, подойдя к нашему столу и заметив маленький котелок, от которого ощутимо пахло еловым маслом, покачала головой. Ругать, однако, не стала. Проверила варево бородавочного лиходела, сухо похвалила нас и, уже уходя, бросила на меня внимательный взгляд.

В последнее время она часто смотрела на меня пристальнее обычного. В глубине души я понимала, что это значит: Дис-Рона начинает догадываться о моей причастности к свету. Еще немного, и она поделится подозрениями с Мак-Фордин. Нужно спешить. Я должна провести ритуал и покинуть академию до того, как магистр решится на опасный для меня шаг.

Вечером, уже под конец ужина, Киган вновь предложил выбраться на улицу, уверяя, что теперь-то ничто не удерживает нас от близкого знакомства с мягкостью сугробов. Поначалу мы отказывались, но на удивление быстро сдались под напором его красноречия. Не последнюю роль сыграло и обещание друга отнести наши вещи наверх, чтобы ничто не мешало веселью.

В парке было тихо. Ветер, будто наигравшись за день, стих. Деревья стояли неподвижно и совершенно безмолвно: ни одна ветка не смела нарушить воцарившееся вокруг спокойствие. И только снег еле слышно похрустывал под крепкими подошвами.

Мы шли, огибая жилой корпус, и вполголоса переговаривались. Ллоса иногда поглядывала назад, явно надеясь увидеть догоняющего нас Кигана.

— Долго он, — недовольно заметила она.

— Думаешь, ты бы быстрее пересекла шесть переходов, поднялась на девятый этаж, а потом еще и добежала до парка? — по-доброму усмехнулся Морриган.

Троица мэлов жила даже выше, чем я. Мы никогда не говорили об этом: ребята, думаю, смущались своего низкого происхождения. Для меня же оно давно перестало иметь значение. Они — мои друзья, и только это важно.

— Это Киган хотел устроить вечернюю прогулку, так что мог

бы поторопиться и не заставлять нас морозиться, — продолжила бурчать Ллоса.

Мы с Морриганом посмотрели на ее простой, но добротный плащ. В таком точно не холодно!

— Он скоро придет, не переживай, — поддержала я подругу.

Та тут же вспыхнула как маков цвет и поспешно отвернулась.

— И ничего я не переживаю, — буркнула она, не оборачиваясь. — Просто не люблю ждать.

Я улыбнулась, глядя на смущенную Ллосу. Хотела было успокоить ее, но внезапно в груди кольнуло. Причем до того сильно, что я споткнулась. Морриган тут же подхватил меня под локоть.

— Все в порядке?

Я кивнула и неосознанно потерла ладонью над сердцем. Почему-то было больно и холодно, словно… словно от мощного шлейфа тьмы!

Что? Но откуда?

— Лэйни? — позвал Морриган.

Я тряхнула головой и посмотрела на друга.

— Д-да, в порядке. Оступилась случайно. Спасибо, что…

Новая волна тьмы ударила под дых, с шумом выбивая воздух у меня из груди. Я согнулась.

— Эй, подруга, что с тобой? — забеспокоилась Ллоса.

Я не могла ответить. Звуки словно застревали в горле, и протолкнуть их, выдавить из себя хотя бы сип никак не получалось. А уже через секунду стало не до этого.

— Всегда убегать и прятаться не получится, Лэйни! — раздалось откуда-то сверху.

Эхо с готовностью подхватило и усилило звучание знакомого голоса.

Мы запрокинули головы. Я ощутила, как сжались пальцы Ллосы на моем предплечье, услышала ругань Морригана, но едва осознавала происходящее. Все внимание приковало к подсвеченному окну девятого этажа. Там, опираясь на небольшой декоративный уступ, стоял Киган.

ГЛАВА 41

Первой из нас троих отмерла Ллоса. Она дернулась, будто птица в силках, одновременно яростно и отчаянно, и закричала:

— Что ты творишь, дурень?! Слезай немедленно!

Но Киган и не думал слезать. Напротив, точно в насмешку над нашими страхами, он сильнее наклонился и отпустил оконную раму, за которую держался одной рукой.

— Видишь, Лэйни? Я нашел того слизняка, что посмел нам помешать. Нашел! Никто не сможет нас разлучить. Мы будем вместе! Всегда!

Я узнала эти интонации, этот жар безумия, опаляющий каждое слово. И картинка сложилась. Слепота Кигана, его неспособность защитить собственное сознание и то, с какой легкостью Дис-Мари захватывала его волю.

Сейчас Арден поступал так же — подавлял личность Кигана, завладевал ею. Он мог заставить халцедона сказать что угодно, совершить любой, даже самый ужасный поступок. И, боюсь, в плененном одержимостью разуме не осталось места для света — тьма поглотила его полностью. Та тьма, которой боятся даже дети Полуночной Матери — тьма безумия.

Я смотрела вверх и кусала губы.

Что нам делать? Как не позволить случиться непоправимому?

Здесь и сейчас есть только мы — трое серых первогодков, чьих сил не хватит даже на «ведьмину воздушную подушку». Никогда прежде я не чувствовала слабость халцедонов настолько остро, как сейчас. Мы не можем ничего: ни поймать, ни задержать, ни взлететь…

Взлететь.

Мысль вспыхнула в сознании, словно молния. Ослепила на секунду и разошлась по телу раскатистым громом. Меня затрясло. Страх, словно дикий зверь, с жадностью вгрызся даже не в сердце — в саму душу. Он отрывал от нее кусок за куском, драл когтями и рычал, пуская все новые волны дрожи.

Я не хотела идти на это. С немым отчаянием надеялась, что друзья найдут способ помочь, что Ллоса сумеет дозваться до сознания Кигана и вырвать его волю из тисков чужой, что случится чудо…

В моей жизни только-только забрезжил свет надежды. Я поверила, что смогу спастись — и не просто спастись, а обрести счастье. Я только начала узнавать другие эмоции, помимо страха, долга и одиночества. И я до малодушного эгоизма не хочу терять все это.

Но еще я знаю, что не прощу себя, если не попытаюсь спасти друга.

Киган снова выкрикнул: «Всегда!» — а затем взмахнул рукой, точно акробат на деревенской ярмарке, и сиганул с уступа. Ллоса надрывно закричала. Морриган кинулся вперед, словно надеясь поймать друга, но увяз в тяжелом снегу.

Я же сделала то единственное, что следовало, — выплеснула свет и вызвала Сельву.

Страх дожирал мою душу. Я практически слышала его довольное чавканье, ощущала разрастающуюся пустоту в груди — там, где раньше горела надежда, — и уповала на Сельву. Она должна успеть. Обязана.

И она успела.

Со свистом рассекая воздух, метла подхватила Кигана едва ли не в двух метрах от земли. Просела под упругим ударом, но удержалась. Долетела до меня и скинула тяжелую ношу на снег. Морриган тут же набросил на друга «сонную паутину», опасаясь, что тот может снова попытаться навредить себе. Ллоса упала на колени и, уткнувшись носом в грудь Кигана, разревелась в голос.

Я бросила на друзей прощальный взгляд, поймала прыгнувшее в ладонь древко и, оседлав его, взмыла в воздух. Не осторожничая, не думая о прошлом полете, я вела метлу все выше. Стискивала ее все сильнее. И шептала все отчаяннее: «Унеси меня».

Отовсюду доносились тяжелые хлопки каменных крыльев. Десятки черных пятен стремительно разрастались — это горгульи, словно стая разозленных ворон, преследовали чуждую ведьму. Меня.

Вместе с ними плотным кольцом стягивался полог тьмы. Сельва подо мной задрожала, пытаясь удержать собственный мрак под контролем. Уже не таясь, я влила в нее еще больше света.

— Лети, родная! Лети!

Сожрав душу, страх принялся рвать мое тело. Меня трясло от ужаса, пальцы свело судорогой. Сердце билось с такой силой, что, казалось, оставляло синяки после каждого удара.

В отчаянной попытке спастись, в упрямом нежелании сдаваться я совершила роковую ошибку — полетела. Верхом на метле, с каждой секундой дрожащей все сильнее, мне никак не удавалось сосредоточиться и выстроить цепочку прабабкиного проклятия.

Крики и рокот горгулий звучали со всех сторон. Я чувствовала себя мышью, угодившей в комнату, полную котов. Уже не страх — паника гнала меня вперед.

Когда сбоку возникла огромная горгулья и щелкнула пастью в нескольких сантиметрах от моего лица, я закричала. Направила Сельву в пике, резко вышла из него, поднырнула под еще одним каменным чудовищем и едва успела увернуться от третьего.

Я больше не летела по прямой. Я вообще не понимала, в какую сторону лечу. Сердце пробивало грудную клетку, слезы и ветер жгли щеки. Сельва подо мной сходила с ума.

Когда в меня вцепились тонкие, острые, словно спицы, каменные пальцы, я снова не сдержала крика. Дернулась, пытаясь стряхнуть горгулью. Закрутилась бочкой и заорала во все горло, ощутив, как это самое горло обвил тяжелый ошейник. Едва он защелкнулся, полог тьмы сдавил настолько сильно, что перед глазами поплыло. Последнее, что я ощутила, прежде чем провалиться в небытие, — чувство падения.

И где-то на краю сознания успела мелькнуть печальная мысль. Одиннадцать лет я искала ответ на главный вопрос. Что важнее: честь семьи или собственная жизнь? Однако вместо ответа я нашла смерть для нас обоих: и для себя, и для рода.

* * *

Просыпаться было больно. Я впервые почувствовала, каково это — прилагать усилия, чтобы открыть глаза. На них будто были свинцовые гири, по векам разлилась неподъемная тяжесть. Тело ныло.

Морщась от каждого движения, я села и огляделась. Вокруг были лишь низкие стены да решетка из толстых прутьев, местами покрытых коррозией. Матрас подо мной оказался тонким и очень колючим: едва я оперлась на него, как в ладони врезались острые, как иглы, стебли соломы.

У края решетки стоял жестяной поднос, на котором находились кружка с водой и тарелка с чем-то мутно-коричневым. Стоило увидеть еду, пусть и такую неаппетитную, желудок тут же отозвался голодным урчанием. Но я не пошевелилась — напротив, вся подобралась и с опаской уставилась на поднос. Зелья темных необязательно добавлять в пищу: достаточно смазать ими посуду, и тогда одно прикосновение может стать фатальным.

Горло стянуло удавкой жажды. Неосознанно я дотронулась до него, но против ожидания пальцы ощутили не мягкость кожи, а шершавость ошейника.

Я знаю, что это за вещь, — прочитала в свое время в домашней библиотеке. Сковыватель силы. Один из первых

артефактов, созданных еще до Великой войны. Он блокирует дар носителя: не дает дотянуться ни до источника света, ни до внутренней тьмы. Из-за него я стала не просто Недоделком — пустышкой, неспособной создать даже примитивнейшее заклинание. И уж тем более я не могла выстроить цепочку прабабкиного проклятия.

У меня забрали все: свободу, силу, надежду на будущее и право распоряжаться собственной жизнью. Словно выброшенный на берег кит, я слабо дергалась в попытках вернуться в родную стихию, но уже понимала: смерть неизбежна. Вот она — тут, на берегу. Укрытая слепотой каменной коробки, в которой не нашлось места даже для самого крошечного окна.

Грустно умирать, не зная, смотрит на тебя солнце или луна. Почему-то именно сейчас захотелось выяснить, кто покровительствует таким, как я, — неправильным и чуждым. Полуночная Матерь? Или Пресветлый Отец? А может, они оба веселятся, наблюдая, как их дети уничтожают друг друга? Как очерняют сердца ненавистью?

Мне бы хотелось возненавидеть их в ответ, правда. Но это выше моих сил. В глубине души я люблю их обоих: Солнце и Луну, день и ночь, свет и тьму… Меня и Хэйдена.

Хэйден…

Ему придется отречься от нашей связи. Показать, что одурачен отродьем светлых, отойти в тень и тем самым защитить северные кланы. Я понимаю и не осуждаю его. Такова цена наших секретов: мы оба несем ответственности не только за собственные судьбы. И, выбирая его, я знала, на что шла.

Но все же я сожалею… Сожалею, что не отдала себя всю, что не познала огонь севера и не прочувствовала до конца, насколько жарким и нестерпимым он может быть… Что так и не стала той единственной, кто подарит ему наследников. Хотя, возможно, я с самого начала желала слишком многого.

Для Недоделка у меня получилось спасти немало судеб. Хэйден завершит ритуал, я уверена, — а значит, Арден, избавленный от безумия, будет жить. Киган будет жить. Когда-нибудь у них с Ллосой родятся дети, и они тоже будут жить… Так много жизней в обмен на одну мою. Не страшно умереть. Страшно умереть без причины. А у моей жизни, как и моей смерти, причина была.

Донесшийся издалека звук шагов заставил вынырнуть из размышлений и обратиться в слух. Кто-то приближался. Я слышала тихий шорох каменной крошки под подошвами, стук каблуков, ритмичный, уверенный, и едва различимый шелест одежды.

Ухватившись за ледяную стену, я медленно встала и приблизилась к решетке.

Ошейник душил. Тьма подземелья давила на плечи с такой силой, будто желала поставить меня на колени. Но только я не собираюсь сдаваться. Я дочь рода Мак-Мора и ни перед кем не встану на колени! Даже теперь.

Шорох шагов звучал все отчетливее. Через секунду из-за поворота коридора показалась фигура, закутанная в плащ. Объемный капюшон нависал так низко, что скрывал лицо незнакомца. Да и приглушенный свет подземелья рождал густые тени, не давая рассмотреть идущего. Однако я все равно его узнала — этот плащ темно-синего, точно сумеречное небо, цвета, с широким кантом на капюшоне. Именно такой был на незнакомце, оставившем в северном хранилище камни светлых чародеев.

Сердце забилось быстрее, разгоняя по венам не только кровь, но и надежду. Не на спасение, нет. Но хотя бы на ответы. Кто пришел тогда ко мне? Ради чего помог? И была ли то помощь или очередная ловушка, которой мне чудом удалось избежать?

Наконец незнакомец дошел до решетки и остановился. Я почувствовала на себе тяжелый взгляд. Даже не видя лица, ощутила, что на меня смотрят едва ли не с яростью. И все внутри обмерло от предчувствия недоброго.

Когда незнакомец резко вскинул руку, я отступила, опасаясь проклятия. Но тонкие, по-женски ухоженные пальцы ухватились за ткань капюшона и скинули его на плечи.

Теперь я увидела кривую усмешку на красивом лице. Лице, которым всегда восхищалась.

— Хочешь моей смерти? — спросила спокойно. — За этим ты здесь?

Алые губы растянулись сильнее.

— Ты, как всегда, спешишь с выводами, Недоделок, — хмыкнула Мойра.

ГЛАВА 42

Вопросы посыпались, словно бусины из порванного ожерелья. Кучно, шумно, сталкиваясь и отскакивая, они разлетались внутри моей головы, терялись и находились вновь.

— Ты… знала?

От волнения пальцы непроизвольно сжались. Вся моя суть натянулась, точно струна. Причем до того сильно, что, казалось, коснись ее, и она не зазвучит — лопнет.

Мойра снова криво усмехнулась.

— Разумеется. Ты не умеешь врать, Недоделок. И никогда не умела. Думаешь, я не видела, как испуганно ты замираешь, стоит только заговорить о твоей силе? Даже спустя годы я по-прежнему вижу, когда ты пытаешься храбриться. Вот как сейчас, например.

Я дернулась, словно пойманная за чем-то постыдным, и усилием воли заставила себя расслабиться.

— Хочу, чтобы ты знала, — холодно продолжила Мойра. — Я была против твоей учебы в академии. Я чувствовала, что рано или поздно все закончится… так, — она обвела взглядом решетку и стены моей темницы. — Ты ведь понимаешь, что тебя ждет?

— Обряд изгнания сути, — кивнула я хмуро.

— И? — сестра подалась ближе. — Стоили эти несколько месяцев того, чтобы умереть? Навсегда быть вырванной из полотна Полуночной Матери? Ты ведь могла остаться дома и…

— И что? Жить призраком до конца своих дней? Прятаться в комнате, едва заслышав голоса гостей у парадной двери? Не обрести друзей, не познать любовь, не выяснить, как много я могу на самом деле? Может, для кого-то это и жизнь. Но точно не для меня. Пусть мне не удалось обрести свободу, но я хотя бы попыталась.

Мойра качнула головой.

— Ты идеалистка, Недоделок. Непонятно только, твое ли это качество или твоей природы.

Я пожала плечами, не видя особой разницы. Мой свет, мои принципы, все то, во что я верю, — это и есть я.

— Но если вы знали, то почему отпустили? Почему… не убили?

— Мы убили. Только не тебя.

— Что?

— Неважно. Если все получится, поговорим потом. А сейчас, — она запустила руку в складки плаща и достала объемный пузырек, заткнутый пробкой, — выпей.

— Что там?

— Не все ли равно? — надменно осадила Мойра, но все же пояснила: — Зелье кровавого безмолвия. По действию похоже на прабабкино проклятье. Ты же выучила его? — Я кивнула, вспоминая страшную цепочку из двенадцати элементов. — Оно не убьет тебя, но на время лишит рода.

— Почему нельзя было выпить его с самого начала? Еще до того, как я отправилась в академию?

— Потому что безмолвие длится не дольше трех дней. А второй раз применить это зелье невозможно. Оно не может заставить замолчать то, что уже безмолвствовало.

Подойдя к решетке, я приняла пузатый пузырек. Повертела его в пальцах и посмотрела на сестру.

— Это ведь ты его придумала, верно? Но зачем? Ради… меня?

Мойра снова улыбнулась, но на этот раз не надменно или холодно, а очень понимающе. *По-сестрински.*

— Пей давай, — велела она вместо ответа. — И постарайся сильно не кричать. Зелье не из приятных.

Я вновь кивнула, принимая наставления. Открыла пузырек, но в последний момент замерла.

— Зачем ты принесла тогда камни светлых чародеев в северное хранилище? Как ты вообще поняла, что я там?

— Точно так же, как поняла, что ты здесь: я всегда могу найти тебя. И я всегда чувствую, когда ты меня ищешь или взываешь к моей тьме. Ты не самая хитрая ведьма в этой академии, — хмыкнула Мойра. — А насчет камней все просто. Я услышала разговор двух магистров. Роун настаивал, что в сложившейся ситуации первогодкам стоит познакомиться с камнями светлых как можно раньше. Хромой Торн был с ним не согласен. Но Роун упертый, он бы обязательно исполнил задуманное. Я не хотела рисковать понапрасну и решила принести камни тебе. Под шлейфом тьмы северного хранилища ты можешь сколько угодно их касаться. Кстати, — Мойра нахмурилась, — куда ты дела камни? Я не нашла их в хранилище.

Я улыбнулась, вспоминая нашу с Эвис возню, устроенную на пыльной полке.

— Недоделок, только не говори, что ты их вынесла!

Я покачала головой и добавила, успокаивая сестру:

— Не переживай. Их не найдут.

Мойра посмотрела на меня с недоверием. Несколько секунд прожигала тяжелым взглядом, потом наконец кивнула.

— Пей уже и возвращай мне флакон. Долго болтать опасно. Не хочу, чтобы кто-нибудь почувствовал мой полог.

Я поднесла пузырек к губам, но в последний миг вновь остановилась.

— Серые платья… Их ведь ты подложила мне в сундук?

Мойра не ответила. Но ответ уже и не требовался — я прочла его в сестринском взгляде.

— Спасибо.

Улыбнувшись, я разом опрокинула в себя содержимое флакона, протянула его через решетку. Хотела было спросить о Лангарии, о предсказании звезд, но вдруг почувствовала, как по подбородку потекло что-то теплое. В следующий миг я рухнула на колени и с силой стиснула зубы, надеясь сдержать рвущийся из горла крик.

* * *

Кажется, я все-таки кричала. Не помню. Помню только разъедающий нутро огонь, от которого, казалось, плавятся кости. И помню, как ослепла от боли.

В себя я пришла от знакомого ощущения — холодные лапы отбивали взволнованный танец на моем лице.

— Эв…

Сухое карканье мало походило на мой голос. Я попробовала прочистить горло, но первая же попытка отдалась сотней иголок под кожей, словно я умудрилась проглотить терновую лозу.

Оставляя на коже цепочку холодных следов, Эвис сбежала вниз. Я села, погладила ее по задранной мордочке, потом коснулась своего рта. Кожу ощутимо стягивало, под подушечками пальцев бугрились тонкие дорожки запекшейся крови. Думать о том, как это выглядит со стороны, не хотелось. А вот умыться хотелось безмерно.

Я посмотрела на кружку с водой.

— Как думаешь, — спросила сипло, — вода чистая?

Эвис тут же засеменила к подносу. Деловито осмотрела его, обошла вокруг, осторожно тронула лапой, потом забралась сверху и еще более тщательно принялась изучать содержимое тарелки и кружки. Едва приблизив нос к еде, Эвис тут же отскочила и сменила цвет с зеленого на красный. Вода, к счастью, оказалась безопасна.

Оторвав кусок от нижней сорочки, я смочила его и принялась аккуратно обтирать лицо.

— Лучше?

Эвис топнула. Расслабленно шагнула в мою сторону, но вдруг замерла, будто прислушиваясь, и спешно юркнула ко мне под плащ.

По ту сторону решетки открылся зев перехода, из которого

вышла Алира Мак-Фордин. В длинном платье, меховом манто, с идеально уложенными волосами, в которых едва заметно поблескивал драгоценный гребень. Спина прямая, взгляд острый, словно когти хищной птицы.

Сейчас передо мной стояла не артиэлла из древнего дома, и даже не директор Академии Полуночи, а скалящаяся гончая, наконец загнавшая добычу. Азарт охоты, гордость и довольство победителя, жажда расправы — в глубине глаз Алиры Мак-Фордин плескались слишком опасные для меня эмоции.

— Все-таки Иштар была права, — мелодично протянула она. — Самый слабый халцедон оказался нашим отродьем… Знаешь, а ведь я не хотела ей верить. Мне казалось, предатель должен быть среди изумрудов — плененные светлые чаще прочих вытягивали именно этот камень. Аливера и Милантэ так старательно присматривались к каждому из первогодков их цвета. Жаль, что их труд оказался напрасным.

Я слушала Мак-Фордин с невозмутимым спокойствием. И когда речь зашла о ее личных гарпиях, во мне не дрогнул ни один мускул.

— Не сомневаюсь, ты знаешь, какая участь уготована светлому отродью, пойманному в этих великих стенах, — продолжила она. — Но вот о чем ты вряд ли догадываешься, так это о том, что мы делаем со светлыми до обряда.

Уголки алых губ изогнулись. Однако вместо улыбки на красивом лице появился хищный оскал.

— Каждое проклятое дитя, что посмело ступить на территорию Академии Полуночи, понесет наказание.

Повинуясь взмаху руки Мак-Фордин, прутья решетки разошлись и открыли проход.

Я отступила.

— Бежать больше некуда, Илэйн. Никто не встанет на твою защиту. Ты предательница и лгунья, посмевшая не просто проникнуть в колыбель тьмы, но и осквернить ее своим светом. Никто не будет скорбеть, когда мы сотрем тебя из полотна вечности.

Мак-Фордин говорила мягко, почти нежно, и от этого каждая фраза звучала еще более жутко. Когда в тонких, унизанных перстнями пальцах возник вытянутый, словно спица, жезл, я отшатнулась и врезалась спиной в холодную стену. Попробовала было дернуться вбок, но Мак-Фордин спеленала мое тело плотным, будто из дыма сотканным коконом. А потом нацелила кончик жезла мне в шею.

Я не стала спрашивать, что это за артефакт. Знание не поможет избежать кары Мак-Фордин. Не академии или Лунной

империи, а лично ее — Мак-Фордин. За то, что посмела одурачить, заставила поверить в мою невиновность. За то, что переступила порог ее цитадели.

Игла почти коснулась моей шеи, но вдруг в подземелье раздался низкий, раскатистый рык. Еще до того, как повернуть голову на звук, я уже знала, что увижу, — опаснейшую тварь Лунной империи. Кайроша.

Монстр был не просто большим, а по-настоящему огромным: он с трудом поместился под низкими сводами моей темницы. Ему пришлось широко расставить передние лапы и наклонить вытянутую морду, сейчас изрезанную злыми складками.

С обнаженных клыков вязкими нитями срывалась слюна. Янтарно-желтые, словно две луны, глаза, не мигая, следили за каждым движением Мак-Фордин. Та, к ее чести, не дрогнула. Ей хватило пары секунд, чтобы справиться с удивлением, а затем напасть — с тонких пальцев сорвались сотканные из тумана веревки и проворными змеями устремились к кайрошу. Обгоняя одна другую, они домчались до мощных лап, обвили их и… растаяли.

Кайрош ощерился сильнее, заскреб толстыми когтями по камню, высекая искры и рождая пробирающий до костей скрежет. Воздух завибрировал от протяжного гортанного рыка. И эта вибрация отдалась в моем теле трусливой дрожью.

Да, я боялась. Боялась и за Эвис, и саму ее. Остается ли она собой, принимая истинный облик? Или становится монстром, которого страшатся сильнее прочих в Лунной империи? Ведь по какой-то причине Эв отказалась оборачиваться, когда я попросила об этом.

Новый рык прокатился волной. Плотный, тягучий, он, казалось, заполнил каждый миллиметр пространства. Напитал его, словно разлившаяся река сухую землю, и разошелся эхом в глубине наших тел.

Во взгляде Мак-Фордин что-то изменилось. Готовая сражаться, она будто передумала это делать: взмахнула рукой и попыталась открыть переход. Почти в ту же секунду кайрош с силой топнул. Когти вспороли камень, словно плуг землю, изрезали пол неровными бороздами. Стены задрожали, с потолка посыпалась серая крошка. Я зажмурилась. Если бы могла — попыталась бы закрыться руками, но скованное ведьминым коконом тело меня не слушалось.

Тяжелый шлейф тьмы обрушился внезапно. Плечи заломило, дышать стало еще труднее. Испуганно распахнув глаза, я посмотрела на Мак-Фордин. Тьма закручивалась вокруг нее и одновременно стекала с пальцев в новый зев, еще пока слабый и

неуверенный. Что? Неужели?..

В этот момент, подтверждая мои догадки, туман у ног директора изогнулся чашей, явно пытаясь принять форму сферы. Сомнений не осталось: Мак-Фордин выстраивает защитный блок и одновременно с этим открывает внутри него переход. Многоуровневое наслоение заклинаний! Немыслимо!

Немыслимо, но закономерно.

Алира не только красивая артиэлла из древнего дома. В первую очередь она могущественная ведьма, стоящая во главе академии. И забывать об этом не следовало ни на секунду.

Если сейчас она уйдет, что будет с Эвис? Теперь, когда о ней узнали?

Картины возможного будущего, одна страшнее другой, замелькали перед глазами так быстро, что меня затошнило. Желудок стянулся в узел и подскочил к самому горлу.

Очередной удар мощной лапы о пол сотряс темницу и заставил меня вынырнуть из омута страхов. Я снова посмотрела на Мак-Фордин. Туман продолжал клубиться у ее ног, жался к ним, словно ласковый кот, но никак не мог подняться выше. Очертания зева таяли, неспособные напитаться тьмой.

Что происходит? Неужели Мак-Фордин не хватает силы исполнить задуманное?

Нет.

Вместе с протяжным рыком, отозвавшимся во мне дрожью, пришло понимание: дело не в Мак-Фордин, дело в кайроше. Это он каким-то образом поглощает тьму и не дает жертве ни сбежать, ни спрятаться.

И Алира тоже это поняла. Она сделала быстрый пасс, и ластившийся у ее ног туман устремился ко мне. Новый пасс — и новый сгусток тьмы, сорвавшись с тонких пальцев, закружил вокруг меня ласковым зверем.

Грудь стянуло беспокойством. В ту же секунду желтые глаза кайроша прожгли меня голодным огнем.

— Хитрый ход, Илэйн, — улыбнулась Мак-Фордин, стараясь придать лицу расслабленное выражение, но частое дыхание красноречивее любых слов говорило, сколь непросто дались ей прошедшие минуты. — Приручить кайроша, подкараулить меня. Действительно хитро… И очень глупо. На кайрошей потому и охотятся группами: пока один отвлекает его на себя, другие атакуют. В нашем дуэте стать приманкой придется тебе… — очередное движение руками, и новая порция черного тумана потянулась от Мак-Фордин ко мне. — Ни одна темная тварь не может противиться желанию вкусить нашу силу.

Будто подтверждая ее слова, кайрош зарычал утробнее. Все

его внимание приковало к моим ногам, у которых клубилась тьма. Длинный язык, роняя слюни, свесился из пасти. От кончика носа и до самого хвоста по серо-зеленому телу прокатилась волна судороги, словно кайрош боролся с искушением. Но только я не дрогнула — наоборот, гордо замерла и, не мигая, уставилась в лунные глаза чудовища.

Это Эвис. В каком бы обличье она ни была, что бы ни делала — это моя топотунья, за которую я обещала бороться. Я не усомнюсь в ней. И пусть поджилки трясутся от страха, я не покажу его.

Щеря острые зубы, она приблизила вытянутую морду к моему лицу. Горячее дыхание обожгло кожу, в носу защекотало от резкого запаха, но я не отвернулась. Эвис — моя семья, а от семьи не отворачиваются.

Кайрош замер. Он будто тоже, как я, принимал решение. Рык становился то громче, то тише, складки на морде воинственно сдвигались, когда кайрош скалился сильнее. Скрежет когтей по камню зазвучал вновь.

Я ждала. Напряженно, взволнованно, решительно.

Наконец кайрош фыркнул, обдав жарким дыханием, и ткнулся огромной головой мне в ребра. Удар получился ощутимым. Из груди выбило воздух, перед глазами заплясало, и пришлось закусить губу, чтобы только сдержать вскрик. Но, без сомнения, со стороны кайроша это было проявлением ласки.

— Осторожно! — предупредила я, видя, что Мак-Фордин собирается спустить новое заклинание.

Секунда, и мощное тело чудовища накрыло артиэллу. Раздался хруст, треск, крик, а следом за ним — липкий, чавкающий звук. Я зажмурилась. Что бы сейчас ни происходило, я не хочу этого видеть. И заступаться за Мак-Фордин не стану. Может, во мне говорит тьма, но я не хочу просить за жизнь той, кто жаждал моей смерти. По правде сказать, даже рискни я вмешаться — не думаю, что Эвис меня бы послушала. Сейчас она хищник, защищающий свою стаю. Меня.

Хруст и чавканье звучали все тише, пока наконец не умолкли совсем. Скрежет когтей по камню, шумное дыхание и низкий, но не злой, а почти ласковый рык дали понять, что моего внимания ждут. Собравшись с силами, я открыла глаза.

Передо мной стоял кайрош. С перемазанной кровью мордой, с горящими лунами глаз, с острыми клыками, торчащими из пасти… И точно так же, как я, кайрош напряженно ждал.

— Спасибо, Эв, что спасла меня. Снова, — я улыбнулась, и кайрош, заметно расслабляясь, фыркнул.

Преодолевая ленты тающего кокона, я протянула руку и

коснулась болотно-зеленой шкуры. Надо же, мягкая… Шагнув вперед, я привстала на носочки и обняла за мощную шею опаснейшую тварь Полуночной Матери. Точнее, опаснейшую для остальных. Для меня же она навсегда останется зеленой топотуньей. Моей Эвис.

— Люблю тебя, Эв, — призналась я тихо.

Ласковое, полное нежности урчание стало мне ответом.

ГЛАВА 43

Я не боялась наказания за случившееся. Меня уже ждет участь страшнее смерти, терять особо нечего. Наоборот, воодушевленная, я решила бежать. Однако даже с помощью Эвис в теле кайроша выбить решетку не получилось. Укрепленная заклинаниями, она стояла крепко и не дрогнула под ударами мощного тела.

Когда стало понятно, что грубой силой свободу не заполучить, мы остановились. Эвис вновь обернулась ящерицей и умостилась в моих руках. Мне нравилось держать ее так, нравилось поглаживать вдоль спинки большим пальцем и ощущать прикосновения маленьких лап. Рядом с Эвис я чувствовала себя в безопасности и, что важнее, не одинокой. Но вместе с тем сейчас мое сердце разрывало тревогой. За Сельву.

Как она? Что с ней сделали после моего пленения? Удалось ли ей справиться с внутренней тьмой?

Ведьмины метлы живые, у них есть души — и, как все души, они могут страдать. А этого для Сельвы я не желаю.

После долгого спора мне все же удалось убедить Эвис отправиться на поиски метлы. А потом, если та в опасности, попросить о помощи Хэйдена. Я надеялась, что даже если ему пришлось отречься от меня, он согласится позаботиться о Сельве.

Взглядом проводив Эвис, принявшую облик паука, я вернулась на соломенный матрас. На большое алое пятно, протянувшее кровавые щупальца в канавках между камнями пола, старалась не смотреть. Удивительно, но сожалений не было. Готовая бороться за жизни олеандровых ящериц, согласная рискнуть собственным будущим ради блага Ардена, я не испытывала угрызений совести из-за смерти Мак-Фордин. Каждая из нас делала то единственное, что следовало: я пыталась выжить, она — уничтожить чуждое дитя, пробравшееся на доверенную ей территорию.

Мысленно я готовилась провести долгие часы в одиночестве, однако прошло лишь немногим больше сорока минут, когда в коридоре раздались шаги. Они звучали тяжелее, чем у Мойры, и… злее, если так можно описать походку. Кто бы ни спускался в подземелье, настроен он был решительно.

Еще минута ожидания, и наконец из-за поворота показалась облаченная в меховое манто Иштар Дис-Рона. Не сбавляя темпа, она дошла до камеры, окинула хмурым взглядом сначала меня, потом лужу крови на полу.

— Подойди к решетке. Живо!

Вставая, я замешкалась, и Дис-Рона накинула на меня «ведьмино лассо». Невидимая нить обвила правую кисть и с силой дернула к магистру. Я споткнулась. Возмущаться или спорить, однако, не стала.

Дис-Рона тем временем бросила сгусток тьмы в конец коридора, и по каменному скрежету я догадалась, что ожила одна из горгулий.

— Передай Кейну, что он нужен в темнице. Боюсь, наши худшие опасения подтвердились.

Я напряглась.

Лестер Кейн — магистр сангрологии — явно сумеет опознать кровь Мак-Фордин. Вопрос только, сумеет ли он понять, от чего именно она погибла? И не об этом ли их опасения?

Если кто-нибудь из магистров начал догадываться о присутствии в академии кайроша, то даже хорошо, что я отослала Эвис. Теперь меня могут обыскивать сколько душе угодно — на след топотуньи их это не наведет.

Отдав распоряжение, Дис-Рона снова вернулась ко мне. Прожгла холодным взглядом и, достав мелкозвенную цепь из черного серебра, прицепила ее к моему ошейнику. Стоило замочку защелкнуться, шею сдавило таким кольцом тьмы, что перед глазами заплясали цветные пятна. Пальцы против воли попытались сорвать удавку, но стоило им коснуться металла, как кожу обожгло холодом. Я вскрикнула и отдернула руку.

— Интересная вещица, не правда ли? Специально для таких, как ты, — высокомерный голос магистра прозвучал словно издалека. — Пошли.

Подчиняясь взмаху руки Дис-Роны, прутья расступились. Меня дернули за поводок.

Идти было тяжело. Тьма, вливаемая в ошейник, не просто душила — она лишала меня сил. Ноги казались ватными, словно у мягкой куклы, и все норовили подкоситься. Но только я не позволяла себе поддаться слабости. Закусила щеку и, сжав кулаки, упрямо держала спину прямой. Я Мак-Мора, дочь Лангарии, и я не позволю врагам увидеть меня сломленной!

Дис-Рона иногда бросала на меня хмурые взгляды через плечо. Расплывающимся взором я ловила в них немое удивление и в глубине души испытывала мрачное удовлетворение.

Ни одна из нас не проронила ни звука. Дис-Рона шла только ей ведомой дорогой, я старательно шагала следом. В какой-то момент начало казаться, что мы так и будем бесконечно блуждать в лабиринте переходов и галерей, что магистр сознательно выматывает меня, надеясь увидеть, как я устану сопротивляться и упаду. Но вот коридор вильнул в очередной раз и вывел нас в

большой холл.

Сначала я не поверила собственным глазам. Подумала, что измученное сознание сыграло со мной злую шутку — даже несколько раз медленно моргнула в надежде, что помещение изменит очертания. Но нет.

Мы оказались в зале Ночного Ока — том самом, в котором Арден провел ритуал истинной луны. И точно так же, как в ту ночь, луна смотрела на нас сквозь огромное потолочное око.

Виток безумных событий, когда прямая до этого нить вдруг стала запутанной и рваной, начался именно здесь. И, судя по всему, здесь же он и закончится.

Однако кое-что изменилось. В прошлый раз зал был пустым. Сейчас же в нем толпились люди. Много людей. Кажется, вся академия. Они стояли в тени, и только круг лунного света, падающий сквозь огромное око, оставался пустым. В его центре замер громадный алтарь из молочно-белого лунного камня. Тонкие светло-серые прожилки едва заметно пульсировали и шевелились, словно кровеносные сосуды, гоняющие кровь. Только в жилах камня бежала тьма истинных детей ночи. Та, что уничтожит меня и мою силу. Мою душу.

Вокруг него, повторяя контуры границы света и тьмы, в четыре ряда шла колдовская вязь — причудливые символы, вычерченные красным. В высоких напольных подсвечниках, роняя восковые слезы, замерли толстые черные свечи. В воздухе пахло серой, паленой шерстью, корой и горькой хвоей.

На удивление, тяжелые ароматы не одурманили, а очистили мысли. Я заупрямилась, уперлась ногами в пол и отклонилась, натягивая тонкую цепь. Безропотно идти на заклание, словно неразумный ягненок, я не собиралась. Пусть меня лишили дара и физических сил, но им не под силу отнять мою гордость. Гордость и желание жить.

— Пустое упрямство, — недовольно произнесла Дис-Рона, оборачиваясь. — Думаешь, ты первая, кто решил противиться неизбежному? Больше двух десятков светлых нашли смерть на этом алтаре. Никому не удалось уйти. И тебе не удастся, — вместе с последней фразой Иштар взмахнула рукой, и звенья цепи одно за другим стали наливаться алым.

Я упиралась с твердолобостью старого ишака и со всевозрастающим ужасом смотрела на приближающуюся красную волну. Страх неизвестного бил по натянутым нервам, заставлял дергаться все отчаяннее. Когда последнее из звеньев окрасилось алым, шею обожгло, словно за секунду ошейник раскалился до предела. Я закричала. Взор затянула пелена боли, взрываясь в голове тысячами искр. Сознание поплыло. Стараясь удержаться

на самом его острие, я дернулась вперед — к Дис-Роне — и с шумом выдохнула. Жар унялся.

— Видишь? — спокойно, едва ли не скучающе спросила она. — Так будет каждый раз, стоит только цепи натянуться. Если не веришь мне на слово, можешь убедиться в этом лично.

Я стояла, тяжело дыша, и невидящим взглядом смотрела на магистра. Стоило той сделать шаг, как я испуганно шагнула следом. И пусть гордость Мак-Моров вспенилась, как закипающее молоко, я не смогла совладать со страхом.

Пальцы слепо шарили по толстому ошейнику, сейчас совершенно холодному, и все пытались нащупать кожу под ним. Но только кольцо прилегало к шее слишком плотно.

Дис-Рона самодовольно улыбнулась и сделала новый шаг к алтарю. Я вновь поспешила за ней. Было больно осознавать себя не просто пойманной, а сдавленной, лишенной даже последнего шанса на сопротивление. Загнанной.

Возле алтаря Дис-Рона остановилась, дала мне секунду перевести дух, а потом с силой дернула цепь, заставляя прижаться к холодному камню вплотную.

— Забирайся!

Слово-приказ. Слово-команда. Слово, начавшее обратный отсчет моих последних минут жизни.

Я сжала кулаки в бессильной ярости, в немом крике и несогласии. И тут же, будто отвечая на мои мысленные проклятия, цепь раскалилась. Пришлось забираться.

Холод камня ощущался даже сквозь одежду. Он проникал не под кожу — в саму душу. Леденил ее дыханием смерти и рождал во мне мелкую дрожь. Глупо врать, будто я не боюсь смерти. Боюсь. Как никогда прежде. Если бы только могла, я бы скулила от страха, зажимала уши руками, зажмуривала глаза и ждала… ждала, что кто-нибудь придет и вырвет меня из страха. Что мне самой хватит смелости быть сильнее слабости. Но вместе с тем я не могла позволить присутствующим — магистрам и лернатам — увидеть падение младшей дочери рода Мак-Мора.

Когда я легла, камень подо мной ожил. Руки и ноги начали погружаться в лунное нутро, точно в мягкую глину. Несильно, но в то же время достаточно, чтобы я не смогла вырваться. От страха меня затрясло.

Из тени толпы отделилась фигура и, хромая, подошла к алтарю. Аларис Торн — магистр проклятий и ритуалов. Неудивительно, что именно на нем лежит ответственность за проведение обряда изгнания сути. Трость с набалдашником в виде головы ворона тихо стучала при каждом шаге больной ноги. И мое сердце билось в унисон с этим глухим звуком: медленно,

неотвратимо умирая.

Остановившись совсем рядом, магистр Торн посмотрел мне в глаза. Без ненависти или холодного торжества, а, как мне показалось, с сочувствием. Он не сказал ни слова: тяжело вздохнул и принялся произносить цепочку заклинания.

В тишине огромного зала его голос расходился эхом. Отражался от стен и вплетался в холодные лучи ночного светила, поднимался к нему самому. С каждой новой фразой алые символы круга вспыхивали все ярче, алтарь подо мной нагревался. Вторя происходящему, мое сердце ускорило ритм. Будто застигнутое лесным пожаром животное, оно бежало все быстрее, металось все отчаяннее в слепой надежде спастись. Вот только, в отличие от животного, я понимала: шансов на спасение нет.

Когда Торн выкрикнул последнее слово, каждый символ вспыхнул злым красным светом. Пламя свечей взвилось вверх, а лунный свет, казалось, пронзил меня насквозь. И в этой агонии голос Дис-Роны прозвучал особенно громко:

— Настал твой черед, наследник севера. Докажи, что отродье светлых действительно отравило твое сердце и ослепило разум. Закончи обряд изгнания сути, и ты будешь оправдан.

Вместе с последним звуком из толпы лернатов вышел Хэйден. Не глядя на меня, приблизился к Дис-Роне и принял из ее рук блеснувший холодным светом стилет. Потом повернулся ко мне. Зеленые глаза смотрели враждебно, губы искривились в презрении. И что-то внутри меня оборвалось.

Звезды не ошиблись — Хэйден Морроубран действительно станет моей погибелью.

ГЛАВА 44

Магистр Кейн появился неожиданно. Уверенно двигаясь сквозь расступающуюся перед ним толпу, он приблизился к Дис-Роне, наклонился к ее уху и что-то зашептал. Та слушала, хмурясь и недовольно поджимая губы, а едва Кейн договорил, кивнула, шагнула вперед и обвела взглядом присутствующих.

— Лернаты, — голос ее звенел, — Полуночная Матерь посылает нам одно испытание за другим! Сегодня оборвалась нить жизни Алиры Мак-Фордин.

Толпа зашепталась, зашумела, словно ночной лес. Недовольный ропот, догадки и посылаемые на мою голову проклятия звучали все отчетливее. Но стоило Дис-Роне поднять руку, призывая к порядку, как все замолчали.

— Светлые несут зло. Они опасны. Посмотрите: даже будучи скованной, это создание, — жест в мою сторону, — попыталось подорвать крепость нашего духа, убив главу академии. Но тьма сильна! И сила ее в нашем единстве. Сегодня мы в очередной раз докажем превосходство тьмы над светом: уничтожим чуждое дитя и тот род, что сохранил ему жизнь. Запомните эту ночь, лернаты. Ощутите всю тяжесть проступка одного из домов Лунной империи. За их слабость достойнейшей из нас пришлось заплатить жизнью. Теперь ответственность ляжет на весь род, и каждый из его членов понесет заслуженную кару. Хэйден, — Дис-Рона повернулась к северянину, — прошу, начинай.

Он кивнул. Спокойно и сдержанно, будто не испытывая даже тени сомнений. Скользнул по моему лицу безразличным взглядом и решительно полоснул стилетом по дорогой ткани. Плащ жалобно затрещал, расползаясь под лезвием. Платье поддалось тихо, почти неслышно. Распоров рукав едва ли не до плеча, Хэйден развел обрывки ткани и подставил мою оголенную руку холодному свету луны.

Я отвернулась. Закусила губу, когда кожу обожгло болью, и оглядела толпу лернатов. Мне казалось, все они будут ликовать, наблюдая за моей смертью. Но я ошиблась.

Халцедоны смотрели со смесью жалости и страха. Айлора и Наэния выглядели потрясенными, словно обе до сих пор не могли поверить, что провели почти три луны рядом со светлой. Бриар растерянно хлопал глазами. Стоящий за его спиной выпускник смотрел хмуро и обеспокоенно. Девушка рядом с ним — с сочувствием. Ни один из халцедонов не злорадствовал. Даже сейчас они видели во мне не врага, не чуждую ведьму, а одну из своих. И понимание этого разлилось по сердцу теплом.

Найдя взглядом троицу мэлов, я грустно улыбнулась. Ллоса прижималась к Кигану и украдкой терла глаза. Морриган, как всегда, держался спокойно, но я видела замершее в чертах его лица сожаление. Надеюсь только, что сожалеет он не о нашей дружбе. Сама я не жалела ни о секунде, проведенной в компании шумной троицы. Они показали мне, насколько искренними могут быть эмоции, научили не бояться проявления чувств и подарили шанс узнать, каково это — иметь друзей.

Встретившись со мной взглядом, Киган медленно кивнул и прижал кулак к сердцу. Морриган повторил его действие. А следом за ним и Ллоса, по румяным щекам которой все же побежали слезы.

Я закрыла глаза, боясь, что эмоции меня выдадут. Что кто-нибудь заметит их и посмотрит на мэлов, слишком опрометчиво показывающих свои чувства: верность, преданность дружбе и молчаливое обещание помнить. Не размыкая век, я принесла ответную клятву. Если хоть частица меня сумеет спастись, она сохранит в себе их образ. И возможно, когда-нибудь в других воплощениях мы встретимся вновь.

Взяв себя в руки, я снова окинула взглядом толпу.

Изумруды казались настороженными. Они словно хотели и одновременно опасались торжествовать. Словно что-то сдерживало их от проявления той неприкрытой злой радости, что отчетливо читалась на лицах сапфиров. Ламия, стоя в первом ряду, глядела особенно довольно. Не сомневаюсь, в фантазиях она уже примерила на себя статус избранницы севера.

Мысль о том, что у Хэйдена будет другая избранница, что другая станет его судьбой, переплетет с ним нити в полотне Полуночной Матери, кольнула сердце сожалением. Расставаться с мечтой, успевшей пустить корни в душе, было больно. И все же я не жалею, что рискнула. За время, проведенное с Хэйденом, я испытала больше счастья, чем за все неполные восемнадцать лет жизни.

С Ламии взгляд скользнул дальше — на нефритов. Они держались спокойно, наблюдая за происходящим с отстраненной невозмутимостью. На их лицах не читалось ни ярого одобрения, ни несогласия: для них все закономерно, всего лишь следование правилам. И отчасти такое спокойствие пугало больше злорадства сапфиров.

Мойра смотрела с тем же безразличием, что и остальные нефриты. Еще бы! Тайна рода Мак-Мора останется тайной, а все прочее сестру мало волнует. Но я не задержалась на ней взглядом — мое внимание привлек Арден. Все такой же измотанный внешне, он держался иначе. И смотрел по-другому: с такой

прорвой вины и боли, что не оставалось сомнений — Хэйден избавил его от одержимости. Однако воспоминания о пережитом и содеянном, судя по всему, никуда не исчезли. Они осели невидимым грузом на плечах, отпечатались тенью сожалений во взгляде.

Когда мне на руку полилось что-то вязкое, отчего кровь, казалось, вспенилась, Арден дернулся, будто хотел кинуться к алтарю. Но Мойра удержала его за руку, молчаливо напоминая о долге. Все верно: не смеет наследник Шантаров проявлять сочувствие к светлой. Ответственность перед родом давит на каждого из нас. Сковывает по рукам и ногам невидимыми путами, скинуть которые невозможно — лишь передать дальше вместе с именем.

Я не хотела думать о мотивах Ардена, не хотела пытаться понять, чем вызван этот порыв: оставшимися чувствами или виной, что из-за его одержимости мне пришлось раскрыться. Я устала думать и анализировать. Устала просчитывать каждый шаг. Устала переживать обо всех, с кем меня свела Полуночная Матерь. Я и так слишком долго это делала.

— Безродна, — громко вынес вердикт Кейн, и по толпе лернатов прокатилась новая волна шепотков.

— Невозможно! — отрезала Дис-Рона. — Один из домов породил это создание, и он должен понести ответственность за смерть Алиры!

— Ее кровь молчит, — возразил Кейн. — Возможно, перед тем как попасться, она успела сотворить с собой что-то. Артефакты ведь засекли второй всплеск.

Я вспомнила, как, пытаясь оторваться от горгулий и одновременно удержать контроль над Сельвой, влила в нее больше света.

— Мы должны выяснить, — не сдавалась Иштар.

— Можно попробовать провести ритуал-воззвание к основателю рода, — предложил Торн.

— Она нужна для этого живой?

— Нет, хватит и тела.

— Тогда завершайте обряд, лернат, — Дис-Рона посмотрела на Хэйдена.

Тот снова молча кивнул.

Я поймала его взгляд, чужой и холодный, и мысленно взмолилась не дать магистрам совершить задуманное. Хэйден должен понимать мое стремление защитить род — последнее желание, единственное, которое у меня осталось. Вся моя суть тянулась к колдуну, доверчиво жалась, касалась его тьмы светом и вновь, как много раз прежде, находила в ней спасение.

Аларис Торн начал произносить слова заклинания. Кейн и Дис-Рона отступили, выходя из очерченного круга, и мы с Хэйденом остались в лунном свете вдвоем. Я не смотрела на стилет, зажатый в крепких пальцах. И по сторонам больше не глядела. Все внимание, словно «ведьминым лассо», приковало к лицу Хэйдена. Я надеялась заметить хоть тень истинных эмоций за маской холодной сдержанности, увидеть отголоски тех чувств, что мы испытывали друг к другу. В последний раз. Однако северные горы укрылись плотной колючей метелью, за которой не видно ни земли, ни неба. Я не смогла пробиться сквозь нее. Но и отречься от него оказалась не в силах. Даже когда стилет вонзился мне в грудь, я не отвернулась — до самого конца, пока тьма забвения не забрала меня с собой, я смотрела в глаза Хэйдена Морроубрана. В глаза моего убийцы, которого я любила.

ГЛАВА 45

Тьма качала меня, словно волны — затерявшуюся в море лодку. Я плыла, не зная куда и откуда. Доверившись стихии, послушно следовала за ней. И продолжала покачиваться.

Вокруг было тепло. Что-то мягкое крепко спеленало налитое тяжестью тело. Я не могла пошевелиться. Хотя, наверное, в забвении нет ни тела, ни возможности двигаться. Есть лишь убаюкивающая, ласковая качка и тихий, едва различимый шелест. Что это? Волны? Не знаю. Не могу понять. Но звук мне нравится.

Дрейфуя в море темноты, я ни о чем не думала. Ни о ритуале, ни о собственной смерти, ни о Хэйдене. Хотя… вру. Не думать о Хэйдене я не могла. Даже после всего случившегося. Его образ, яркие изумруды его глаз вели меня сквозь тьму, словно светлячки в ночи. Волшебные, манящие посланники Полуночной Матери. Я тянулась за ними, пыталась совладать с непослушным телом и выпутаться из мягкого кокона. А еще я звала его. Онемевшими губами шептала заветное имя снова и снова, с затаенной надеждой мечтая услышать его голос.

Глупо. Хэйдена нет в этой дрейфующей тьме. Здесь никого нет, кроме меня. Я знала это. Знала, но продолжала звать.

— Хэйден… Хэйд… — мой голос звучал тише шелеста гонимой ветром листвы. Я сама едва слышала его. — Хэйден…

— Тш-ш-ш, — осторожное прикосновение сухой ладони ко лбу показалось обжигающим.

Море тьмы, до этого спокойное, всколыхнулось. Волны поднялись, закрутились пенными барашками и с грохотом разбились о прибрежные скалы, холодные и острые. Шум стал громче. Спеленавший тело кокон — тяжелее.

— Хэйден…

— Все хорошо, Илэйн.

Незнакомый голос звучал успокаивающе, заботливо. Но я испугалась. Кто это? Почему он здесь, во тьме?

Меня качнуло особенно сильно, словно потерянную лодку прибивало к берегу. Ее то выносило вперед, то уходящей волной затягивало обратно.

— Хэйден…

Где я? Есть ли отсюда выход? Ждут ли меня за ним?

Шумный вздох отозвался в груди колющей болью. Ухо защекотало скатившейся по щеке слезой. Хотелось дернуться, стереть ее, но голова казалась неподъемной.

— Хэйден…

Губы пересохли, теперь я чувствовала это. Их стянуло,

изрезало неровностями, словно горные хребты ущельями. Язык едва шевелился.

Тьма редела, как ночь в предрассветных сумерках. Звуки слышались все отчетливее. Щеку холодило зимним воздухом. Я выдохнула, и вместе с дыханием с моих губ вновь сорвалось имя Хэйдена.

— Ты в безопасности, — снова произнес незнакомец. — И Хэйден скоро будет рядом. Нужно только подождать. Самое страшное позади.

Меня снова тряхнуло. Море тьмы будто выплюнуло крохотную лодку на берег, и мокрый песок радостно шаркнул по дну. Веки дрогнули. Такие тяжелые, они никак не хотели подниматься, но я слишком упряма, чтобы сдаться.

Наконец глаза открылись.

Надо мной навис обитый бархатом потолок. Ромбы-складки с удерживающими их круглыми пуговицами покачивались в такт движению. Плотно задернутые на окнах шторки не пропускали свет, но два кристалла, расположенные друг напротив друга, разгоняли тьму.

Я полулежала на сиденье, закутанная в одеяло. Под спиной чувствовались маленькие подушки. «Колдовской аркан» мягко фиксировал мое тело, не давая свалиться от покачиваний кареты.

На другом сиденье разместился мужчина в плаще с меховым воротом. Сквозь раскинутые полы виднелся дорогой костюм-тройка. Черные волосы незнакомца едва заметно серебрились первой сединой. Темно-серые глаза смотрели внимательно, но не холодно, а напротив — с непонятной мне нежностью. В уголках рта замерла улыбка.

— Здравствуй, Илэйн. Я рад, что ты очнулась. Воды?

Я растерянно кивнула. Попыталась совладать со слабыми руками и выпутаться из одеяла, но незнакомец опустил поверх моего кокона ладонь, затянутую в кожаную перчатку.

— Не шевелись. Я помогу.

Наклонившись, он достал из дорожного саквояжа глиняную бутылку, заткнутую пробкой. Откупорил ее и, придерживая меня за голову, поднес вытянутое горлышко к моему рту.

— Не смотри на нее так, — улыбнулся он. — Там просто вода.

Я моргнула, принимая ответ, и сделала осторожный глоток.

— Много пока нельзя. Если захочешь, попозже попьешь еще.

Меня заботливо погладили по голове. Бутылку вновь заткнули пробкой и убрали обратно. Я же, совладав с голосом, наконец спросила:

— Кто вы?

Незнакомец улыбнулся.

— Вилард.

Имя прозвучало знакомо. Я напрягла память, пытаясь припомнить, когда слышала его в последний раз. А вспомнив, нахмурилась.

— Вы… Вилард Морроубран?

В уголках серых глаз собрались добрые морщинки.

— Приятно познакомиться, Илэйн. Рад наконец встретиться лично, хотя и сожалею, что встреча случилась при таких обстоятельствах. Я бы предпочел менее болезненный исход.

Будто соглашаясь, тело отозвалось колющей болью в груди. Я с трудом сохранила невозмутимый вид, не желая выдавать слабость. Но, судя по всему, Вилард умеет видеть сквозь маски ничуть не хуже сына.

— Хочу, чтобы ты знала: он до последнего искал другой способ. Был готов пойти на многое. И пошел. Но из некоторых ловушек безопасных выходов попросту нет.

— Как? Как ему это удалось?

— Что именно? Обвести вокруг пальца академию, а вместе с ней и всю темную империю? Или убить тебя, не убивая?

— Все.

Вилард усмехнулся. Достал из кармана плаща трубку и, набив ее, закурил. Дым уходил в маленький колдовской капкан, зависший над правым плечом северянина. И все же я ощутила едва уловимый сладковатый запах. Южный табак гиола. Кажется, отец тоже курил такой.

Воспоминания из детства и чувство защищенности, которые они приносили с собой, заставили задышать ровнее. Уголки губ против воли приподнялись.

— Хэйден рассказал тебе один из секретов, которые хранят северяне, — произнес Вилард, не сводя с меня взгляда. — Но всех тайн он раскрыть не мог. Вернее, не успел. То, что он сделал на обряде, не под силу ни одному, даже самому сильному нефриту. Ваши магистры не заметили его вмешательства, потому что не представляют, что такое возможно.

— Но… — я нахмурилась. — Как же тогда получилось у Хэйдена? Ведь он же нефрит.

— Ошибаешься, Илэйн, — мягко возразил Вилард. — Мой сын не нефрит. Он шерл — черный турмалин. Пятый, самый редкий и самый сильный камень темных.

Я растерянно посмотрела на колдуна.

— Это невозможно. Шерлы дозволено иметь лишь членам Совета Ночи.

— Вовсе нет. Как и остальные камни, турмалины носят те,

кто их достоин. В Лунной империи таких единицы, и все они члены Совета Ночи. Отсюда и заблуждение.

— Но почему тогда в кольце Хэйдена нефрит?

— Потому что это еще одна тайна севера. А точнее, чуждых детей, — с улыбкой поделился Вилард.

Его голос звучал приглушенно и вместе с тем очень мягко. Я легко могу представить, как точно с такими же интонациями Вилард разговаривал с маленьким Хэйденом, рассказывал ему то, что сейчас — мне. Забота и желание защитить слышались в каждом звуке. Они согревали, наполняли сердце спокойствием.

Тяжесть в теле больше не злила. Напротив, она вдруг показалась очень уютной, словно от толстого пухового одеяла, под которым так приятно спать зимой. Сладковатый запах гиола едва ощущался. Пытаясь поймать его, наполнить им грудь, я задышала глубже. Покачивания кареты рождали в памяти старые, почти забытые ощущения: как няня Агрена убаюкивала меня, прижимая к большому, по-родному мягкому боку.

Слушая историю севера, я проникалась каждым словом.

Силлерторны и Морроубраны стали первыми, кто дерзнул пойти против воли покровителей и отказались убивать чуждых детей. Они же стали первыми, кто узнал о силе, живущей в каждом неправильном ребенке, — силе турмалинов. Лишь иногда чуждые дети вытягивают нефриты и гелиодоры, но более слабые камни — никогда.

Со временем к Силлерторнам и Морроубранам присоединились остальные северные дома. Разделив один секрет на всех, они сплотились. Закрылись от мира и установили собственные правила. Ни в Лунной империи, ни в Солнечном царстве не придали особого значения замкнутости нескольких домов. А потом стало поздно что-либо менять: взрастившие сильных колдунов и заклинателей северяне сумели сохранить автономию.

Однако спасти всех чуждых детей оказалось не под силу даже им. То, что в горах давно не являлось редкостью, в других уголках обоих государств почти не случалось. И потому люди воспринимали это как наказание покровителей: испытание рода на верность свету или тьме. Иногда северянам удавалось находить подобных мне — тех, кто сумел сохранить опасную непохожесть в тайне. Все они со временем обрели новый дом среди укрытых снегами вершин: темные на темной стороне, светлые на светлой.

— А ты, Илэйн, где хочешь остаться?

Я растерялась.

— У меня есть выбор?

— Конечно. Оба дома — и Силлерторны, и Морроубраны — готовы принять тебя. Хотя, учитывая природу твоего дара, думать особо не над чем.

Я не спешила с ответом. Вглядывалась в прищуренные глаза собеседника и все силилась понять скрытые в их глубине эмоции.

— А Хэйден?

— А что с ним? — удивился колдун. — Он темный и живет среди темных.

В груди вновь закололо. Вот только не там, где стилет пронзил кожу, а где-то намного глубже. Под сердцем.

Вилард не торопил с ответом. Молча покуривал трубку и не сводил с меня внимательного взгляда.

— Вы сказали, Морроубраны готовы меня принять.

— Сказал, — кивнул мужчина, выпуская изо рта ароматный дым.

— Тогда… тогда я бы хотела… воспользоваться вашим гостеприимством…

— А ты понимаешь, что это будет значить для тебя, светлая чародейка? Мы не всегда можем предугадать появление гостей. Некоторые, особо сильные, имеют дурную привычку переноситься на порог нашего дома без приглашения.

— Я умею прятаться. Одиннадцать лет — достаточный срок, чтобы научиться не издавать ни звука, пока в доме посторонние.

— И? — серые глаза прищурились. — Неужели не надоело? У Силлерторнов ты сможешь стать свободной. Сможешь без страха встречать гостей, составлять им компанию; сможешь покидать горы, а со временем, если захочешь, переберешься в любой город Солнечного царства. Поступишь в Академию Полудня, найдешь светлого заклинателя и вместе с ним будешь свободно прогуливаться по шумным улицам… Силлерторны научат тебя всему, что должна знать чародейка твоего возраста. Подумай над этим. Никто не осудит тебя, если ты решишь выбрать…

— Я подумала, — возразила, мягко, но настойчиво останавливая Виларда. — И если вы действительно готовы принять меня, то я бы хотела остаться с… Морроубранами, — закончила скомканно, не найдя в себе смелости произнести то, что думаю на самом деле. Я хочу остаться не с Морроубранами, а с Хэйденом.

Однако Вилард, кажется, услышал мои невысказанные желания. Он усмехнулся и вновь затянулся гиолом.

— Светлые не создают пар с темными. Сама природа будто разводит нас по разные стороны. Уж тебе-то хорошо известно, насколько болезненно прикосновение чуждой силы. А если ваши чувства со временем ослабнут? Или исчезнут вовсе? Что тогда?

Ты останешься затворницей в темных землях, — ответил он на свой же вопрос. — Сейчас ты еще можешь перейти в Солнечное царство, поступить в академию светлых, выучить все, что положено знать порядочной чародейке. Но если ты поймешь, что хочешь перебраться в царство, слишком поздно? Через десять, пятнадцать лет? Что тогда?

— Тогда я буду вспоминать этот момент и то, почему решила остаться в империи. Я не хочу из-за страха перед будущим, которое может и не случиться, прятать голову в песок. Я готова рискнуть.

Вилард снова прищурился. Несколько секунд молчал, будто давая мне шанс изменить решение, а потом широко улыбнулся.

— Мой сын сделал достойный выбор.

Похвала меня не особо тронула, гораздо больше волновало другое.

— Когда он к нам присоединится?

— На зимних праздниках. Тогда же он заберет твоего кайроша и метлу. Раньше покидать академию опасно: можно вызвать ненужные вопросы.

— А… а сколько осталось до праздников?

— Десять дней. Ты пробыла «мертвой» трое суток. Обо всем, что случилось за то время, думаю, лучше спросить у Хэйдена, когда вы встретитесь.

Я согласно кивнула и прикрыла веки.

Десять дней ожидания… Долго. После всего пережитого единственное, чего я хочу, — прижаться к Хэйдену, вдохнуть его запах, ставший таким родным и нужным, ощутить крепкие объятия и требовательный, опаляющий желанием поцелуй.

— Время пролетит быстро, — ворвался в мои мысли голос Вилларда. — Лорна очень ждет встречи с тобой и, как только ты почувствуешь себя лучше, готова помочь в освоении светлых заклинаний.

— Лорна?

— Силлерторн, мать Хэйдена.

— Но… — я нахмурилась. — Вы же сказали…

Вилард пожал плечами и улыбнулся до того хитро, что не осталось сомнений.

— Вы меня проверяли!

— Проверял, — не стал увиливать он и напомнил: — Хэйден — наследник сильнейшего северного клана по темной стороне. Со временем он встанет во главе Морроубранов, и я хотел убедиться, что рядом с ним будет достойная чародейка. Та, что не пасует перед трудностями и готова идти вперед, даже если временами приходится ступать во тьме.

Едва вспыхнувшее возмущение исчезло, словно лишенный воздуха огонь. Доводы Виларда звучали не просто логично, а по-отцовски правильно.

— А насчет того, что светлые не создают пар с темными? Это тоже часть проверки?

— Нет. Противоборствующие природы не подпускают нас друг к другу. По правде сказать, я не понимаю, как вы с Хэйденом не чувствуете этого. Разве его тьма не обжигает холодом твой свет?

Губы против воли растянулись в улыбке. Я покачала головой.

— Его тьма — единственная, которой я могу касаться. Более того, мне нравится ощущать ее. В ней… тепло.

— Я думал, меня уже ничем не удивить, — тихо усмехнулся Вилард. — А теперь даже загадывать не берусь, какими силами будут обладать мои внуки. Чудны игры покровителей.

Упоминание наших возможных детей заставило кровь прилить к лицу, а сердце забиться быстрее. Заметив мое смущение, колдун деликатно отвернулся и, сдвинув шторку, выглянул в окно.

— До поместья Морроубранов осталось меньше двух часов пути. Постарайся поспать. Потом, боюсь, отдохнуть не получится: Эвелин и Лорна слишком давно хотят с тобой познакомиться. В связях с северянами есть свои минусы, и две свекрови — один из них.

Поймав мой перепуганный взгляд, Вилард тихо рассмеялся.

ГЛАВА 46

Вилард назвал родовое гнездо Морроубранов поместьем, но это слово меньше всего подходило сооружению, показавшемуся из-за очередного витка дороги. Огромное, нашедшее пристанище между двух крутых склонов, оно скорее напоминало замок. Величественный, пугающий, поражающий своим… не великолепием, а особым духом, который ощущался даже на подъездах. Темные стены, высокие башни со шпилями, массивные ветви аркбутанов, которыми замок будто опирался на окружающие его горы. И гигантские, даже издалека видимые горгульи, замершие на заснеженных склонах. Словно стражи, они оберегали вверенный им дом, заботливо прятали его от ветров распахнутыми крыльями. Из открытых пастей вырывалась не вода — хлопья снега, что падали невесомой крошкой к когтистым лапам.

Изогнув шею, точно любопытная мэла, я выглядывала в окно и с жадным интересом рассматривала каждую деталь.

— Красиво, правда?

— Волшебно! — выдохнула, даже не пытаясь скрыть охватившего меня восторга.

Вилард тихо усмехнулся.

— Рад, что будущий дом пришелся по нраву. Эвелин потом покажет тебе каждый его уголок. Надеюсь, с годами любовь к нему найдет место в твоем сердце.

Не отрывая взгляда от приближающегося замка, я кивнула. Обманываться не хотелось, но, кажется, это чувство уже отвоевало себе уголок в моей душе.

Когда карета остановилась у подножия широкой лестницы, лакей открыл дверцу и только собрался предложить мне помощь, как Вилард его остановил:

— Я сам, Бальво. Спасибо.

Тот почтительно поклонился и отступил. Вилард подхватил меня на руки. Причем сделал этот так легко, будто, даже завернутая в толстое одеяло, я весила не больше котенка.

Внутри замка оказалось на удивление тепло. Я бросила непонимающий взгляд на оставленные позади двери, будто надеясь, что те раскроют мне свой секрет. Но вместо них это сделал Вилард:

— Обычный защитный полог. Мы немного подправили заклинание, и теперь оно защищает не от чужого взгляда или уха, а от обычного ветра.

Так просто? Взяли и изменили заклинание?

— А… — я растерялась. — А в академии дует.

Вилард снова усмехнулся.

— В отличие от нас, они не искали решения. Потому и не нашли его.

Быстрый стук каблуков заставил его отвлечься. Нам навстречу спешила красивая брюнетка, облаченная в теплое платье.

— Луна моя, ты вернулся! — воскликнула она, быстро улыбнулась мне и снова посмотрела на Виларда. — Я скучала.

Всего два слова, но в каждом из них прозвучало столько любви и нежности, сколько иные не слышат и за всю жизнь.

— И я скучал, душа моя. Позволь представить тебе нашу гостью — Илэйн. Илэйн, это Эвелин, мое сокровище.

И Вилард, и его жена держались со статью истинных артиэллов, но в то же время в них не чувствовалось привычной холодности высокородных. Удивительное, раньше казавшееся невозможным сочетание манер и эмоций, воспитания и чувств.

— Добро пожаловать домой, Илэйн, — тепло поприветствовала Эвелин.

А я… я снова растерялась. Никогда прежде мне не говорили этих слов.

Добро пожаловать домой.

Домой.

Словно у меня появился не просто угол, в котором Недоделку дозволили жить, а место, где мне рады. Глаза защипало. Пришлось закусить губу и отвернуться, притворившись, будто меня заинтересовало убранство замка. Ни Эвелин, ни Вилард не сказали ни слова, но руки, удерживающие меня на весу, сжались крепче.

Мы миновали длинный коридор, устланный темно-зеленой дорожкой, и остановились у широкой лестницы.

— Иди переходом, душа моя. Я поднимусь так. Илэйн пока не стоит пользоваться темными зевами.

Эвелин качнула головой.

— Позвольте составить вам компанию.

— Для нас это будет честью. Что скажешь? — серые глаза посмотрели на меня лукаво, но вместе с тем очень тепло.

Ком в горле не давал выдавить из себя ни звука. Я кивнула.

— Вот и славно, — улыбнулся Вилард и повернулся к Эвелин. — Лорна в комнате Илэйн?

— Да. Пытается превратить ее в… как она сказала? В уголок света и солнца? Поди вспомни. У этой чародейки слишком много жизненных сил! Иногда мне кажется, что покровители послали ее нам в испытание.

— В дар, — мягко поправил Вилард.

— В дар, — послушно согласилась она.

Без сомнения, оба имели в виду Хэйдена.

— На самом деле Лорна замечательная, — Эвелин повернулась ко мне. — Она очень хочет с тобой познакомиться. Ты не представляешь, сколько книг по чародейству она умудрилась принести! Честное слово, если посторонний обнаружит их в нашем доме, мы все пойдем под суд империи!

Несмотря на серьезность возможного наказания, Эвелин говорила весело, явно не испытывая и тени тревоги.

Мы поднимались неспешно. Иногда, видя, что жена устает, Вилард останавливался. При этом каждый раз объяснял все собственной усталостью, но я чувствовала — он лукавит.

Наконец подъем закончился. Мы вышли в просторном коридоре. По полу бежала очередная ковровая дорожка, только уже не зеленого, а серо-белого цвета, словно горы. На стенах висели картины в тяжелых рамах. В высоких вазах замерли укрытые инеем еловые лапы. Пахло хвоей. Свет масляных ламп наполнял пространство уютным желтым свечением.

При нашем приближении одна из дверей распахнулась, и навстречу шагнула красивая женщина лет сорока. Длинное зеленое платье оттеняло большие глаза цвета молодой листвы. Золотисто-медовые волосы были забраны в высокую прическу и украшены розовым гребнем.

Незнакомка едва скользнула взглядом по хозяевам замка и замерла, рассматривая меня. Она почти не моргала, словно боясь отвлечься и упустить хоть малейшую черту моей внешности. Стало неловко. Вдруг подумалось, что я наверняка выгляжу неподобающим образом: непричесанная, бледная… Не удивлюсь, если под глазами залегли синяки. Смерть, пусть и временная, мало кого красит.

По-прежнему не говоря ни слова, женщина подошла и осторожно, явно боясь причинить боль, обняла меня.

— Я Лорна, — представилась она тихо.

Голос у нее оказался высокий, но не противно-писклявый, а певучий.

— Думаю, Илэйн стоит отдохнуть, — деликатно заметил Вилард. — Разрешишь пройти?

— Ой, конечно, — спохватилась Лорна и спешно отступила в сторону. — Ванна уже готова. Я добавила в нее укрепляющий настой из гусиной лапчатки. Он поможет. И еще есть отвар первоцвета, и… А где травяные мешочки? Их нагрели? Я просила, но не помню, забрали их или…

— Не стоит так переживать. Илэйн в порядке, да ведь? —

серые глаза смотрели на меня с затаенным весельем.

Я улыбнулась.

— Просто слабость, ничего серьезного.

Лорна и Эвелин недоверчиво нахмурились.

— Горячие травяные мешочки, — решительно произнесла светлая чародейка.

— И мазь из змеиного яда и пепла белого дуба, — добавила темная ведьма.

— Держись, — шепнул мне Вилард, опуская на кровать, потом повернулся к женщинам. — Постарайтесь не переборщить с заботой. Хэйден не оценит, если по возвращении обнаружит свою избранницу прячущейся от его излишне активных матерей.

И под скептические взгляды Лорны и Эвелин он вышел.

* * *

Вечером, когда на горы опустилась тьма, а в небе зажглись миллионы звезд, я сидела в мягком кресле и куталась в теплую шаль. В камине, потрескивая сухими поленьями, горел огонь. На небольшом столике по левую руку от меня исходила ароматным паром кружка с укрепляющим отваром.

После ванны, согревающей мази и теплых мешочков с травами, от которых пахло одновременно сладко и терпко, я почувствовала себя заметно лучше. Несмотря на опасения, Лорна и Эвелин не стали душить заботой. Думаю, в тот момент обе больше дразнили Виларда, чем запугивали меня.

Раньше я и не представляла, что в семье может царить такая атмосфера. Очень теплая, удивительно родная. И хоть мне она незнакома, я чувствую, что именно такой она и должна быть. Несмотря на все рассказы Хэйдена и Виларда, несмотря на открывшиеся тайны, север не перестает удивлять. Зачарованное место, укрытое слепящими на солнце снегами и непроглядной тьмой, что приходит вместе с ночью, — север воплощает в себе лучшее, что есть в каждом из нас. И впервые я ощутила, что нашла себя. Нашла место, где хотела остаться.

Дверь открылась с приглушенным скрипом. Обернувшись на звук, я увидела крадущуюся ко мне девочку. Две тяжелые черные косы перевили нити голубых и фиолетовых бусин. Отделанная мехом жилетка была стянута на детской груди кожаными шнурками. Из-под нее выглядывала теплая кофта цвета спелой сливы. Ноги девочки скрывала не юбка, а плотные штаны, заправленные в сапожки.

Поняв, что ее заметили, гостья перестала красться и в

несколько прыжков оказалась рядом.

— Привет, — я улыбнулась.

Серые, совсем как у Виларда, глаза смотрели очень внимательно.

— Ты избранница Хэйда?

Я кивнула. Потом припомнила брошенную Хэйденом фразу и уточнила:

— А ты его шестилетняя сестра, которая умеет готовить простейшие блокираторы?

— Вовсе нет! — оскорбилась девочка. — Мне почти семь!

Не сдержавшись, я снова улыбнулась.

— Прости. Как тебя зовут?

— Тиамат.

— А я Илэйн.

— Знаю, — пожала она плечами. — О тебе весь дом говорит. Даже спящие горгульи и те шуршали камнями, обсуждая твой приезд. Ты им понравилась.

Я посмотрела на Тиамат с удивлением. Она слышит спящих горгулий? Тех, что остаются статуями?

— Моя ведьмина частица, — правильно поняла мое удивление девочка, а потом хитро прищурилась. — Говорят, в Академии Полуночи горгулий много.

— Очень. Ты даже не представляешь сколько.

Серые глаза полыхнули предвкушением, правда, почти тут же потухли — Тиамат отвлеклась на собственную жилетку, под которой кто-то заметно завозился.

— Кто у тебя там?

— Бина, — пыхтя, призналась Тиамат и достала из-за пазухи щенка ласки.

Маленький, не больше месяца. Белый, словно только что выпавший снег, с черными глазками и носом-бусинкой, который забавно подрагивал, принюхиваясь к ароматам комнаты.

— Папа подарил. Точнее, собирался подарить на зимние праздники. Но кто ж так плохо прячет подарки? — искренне удивилась Тиамат. — Хочешь подержать? Только осторожно. Она еще маленькая.

Мне в ладони опустился меховой комок, теплый и пушистый. Холодный нос скользнул вдоль большого пальца, уткнулся в запястье.

— Ты ведь не уйдешь к Силлерторнам? — спросила девочка тихо. Я посмотрела на нее с удивлением. — Ты светлая, а светлые всегда уходят в царство. Никто не выбирает тьму, если внутри его живет солнце.

— Не каждому солнцу нужно чистое небо. Мое светит даже во

тьме. А возможно, тьма и есть мое солнце.

Тиамат нахмурилась, обдумывая услышанное, а после прищурилась, становясь еще больше похожей на Виларда.

— Обещаешь, что не уйдешь?

— Обещаю.

* * *

Вилард не ошибся, сказав, что время до зимних праздников пролетит быстро. Поначалу я чувствовала себя неуверенно в чужом доме, но очень скоро это чувство вытеснило волной заботы и доброжелательности, которая накрывала меня всякий раз при общении с северянами.

Едва слабость отступила, я начала осваивать простейшие заклинания светлых. Вместе с Лорной мы запирались в зимнем саду, в котором благодаря ее силе даже сейчас все цвело и пахло. В окружении зелени мы проводили по нескольку часов. Лорна обучала меня азам чародейства, пыталась дотянуться до моей искры — той крупицы силы, что отличает ведьм от колдунов и чародеек от заклинателей. Пока без особых успехов, но мы обе не теряли надежды.

Благодаря Эвелин я узнавала поместье Морроубранов, знакомилась с его прошлым, рассматривала портреты членов рода. И с жадностью слушала истории о детстве Хэйдена. Иногда к нам присоединялась Лорна и рассказывала о времени, когда сила Хэйдена еще не проявилась и он жил с Силлерторнами.

Удивительно, но я не ощущала напряжения между женщинами. Они обе искренне любили Хэйдена и не пытались выяснить, кто же его настоящая мать. Слушая их рассказы, я все больше понимала ценности севера. Неважно, из какой ты семьи, — важно, кто ты на самом деле, каким тебя создали покровители и к чему тянется твоя душа. А близкие — они не для того, чтобы осуждать или разочаровываться, а чтобы поддерживать и развивать лучшее в каждом.

Иногда ко мне прибегала Тиамат, которая, узнав про Эвис, принялась дрессировать Бину. Маленькой ведьме хотелось, чтобы ее подопечная научилась общаться топотом. И наблюдая за ними, я со щемящей тоской вспоминала мою зеленую проныру.

Жизнь в доме Морроубранов неслась стремительно и ярко, словно срывающийся со скалы водопад, в струях которого притаилась радуга. Люди, еще неделю назад бывшие мне чужими, вдруг стали родными и близкими, словно настоящая семья. Шумная, временами чудн***а***я, но уже очень любимая. Вместе с

ними я ожидала возвращения Хэйдена, надеясь совсем скоро очутиться в самых желанных на свете объятиях. Но за день до его прибытия на пороге замка появился нежданный гость.

ГЛАВА 47

Я знала, кого увижу в гостиной. Знала и потому не могла заставить себя толкнуть тяжелую дверь. Стояла у порога, разглядывая искусную резьбу, и пыталась подавить бьющее по нервам волнение. Тщетно. Страх целовал меня в затылок, скользил ледяными пальцами вдоль позвоночника и украдкой, будто играя, сдавливал сердце. Оно то заходилось испуганным ритмом, то спотыкалось и ударялось о ребра.

Однако медлить больше нельзя. Шумно выдохнув через нос, я на секунду сжала кулаки и уверенно толкнула дверь.

Гостья сидела на софе. В элегантном, расшитом кружевом платье — слишком легком для этого края. Черные волосы привычно забраны в высокую прическу. Белые пальцы, унизанные старинными перстнями, расслабленно поглаживают ручного питона. Идеальная осанка, грациозный разворот плеч, внимательный взгляд.

На секунду меня охватила растерянность. Показалось, будто и не было этих месяцев в академии, а я так и не вырвалась из почти захлопнувшейся ловушки… словно я по-прежнему в поместье Мак-Моров.

— Яркой луны, Лангария.

Мой голос прозвучал так же растерянно. Почти жалко.

Вместо ответа матушка кивнула. Величественно и с достоинством — так, как умеет только она.

— Присядь, Илэйн.

Выверенным жестом мне указали на свободное кресло, и я, не в силах противиться, села.

Мы обе не спешили заговаривать. Лангария не сводила с меня внимательного взгляда. Под ним, как миллион раз прежде, я почувствовала себя провинившейся — Недоделком, разочарованием семьи… Недостойной. Мне не нравилось это чувство. Если бы только могла, я бы выкорчевала его из сердца, как старый пень из пролеска. Но, боюсь, оно успело прорасти во мне слишком глубоко.

— Ты слабая, — наконец заговорила Лангария. Первая же фраза ранила иглой. — Слабая… но истинная дочь рода Мак-Мора.

Догадки, ранее бесплодные, обрели форму. И вместо вопроса с моих губ сорвалось обвинительное:

— Вы знали!

Лангария удивленно изогнула бровь.

— Знала ли я? Илэйн, ты забываешься, — мелодично, но

осуждающе произнесла матушка. — Моя ведьмина крупица позволяет мне слышать звезды. В первый раз именно они подсказали мне выйти замуж за изумруда. И я послушалась, ради Эварика отказавшись от выгодной партии. Второй раз звезды заговорили со мной, когда я носила тебя.

Пальцы, покоящиеся на коленях, непроизвольно сжались. Все внутри меня напряглось, точно готовясь к удару. И он последовал.

— Они нашептали мне о лунном затмении. О звезде перемен, что воссияет так ярко, как никогда прежде, и о том, как много сможет изменить дитя, рожденное в такую ночь.

Ногти впились в кожу ладоней. Сильно, до боли, до крови… Но я едва это ощутила.

Лангария видела каждую эмоцию, которую я тщетно пыталась скрыть. Видела, но продолжала вырывать камни в основе моей веры.

— Я знала, на что иду, когда решила привести тебя в этот мир раньше срока. Еще до того, как ты издала первый крик, я уже знала, что ты чуждая.

— Нет!

Перед глазами заплясали цветные пятна. И в них, точно тени, взвились две сотканные из тумана нити. Я будто заново видела, как одну из них с силой вырвали и изуродовали вторую. Как, лишенная пары, она затрепыхалась в агонии, как тянулась срастить поврежденные волокна. Мозаика сложилась. Нить Ардена, его одержимость, влияние на Кигана… все это случилось из-за Лангарии? Из-за ее решения?

Понимание навалилось тяжелым обухом. В ушах зазвенело, взор поплыл. Мне так хотелось, чтобы я ошиблась, чтобы неправильно поняла услышанное. Но внимательный, колючий взгляд не оставлял возможности усомниться: каждое прозвучавшее слово — правда.

— Почему? — выдохнула я, с трудом глотая горький ком. — Чем я не угодила вам, еще даже не родившись?

— Дело не в тебе, Илэйн. Дело в нас, — спокойно ответила Лангария. — В той нелепой войне, что длится уже слишком долго. Ее нужно остановить.

— Но при чем тут я?

— При том, что войны, длящиеся поколениями, нельзя прекратить в одночасье. Невозможно вытравить из сердец ненависть, подписав мирный договор. Нужно менять представления друг о друге. И ты, Илэйн, стала той, кто сделал первый шаг. Рожденная под звездой перемен, ты вызывала их в каждом, кого касалась. Не осознавая того, ты дарила свет душам

темных.

— Я едва не погибла! — выкрикнула, вскакивая с кресла.

Сердце в груди билось болезненно быстро. Слезы душили.

— Но ведь не погибла, — заметила Лангария и одарила меня неодобрительным взглядом. — Сядь, Илэйн. Ты артиэлла и обязана уметь сдерживать эмоции.

Громкость ее голоса не изменилась, даже интонация и та осталась прежней, но осуждение прозвучало слишком отчетливо. Невидимой пощечиной оно ударило меня по лицу. Колени подогнулись, и я, не устояв, упала обратно в кресло.

— Вы рискнули не только моей жизнью, но и жизнью Ардена, Кигана. Мэл наверняка для вас ничего не значит, но наследник Шантаров, жених Мойры… неужели он тоже лишь пешка в вашей партии?

— Звезды не говорят всего, Илэйн. Они только указывают путь, по которому мы можем пройти. Этот — единственный, способный положить конец затянувшемуся противостоянию.

— Вы знали, что у меня получится?

— Нет. Но я сделала все возможное, чтобы воспитать тебя той, кому под силу пройти этот путь.

— Воспитать?! — я вспыхнула в секунду. — Вы стыдились меня! Отгородились! Если бы могли, уверена — выкинули бы, как безродного щенка!

Лангария не ответила. Дождалась, когда я сумею погасить внутренний огонь, и лишь после этого продолжила:

— Твой свет оказался намного сильнее, чем я предполагала. Он толкал тебя на необдуманные поступки. Слишком приметные и опасные, чтобы сохранить твою природу в тайне. Моих просьб сдерживаться ты не слушала. Пришлось действовать иначе. Я не могла позволить тебе оставаться беспечной.

— И поэтому заставили чувствовать себя Недоделком?!

— Это чувство спасло тебе жизнь, — Лангария повела плечом. — У всего есть цена, Илэйн. Ради сохранения тайны тебе пришлось научиться не доверять никому. Мне — убить мужчину, которого я любила.

Я неверяще посмотрела на матушку и впервые за маской холодности увидела печать усталости.

— Эварика выбрали для меня звезды. Сама бы я и не посмотрела на него: слабый дар, посредственная внешность. Но с годами я разглядела то, чего не заметила поначалу, — внутренний стержень. Причем настолько крепкий, что никто другой не мог его превзойти. Никто, кроме тебя, Илэйн.

Я нахмурилась. Матушка… похвалила меня?

— Однако, — продолжила она, — когда Эварик прознал о

твоей чуждости, он решил поступить согласно традициям. Мужчина, которого я любила, собирался убить нашу младшую дочь. Я не могла допустить этого и наложила на него проклятие. Одно из родовых — тех, которыми владеют только Мак-Моры. Эварик знал о нем — я сама рассказала: надеялась таким образом сберечь от необдуманных действий. Но тщетно. Сначала он искал способ избавиться от печати смерти Мак-Моров, а после — когда ошибочно решил, что задуманное ему удалось, — попытался донести на тебя и погиб.

Я вновь до боли стиснула пальцы. Но на этот раз Лангария не видела моих эмоций — все ее самообладание уходило на то, чтобы сдержать собственные.

— Эварик умер, чтобы жила ты. Чтобы выросла и стала тем камнем, с которого начинается камнепад.

— Но почему? Почему вдруг темные захотели пойти на перемирие? Ведь это решение Совета Ночи, верно?

Вместо ответа Лангария обвела взглядом комнату. И еще одна мозаика, более крупная, сложилась.

— Турмалины севера. Его автономия… — выдохнула я, закрывая глаза.

Мощь севера крепла с рождением каждого чуждого ребенка. Закрытость, на которую правители империи и царства поначалу не обратили внимания, стала пугать. Она стала предвестником грядущего отделения, допустить которого не могли ни светлые, ни темные. Еще бы! Никто не желал терять богатые камнями и рудами горы.

Осознав угрозу, правители двух государств заключили тайный договор на крови: снизить градус ненависти к соседу и воспитать терпимость к чуждой силе. Изменить все то, что они сами же за несколько поколений взрастили в сердцах подданных. И все ради будущего мира, ради сохранения богатейших земель.

— Со временем мы планируем ввести обмен чуждыми детьми. Почти такой же, какой практикуют здесь, — Лангария плавно взмахнула рукой. — Отдавая светлых турмалинов, взамен мы будем получать темных. Паритет силы сохранится. Он же станет гарантом стабильности и мира.

Лангария говорила спокойно, уверенно — так, как, не сомневаюсь, произносила эти речи тысячи раз. Не мне — членам Совета Ночи. Каждое слово взвешенно, в каждом слышится воля сильнейших. Вот только в моем сердце они не нашли отклика.

— Все ради территорий? — усомнилась я. — Или страх проиграть соседу и лишиться гор оказался сильнее? На землях Лунной империи существует три северных дома, на территориях Солнечного царства — два. Если бы север решил отделиться,

темные потеряли бы больше, чем светлые. Дело в этом, не так ли?

— И в этом тоже, — не стала увиливать Лангария. — А еще в сотнях нефритов, чьи нити судьбы обрываются на границе. Империя устала нести потери. Царство, уверяю, тоже. Эту войну пора прекращать. И хватит, Илэйн! — повысила она голос, едва я открыла рот. — Ради блага большинства нам всем приходится чем-то жертвовать! Прекрати упиваться собственной обидой и взгляни на события со стороны! Да, твой путь был непрост. Но ты прошла его и в конце обрела многое: избранника, два клана, принявших тебя, возможность прожить дни в мире… Далеко не всех детей Полуночная Матерь одаривает столь щедро.

Я не нашла в себе сил возразить. Крепко сжала кулаки и несколько секунд смотрела на них невидящим взглядом. Потом тихо спросила:

— Вы когда-нибудь любили меня? Видели во мне дочь? Или для вас я так навсегда и осталась лишь ингредиентом в котле готовящегося зелья?

Лангария вздохнула.

— Любовь, Илэйн, не всегда похожа на сказку. Иногда она до пугающего жестока. Не думай, что я не понимала, сколь сурово обращалась с тобой. Или что мое сердце не болело, когда я видела, как отчаянно ты борешься с Ригге, как цепляешься за перила и кричишь в нежелании сдаваться. Но раз приняв решение, я не могла повернуть назад. С момента твоего проявления речь шла не только о мире между империей и царством, но и о твоем выживании. Любая моя ошибка стоила бы тебе жизни. Жесткость с тобой, требовательность с Мойрой, решительность в отношении Эварика — каждый шаг ранил мою душу, как осколки — босые ноги. Но остановиться было нельзя.

— Стоило оно того: идти по стеклу в надежде, что когда-нибудь путь станет легче?

— Не знаю. Но надеюсь с годами это выяснить.

— А Мойра… она презирает меня по-настоящему или следует вашему плану?

Лангария сдержанно улыбнулась, запустила руку в карман платья и вынула оттуда письмо.

— Она знала, что ты спросишь.

Пальцы подрагивали, когда я приняла скрепленный сургучной печатью лист. Осторожно, боясь сломать, очертила выступающий край, провела подушечками по оттиску печати и посмотрела на матушку.

— У тебя есть причины на обиду. Но не позволяй ей застилать разум слишком долго — все же ты истинная дочь рода Мак-Мора, а мы всегда отличались способностью мыслить

рационально.

Вместе с последним звуком матушка встала и покинула гостиную. Я грустно улыбнулась. Даже сейчас, будучи гостьей, Лангария держалась величественно, словно само ее появление оказывало честь этому дому. Но, возможно, по-другому она уже не может. Все мы носим маски. И за восемнадцать лет Лангария срослась со своей.

Оставшись одна, я снова посмотрела на письмо. Поднесла к лицу, вдохнула едва уловимый запах жасмина — аромат Мойры. Потом, решившись, разломила печать.

В письме было всего пять предложений:

> Некоторым, чтобы спасти, приходится убить. Другим — ненавидеть. Но когда речь заходит о близких, цена перестает иметь значение. Береги себя, Лэйни. И не позволяй кошмарам врываться в твои сны: отныне бояться больше нечего.

Прижав к груди письмо, я закрыла глаза.

В памяти всплыли картины нашего детства: как Мойра всегда меня опекала, как приходила ночью, спасая от кошмаров, как защищала перед Ригге и матушкой. Пусть недолго, пусть со временем мы отдалились друг от друга… Но теперь я знаю: сестра не предавала меня. Напротив, ради меня она предала империю, сохранив мой секрет в тайне.

— Спасибо, Мойри, — прошептала я в пустоту. — И прости, что из-за меня тебе тоже пришлось повзрослеть слишком рано.

Еще раз взглянув на убористые строчки, я бережно сложила письмо. Встала с кресла и хотела было направиться к выходу, когда двери с шумом распахнулись и в комнату влетела Тиамат. Глаза ее светились радостью.

— Он приехал! Приехал!

ГЛАВА 48

Карета Хэйдена неслась по укрытой порошей дороге. Шестерка коней, черных словно вороны, выбивала копытами тугие комья снега. Звук, с которым они разбивались о землю, казалось, слышался даже отсюда — с балкона третьего этажа. Налетающий ветер трепал мои волосы, забирался под наспех наброшенный плащ и пускал волны мурашек по коже. Но я едва обращала на него внимание — весь мой мир сузился до дороги и кареты, мчащейся по ней.

Внизу собирались члены семьи. Эвелин спешно раздавала приказы слугам, и те разлетались, точно встревоженная стайка стрекоз. Лорна крутилась у зеркала, поправляя и без того идеальную прическу. Вилард внешне казался спокойным, но уголки его губ едва заметно подрагивали, выдавая обуревающую колдуна радость.

Горгульи знали обо всем, что происходит в замке, и Тиамат, оставшаяся со мной, радостно делилась подробностями. Когда экипаж остановился у ступеней главной лестницы, девочка не выдержала и убежала встречать брата. Я же не могла пошевелиться: взгляд приклеился к блестевшему на солнце каретному боку, сердце замерло в предвкушении. Вторя ему, замер и мир — застыл, словно угодивший в каплю смолы комар.

Секунда, две, три…

Наконец дверца кареты отворилась. Хэйден вышел и тут же посмотрел вверх. Он словно знал, где я, будто чувствовал меня даже на расстоянии. И осознание нашей связи опалило внутренности жидким огнем. Меня скрутило от желания прикоснуться, очертить пальцами линию подбородка, высоких скул, вдохнуть ставший таким родным запах. Прижаться тесно, отдать всю себя без остатка.

Пальцы, вцепившиеся в балконную ограду, сжались сильнее, почти до боли. Казалось, разожми я их, и уже ничто меня не удержит — сорвусь птицей и полечу в объятия Хэйдена. И тогда станет неважно, что артиэллам не дозволено проявлять чувства так бесстыдно, что на нас смотрят, что на пороге стоят его родители и сестра… По правде сказать, об их присутствии я едва помнила. Лишь отточенные с детства манеры удерживали мою волю в тисках правил высокородных.

Хэйден улыбнулся. Взмахом руки открыл переход и в мгновение оказался рядом.

Губы обожгло поцелуем. Таким желанным и пьянящим, что закружилась голова. Боясь упасть, я обняла Хэйдена за шею,

запустила пальцы в его волосы и вжалась в сильное тело. Мой дар засиял, словно выглянувшее из-за тучи солнце. Тьма Хэйдена, отвечая, укрыла нас бархатом ночи. Поцелуй становился все жарче, прикосновения — все смелее. Отдавшись во власть ощущений, я целовала так, как никогда прежде: не сдерживаясь, не боясь собственных чувств, не думая обо всех, кто может нас увидеть. Любые зароки и правила перестали иметь значение. Важным остались только мы: я и Хэйден, наше общее на двоих дыхание.

— Люблю тебя.

Слова прозвучали тихо, будто их прошептал не человек — ветер. Я посмотрела на Хэйдена.

— Я люблю тебя, Лэйни, — повторил он с улыбкой. — Ты моя луна и мое солнце. Мои горы и ветер. Мое сердце. Клянусь севером, что больше никогда не причиню тебе боли.

Широкая ладонь скользнула мне на грудь и замерла над сердцем — там, где стилет оставил тонкий шрам. Я накрыла руку Хэйдена своей, сжала осторожно и потянула вверх, чтобы прижаться к ней горящей от смущения щекой. Губы шевельнулись, готовые произнести: «И я люблю тебя», но Хэйден качнул головой.

— Скажешь это, и я не отпущу тебя. Никогда. Убью и умру за тебя. Но не отпущу.

Голос его прозвучал твердо, решительно, однако я видела, как непросто дались ему эти слова. Хэйден говорил, что северяне не отступают от своих избранниц, что сама их природа не позволяет этого сделать. Но сейчас он сознательно заковывал чувства в тиски льда и камня, шел против себя самого, чтобы дать мне шанс — последний, не сомневаюсь, — прислушаться к собственной сути и выбрать свет. Вот только мой выбор уже давно сделан.

— Не отпускай. Держи всегда так же крепко, как сейчас. Люби меня, будь моей тьмой, моим солнцем, моей душой. Потому что я люблю тебя…

Последний звук едва успел сорваться с губ, как их накрыли губы Хэйдена. Мы вновь теряли себя. Растворялись друг в друге, лишались опоры под ногами и обретали ее заново. Не знаю, как далеко мы могли бы зайти, но внезапный стук заставил нас прерваться и посмотреть вниз.

На укрытом снежной крошкой балконе лежала Сельва. От нее ко мне, оставляя цепочку маленьких следов, бежала Эвис. Эмоции переполняли ее настолько, что она не могла удержать облик ящерицы, оборачиваясь то пауком, то крысой, то черным хорьком.

Я присела, поймала забежавшую на ладони Эвис и прижала

ее к груди. Улыбнулась, ощутив возбужденный топот, и прикрыла глаза.

— Я тоже скучала. Очень-очень. Прости, если заставила волноваться.

Новый пинок вышел болезненнее предыдущих. Руки оттянула резко потяжелевшая ноша. Распахнув глаза, я с удивлением посмотрела на окаринейского бескогтевого варана. Ярко-оранжевая морда недовольно скалилась. Длинный гребень скругленных шипов воинственно топорщился.

— Она дуется, — пояснил Хэйден. — В этом облике ее пинки ощущаются особенно сильно, но при этом не ранят. Выяснено опытным путем, — добавил он, смеясь. — Судя по всему, твоя подопечная крайне… раздосадована последними событиями.

Топ!

— Ай! Эвис!

Топ! Топ-топ!

— Я же не специально отослала тебя!

Топ! Топ!

— Но ведь все хорошо закончилось!

Топ-топ-топ!

— Ай!

Топ!

— Да и что бы ты сделала? Растерзала всю академию?

Топ!

Новый тычок ощущался сильнее и увереннее предыдущих. Сейчас меня не просто топтали, а именно отвечали. Беспокойство, пережитые страхи, обида — я ощущала каждую эмоцию своей подопечной. Наплевав на пинающееся безобразие, прижала ее к себе крепко-крепко и выдохнула:

— Прости, Эв. Прости. Обещаю, больше мы не расстанемся.

Топ… Топ-топ… — ворчливо отозвалась Эвис.

На секунду показалось, что в руках стало пусто, но уже в следующий миг я ощутила привычное прикосновение маленьких прохладных лап. Улыбнувшись, посмотрела на задранную зеленую мордочку.

— Люблю тебя, Эв.

Топ.

Хэйден присел рядом.

— Полагаю, стоит придумать иной способ общения, помимо топота. Либо оговорить допустимые размеры. Топтать наших детей я не позволю. Особенно в теле окаринейского варана.

Эвис фыркнула и закатила глаза. Я рассмеялась.

В горах носился ветер, играя снежной крошкой, но на душе было тепло. Нет, не так, будто зима уступила место лету, а

колючие порывы сменились ласковым бризом. Но так, что даже холод севера вдруг стал согревающим.

Спустив ящерицу на пол, я выпрямилась и подошла к Сельве. Стоило древку оказаться в руке, метла отозвалась волной радостного тепла. Эвис тут же обернулась пауком и проворно вскарабкалась по прутьям до оголовка.

— Надо же, как вы поладили, — удивилась я. — Мне казалось, метлы допускают к себе только выбранную ведьму.

— Так и есть, — Хэйден встал рядом и мягко приобнял меня за талию.

— Но как же тогда они? Да и разве сюда Эвис не поднялась на Сельве?

Я посмотрела в смеющиеся зеленые глаза.

— Сложно не допускать к себе осколок собственной души.

— Что? Подожди, ты хочешь сказать, Эвис и Сельва…

Фрагменты случившегося, как кусочки цветного стекла, сложились в законченный витраж: в кайроша попал осколок светлой души; над Сельвой ставили опыты, стремясь насадить тьму. Получается…

— Да, Лэйни, чтобы изменить твою метлу, у нее вырвали часть души. Эвис и Сельва — половинки одного целого.

* * *

Догадка Хэйдена не давала мне покоя еще три дня. Терзала мысли, как попавший в туфлю камешек — тело. Снова и снова я обдумывала услышанное, представляла Сельву в закрытом крыле академии и то, как насажденная тьма выдавливает частицу светлой души. Каково ей пришлось? А Эвис?

Эвис…

Камешек выпал из ботинка и с приглушенным стуком ударился о землю. Ну конечно! Эвис!

Я вскочила с кресла, уронив книгу по обрядам светлых, и поспешила в кабинет Виларда, где с самого утра глава Морроубранов и его наследник решали вопросы клана. Стук каблуков глушили ковровые дорожки. Мягкий свет ламп сопровождал, загораясь при моем приближении и затухая, стоило мне отдалиться на пяток шагов. Благодаря Эвелин я запомнила расположение комнат и залов, поэтому до нужного помещения добралась без проблем. Остановилась у массивной двери из темного дерева и только собиралась постучать, как та распахнулась. На пороге стоял Хэйден.

— Ты читаешь мои мысли? — произнес он с улыбкой. — Я

шел к тебе.

Жар смущения лизнул щеки. Я мотнула головой и, едва Хэйден посторонился и простер руку в приглашающем жесте, вошла.

— Прошу прощения, что побеспокоила.

— Не переживай, мы как раз собирались немного передохнуть, — заверил Вилард. — Составишь нам компанию за чаем?

— С удовольствием.

Ведомая под руку Хэйденом, я дошла до мягкого дивана с низкой спинкой, села. Улыбнулась опустившемуся рядом колдуну и снова посмотрела на Виларда.

— Тебя что-то беспокоит?

— Я… — бросила украдкой взгляд на Хэйдена, поймала его улыбку и продолжила увереннее: — Я хотела узнать, в курсе ли вы насчет Эвис и Сельвы?

Вилард кивнул.

— Да, Хэйден поделился предположениями.

— А есть способ узнать наверняка? И…

Стук в дверь заставил меня замолчать. С разрешения хозяина замка в комнату вошли две служанки с заставленными едой подносами. Проворными тенями скользнули к чайному столику, расставили тарелки и чашки.

Едва девушки удалились, я продолжила:

— И возможно ли узнать, чья именно душа оказалась в Сельве?

Брови Виларда взметнулись в изумлении. Хэйден опустил ладонь поверх моих пальцев, от волнения сжатых в кулаки.

— Что ты хочешь узнать?

— Кому принадлежит имя Эвис. Должна быть причина, почему кайрош с осколком светлой души выбрал именно его.

Хэйден нахмурился, вспоминая мой рассказ. Кивнул.

— Способ есть, — задумчиво протянул Вилард. — У светлых существует обряд — зов души. Не знаю, сработает ли он с разорванной душой, но попробовать можно. Я поговорю с Эйхолдом. Однако, если мы решимся, тебе, Хэйден, придется укрыть поместье пологом. Насколько я помню, обряд довольно мощный.

— Не проблема.

Не проблема?! Я с недоверием посмотрела на Хэйдена. Насколько же он силен, если ему по плечу перекрыть светлый всплеск?

— И как только в академии не поняли, что ты турмалин? — заметила растерянно.

Хэйден усмехнулся.

— Если не показывать больше, чем следует, никто ничего и не заподозрит. Кстати об этом, — он повернулся к Виларду. — Попросишь отца принести камни?

— Конечно. Хорошая идея.

* * *

Эйхолд Силлерторн оказался таким же светловолосым, как Лорна. Льдисто-голубой, под цвет глаз, костюм выглядел строго, сдержанно. Пожав руку Виларду и крепко обняв сына, Эйхолд повернулся ко мне.

— Уверена, что останешься с Морроубранами? — спросил он вместо приветствия.

Я кивнула и неосознанно придвинулась ближе к Хэйдену. Тот столь же естественно приобнял меня за талию. Эйхолд, заметив наши движения, хмыкнул, однако, к счастью, комментировать не стал.

Следуя за Вилардом, мы прошли в ритуальный зал. Просторный, с большими вытянутыми окнами, за которыми начинала кружиться метель, и изрезанными символами стенами, он, казалось, едва не вибрировал от напитавшей его силы. Мы с Эйхолдом поморщились. Каково приходилось Сельве, принесенной сюда заранее и теперь дожидающейся своего часа, я даже не берусь гадать.

— Полог поставил? — уточнил Эйхолд у сына.

— Да, можешь не сдерживаться.

Заклинатель довольно кивнул. Запустил руку в поясную сумку — очень похожую на ту, в которых темные носят зелья, — и достал льняной мешочек. Развязав тесемки, с силой тряхнул им, и на пол посыпалась мелкая пыль, белоснежная, словно мука. Потом вынул из сумки пучок травы, четыре камня мутно-желтого цвета, склянку с прозрачной жидкостью и толстый кусок мела. Опустившись на корточки, Эйхолд принялся рисовать сложный узор: десятки линий — прямых и волнистых — переплетались, вились змеями и устремлялись к разложенным в определенном порядке элементам обряда.

Когда последняя черточка заняла место в общем рисунке, Эйхолд встал, отряхнул руки и придирчиво осмотрел проделанную работу. Потом жестом попросил меня принести метлу. А едва я подошла с зажатой в руках Сельвой, кивком указал в центр узора.

— Отлично. Теперь встань ближе к Хэйдену. Я не знаю, как

пройдет обряд с неполной душой. Хорошо хоть, твой кайрош согласился держаться подальше. Лучше не рисковать. Если он примет истинный облик…

Не договорив, Эйхолд покачал головой и откупорил пузырек. Вылил прозрачную жидкость на Сельву и начал читать заклинание.

Я внимательно слушала, стараясь уловить хоть одно знакомое слово, но тщетно. Казалось, светлый говорил на каком-то другом, незнакомом мне языке: мелодичном, тянущемся, грассирующем. С каждой новой фразой символы мерцали все ярче. Сначала оранжевым, потом алым, голубым и под конец — слепяще-желтым светом. А стоило Эйхолду выкрикнуть последнее слово, уводя тон вверх, как над Сельвой заклубился дым.

ГЛАВА 49

Дым клубился сизым маревом, стелился по полу вдоль очерченных линий и возвращался к Сельве. С каждой секундой он казался все плотнее, рос все выше — набухал, как оставленное в тепле дрожжевое тесто. Размытые очертания постепенно обретали форму: длинное простое платье, маленькие кисти, выглядывающие из узких рукавов, острые ключицы…

Я почти не дышала, следя за вызовом заключенной в артефакт души. Боялась моргнуть и упустить хоть деталь.

Туман дрожал, расплывался, будто с трудом мог удержать форму, и снова упрямо стягивался над Сельвой, пока наконец не собрался в облик миловидной невысокой девушки. Лицо сердечком, большие, словно у олененка, глаза, маленький вздернутый носик. Волосы собраны в тугую косу и перекинуты на плечо. Подумалось, что у них наверняка был насыщенный ярко-рыжий цвет, как у солнца на закате. А еще подумалось, что вряд ли мне доводилось встречать кого-нибудь столь же беззащитного. Девушка казалась бесконечно хрупкой, словно тонкая ледяная корочка у края пруда: коснись — и сломается.

Что могло привести ее в Лунную империю? Зачем она сунулась в заведомо опасные земли?

Будто услышав незаданные вопросы, туман повернулся ко мне и улыбнулся. А в следующий миг меня прошило иглами чужой памяти. Перед внутренним взором замелькали картины прошлого: я видела красивого темноволосого юношу, боязливо выглядывающего в окно. Видела лес и кору толстого дерева, за которым пряталась. И видела, как ловко тот юноша удит рыбу. Как оборачивается через плечо, смотрит на меня и хмурится. Видела его лицо близко-близко и чувствовала опаляющий жар первой влюбленности. Длительные прогулки, тайные ночные встречи, первый поцелуй и полные нежности объятия. Казалось, за секунду я успела прожить и прочувствовать тысячу дней. И в каждом из них всегда был этот юноша. Иногда я видела его украдкой, точно подглядывая, иногда без утайки. А потом грудь стянуло до того сильно, что с губ сорвался стон.

Он оказался чуждым. Темным колдуном, рожденным в Солнечном царстве. Когда он исчез, я — та я, что проживала каждое из этих событий наяву, — решила, что ему удалось сбежать. И отправилась следом. Глупая, доверчивая чародейка, отказывающаяся верить в смерть возлюбленного. Слабый янтарек с горящим сердцем истинной светлой. Она не ушла далеко от границы — попала в плен к патрулирующим нефритам, там же

нашла смерть.

Последнее воспоминание не просто кольнуло — вспороло мысли, точно плуг землю. Скрутило разум в слепящей агонии, но заставило прочувствовать все: разъедающее тело пламя, от которого закипает кровь; душащую пену, забивающую рот и горло; и невыносимое жжение в глазах. До того сильное, что хочется выцарапать их, лишь бы избавиться от этого чувства.

А потом все прекратилось. Исчезла боль, исчезли картинки чуждого прошлого. Туманная фигура по-прежнему смотрела на меня с улыбкой, только теперь — очень грустной.

— Лэйни? Все в порядке?

Не глядя на Хэйдена, я кивнула. В душе разливалась вязкая горечь.

> …третий объект скончался в тех же муках, что и первые два. Перед смертью успел выцарапать себе глаза. Захлебнулся кровавой пеной…

Строчки из прабабкиного дневника вились перед мысленным взором, точно нити в полотне судеб. Именно это случилось с чародейкой — проклятие безмолвия крови. То самое, которое я едва не накинула на себя перед всей академией.

Но сбоку от них танцевала еще одна нить воспоминаний. В прабабкином дневнике упоминается светлая, что посмела сунуться на земли империи. Светлая по имени Эвис, которую жестоко казнили недалеко от границы.

— Вот ведь! — тихо выругался Эйхолд, роясь в поясной сумке. — Из-за оторванной части не удается стабилизировать облик души.

Будто подтверждая его слова, туманный контур снова задрожал. И на секунду лицо Эвис исказила мука. Эйхолд замер, так и не выплеснув зелье из уже откупоренного пузырька.

— Лард, а пусти-ка любое заклинание третьего уровня. Нужно убедиться…

Без лишних вопросов хозяин замка взмахнул рукой и укрыл себя тяжелым пологом.

В тот же миг Эвис задергалась. Рот ее искривился в беззвучном крике, тонкие пальцы вцепились в лицо. Рябь по туману побежала так часто, что, казалось, душа вот-вот утратит форму. Испугавшись, я выплеснула свет и направила поток в центр узора. Но только не к призрачной Эвис, а к лежащей на полу Сельве. Вилард тут же снял полог. Эйхолд выкрикнул короткое слово-команду, и с потолка посыпалась золотая пыль.

— Даже хуже, чем я думал, — заключил Эйхолд, едва туман успокоился. — На этой метле нельзя летать: любой темный

всплеск заставляет душу переживать ее худший кошмар. В такие моменты она себя не контролирует.

Худший кошмар…

Им стало прабабкино проклятье. Каждый раз, ощущая давление чуждой силы, Эвис заново переживает свою смерть.

— Как ей помочь?

— Не знаю, Илэйн. Я могу забрать ее в царство и отнести к опытному кэллеру, но, по правде сказать, сомневаюсь, что в этом будет толк. Чтобы защитить душу, нужно вернуть ей целостность. Однако в таком случае придется забрать утраченный фрагмент из кайроша.

— Или поставить заплатку, — предложил Вилард.

— Чтобы залатать душу, нужна частица души, — возразил Эйхолд. — А учитывая, что метла признала Илэйн, то и душа потребуется ее.

Все внутри меня сжалось. Я не желала мук Сельве, не хотела ни заставлять ее переживать агонию снова и снова, ни прятать в очередном хранилище в надежде, что там тьма ее не достанет. Но и отринуть часть собственной души оказалась не готова.

В прошлый раз, когда речь шла об Ардене, я не верила, что у меня есть будущее. И тогда спасти чужую жизнь, пусть и такой высокой ценой, не казалось мне неправильным. Но сейчас все изменилось.

Сзади подошел Хэйден. Скользнул руками мне на талию и не обнял — впечатал в свое тело. Широкая ладонь опустилась на мой живот, будто в отчаянном стремлении защитить.

Не Сельву. И не меня. Наше будущее.

Я поспешила накрыть его пальцы своими, без слов уверяя, что хочу того же, что не поставлю нас под удар.

— Хотя… — Эйхолд нахмурился. — Можно попробовать залатать силой. Наш дар — часть нас самих. И если влить его достаточно, он может заполнить пустоты, вернуть душе целостность.

— Нужна только сила? — уточнила я.

Эйхолд кивнул. Тогда я обернулась и посмотрела на Хэйдена. Дождалась кивка от него и решилась.

— Хорошо. Я готова рискнуть.

Идея Эйхолда оказалась простой, чем-то напоминающей мои попытки вытравить из Сельвы тьму. Хотя, если задуматься, суть действий одинакова. Разница лишь в том, что до этого я воздействовала на метлу, теперь же мне предоставили шанс воздействовать на саму душу.

— Встань здесь, — руководил Эйхолд. — Да, возле этой линии. Отлично. Теперь закрой глаза и потянись к собственной

силе. Нырни в нее, попытайся прочувствовать каждую ее крупицу, позволь им сиять, доверься…

И я доверилась. Отринув сомнения и страхи, раскрылась, как никогда прежде, и ощутила ее — мою силу. Теплую, живую, удивительно яркую. Она затягивала меня, увлекала все глубже, словно брошенный в морскую пучину якорь. Опутывала, мягко сдавливала и продолжала тянуть вниз. Но дно все не появлялось. Его будто и не было вовсе.

Гелиодор — сильнейший камень светлых. Я помню ощущение врезающихся в ладонь граней, помню, как красиво преломляется свет, проходя через них. И в глубине души до сих пор боюсь поверить, что вытянула свой камень, что я действительно сильная.

Но как все изменится после обряда? Кем я стану? Рубином? Топазом? Янтарем? Неважно. Ради спасения Эвис я готова рискнуть.

В сердце алым цветком вспыхнула уверенность. На каждом лепестке, словно капли росы, замерло желание защитить, вдоль тонкого стебля протянулось беспокойство. И тут же, отвечая, сила чародейки вырвалась из тела. Прорвавшей плотину рекой хлынула в центр узора и накрыла Эвис. Не метлу — саму душу. На секунду туманный фантом дернулся, будто испугавшись, а потом раскрылся и принялся жадно пить. Он захлебывался, подрагивал в нетерпении, тянулся вперед и обиженно скользил полупрозрачными руками вдоль невидимой стены ловушки.

Ободряющий голос Эйхолда прозвучал приглушенно. Моя сила словно отрезала меня от остального мира, замкнула его на нас двоих: на мне и Эвис. Лежащая на полу Сельва заметно дрожала. Вдоль черенка прокатывались волны света, на кончиках жестких прутьев вспыхивали искры.

Время замерло. Прошла минута или десять — не угадать.

Насытившись, душа Эвис сама закрылась от моей силы. Дождалась, когда я посмотрю на нее, и улыбнулась. Широко, счастливо и с таким облегчением, что у меня сладко заныло в груди. Подняв руку, Эвис скользнула пальцами по стене ловушки, очертила мой силуэт и замерла, держа ладонь ровно напротив моей щеки.

— Прости, — одними губами прошептала я.

Эвис мягко качнула головой. Снова огладила меня, не касаясь, и прижала ладонь к груди. Я повторила ее жест.

— Обещаю, мы еще поднимемся в небо.

Улыбка Эвис стала шире. Сама она кивнула. Потом оглядела присутствующих, помахала Хэйдену, снова посмотрела на меня и… растаяла. Истончилась вмиг и сизым облаком нырнула в

Сельву.

Я повернулась к Эйхолду.

— Это нормально? Все хорошо?

— Конечно. Она вернулась в свое тело. Отныне тьма не причинит ей вреда. Ну, если только не вытравит еще один кусок души, — усмехнулся он.

Я посмотрела с укоризной.

— Больше с ней такого не случится. Я не допущу этого. А сейчас, артиэллы, если не возражаете, я проверю Эвис. Хочу убедиться, что обряд не повлиял на нее и она по-прежнему с нами.

— Подожди, — мягко остановил Хэйден. — Есть еще кое-что.

Эйхолд с готовностью достал из сумки бархатный мешочек с завязками-кисточками. Еще до того, как ощутить зов, я уже поняла, что в нем камни светлых чародеев.

Стало страшно.

Пока камень не выбран, можно представить, что я все еще гелиодор: чародейка с мощным даром, достойная пара наследнику севера. Но стоит запустить руку в мешочек…

Нет, я не сожалею о содеянном — ради Эвис можно отдать даже больше сил. Однако отринуть сладкий самообман оказалось сложно.

— Лэйни? — тихо позвал Хэйден.

Повернувшись, я встретила его обеспокоенный взгляд.

— Если я вытяну янтарь, ты будешь любить меня так же сильно?

— Нет.

Ответ выбил почву из-под ног. Но я не успела даже отстраниться, как Хэйден продолжил:

— Больше, Лэйни. Я буду любить тебя еще больше. Мою смелую луну, что не побоялась лишиться части сил ради чужого блага. Какой бы камень ты ни вытянула, он не твой. Твой восходит утром над горами, окрашивая их в розовый, и скрывается вечером в алых отблесках.

— Но солнце — это гелиодор.

— Только если ты сама так решишь, — возразил он с улыбкой.

Я кивнула. Собралась с силами и посмотрела на бархатный мешочек.

— Думаю, ты знаешь, что делать, — заметил Вилард, подходя ближе. Поймал мой взгляд и подмигнул. — Когда происходит что-то столь важное, всегда хочется оказаться в первых рядах.

Эйхолд, будто дразня, развязал кисточки и немного — едва ли на полпальца — ослабил тесемки. Зов камней усилился. Он

манил до того сильно, что не оставлял возможности сдержаться. Быстрым движением я запустила руку внутрь мешочка, не думая, сжала в кулаке один из камней и вытащила его.

Зов прекратился.

Я раскрыла ладонь и замерла. Смотрела при этом только на Хэйдена, опасаясь заметить на любимом лице тень недовольства. К моему удивлению, сам Хэйден тоже не сводил с меня взгляда. Обманчиво жесткие губы подрагивали, будто готовые вот-вот растянуться в улыбке.

— Кажется, цвет камня интересен только нам, — заметил Вилард.

— И не говори! А между прочим, результат неожиданный.

Не выдержав, я все-таки посмотрела на ладонь и растерялась. Гелиодор? Но почему такой насыщенный оттенок? Это ведь не…

— Турмалин, — пояснил Хэйден, заметив мою оторопь. — Желтый турмалин.

— А ведь отдала ты немало, — Эйхолд склонился над камнем. — И такой яркий. Насколько же силен был твой дар изначально?

Я не находила слов. Только смотрела на каплю солнца, лежащую у меня на ладони, и все никак не могла поверить.

— Это уже неважно, — ответил вместо меня Вилард.

— И что же, по-твоему, важно? — Эйхолд выпрямился.

— Важно, мой друг, какую ставку ты сделаешь и на кого: на внука или на внучку?

Я смутилась. Вилард с Эйхолдом рассмеялись, а Хэйден привычно заключил меня в объятия. И в кольце его рук вдруг подумалось, что совсем неважно, каким будет наш ребенок — светлым или темным, мальчиком или девочкой, сильнейшим или слабейшим из камней. Главное — он будет нашим.

ГЛАВА 50

Я стояла у двери своей комнаты и прислушивалась к звукам. Если вдруг с осколком души что-то случилось, Эвис — моя топотунья Эвис — исчезла. Тогда по ту сторону меня ждет дикий кайрош.

Вокруг царила тишина; ни единый звук не смел потревожить спокойствие дома. И только биение взволнованного сердца нарушало общее безмолвие. Его частые удары ощущались каждым миллиметром тела, раздавались эхом в ушах. Страх неизвестности душил все сильнее.

Хватит! Я должна узнать правду!

Решившись, я рывком открыла дверь и переступила порог. В комнате было пусто.

Я огляделась. Прошла к кровати, на которой оставила Эвис, и провела рукой по примятому покрывалу. Низкий раскатистый рык заставил меня обернуться.

У выхода, перекрывая путь к спасению, стоял кайрош. Вытянутую морду изрезали складки, в щерящейся пасти виднелись треугольные зубы. Полоска шерсти, идущая от головы до середины спины, вздыбилась и, казалось, едва не искрила.

— Эв?

Я отступила. Кайрош же, напротив, сделал шаг ко мне. Ступал при этом удивительно бесшумно.

Рык стал утробнее. Упругой волной он прокатился по комнате, накрыл меня и пробрал до костей.

— Эвис? — снова позвала я в отчаянной надежде.

В одиночку с кайрошем не справиться — даже Мак-Фордин это не удалось. Я могу позвать Хэйдена, его отцов, и вместе, уверена, мы победим. Но причинить вред именно этому кайрошу я не в силах.

Что же делать? Как сдержать ее, не убивая?

— Проклятье, Эвис! — выкрикнула в сердцах.

Я не знаю, на что именно надеялась. Если осколок души покинул тело, то Эвис — той Эвис, которую я пытаюсь дозваться, — больше нет. Но вдруг что-то изменилось во взгляде чудовища. Он стал осмысленным и… хитрым?!

— Ах ты, бесстыжая!

Не думая, я схватила ближайшую подушку и с силой запустила ею в зеленую морду. Кайрош пригнулся и низко рассмеялся.

— Не буду с тобой разговаривать! Никогда! — кричала я, кидая следующую подушку. — Совести у тебя нет!

Огромный монстр обернулся бурой лисой и, продолжая хихикать, нырнул под кровать.

— А ну, вылезай! — потребовала я, наклоняясь. — Тут еще шесть подушек, и я намерена кинуть в тебя их все!

Смех стал громче.

— Ты бесстыжая, наглая, невозможная…

Скрип открывающейся двери заставил меня прерваться.

— Ой, кажется, я не успела, — с улыбкой заключила Тиамат, разглядывая меня, согнутую пополам. — Горгульи просили передать, чтобы ты не верила своей маскоте.

Из-под кровати — на безопасном от меня расстоянии — высунулся острый черный нос. Эвис возмущенно зафырчала. Тиамат, не переставая улыбаться, показала ей язык. Я же, воспользовавшись моментом, кинула в Эвис очередную подушку. Фыркнув особенно громко, бесстыжая проныра скрылась под кроватью.

На шум из-за пазухи Тиамат высунулась Бина. Оглядела нас и задергалась, явно желая выбраться. Стоило ей оказаться на полу, как на нее прыгнула… еще одна Бина. Два белых тела переплелись на мгновение и тут же отскочили друг от друга, одинаково растерянно хлопая черными глазками.

— Ой, — Тиамат посмотрела на меня виновато. — Прости, я не подумала, что твоя маскота обернется лаской. И как теперь понять, которая из них настоящая Бина?

Я нахмурилась, разглядывая замерших щенков, а потом уверенно кинула подушкой в того, что стоял ближе к ногам Тиамат. С довольным хохотом он отпрыгнул, обернулся толстой рыжей крысой и нырнул под кровать.

— Здорово! — восхитилась Тиамат, схватила Бину и в два прыжка оказалась рядом. — А как ты угадала?

— По хитрой морде. В любом облике Эвис остается Эвис.

Бросив обратно на покрывало предпоследнюю подушку, я присела.

— Не стыдно тебе? — спросила осуждающе.

Из-под кровати выглянула зеленая мордочка олеандровой ящерицы. Улыбнулась и помотала головой.

— А я ведь испугалась. Думала, что потеряла тебя…

Догадка вспыхнула в сознании, словно молния в ночи.

— Ты почувствовала то же самое? Тогда, в академии?

Улыбка исчезла. Теперь Эвис глядела серьезно, и так же серьезно она кивнула.

— Давай пообещаем, что больше никогда не станем так пугать друг друга?

Эвис снова кивнула и зашлепала ко мне. Забралась на

подставленные ладони и ласково потерлась головой.

* * *

В большом камине потрескивал огонь. Жар от него ощущался на щеках, отблески пламени отражались в бокалах, на треть заполненных вином. Мы сидели в комнате Хэйдена, прямо на шкуре, брошенной в нескольких метрах перед камином. Говорили мало. Рядом с Хэйденом даже тишина казалась уютной, наполненной теплом и заботой. В приглушенном свете его лицо выглядело иначе. Черты сгладились, взгляд наполнился особой магией — той, что нет названия. Я ощущала ее, чувствовала, как она зачаровывает меня все сильнее.

Шкура под ладонью мягко щекотала кожу, вино разливалось по языку приятной терпкостью. Нос дразнили запахи камня, дерева, тканей — самого замка. Время текло неспешно, щедро позволяя прочувствовать каждый миг, ощутить вкус, аромат и прикосновение.

Раньше я не знала, насколько это уютно — вот так сидеть у камина, погасив в комнате почти весь свет. Лангария никогда не терпела такого пренебрежения правилами. Артиэллам не следует опускаться на пол, точно безродным мэлам. И смотреть в глаза так открыто, не пряча желаний, тоже не следует.

— Глупые правила, — улыбнулся Хэйден. Заметил мое удивление и пояснил: — Когда ты начинаешь думать об этикете, едва заметно хмуришься. Будто вспоминаешь заученные с детства порядки и чувствуешь вину, что не следуешь им. Но здесь, на севере, порядки отличаются. Раз нарушив их, северяне, кажется, вошли во вкус, — он тихо рассмеялся.

Звук его голоса, приглушенный, мягкий, отдавался во мне манящим искушением. И глупо врать — я даже не пыталась ему противиться.

— Ты артиэлла, мой свет, истинная дочь древнего рода. Но даже Мак-Морам иногда можно расслабляться.

— Ты знаешь? — удивилась я.

Лангария покинула замок до прибытия Хэйдена, так что встретиться они не могли. Если только Вилард или Эвелин рассказали ему. Или Тиамат передала горгульевы сплетни. Или…

— Твоя сестра приходила ко мне.

Мысли, до этого упорядоченные, вдруг перемешались. Мойра? Приходила? Но когда?

— Когда ты была в темнице, — ответил Хэйден, стоило мне задать последний вопрос. — Именно она рассказала о зелье,

которое ты выпила. Поэтому я без сомнений провел ритуал на определение рода — знал, он ничего не покажет.

На некоторое время мы замолчали. Я думала о Мойре, ее чувствах и смелости. После всех открывшихся тайн я восхищалась сестрой даже больше, чем прежде. Пусть ее любовь непохожа на ту, о которой пишут в книгах, и между нами давно нет теплых сестринских чувств, но Мойра меня любит. По-своему, но искренне.

С сестры мысли вильнули в сторону нефритов и дальше — к силе Хэйдена.

— Ты сказал, что никто из нефритов не догадался о твоем вмешательстве, потому что не представляет истинную силу турмалинов. Но в академии есть еще один шерл — Роун. Разве он ничего не почувствовал?

— Почему же? — удивился Хэйден. — Почувствовал, конечно. Более того, он один из немногих, кто знает о моем истинном камне. Не забывай, Роун входит в Совет Ночи и осведомлен о ситуации с северными кланами. Это одна из причин, почему он призывает ценить халцедонов: признание слабой тьмы — первый шаг на пути признания света.

— А… но… подожди, — я совсем растерялась. — Вы знаете о планах Совета? Знаете о… — я замолчала, не уверенная, смею ли упоминать тайный договор.

Хэйден усмехнулся.

— Да, мы знаем о соглашении между правителями. Именно северные кланы поспособствовали его заключению, убедив империю и царство, что действительно собираемся отделиться.

— Но разве это не логичный для вас шаг?

— Не особо. Поверь, нас устраивает положение дел и уже имеющейся автономии нам достаточно. Единственное, что нас не устраивает — отношение к чуждым детям. Я рассказывал тебе, что мы всегда стараемся им помогать. Но очень часто не успеваем. Опоздав в очередной раз, мы поняли: единственный способ помочь таким детям — изменить само отношение к ним.

Я отвернулась и невидящим взглядом уставилась в камин. В душе царило смятение.

Я думала о запутанности судеб, о том, как каждое решение влияет на судьбу десятка, если не сотни людей. Права была Лей-Тора: все мы нити в полотне Полуночной Матери, все переплетены. И теперь, кажется, я начинаю видеть вытканный узор. Сложный, запутанный, с узелками и стяжками, но красивый. Не знаю, как много сделал для будущего мира Пресветлый Отец, выжигающий судьбы своих детей на земной тверди, но знаю одно: Полуночная Матерь пытается исправить то, что когда-то сама же

и начала. Остановить убийство невинных. И если я стала той нитью, что проведет остальные сквозь узлы и оборванные волокна, то я не жалею ни об одном дне. Какими трудными они бы мне ни казались, каждый из них прожит не зря. Каждый вел меня вперед под звездой перемен.

— Лэйни? Все в порядке?

Повернувшись к Хэйдену, я улыбнулась.

— Да. Теперь все будет в порядке.

ГЛАВА 51

Я стояла у зеркала, глядя на собственное отражение. Длинное белое платье, расшитое кружевом, собранные в элегантную прическу волосы, букет эдельвейсов в руках. Сквозь высокие окна косыми лучами проникал свет. Он стелился по полу, обнимал предметы, ласково касался моих щек, оставляя на них теплые поцелуи. Он звал меня. Манил, как в свое время манили камни светлых чародеев. Отзываясь ему, турмалин в моем кольце сверкнул отполированными гранями.

Я подошла к окну. Не отпуская эдельвейсов, отодвинула свободной рукой тяжелую штору и выглянула наружу. По ту сторону алебастрового стекла цвели горы. Раньше мне казалось, что на севере всегда правят зима и метели. Но с наступлением весны я узнала, в каком удивительном крае очутилась. Следом за весной пришло лето, теплое, но не душное. Свежий ветер проносился над поросшими травой склонами, перепрыгивал с камня на камень, будто мальчишка, и слетал вдоль водопадов.

Эвелин открыла для меня истинную красоту этих мест. Показала высокогорное озеро, такое чистое, что отражающееся в нем небо кажется едва ли не ярче настоящего. Вместе мы побывали на реках, сбегающих шумными потоками вдоль склонов, и у водопадов. Их оказалось много. Гораздо больше, чем я предполагала вначале. Тонкие водяные рукава собирались и расходились, срываясь с огромной высоты десятками потоков. В солнечные дни радуга пронизывала их, как иголка ткань. Собирала, будто оборку, и слепила яркими отблесками.

Открывая для меня горы, Эвелин делилась не только знаниями о них, но и любовью к северному краю. И очень быстро эта любовь нашла отклик в моей душе.

Почти все вечера я проводила в компании Лорны. Когда об уровне моей силы узнали Силлерторны, они предложили поступить в Академию Полудня. Уверяли, что столь мощный дар нужно развивать. Однако я отказалась. Умерев в одном государстве, мне не хотелось воскресать в другом. Своим миром я выбрала горы, свободный северный край, и не хотела покидать его.

Настаивать никто не стал. Лорна принесла еще больше книг по светлым заклинаниям и занялась моим обучением лично. Энергичная в повседневных делах, во время занятий она становилась спокойной и сосредоточенной. Учиться у нее было легко. Мой разбуженный дар, радуясь возможности, сиял в полную силу. И, вторя ему, сияла я. По крайней мере, так

говорила Лорна.

Север принял меня. Все кланы по темной и светлой стороне. Сами горы. И иногда грудь стягивало от переполняющих эмоций. От счастья и благодарности. От осознания, что я обрела дом. Семью.

Хэйден как-то сказал, что мы не выбираем семьи, в которых родиться, но сами решаем, с кем создать собственные. Тогда это прозвучало для меня лишь красивыми словами, не более. Балансируя каждый день на грани разоблачения, я не верила, что у меня есть будущее. Хэйден же дал мне все: будущее, семью и место, которое я могу назвать домом. Дал и… уехал. Вернулся в Академию Полуночи, чтобы закончить обучение. Свадьбу, на которой он так настаивал, тоже пришлось отложить до его возвращения. Поспешность могла вызвать ненужные вопросы — все-таки он совсем недавно убил обманувшую его избранницу. А сохранить брак в тайне невозможно — та же Лей-Тора легко заметит изменение нити.

Однако, вопреки ожиданиям, полгода пролетели быстро. Эвелин и Лорна проводили со мной много времени. Тиамат атаковала Эвис, пытаясь упросить ту обучить Бину общаться топотом. Я побывала на землях Силлерторнов и в гостях у других кланов. В горах жизнь бурлила, словно стремительная река. Закручивалась десятками водоворотов, затягивала и уносила вдаль.

Стоя у окна, я смотрела на укрытые зеленым ковром склоны и улыбалась. Вспоминала наши с Сельвой полеты, становящиеся день ото дня все увереннее. Пусть с опозданием, но я сплела для нее украшение — кольцо, перевитое разноцветными нитями, со свисающими белыми и черными перьями. Повязала на оголовок и совершила полет над замком Морроубранов. Только не под полной луной, как это делают темные. И не под палящим полуденным солнцем, по традициям светлых. Мы с Сельвой взлетели в предрассветных сумерках. Когда на небе догорали звезды, а горизонт уже окрасился оранжево-алым.

Я не чувствовала себя ни светлой чародейкой, ни темной ведьмой. Но вместе с тем во мне живут части каждой из них. И в Сельве. И в Эвис. Мы так и остались иными. Не Недоделками — кем-то новым. Сильными, гордыми, свободными. Такими, как ветер, которому я когда-то завидовала.

Приглушенный стук вырвал меня из размышлений. Я повернулась к двери.

— Войдите.

Наверняка это Тиамат прибежала делиться горгульевыми сплетнями. Или Лорна пришла убедиться, что я готова. Или

Эвелин. Или…

Дверь отворилась бесшумно. Шаги тоже прозвучали едва слышно. Но для меня каждый звук стал оглушающим. Сердце забилось так быстро, что его удары ощущались почти болезненно. Гул крови в ушах нарастал.

Я смотрела на вошедшего и не могла выдавить из пересохшего горла ни звука. А нежданный гость смотрел на меня. Молча скользил взглядом по платью, по напряженным пальцам, стиснувшим букет эдельвейсов, оглаживал лицо. Я почти ощущала эти невидимые прикосновения.

Наконец, спустя едва ли не минуту, он заговорил:

— Не бойся. Я никому не открою твой секрет. И хоть твой будущий муж заставил меня принести клятву на крови, я бы молчал и без нее.

Упоминание Хэйдена немного успокоило лижущий щеки жар.

— Что вы здесь делаете, артиэлл? — спросила я вежливо, но твердо. Прошлого почтения в голосе не звучало. Теперь мы равны.

Уголок его губ дрогнул в грустной усмешке.

— Ты так никогда и не назвала меня по имени. А ведь я просил… надеялся. Хотя я с самого начала надеялся на слишком многое.

Качнув головой, гость подошел ближе и остановился на допустимом приличиями расстоянии.

— Зачем вы здесь? — повторила я тише.

— Хотел увидеть тебя. Попрощаться.

— Попрощаться?

— Наши нити в полотне Полуночной Матери расходятся, Лэй… Илэйн, — исправился он. — Уже через несколько часов ты сменишь имя рода и дом. А я… не знаю, — он тряхнул головой, и непослушная прядь привычно упала на лоб. — Наверное, я просто хотел увидеть тебя — такой, какой знал, — в последний раз. Но ты изменилась.

Непроизвольно мои пальцы взметнулись к волосам, посветлевшим за эти месяцы.

Природа каждого дара находит отражение в облике. Поэтому сильные темные, как правило, брюнеты. И поэтому Хэйден, рожденный от светловолосых Эйхолда и Лорны, отличается. Я же, как сказала Лорна, исказила собственную суть — осваивая крупицы чуждой магии, я не давала развиваться живущему внутри меня свету. Однако, выпустив его на волю, я начала меняться. Несильно, но все же заметно. Каштановые волосы посветлели, голубые глаза стали ярче.

Помню, как спросила у Лорны: если сила дара так влияет на

внешность, что защищает светловолосых детей в Лунной империи? Чародейка улыбнулась и напомнила — иногда даже в сильных семьях рождаются дети со слабым даром. Правильным, но слабым. А некоторые темнеют или светлеют после проявления. Но даже без этого случаются исключения. В Солнечном царстве есть янтари с темно-русыми волосами, а в Лунной империи живут рыжие халцедоны. Я вспомнила Раэля — веснушчатого парня на раздаче — и кивнула.

— Нет, я не про внешность, — гость покачал головой. — Изменилось что-то гораздо более глубокое, сама суть. Теперь ты даже смотришь иначе: открыто, без прежней опаски. Такая смелая, статная… еще более прекрасная.

Я смутилась. На секунду отвела взгляд, опасаясь выдать им взволнованность, и снова посмотрела на колдуна.

— А все-таки я был прав: ты артиэлла. Ошибся лишь в одном — когда сказал, что ты не стала драгоценностью рода. Ты стала. Только не того, в котором родилась.

— Вы помните все, что говорили?

— И что говорил, и что делал… и что чувствовал.

Последний звук ухнул, точно брошенный в воду камень, и уступил место колючей тишине. Незаданные вопросы, невысказанные мысли протянулись между нами, словно ветки терновника. Мы оба ощущали их острые шипы. И оба не шевелились. Ждали.

— У меня ведь не было шанса, верно? — спросил Арден через некоторое время и невесело усмехнулся, стоило мне покачать головой. — Из-за Мойры?

— Она достойна счастья, артиэлл. И она любит вас, не сомневайтесь. Любовь Мойры… она не всегда простая. Ее не всегда легко понять. Но она настоящая, уверяю.

Арден неопределенно повел плечом.

— По крайней мере, теперь я ее вижу — твою сестру. Раньше, до нашей встречи, я ее едва ли замечал. Потом перестал видеть вовсе. А теперь вижу.

— Она знает?

— О наших нитях? Нет. Я обмолвился вскользь об откате, но она не поняла, о чем речь. И я… я решил не говорить. Не хочу, чтобы она узнала о моих чувствах к тебе.

— То были ненастоящие чувства, артиэлл.

— Разве? Думаешь, вытканная в полотне пара — ничего не значит? Нет, Илэйн. К тому же даже без соединенных нитей в тебя легко влюбиться. В твою душу, горящий в сердце огонь, в твою готовность защищать и идти на жертвы. Если бы только ты была халцедоном…

Я улыбнулась, понимая все, что стоит за этими словами. Арден — наследник рода, он не осмелился бы попрать возложенные на него обязательства. Из-за природы моего дара мы бы никогда не смогли быть вместе.

— Если вы цените эти качества, артиэлл, то приглядитесь к своей невесте. Позвольте себе узнать ее, увидеть в ней и внутренний огонь, и умение защищать так преданно, как мало кому под силу. Она удивительная.

Что-то мелькнуло во взгляде Ардена — тень эмоции, которую я не успела понять. Горечь утраты? Вина? Надежда? Не знаю.

— Обещаю, что позабочусь о ней. И о твоем друге, который чуть не погиб из-за меня. Он ведь из мэлов? Я помогу ему подняться выше, получить хорошую работу после выпуска. Он не будет ни в чем нуждаться.

Я посмотрела с благодарностью и вновь улыбнулась, уже не грустно.

— Только не делайте этого напрямую. Киган не из тех, кто легко принимает помощь.

— Хорошо, — Арден кивнул. Нахмурился, будто пытаясь что-то для себя решить, а потом в три шага оказался рядом и заключил меня в объятия. — Береги себя, Лэйни. Живи, люби, будь собой. И ничего не бойся. Клянусь, когда я встану во главе Шантаров — сделаю всё, чтобы прекратить убийства чуждых детей. Пусть у нас с тобой не вышло, но когда-нибудь другие колдун и чародейка смогут быть вместе на землях Лунной империи.

Я нежно провела по напряженной спине. Проглотила вставший в горле ком и еле слышно прошептала:

— Ты тоже береги себя… Арден.

ЭПИЛОГ

Что важнее: мирная жизнь или благополучие большинства? Ответ на этот вопрос я ищу последние одиннадцать лет. Пока безуспешно. Казалось, я вот-вот пойму — что же не дает мне выбрать второе, что заставляет сомневаться? Я почти нашла в себе силы принять правду, как вдруг одно событие заставило рой сомнений всколыхнуться с новой силой.

— Вот ты где, — в комнату вошел Хэйден и, улыбаясь, направился к дивану, на котором я сидела. — А я уж начал переживать, что потерял тебя. Не пугай так больше, — прошептал он, прежде чем поцеловать.

Невольно я покраснела. Сердце в груди забилось быстро-быстро, как у юной артиэллы, впервые почувствовавшей на себе внимание колдуна. Даже спустя столько лет я по-прежнему восхищаюсь мужем — его внутренней силой, крепостью духа и тем неуловимым величием, что присуще истинным сынам севера. И я по-прежнему люблю его так же сильно, как одиннадцать лет назад.

— Что это? — он нахмурился, заметив зажатый в моих пальцах конверт.

— Письмо от Лангарии.

Во взгляде Хэйдена промелькнуло беспокойство. Но уже через секунду оно схлынуло, а сам Хэйден сухо произнес:

— Нет.

— Что — «нет»?

— Раз она написала, значит, у Мак-Моров появилась надежда на наследницу. И мой ответ — нет.

Широкая ладонь скользнула на мой округлившийся живот. Улыбнувшись, я накрыла ее своей.

— Пока ведь точно не известно…

— В первые два раза твоя мать писала только после рождения. Сейчас она напомнила о себе заранее. Если ей нужна ведьма, пусть обращается за этим к твоей сестре. Наши дети останутся с нами.

Хэйден говорил спокойно, но вместе с тем решительно. Он явно не отступится. И не отдаст свою семью никому, даже Полуночной Матери или Пресветлому Отцу.

Я снова улыбнулась.

— Ты не хуже меня знаешь, что Мойра носит сдерживающий силу амулет. И двое сыновей — лучшее тому доказательство. Однако в письме не просьба, — добавила поспешно, видя растущее недовольство во взгляде мужа.

— Что же тогда?

— Предупреждение.

Я протянула плотные беленые листы, на которых замерли выведенные полуночно-синими чернилами строчки:

> В свое время мне пришлось принять непростое решение ради блага большинства. И это был мой выбор. У тебя же, Илэйн, выбора нет. Будущее всегда туманно, его можно лишь предположить, но никогда — узнать заранее. Пусть за прошедшие годы нам удалось срезать ядовитые цветы ненависти к чуждым детям, но корни опасного чувства все еще сидят в людских сердцах. Твои сыновья в безопасности — север дал им свободу и право следовать зову природы. Но судьба твоего еще не рожденного дитя сокрыта в предрассветных сумерках. Звезды шепчутся, Илэйн. Они чувствуют перемены. Гораздо большие, чем мы переживаем сейчас. И думаю, именно твое дитя станет им началом. Знай, дочь моя, под сердцем ты носишь чудо — дитя, вобравшее в себя как свет, так и тьму. И возможно, именно ему выткана судьба уничтожить остатки живущей в нас ненависти… Будь сильной, будь мудрой, будь терпеливой. И помни: дом Мак-Мора на твоей стороне.
>
> *Лангария*

Матушка всегда подписывалась только именем. По крайней мере, в тех письмах, что адресовала мне. Раньше я видела в этом очередное проявление холодности, но с годами разглядела нечто большее — понимание, смирение со сделанным выбором и уважение к моим чувствам. Она не навязывалась, не напоминала о принесенной ею жертве и не ждала скорого прощения. Но иногда я все же хотела увидеть иную подпись. Правда, какую именно, не представляла — слишком привыкла к уже существующим отношениям.

— Дом Мак-Мора на твоей стороне, — хмыкнув, прочитал Хэйден. — Долго же она к этому шла.

Я не ответила — только прижалась теснее к сидящему рядом мужу.

Путь каждого из нас оказался непрост: мой, Лангарии, Мойры, Ардена, Хэйдена… Каждый рисковал, каждый заплатил немалую цену. И все ради будущего, ради того, что мы обрели.

Дверь с грохотом распахнулась. В комнату влетели Алрик и Иден, раскрасневшиеся с мороза, — наши сыновья. Теплые плащи они где-то скинули, решив остаться в меховых жилетках поверх

рубашек. На заправленные в высокие сапоги штаны налип снег.

Следом, важно шлепая, порог переступила Эвис. Не сомневаюсь, еще несколько минут назад эта проныра носилась вместе с мальчиками по сугробам, приняв облик очередного чудовища. Причем Алрик с Иденом зачастую сами выбирали, кем хотели видеть Эвис. Алрик, как будущий глава Морроубранов, интересовался темными тварями. Младший Иден — светлыми.

Да, наши сыновья унаследовали разные природы. Старший пошел в Хэйдена. Иден же, как говорят, похож на меня. На ту меня, какой я могла бы стать, если бы с самого начала не прятала светлый дар. Пшенично-золотистые волосы, яркие, пронзительно-голубые глаза — Иден едва ли не светится от переполняющей его силы. Эйхолд с Лорной, у которых кроме Хэйдена детей нет, предложили объявить его своим наследником. Не перед нами — перед всеми домами Солнечного царства. Подумав, мы согласились.

Эйхолд с готовностью принялся учить внука развивать крупицу силы заклинателя. Вилард, воодушевившись примером, хотел было кинуться с такими же намерениями к Алрику, но Хэйден сказал, что справится с обучением сына сам. Правда, заметив промелькнувшую во взгляде отца грусть, согласился разделить с ним эту обязанность.

Наших сыновей любили оба клана — и Морроубраны, и Силлерторны. Поначалу я переживала, что столь сильная любовь может обернуться вседозволенностью. Но нет, каждый член обеих семей не забывал: это будущие главы, пусть пока и юные. На примере друг друга они учили ценить непохожесть, принимать свои и чужие силы.

— Тиамат приехала! — выпалили сыновья хором.

Хэйден встал, помог мне подняться, придержав за локоть, и одарил их серьезным взглядом. Те тут же оглядели себя. Без лишних слов Алрик создал простейшее темное заклинание, сбил им снег со штанов, своих и брата. Иден высушил вещи и ковер, на который упали липкие комья. Причем, судя по всему, перестарался с силой — высокий ворс стянулся и едва заметно почернел на кончиках, Алрик поморщился. Да и сам Иден тихо зашипел, попытался незаметно потереть одну ногу о другую, но старший брат толкнул его в бок.

— Все в порядке? — невозмутимо уточнил Хэйден.

— Разумеется, — кивнул Алрик.

— Абсолютно, — заверил Иден.

Я с трудом сдержала улыбку, наблюдая, с какой готовностью сыновья прикрывают друг друга. Сила Идена проявилась лишь восемь месяцев назад, и большинство заклинаний, даже простых,

давались ему непросто. Алрик, будучи старше на два года, давно прошел проявление и успел обвыкнуться со своим даром. Он опекал Идена, как когда-то Мойра — меня.

С сестрой мы почти не общались. По крайней мере, лично. Пусть Мойра не знала о существовавшей связи между мной и Арденом, думаю, она интуитивно ее чувствовала. Чувствовала и не желала идти на сближение. Однако письма продолжала писать.

На год позже Алрика у них с Арденом родился первенец. Насколько я знала от Лангарии, проявление его дара вышло мощным. Второй сын появился на свет спустя восемь лет. Отсутствие внучек огорчало Лангарию безмерно, но недавнее вхождение Мойры в Совет Ночи скрасило матушкину печаль.

Как и обещал, Арден позаботился о Кигане. Едва ли не сразу после выпуска тот получил предложение из городского управления Эртентона. Не столица, конечно, но близость к академии делала Эртентон вторым по привлекательности местом. Для безродного мэла такое предложение стало огромной удачей. По крайней мере, так считал сам Киган.

Хэйден тоже иногда наводил справки об успехах троицы. От него я узнала, что через два года после получения должности Киган сделал предложение Ллосе. Она согласилась. А еще через год у них родилась дочка, которую назвали Лэйни. Морриган подался в патрульное ведомство. Разумеется, к границе халцедона не допустили, но в управлении рассудительность Морригана оценили по заслугам. Теперь у него, как у Кигана, хорошая работа и оклад. Четыре года назад он женился на слабой изумруде. И, судя по всему, обрел с ней счастье.

— Что ж, — голос Хэйдена заставил меня вынырнуть из воспоминаний, — в таком случае можно идти встречать Тиамат.

Едва получив разрешение, мальчишки выскочили в коридор проворным ветром. Я проводила их взглядом и посмотрела на мужа.

— Как думаешь, она и в этот раз привезла гневные письма от Роуна? — спросила задумчиво.

— Брось, — отмахнулся он. — Если бы Роун действительно так уж злился, уверяю, он бы связался лично с Вилардом или со мной, как главой рода. А раз он этого не сделал, значит, все не так страшно. Думаю, Роун просто пытается сдерживать Тиамат. А точнее, ее крепнущую дружбу с горгульями. Все-таки их верность должна принадлежать директору, а не молодой нефритовой ведьме. Не удивлюсь, если на самом деле старик просто ревнует!

Я рассмеялась. Прижалась к мужу и уверенно шагнула в открывшийся переход.

Акель Роун встал во главе академии почти сразу после смерти Мак-Фордин — выждал лишь положенный траур. С тех пор и по сей день Акель продвигает идею важности халцедонов. Учит нефритов, сапфиров и изумрудов мириться не только с серыми камнями, но и со слабостью тьмы. И вместе с тем осторожно, стараясь действовать естественно, рассказывает о традициях светлых — заставляет детей ночи увидеть, что на самом деле мы во многом похожи. Независимо от камней в наших кольцах, мы ищем любви, заботы, успехов, новых свершений… И все мы мечтаем быть услышанными, понятыми. День за днем, год за годом Роун зажигает в сердцах темных ведьм и колдунов те же искры, что когда-то зажег в сердцах халцедонов, помогает иначе взглянуть на мир.

Первыми из магистров Акеля поддержали Лей-Тора и Торн. Чуть позже — Дис-Мари и Бранвен. Их примеру последовали другие магистры. Дольше остальных не сдавалась Иштар Дис-Рона, но и ей со временем пришлось проявить лояльность.

Тиамат, которая уже второй год училась в Академии Полуночи, собирала горгульевы сплетни, записывала их и передавала Хэйдену. Она же сумела наладить общение с кэллером. Как оказалось, он выходил из младшей кровной ветви дома Шантар. Этим и объяснялась его готовность хранить секреты Ардена. И поэтому же, едва почувствовав изменения курса Шантаров, кэллер быстро приспособился. Как в свое время Роун, он начал говорить о ценности халцедонов, о важности принятия тех, кого раньше считали изгоями.

Лангария оказалась права. Моя смерть — смерть Илэйн Дельвар — стала началом больших перемен. Именно в ту ночь на взрыхленную почву старых порядков упали зерна первых сомнений. И пусть пока проросли лишь первые всходы, но я знала — рано или поздно они принесут плоды. Самые сладкие и самые желанные — плоды мира.

* * *

Вечером, когда все обитатели замка наконец успокоились после возвращения Тиамат, мы с Хэйденом заперлись в спальне. Он пил горячее вино, я — травяной чай с медом. Треск поленьев в камине добавлял уюта окружающей нас тишине.

Поймав на себе пристальный взгляд мужа, я смутилась.

— Ты прекрасна, Лэйни. Спустя столько лет, проведенных в браке, я не перестаю восхищаться тобой. И с каждым днем люблю все сильнее.

И без того нагревшиеся щеки полыхнули сильнее.

— У всего есть предел, — возразила я робко.

Хэйден улыбнулся. Поднялся из кресла, молча подошел к камину и снял с него ларец, украшенный россыпью мелких камней. Я посмотрела с удивлением.

— Откуда он? Его же там раньше не было.

— Не было, — согласился Хэйден.

Снова сел напротив и, опустив ларец между нами на столик, откинул крышку. Смотрел при этом только на меня.

— Ты ведь так и не узнала насчет артефакта чистого сердца? — спросил он тихо и ответил за меня: — Тогда, уверен, у тебя было слишком много переживаний и забот, чтобы помнить о недоверии Мак-Фордин.

Из обитого бархатом нутра показался артефакт: большой, вытянутый овалом, покрытый ритуальными символами — тот самый, что когда-то давно Мак-Фордин использовала на Хэйдене. И точно так же, как тогда, маленький паук с серебристыми лапками и горящими глазами-опалами занял место на широком мужском предплечье. Стоило Хэйдену сжать камень артефакта, как паук пробудился и с готовностью вгрызся в руку. Опалы замерцали.

Я не торопила. И ничего не спрашивала — только неотрывно следила за происходящим. Дождалась, когда между пальцев Хэйдена заструится свет, когда он полыхнет ярче и когда Хэйден разожмет ладонь.

В прошлый раз камень стал багряным с видимыми черными вихрями внутри. Сейчас же вихрей не было — только алый цвет. Такой яркий, словно вино в бокале, если смотреть сквозь него на солнце.

— В нем больше нет тьмы, — заговорил Хэйден, не дожидаясь моего вопроса. — А значит, нет сомнений, неуверенности и страхов. Только любовь, Лэйни. Еще более сильная, чем тогда.

— Ты… боялся? — не поверила я.

Хэйден всегда держался скалой, величественной, незыблемой. Казалось, таким, как он, страх неведом.

— Да, моя луна. Я боялся. Боялся собственных чувств, крепнущих так стремительно. Боялся, что я для тебя — лишь шанс на спасение, выход из готовой захлопнуться ловушки. Боялся когда-нибудь встать перед выбором: ты или тайны севера. Но страхов давно нет. Только уверенность: в тебе, в нас, в моих чувствах.

Поднявшись, он в два шага оказался возле меня и присел на корточки. Бережно коснулся моих щек, подался вперед и поцеловал. Поцелуй-нежность, поцелуй-забота, поцелуй-страсть. В

каждом прикосновении столько эмоций, сколько, казалось, нельзя испытать одновременно. Но Хэйден привычно нарушал правила. Удивлял меня. И любил. Любил так, как могут только северные колдуны. Как может только он.

— Мы ведь защитим ее? — спросила я тихо.

— Ее?

Мне на живот скользнула мужская ладонь. Я улыбнулась.

— Мне кажется, будет девочка.

Хэйден улыбнулся в ответ тепло и нежно.

— Конечно, защитим. Я никому не дам в обиду ни тебя, ни наших детей. Вы мой мир, и ради вас я готов бороться хоть с империей, хоть с царством. Лишь с одним бороться я не в силах…

— С чем же?

— С желанием поцеловать тебя, — прошептал он, накрывая мои губы своими.